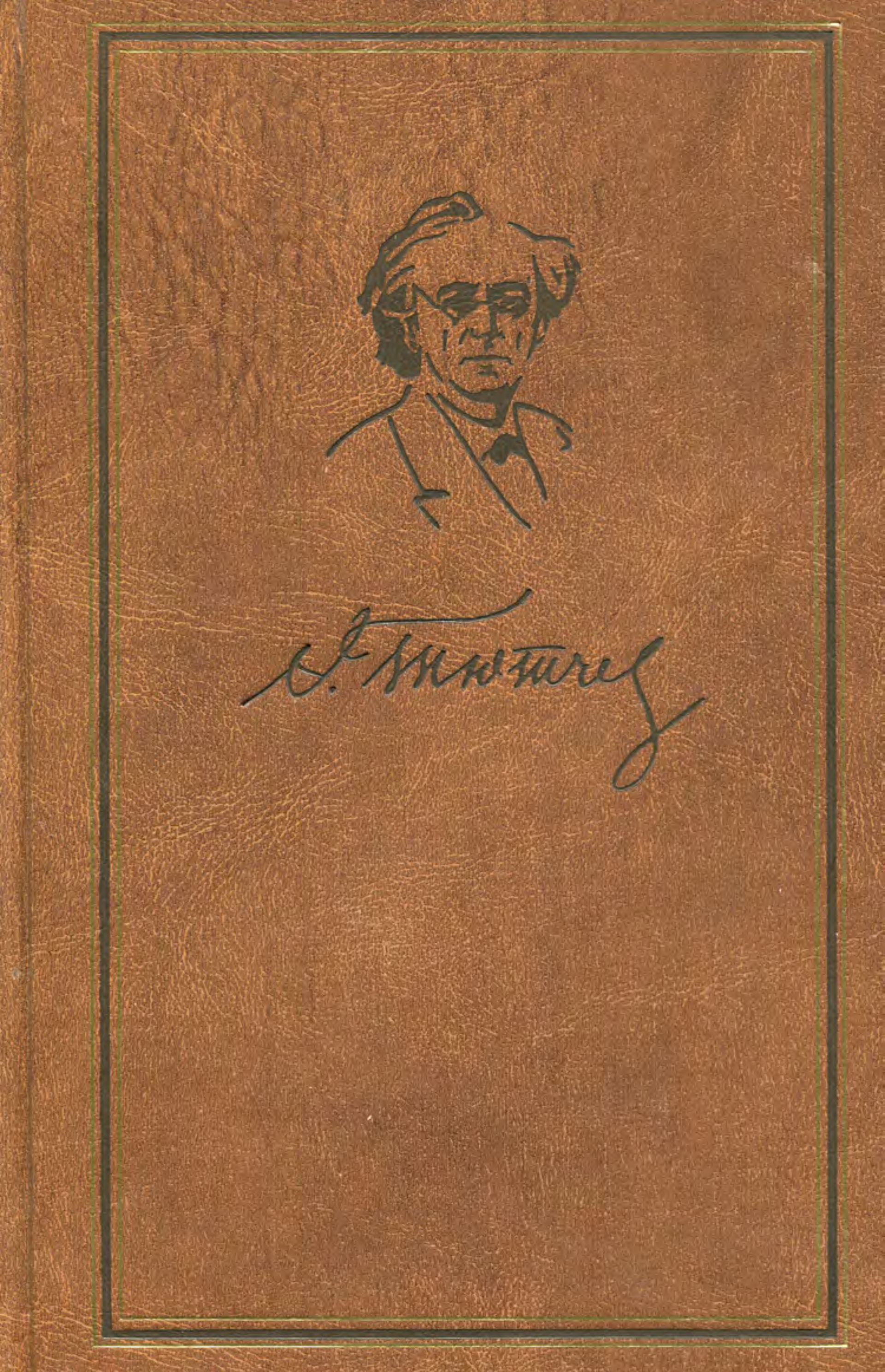

Ф. Тютчев

*К 200-летию
со дня рождения
Ф. И. Тютчева*

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Полное собрание
сочинений и письма
в шести томах

Издательский Центр
«Классика»

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Том первый

Стихотворения
1813–1849

Москва
2002

ББК 84Р1
Т 98

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. М. Горького
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Ответственный редактор тома
Л.Д. Громова-Опульская

Составление, подготовка текстов, комментарии
В.Н. Касаткина

Федеральная программа книгоиздания России

*Издательский проект «Ваш Тютчев»
Международного Пушкинского Фонда «Классика»*

ISBN 5-7735-0129-5

ОТ РЕДАКЦИИ

«Полное собрание сочинений и письма» Федора Ивановича Тютчева (1803–1873) в шести томах — первое научное издание его поэтического, публицистического и эпистолярного наследия. В издании поставлена задача со всей возможной на сегодняшний день полнотой представить читателю многогранное творчество великого русского поэта, яркого публициста, патриота России.

Первые публикации стихотворений Тютчева появились, когда начинающему поэту было всего шестнадцать лет. Однако в дальнейшем печатался он редко. Высоко оценил поэзию Тютчева, судя по воспоминаниям современников, А.С. Пушкин, который поместил в III и IV томах своего «Современника» за 1836 г. двадцать четыре стихотворения жившего и работавшего в то время в Мюнхене автора, скрывшегося за инициалами «Ф. Т.». Пушкин-редактор бережно отнесся к творчеству Тютчева.

Следующая значительная встреча поэта и читателей состоялась восемнадцать лет спустя, также на страницах двух книжек «Современника», ставшего некрасовским. Было опубликовано сто одиннадцать стихотворений Тютчева. Инициатором и редактором этого издания был И.С. Тургенев, назвавший Тютчева «одним из самых замечательных русских поэтов». Однако как редактор Тургенев позволил себе «исправлять» стихи, которые казались ему «бледными и вялыми».

Первым сборником Тютчева были «Стихотворения». СПб., 1854 г. Еще одно прижизненное издание стихотворений Тютчева появилось в 1868 г. (подготовил И.С. Аксаков).

При жизни поэта так и не вышло собрание его сочинений. Сам Тютчев не систематизировал свой архив, часто пренебрегал датировкой стихотворений.

Лишь в 1886 году вышли «Сочинения Ф.И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи». Это издание было подготовлено вдовой поэта Эрн. Ф. Тютчевой и А.Н. Майковым. Следующее собрание сочинений вышло четырнадцать лет спустя. Его инициаторами и авторами предисловия были Дарья Федоровна и Иван Федорович Тютчевы — дочь и сын поэта. Самым распространенным в начале XX в., достигшим «российской глубинки», стало собрание сочинений, изданное в качестве приложения к массовому журналу «Нива», под редакцией П.В. Быкова, с очерком В.Я. Брюсова о жизни и творчестве Тютчева.

Однако ни в одном из перечисленных выше собраний сочинений, ставших важными шагами на пути собирания творческого наследия поэта, утверждения его места и роли в русской литературе, не были представлены его письма. Отрывки из писем вошли в труд И.С. Аксакова «Биография Федора Ивановича Тютчева». В 1898–1899 гг. в печати появились извлечения из писем жене, Эрнестине Федоровне Тютчевой. В 1914–1915 и в 1917 гг. были изданы «Письма Ф.И. Тютчева к его второй жене, урожд. бар. Пфеффель» на французском языке и в переводе на русский.

Со временем изучение эпистолярного наследия Тютчева расширилось и углубилось. Однако и поныне далеко не все письма прочитаны литературоведами. Написанные в подавляющем большинстве своем по-французски, часто очень неразборчивым почерком, они весьма трудны для текстологического анализа и перевода.

Собирание, изучение творческого наследия Тютчева велось в течение всего XX в. Неоднократно издавались его избранные сочинения. Вышедший в 1988–1989 гг. том 97 «Литературного наследства» в двух книгах «Федор Иванович Тютчев», публикации последних десятилетий показали, что полный объем наследия поэта далеко еще не установлен, переводы на русский язык ряда его публицистических произведений архаичны, неточны, а порой даже искажают мысли автора, многие письма переведены с купюрами.

План данного научного издания разработан в Институте мировой литературы РАН при участии Института русской

литературы (Пушкинский Дом) РАН, литературоведов Московского педагогического университета и Литературного института им. А.М. Горького. Шеститомник подготовлен усилиями ведущих специалистов в изучении творчества Ф.И. Тютчева, широкого круга текстологов, публицистов, литературных критиков, переводчиков. Изучены все известные и вновь найденные в архивах сочинения Ф.И. Тютчева и его письма. Прослежена история изданий стихотворений, учтен круг журнальных и газетных публикаций. Российский государственный архив литературы и искусства, отделы рукописей Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН), Российской государственной (Москва) и государственной национальной (Санкт-Петербург) библиотек, архив музея-усадьбы «Мураново» оказали всемерное содействие специалистам в работе над материалами.

Первые два тома настоящего издания включают в себя все известное на сегодняшний день поэтическое наследие Ф.И. Тютчева. Все стихотворения и переводы печатаются в хронологическом порядке. Учтена складывавшаяся в течение более чем полутора веков традиция издания стихотворений Ф.И. Тютчева, к которой были причастны А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, И.С. Аксаков, А.Н. Майков, Г.И. Чулков, К.В. Пигарев и др. Тютчевские тексты заново сверены с автографами, а в случае их отсутствия — с первыми или наиболее авторитетными публикациями. Текстологи стремились к максимальному воссозданию творческой воли поэта, его в высшей степени оригинальной индивидуальности, сохраняя особенности тютчевской манеры оформления стихотворений, его графики и синтаксиса. Кроме самих стихотворений даны все их другие редакции и варианты. Стихотворения, написанные на французском языке, сопровождаются их поэтическими переводами на русский язык. Большая часть переводов (В.А. Костров) сделана заново.

В третий том включены все публицистические произведения Ф.И. Тютчева, написанные как на русском, так и на французском, немецком языках. Публицистические произведения, статьи, написанные автором на иностранных языках, даются и на языке подлинника. Их новые переводы (Б.Н. Тарасов) также подготовлены к настоящему изданию и публикуются впервые.

В четвертом, пятом и шестом томах собрана личная и деловая переписка с родными, друзьями, сослуживцами, официальными лицами. Основной язык писем, которым пользовался Тютчев, французский. Значительная часть писем публикуется впервые и на русском языке и на языках оригинала.

Еще первый биограф Ф.И. Тютчева, его друг и родственник И.С. Аксаков писал: «Письма Тютчева, собранные вместе, стоили бы любого серьезного, многотомного литературного произведения». Эпистолярное наследие поэта представлено в максимально возможном на сегодняшний день объеме и разнообразии.

Каждый том сопровождается обстоятельными комментариями. Издание иллюстрированное. Ряд даггеротипов, акварелей, рисунков, фотографий, автографов публикуются впервые.

Стихотворения
1813–1849

ЛЮБЕЗНОМУ ПАПЕНЬКЕ!

В сей день счастливый нежность сына
Какой бы дар принесть могла!
Букет цветов? — но флора отцвела
И луг поблекнул и долина.
Просить ли мне стихов у муз?
У сердца я спрошусь.
И вот что сердце мне сказало:
В объятьях счастливой семьи
Нежнейший муж, отец благотворитель,
Друг истинный добра и бедных покровитель,
Да в мире протекут драгие дни твои!
Детей и подданных любовью окруженный,
На лицах вкруг себя радость узришь ты.
Так солнце, с горней высоты,
С улыбкой смотрит на цветы,
Его лучами оживленны.

НА НОВЫЙ 1816 ГОД

Уже великое небесное светило,
Лиюще с высоты обилие и свет,
Начертанным путем годичный круг свершило
И в ново поприще в величии грядет! —
И се! Одеянный блистательной Зарею,
Пронзив эфирных стран белеющийся свод,
Слетает с урной роковою
Младый Сын Солнца — Новый Год!..

Предшественник его с лица земли сокрылся,
И по течению вратящихся времен,
Как капля в Океан, он в Вечность погрузился!
Сей Год равно пройдет!.. Устав Небес священ.
О Время! Вечности подвижное зерцало! —
Все рушится, падет под дланию твоей!..
Сокрыт предел твой и начало
От слабых Смертного очей!..

Века рождаются и исчезают снова,
Одно столетие стирается другим;
Что может избежать от гнева Крона злого?
Что может устоять пред Грозным Богом сим?
Пустынный ветр свистит в руинах Вавилона!
Стадятся звери там, где процветал Мемфис!
И вкруг развалин Илиона
Колючи терны обвились!..

А ты, Сын роскоши! о смертный сладострастный,
Беспечна жизнь твоя средь праздности и нег!..
Спокойно катится!.. Но ты забыл, несчастный:
Мы все должны узреть Коцита грозный брег!..

Возвышенный твой Сан, льстецы твои и злато
От смерти не спасут! Ужель ты не видал,
Сколь часто гром огнекрылатый
Разит чело высоких скал?..

И ты еще дерзнул своей рукою жадной
Отъять насущный хлеб у вдов и у сирот;
Изгнать из родины семейство безотрадно!..
Слепец! стезя богатств к погибели ведет!..
Разверзлась пред тобой подземная обитель!
О жертва Тартара! о жертва Евменид,
Блеск пышности твоей, Грабитель!
Богинь сих грозных не пленит!..

Там вечно будешь зреть секиру изощренну,
На тонком волоске висящу над главой;
Покроет плоть твою, всю в язвах изможденну,
Не ткани пурпурны — червей кипящий рой!..
Возложишь не на одр растерзанные члены,
Где б неге льстил твоей приятный мягкий пух,
Но нет — на жупел раскаленный,
И вечный вопль пронзит твой слух!

Но что? сей страшный сонм! сии кровавы тени,
С улыбкой злобною они к тебе спешат!..
Они прияли смерть от варварских гонений!
От них и ожидай за варварство наград! —
Страдай, томись, злодей, ты жертва адской мести! —
Твой гроб забвенный здесь покрыла мурава! —
И навсегда со гласом лести
Умолкла о тебе молва!

* * *

Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб,
Добро иль зло творю — о том не рассуждаю,
Я много отдаю, но мало получаю,
И в имя же свое собой повелеваю,
И если бить хочу кого,
То бью себя я самого.

ДВУМ ДРУЗЬЯМ

В сей день, блаженный день, одна из вас приялa
И добродетели и имя девы той,
Котора споборала
Религии святой;
Другой же бытие Природа даровала.

Она обеих вас на то произвела,
Чтоб ваши чувства и дела
Взаимно счастье составляли
И полу нежному пример бы подавали...

Разлука угнетает вас,
О верные друзья! Настанет вскоре час —
Приятный, сладостный, блаженный час свиданья:
И в излиянии сердец
Вы узрите ее конец
И позабудете минувшие страданья!..

* * *

Пускай от зависти сердца зоилов ноют.
Вольтер! Они тебе вреда не нанесут!..
Питомца своего Пиериды покроют
И *Дивного* во храм бессмертья проведут.

ПОСЛАНИЕ ГОРАЦИЯ К МЕЦЕНАТУ, В КОТОРОМ ПРИГЛАШАЕТ ЕГО К СЕЛЬСКОМУ ОБЕДУ

Приди, желанный гость, краса моя и радость!
Приди, — тебя здесь ждет и кубок круговой,
И розовый венок, и песней нежных сладость!
Возженны не льстеца рукой,
Душистый анемон и крины
Лиют на брашны аромат,
И полные плодов корзины
Твой вкус и зренье усладят.
Приди, муж правоты, народа покровитель,
Отчизны верный сын и строгий друг царев,
Питомец счастливый кастальских чистых дев,
Приди в мою смиренную обитель!
Пусть велелепные столпы,
Громады храмин позлащенны
Прельщают алчный взор несмысленной толпы;
Оставь на время град, в заботах погруженный,
Склонись под тень дубрав; здесь ждет тебя покой.
Под кровом сельского Пената,
Где все красуется, все дышит простотой,
Где чужд холодный блеск и пурпура и злата, —
Там сладок кубок круговой!
Чело, наморщенное думой,
Теряет здесь свой вид угрюмый;
В обители отцов все льет отраду нам!
Уже небесный лев тяжелою стопою
В пределах зноя стал — и пламенной стезею
Течет по светлым небесам!..
В священной рощице Сильвана,
Где мгла таинственна с прохладою слиянна,

Где брезжит сквозь листов дрожащий, тихий свет,
Игривый ручеек едва-едва течет
И шепчет в сумраке с прибрежной осокою;
Здесь в знойные часы, пред рощею густою,
Спит стадо и пастух под сению прохлад,
И в розовых кустах зефиры легки спят.
А ты, Фемиды жрец, защитник беззащитных,
Проводишь дни свои под бременем забот;
И счастье сограждан — благий, достойный плод
Твоих стараний неусыпных! —
Для них желал бы ты познать судьбы предел;
Но строгий властелин земли, небес и ада
Глубокой, вечной тьмой грядущее одел.
Благоговейте, персти чада! —
Как! прах земной объять небесное посмеет?
Дерзнет ли разорвать таинственный покров?
Быстрейший самый ум, смутясь, оцепенеет,
И буйный сей мудрец — посмешище богов! —
Мы можем, странствуя в тернистой·сей пустыне,
Сорвать один цветок, ловить летящий миг;
Грядущее не нам — судьбине;
Так предадим его на произвол благих! —
Что время? Быстрый ток, который в долах мирных,
В брегах, украшенных обильной муравой,
Катит кристалл валов сапфирных;
И по сре́бру зыбей свет солнца золотой
Играет и скользит; но час — и бурный вскоре,
Забыв свои брега, забыв свой мирный ход,
Теряется в обширном море,
В безбрежной пустоте необозримых вод!
Но час — и вдруг нависших бурь громады
Извергли дождь из черных недр;
Поток возвысился, ревет, расторг преграды,
И роет волны ярый ветр!..
Блажен, стократ блажен, кто может в умиленье,
Воззревши на Вождя светил,
Текущего почить в Нептуновы владенья,

Кто может, радостный, сказать себе: *я жил!*
Пусть завтра тучею свинцовой
Всесильный бог громов вкруг ризою багровой
Эфир сгущенный облечет,
Иль снова в небесах рассыплет солнца свет, —
Для смертных все равно; и что крылаты годы
С печального лица земли
В хранилище времен с собою увлекли,
Не пременит того и сам Отец природы.
Сей мир — игралище Фортуны злой.
Она кичливый взор на шар земной бросает
И всей вселенной потрясает
По прихоти слепой!..
Неверная, меня сегодня осенила;
Богатства, почести обильно мне лиет,
Но завтра вдруг простерла крыла,
К другим склоняет свой полет!
Я презрен, — не ропщу, — и, горестный свидетель
И жертва роковой игры,
Ей отдаю ее дары
И облекаюсь в добродетель!..
Пусть бурями увитый Нот
Пучины сланые крутит и воздымает,
И черные холмы морских кипящих вод
С громовой тучею сливает,
И бренных кораблей
Рвет снасти, все крушит в свирепости своей...
Отчизны мирныя покрытый небесами,
Не буду я богов обременять мольбами;
Но дружба и любовь среди житейских волн
Безбедно приведут в пристанище мой челн.

УРАНИЯ

Открылось! — Не мечта ль? Свет новый! Нова сила
Мой дух восторженный, как пламень, облекла!
Кто, отроку, мне дал парение орла! —
Се муз бесценный дар! — се вдохновенья крыла!
Несусь, — и дольный мир исчез передо мной, —
Сей мир, туманною и тесной
Волнений и сует обвитый пеленой, —
Исчез! — Как солнца луч златой,
Коснулся вежд эфир небесный...
И свеял прах земной...
Я зрю превыспренных селения чудесны...
Отсель — отверзшимся таинственным вратам —
Благоволением судьбины
Текут к нам дщери Мнемозины,
Честь, радость и краса народам и векам!..

Безбрежное море лежит под стопами,
И в светлой лазури спокойных валов
С горящими небо пылает звездами,
Как в чистом сердце — лик богов;
Как тихий трепет — ожиданье;
Окрест священное молчанье.

И се! Как луна из-за облак, встает
Урании остров из сребряной пены;
Разлился вокруг немерцающий свет,
Богинь улыбкою рожденный...
Несутся свыше звуки лир;
В очарованьях тонет мир!..

Эфирного тени сложив покрывала
И пояс волшебный всесильных харит,

Здесь образ *Урания* свой восприяла,
И звездный венец на богине горит!
Что нас на земле *мечтою* пленяло,
Как *Истина*, то нам и здесь предстоит!

Токмо здесь, под ясным небосклоном
Прояснится жизни мрачный ток;
Токмо здесь, забытый Аквилоном,
Льется он, и светел и глубок!
Токмо здесь прекрасен жизни гений,
Здесь, где вечны розы чистых наслаждений,
Вечно юн Поэзии венок!..

Как Фарос для душ и умов освященных,
Высоко воздвигнут *Небесныя* храм; —
И *Мудрость* приветствует горним плененных
Вкусить от трапезы питательной там.
Окрест благодатной в зарях златоцветных,
На тронах высоких, в сиянье богов,
Сидят велелепно спасители смертных,
Создатели блага, устройства, градов;
Се *Мир* вечно-юный, златыми цепями
Связавший семейства, народы, царей;
Суд правый с недвижными вечно весами;
Страх божий, хранитель святых алтарей;
И ты, *Благосердие*, скорби отрада!
Ты, *Верность*, на якорь склоненна челом,
Любовь ко отчизне — отчизны ограда,
И хладная *Доблесть* с горящим мечом;
Ты, с светлыми вечно очами, *Терпенье*,
И *Труд*, неуклонный твой врач и клеврет...
Так вышние силы свой держат совет!..

Средь них, вкруг них в святом благоговенье
Свершает по холмам облаковидных гор
　　　　В кругах таинственных теченье
　　　　Наук и знаний светлый хор...
Урания одна, как солнце меж звездами,

Хранит Гармонию и правит их путями:
По манию ее могущего жезла
Из края в край течет благое просвещенье;
Где прежде мрачна ночь была,
Там светозарна дня явленье;

Как звезд река, по небосклону вкруг
Простершися, оно вселенну обнимает
И блага жизни изливает
На Запад, на Восток, на Север и на Юг...
Откройся предо мной, протекших лет вселенна!
Урания, вещай, где первый был твой храм,
Твой трон и твой народ, учитель всем векам? —
Восток таинственный! — Чреда твоя свершенна!..
Твой ранний день протек! Из ближних Солнце врат
Рожденья своего обителью надменно
Исходит и течет, царь томный и сомненный...
Где Вавилоны здесь, где Фивы? — где мой град?
Где славный Персеполь? — где Мемнон, мой глашатай?
Их нет! — Лучи его теряются в степях,
Где скорбно встретит их ловец или оратай,
Бесплодно роющий во пламенных песках;
Или, стыдливые, скользят они печально
По мшистым ребрам пирамид...
Сокройся, бренного величья мрачный вид!..
И солнце в путь стремится дальний:
Эгея на брегах приветственной главой
К нему склонился лавр; и на холмах Эллады
Его алтарь обвил зеленый мирт Паллады;
Его во гимнах звал Певец к себе слепой,
Кони и всадники, вожди и колесницы,
Оставивших Олимп собрание богов;
Удары гибельны Ареевой десницы,
И сладки песни пастухов; —
Рим встал, — и Марсов гром и песни сладкогласны
Стократ на Тибровых раздалися холмах;

И лебедь Мантуи, взрыв Трои пепл злосчастный,
Вознесся и разлил свет вечный на морях!..
Но что сретает взор? — Куда, куда ты скрылась,
Небесная! — Бежит, как бледный в мгле призрак,
Денница света закатилась,
Везде хаос и мрак!
«Нет! вечен свет наук; его не обнимает
Бунтующая мгла; его нетленен плод
И не умрет!..» —
Рекла *Урания* и скиптром помавает,
И бледную, изъязвленну главу
Италия от склеп железных свобождает,
Рвет узы лютых змей, на выю ставши льву!..
Всего начало здесь!.. Земля благословенна,
Долины, недра гор, источники, леса
И ты, Везувий сам! ты, бездна раскаленна,
Природы грозныя ужасная краса!
Все возвратили вы, что в ярости несытой
Неистовый Сатурн укрыть от нас хотел!
Эллады, Рима цвет из пепела исшел!
И солнце потекло вновь в путь свой даровитый!..
Феррарскому Орлу ни грозных боев ряд,
Ни чарования, ни прелести томимы,
Ни полчищ тысячи, ни злобствующий ад
Превыспренних путей нигде не воспретят:
На пламенных крылах принес он в храм Солимы
Победу и венец; —
Там нимфы Тага, там валы Гвадалквивира
Во сретенье текут тебе, младой Певец,
Принесший песни к нам с брегов другого мира; —
Но кто сии два гения стоят?
Как светоносны Серафимы,
Хранители Эдемских врат
И тайн жрецы непостижимых? —
Един с Британских вод, другой с Альпийских гор,
Друг другу подают чудотворящи длани;
Земного чуждые, возносят к небу взор

В огне божественных мечтаний!..
Почто горит лицо морских пучин?
Куда восторженны бегут Тамизы воды?
Что в трепете святом вы, Альпы, Апеннин!..
Благоговей, земля! Склоните слух, народы!
Певцы бессмертные вещают бога вам:
Един, как громов сын, гремит средь вас паденье;
Другой, как благодать, благовестит спасенье
И путь, ведущий к небесам.
И се! среди снегов Полунощи глубокой,
Под блеском хладных зарь, под свистом льдистых вьюг,
Восстал от Холмогор, — как сильный кедр высокой,
Встает, возносится и все объемлет вкруг
Своими крепкими ветвями;
Подъемлясь к облакам, глава его блестит
Бессмертными плодами.
И тамо, где металл блистательный сокрыт,
Там роет землю он глубокими корнями, —
Так Росский Пиндар встал! — взнес руку к небесам,
Да воспретит пылающим громам;
Минервы копием бьет недра он земные —
И истекли сокровища златые;
Он повелительный простер на море взор —
И свет его горит, как Поллюкс и Кастор!..

Певец, на гроб *отца, царя-героя,*
Он лавры свежие склонил,
И дни бесценные блаженства и покоя
Елизаветы озарил!

Тогда, разлившись, свет от северных сияний
Дал отблеск на крутых Аракса берегах;
И гении туда простерли взор и длани,
И Фивы новые зарделися в лучах...
Там, там, в стране денницы,
Возник *Певец Фелицы*!..
Таинственник судеб прорек
Царя-героя в колыбели...
Он с нами днесь! *Он* с неба к нам притек,
Соборы гениев с *ним* царственных слетели;

Престол *его* обстали вкруг;
Над *ним* почиет божий дух!
И музы радостно воспели
Тебя, о царь сердец, на троне Человек!

Твоей всесильною рукою
Закрылись Януса врата!
Ты оградил нас тишиною,
Ты слава наша, красота!
Смиренно к *твоему* склоняяся престолу,
Перуны спят горе и долу.
И здесь, где все — от благости *твоей,*
Здесь паки гений просвещенья,
Блистая светом обновленья,
Блажит своих веселье дней! —
Здесь клятвы он дает священны,
Что постоянный, неизменный,
В своей блестящей высоте,
Монарха следуя заветам и примеру,
Взнесется, опершись на Веру,
К своей Божественной мете.

* * *

Неверные преодолев пучины,
Достиг пловец желанных берегов;
И в пристани, окончив бег пустынный,
С веселостью знакомится он вновь!..
Ужель тогда челнок свой многомощный,
Восторженный, цветами не увьет?..
Под блеском их и зеленью роскошной
Следов не скроет мрачных бурь и вод?..

И ты рассек с отважностью и славой
Моря обширные своим рулем, —
И днесь, о Друг, спокойно, величаво
Влетаешь в пристань с верным торжеством.
Скорей на брег — и Дружеству на лоно
Склони, певец, склони главу свою —
Да ветвию от древа Аполлона
Его Питомца я увью!..

К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседробящею струей,
Как пламень Божий, ниспадали
На чела бедные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

ХАРОН И КАЧЕНОВСКИЙ

Харон. Неужто, брат, из царства ты живых –
Но ты так сух и тощ. Ей-ей, готов
божиться,
Что дух нечистый твой давно в аду томится!

Каченовский. Так, друг Харон. Я сух и тощ от книг...
Притом (что долее таиться?)
Я полон желчи был – отмстителен и зол,
Всю жизнь свою я пробыл спичкой...

ВЕСНА

(Посвящается друзьям)

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухает нам!..
Творенью пир дает природа,
Свиданья пир дает сынам!..

Дух жизни, силы и свободы
Возносит, обвевает нас!..
И радость в душу пролилась,
Как отзыв торжества природы,
Как Бога животворный глас!..

Где вы, Гармонии сыны?..
Сюда!.. и смелыми перстами
Коснитесь дремлющей струны,
Нагретой яркими лучами
Любви, восторга и весны!..

Как в полном, пламенном расцвете,
При первом утра юном свете,
Блистают розы и горят;
Как зефир в радостном полете
Их разливает аромат:

Так, разливайся, жизни сладость,
Певцы!.. за вами по следам!..
Так порхай наша, други, младость
По светлым счастия цветам!..

*

Вам, вам сей бедный дар
признательной любви,

Цветок простой, не благовонный;
Но вы, наставники мои,
Вы примете его с улыбкой благосклонной.
Так слабое дитя, любви своей в залог,
Приносит матери на лоно
В лугу им сорванный цветок!..

А. Н. М.

Нет веры к вымыслам чудесным,
Рассудок все опустошил
И, покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников — их обнажил;
Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливала душу,
Давала тело бестелесным!..

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно без очков!..
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков.

О раб ученой суеты
И скованный своей наукой!
Напрасно, критик, гонишь ты
Их златокрылые мечты;
Поверь — сам опыт в том порукой, —
Чертог волшебный добрых фей
И в сновиденье — веселей,
Чем наяву — томиться скукой
В убогой хижине твоей!..

ГЕКТОР И АНДРОМАХА

(Из Шиллера)

Андромаха

Снова ль, Гектор, мчишься в бурю брани,
Где с булатом в неприступной длани
Мстительный свирепствует Пелид?..
Кто же призрит Гекторова сына,
Кто научит долгу властелина,
Страх к богам в младенце поселит?..

Гектор

Мне ль томиться в тягостном покое?..
Сердце жаждет прохлажденья в бое,
Мести жаждет за Пергам!..
Древняя отцов моих обитель!
Я паду!.. но, родины спаситель,
Сниду весел к Стиксовым брегам!..

Андромаха

Суждено ль мне в сих чертогах славы
Видеть меч твой праздный и заржавый? –
Осужден ли весь Приамов род?..
Скоро там, где нет любви и света, –
Там, где льется сумрачная Лета,
Скоро в ней любовь твоя умрет!..

Гектор

Все души надежды, все порывы,
Все поглотят воды молчаливы, –
Но не Гектора любовь!..
Слышишь?.. Мчатся... Пламя пышет боя!..
Час ударил!.. Сын, супруга, Троя!..
Бесконечна Гектора любовь!..

ОДИНОЧЕСТВО

(Из Ламартина)

Как часто, бросив взор с утесистой вершины,
Сажусь задумчивый в тени древес густой,
И развиваются передо мной
Разнообразные вечерние картины!
Здесь пенится река, долины красота,
И тщетно в мрачну даль за ней стремится око;
Там дремлющая зыбь лазурного пруда
Светлеет в тишине глубокой.
По темной зелени дерев
Зари последний луч еще приметно бродит,
Луна медлительно с полуночи восходит
На колеснице облаков,
И с колокольни одинокой
Разнесся благовест протяжный и глухой;
Прохожий слушает, — и колокол далекий
С последним шумом дня сливает голос свой.
Прекрасен мир! Но восхищенью
В иссохшем сердце места нет!..
По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,
И мертвого согреть бессилен солнца свет.
С холма на холм скользит мой взор унылый
И гаснет медленно в ужасной пустоте;
Но, ах, где стречу то, что б взор остановило?
И счастья нет, при всей природы красоте!..
И вы, мои поля, и рощи, и долины,
Вы мертвы! И от вас дух жизни улетел!
И что мне в вас теперь, бездушные картины!..
Нет в мире одного — и мир весь опустел!
Встает ли день, нощные ль сходят тени, —

2 Зак 6873

И мрак и свет противны мне...
Моя судьба не знает изменений —
И горесть вечная в душевной глубине!
Но долго ль страннику томиться в заточенье?
Когда на лучший мир покину дольний прах,
Тот мир, где нет сирот, где вере исполненье;
Где солнцы истины в нетленных небесах?..
Тогда, быть может, прояснится
Надежд таинственных спасительный предмет,
К чему душа и здесь еще стремится,
И токмо там, в отчизне, обоймет...
Как светло сонмы звезд пылают надо мною,
Живые мысли Божества!
Какая ночь сгустилась над землею,
И как земля, в виду небес, мертва!..
Встают гроза и вихрь и лист крутят пустынный!
И мне, и мне, как мертвому листу,
Пора из жизненной долины, —
Умчите ж, бурные, умчите сироту!..

* * *

«Не дай нам духу празднословья»!
Итак, от нынешнего дня
Ты в силу нашего условья
Молитв не требуй от меня.

ПРОТИВНИКАМ ВИНА

(Яко и вино веселит сердце человека)

1

О, суд людей неправый,
Что пьянствовать грешно!
Велит рассудок здравый
Любить и пить вино.

2

Проклятие и горе
На спорщиков главу!
Я помощь в важном споре
Святую призову.

3

Наш прадед, обольщенный
Женою и змием,
Плод скушал запрещенный
И прогнан поделом.

4

Ну как не согласиться,
Что дед был виноват:
Чем яблоком прельститься,
Имея виноград?

5

Но честь и слава Ною, —
Он вел себя умно,
Рассорился с водою
И взялся за вино.

6

Ни ссоры, ни упреку
Не нажил за бокал.
И часто гроздий соку
В него он подливал.

7

Благие покушенья
Сам Бог благословил —
И в знак благоволенья
Завет с ним заключил.

8

Вдруг с кубком не слюбился
Один из сыновей.
О, изверг! Ной вступился,
И в ад попал злодей.

9

Так станемте ж запоем
Из набожности пить,
Чтоб в божье вместе с Ноем
Святилище вступить.

* * *

На камень жизни роковой
Природою заброшен
Младенец пылкий и живой
Играл — неосторожен,
Но Муза сирого взяла
Под свой покров надежный,
Поэзии разостлала
Ковер под ним роскошный.
Как скоро Музы под крылом
Его созрели годы —
Поэт, избытком чувств влеком,
Предстал во храм Свободы —
Но мрачных жертв не приносил,
Служа ее кумиру, —
Он горсть цветов ей посвятил
И пламенную лиру.
Еще другое божество
Он чтил в младые лета —
Амур резвился вкруг него
И дани брал с Поэта.
Ему на память стрелку дал,
И в сладкие досуги
Он ею повесть начертал
Орфеевой супруги.
И в мире сем — как в царстве снов —
Поэт живет, мечтая —
Он так достиг земных венцов
И так достигнет Рая...
Ум скор и сметлив, верен глаз,
Воображенье — быстро...
А спорил — в жизни только раз —
На Диспуте Магистра.

ПОСЛАНИЕ К А. В. ШЕРЕМЕТЕВУ

Насилу добрый гений твой,
Мой брат по крови и по лени,
Увел тебя под кров родной
От всех маневров и учений,
Казарм, тревог и заточений,
От жизни мирно-боевой.
В кругу своих, в халате, дома,
И с службой согласив покой,
Ты праздный меч повесил свой
В саду героя-агронома.
Но что ж? Ты мог ли на просторе
Мечте любимой изменить?
Ты знаешь, друг, что праздность — горе,
Коль не с кем нам ее делить.
Прими ж мой дружеский совет
(Оракул говорил стихами
И убеждал, бывало, свет):
Между московскими красами
Найти легко, сомненья нет,
Красавицу в пятнадцать лет,
С умом, душою и с душами.
Оставь на время плуг Толстого,
Забудь химеры и чины,
Женись и в полном смысле слова
Будь адъютант своей жены.
Тогда предамся вдохновенью,
Разбудит Музу Гименей,
Своей пожертвую я ленью,
Лишь ты свою преодолей!

ПЕСНЬ РАДОСТИ

(Из Шиллера)

Радость, первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославленья,
Предаем тебе сердца!
Все, что делит прихоть света,
Твой алтарь сближает вновь,
И душа, тобой согрета,
Пьет в лучах твоих любовь!

Хор

В круг единый, Божьи чада!
Ваш Отец глядит на вас!
Свят Его призывный глас,
И верна Его награда!

Кто небес провидел сладость,
Кто любил на сей земли,
В милом взоре черпал радость, –
Радость нашу раздели:
Все, чье сердце сердцу друга
В братской вторило груди;
Кто ж не мог любить, – из круга
Прочь с слезами отойди!..

Хор

Душ родство! о, луч небесный!
Вседержащее звено!
К небесам ведет оно,
Где витает *Неизвестный!*

У грудей благой природы
Все, что дышит, Радость пьет!
Все созданья, все народы
За собой она влечет;
Нам друзей дала в несчастье –
Гроздий сок, венки Харит,
Насекомым – сладострастье,
Ангел – Богу предстоит.

Хор

Что, сердца, благовестите?
Иль Творец сказался вам?
Здесь лишь тени – Солнце там, –
Выше звезд Его ищите!..

Душу Божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит;
Травку выманила к свету,
В солнцы – Хаос развила
И в пространствах – звездочету
Неподвластных – разлила!

Хор

Как миры катятся следом
За вседвижущим перстом,
К нашей цели потечем –
Бодро, как герой к победам.

В ярком истины зерцале
Образ *Твой* очам блестит;
В горьком опыта фиале
Твой алмаз на дне горит.
Ты, как облак прохлажденья,
Нам предходишь средь трудов,
Светишь утром возрожденья
Сквозь расселины гробов!

Хор

Верьте правящей Деснице! —
Наши скорби, слезы, вздох
В ней хранятся, как залог,
И искупятся сторицей!

Кто постигнет Провиденье?
Кто явит стези Его?
В сердце сыщем откровенье,
Сердце скажет Божество!
Прочь вражда с земного круга!
Породнись душа с душой!
Жертвой мести — купим друга,
Пурпур — вретища ценой.

Хор

Мы врагам своим простили,
В книге жизни нет долгов;
Там, в святилище миров,
Судит *Бог*, как *мы* судили!..

Радость грозды наливает,
Радость кубки пламенит,
Сердце дикого смягчает,
Грудь отчаянья живит!
В искрах к небу брызжет пена,
Сердце чувствует полней;
Други, братья — на колена!
Всеблагому кубок сей!..

Хор

Ты, Чья мысль духов родила,
Ты, Чей взор миры зажег!
Пьем Тебе, Великий Бог!
Жизнь миров и душ светило!

Слабым — братскую услугу,
Добрым — братскую любовь,

Верность клятв — врагу и другу,
Долгу в дань — всю сердца кровь!
Гражданина голос смелый
На совет к земным богам;
Торжествуй Святое Дело —
Вечный стыд Его врагам.

Хор

Нашу длань к Твоей, Отец,
Простираем в бесконечность!
Нашим клятвам даруй вечность!
Наши клятвы — гимн сердец!

ДРУЗЬЯМ

при посылке «Песни Радости» — из Шиллера

Что пел Божественный, друзья,
В порыве пламенном свободы...
И в полном чувстве Бытия,
Когда на пиршество Природы
Певец, любимый сын ея,
Сзывал в единый круг народы;
И с восхищенною душей,
Во взорах — луч животворящий,
Из чаши Гения кипящей
Он пил за здравие людей.

И мне ли петь сей Гимн веселый,
От близких сердцу вдалеке,
В неразделяемой тоске, —
Мне ль Радость петь на лире онемелой?
Веселье в ней не сыщет звука,
Его игривая струна
Слезами скорби смочена, —
И порвала ее Разлука!

Но вам, друзья, знакомо вдохновенье!
На краткий миг в сердечном упоенье
Я жребий свой невольно забывал
(Минутное, но сладкое забвенье!),
К протекшему душою улетал
И Радость пел — пока о вас мечтал.

СЛЕЗЫ

O lacrimarum fons...
G r a y*

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов между листами
Благоухающий рубин.

Люблю смотреть, когда созданье
Как бы погружено в весне,
И мир заснул в благоуханье
И улыбается во сне!..

Люблю, когда лицо прекрасной
Весенний воздух пламенит,
То кудрей шелк взвевает сладострастный,
То в ямочки впивается ланит!

Но что все прелести пафосския царицы,
И гроздий сок, и запах роз
Перед тобой, святой источник слез,
Роса божественной денницы!..

Небесный луч играет в них
И, преломясь о капли огневые,
Рисует радуги живые
На тучах жизни громовых.

И только смертного зениц
Ты, ангел слез, дотронешься крылами —
Туман рассеется слезами,
И небо серафимских лиц
Вдруг разовьется пред очами.

* О источник слез... *(лат.)*. Грей *(англ.)*.

К Н.

Твой милый взор, невинной страсти полной —
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог, увы! умилостивить их —
Он служит им укорою безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодеянье,
Как жизни ключ — в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне,
Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горé — духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огнь, как пламень адский, жжет.

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ

(Из Гейне)

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальных пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет, одинока...

* * *

(Из Гейне)

Друг, откройся предо мною —
Ты не призрак ли какой,
Как выводит их порою
Мозг поэта огневой!..

Нет, не верю: этих щечек,
Этих глазок милый свет,
Этот ангельский роточек —
Не создаст сего поэт.

Василиски и Вампиры,
Конь крылат и змий зубаст —
Вот мечты его кумиры, —
Их творить поэт горазд.

Но тебя, твой стан эфирный,
Сих ланит волшебный цвет,
Этот взор лукаво-смирный —
Не создаст сего поэт.

К НИСЕ

Ниса, Ниса, Бог с тобою!
Ты презрела дружний глас,
Ты поклонников толпою
Оградилася от нас.

Равнодушно и беспечно,
Легковерное дитя,
Нашу дань любви сердечной
Ты отвергнула шутя.

Нашу верность променяла
На неверный блеск, пустой, —
Наших чувств тебе, знать, мало,
Ниса, Ниса, Бог с тобой!

ПЕСНЬ СКАНДИНАВСКИХ ВОИНОВ

<Из Гердера>

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
Встрепенулся, —
Дружина, воспрянь!
Вставайте, о други!
Бодрей, бодрей
На пир мечей,
На брань!..

Пред нами наш вождь!
Мужайтесь, о други, —
И вслед за могучим
Ударим грозой!..

Вихрем помчимся
Сквозь тучи и гром
К солнцу победы
Вслед за орлом!..

Где битва мрачнее, воители чаще,
Где срослися щиты, где сплелися мечи,
Туда он ударит — перун вседробящий —
И след огнезвездный и кровью горящий
Пророет дружине в железной ночи.

За ним, за ним — в ряды врагов.
Смелей, друзья, за ним!..
Как груды скал, как море льдов —

Прорвем их и стесним!..
Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
Встрепенулся —
Дружина, воспрянь!..

Не кубок кипящий душистого меда
Румяное утро героям вручит;
Не сладостных жен любовь и беседа
Вам душу согреет и жизнь оживит;
Но вас, обновленных прохладою сна, —
Кровавыя битвы подымет волна!..
Дружина, воспрянь!..
Смерть иль победа!..
На брань!..

ПРОБЛЕСК

Слыхал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полуночь, ненароком,
Дремавших струн встревожен сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшися, потух!

Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: Ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло.

Но, ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон,

И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, –

И отягченною главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

САКОНТАЛА

(Из Гёте)

Что юный год дает цветам —
Их девственный румянец;
Что зрелый год дает плодам —
Их царственный багрянец;
Что нежит взор и веселит,
Как перл, в морях цветущий;
Что греет душу и живит,
Как нектар всемогущий:
Весь цвет сокровищниц мечты,
Весь полный цвет творенья,
И, словом, небо красоты
В лучах воображенья, —
Все, все Поэзия слила
В тебе одной — *Саконтала́*.

ВЕЧЕР

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон —
Как шорох стаи журавлиной,
И в шуме листьев замер он...

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень!..

14-ое ДЕКАБРЯ 1825

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память для потомства,
Как труп в земле, схоронена.

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ

(Из Байрона)

Как медлит путника вниманье
    На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
    Руки знакомой начертанье!..

Чрез много, много лет оно
    Напомнит им о прежнем друге:
«Его — нет боле в вашем круге;
    Но сердце здесь погребено!..»

* * *

(Из Гейне)

Как порою светлый месяц
Выплывает из-за туч –
Так, один, в ночи былого
Светит мне отрадный луч.

Все на палубе сидели –
Вдоль по Реину неслись,
Зеленеющие бреги
Перед нами раздались.

И у ног прелестной дамы
Я в раздумии сидел,
И на милом, бледном лике
Тихий вечер пламенел.

Дети пели, в бубны били,
Шуму не было конца –
И лазурней стало небо,
И просторнее сердца.

Сновиденьем пролетали
Горы, замки на горах –
И светились, отражаясь,
В милых спутницы очах.

CACHE-CACHE*

Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?

О! кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась Сильфида моя?..
Волшебную близость, как бы благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне послышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах!
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

---

* Игра в прятки *(фр.)*.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые!
Вот дождик брызнул, пыль летит...
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит...

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Все вторит весело громам...

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила!

К N. N.

Ты любишь, ты притворствовать умеешь –
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей,
Ты мне ответ даешь и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж –
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет: он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с твоих младых ланит –
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть в тени, как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой!

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

Весенней негой утомлен,
Вдался я в сладкое забвенье:
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье.

Безмолвно в сумраке ночном
Ходило лунное сиянье,
И ночи зыбкое молчанье
Едва струилось ветерком.

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И между тем, какой-то Гений
Из области цветущей Дня
Стезею тайной Сновидений
В страну Теней увел меня.

УТРО В ГОРАХ

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, —
И задымилася гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи.

И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —

Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

3 Зак 6873

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река –
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет –
И Сам теперь великий Пан
В пещере нимф спокойно дремлет.

МОГИЛА НАПОЛЕОНА

Душой весны природа ожила,
И блещет все в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весною разогретом...

Давно ль умолк Перун его побед,
И гул от них стоит доселе в мире...
. . . .
. . . .
И ум людей великой тенью полн,
А тень его, одна, на бреге диком,
Чужда всему, внимает шуму волн
И тешится морских пернатых криком...

* * *

<Из Мандзони>

Высокого предчувствия
Порывы и томленье,
Души, господства жаждущей,
Кипящее стремленье
И замыслов событие
Несбыточных, как сон, —

Все испытал он! — счастие,
Победу, заточенье,
И все судьбы пристрастие,
И все ожесточенье! —
Два раза брошен был во прах
И два раза на трон!..

Явился: два столетия
В борении жестоком,
Его узрев, смирились вдруг,
Как пред всесильным Роком,
Он повелел умолкнуть им
И сел меж них судьей!

Исчез — и в ссылке довершил
Свой век неимоверный —
Предмет безмерной зависти
И жалости безмерной,
Предмет вражды неистовой,
Преданности слепой!..

Как над главою тонущих
Растет громадой пенной
Сперва игравший ими вал —

И берег вожделенный
Вотще очам трепещущим
Казавший свысока, —

Так память над душой его,
Скопившись, тяготела!..
Как часто высказать себя
Душа сия хотела,
И, обомлев, на лист начатый
Вдруг падала рука!

Как часто пред кончиной дня —
Дня безотрадной муки, —
Потупив молнии очей,
Крестом сложивши руки,
Стоял он — и минувшее
Овладевало им!..

Он зрел в уме подвижные
Шатры, равнины боев,
Рядов пехоты длинный блеск,
Потоки конных строев,
Железный мир и дышащий
Велением одним!..

О, под толиким бременем
В нем сердце истомилось
И дух упал... Но сильная
К нему Рука спустилась —
И к небу, милосердая,
Его приподняла!..

ВИДЕНИЕ

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес!

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат Боги снах!

ОЛЕГОВ ЩИТ

1

«Аллах! пролей на нас твой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров лицемерных!
Пророк твой — Магомет!..»

2

«О наша крепость и оплот!
Великий Бог! веди нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
Свой избранный народ!..»

Глухая полночь! Все молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.

ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I

<С немецкого>

О Николай, *народов победитель,*
Ты имя оправдал свое! Ты победил!
Ты, Господом воздвигнутый воитель,
Неистовство врагов его смирил...
Настал конец жестоких испытаний,
Настал конец неизреченных мук.
Ликуйте, христиане!
Ваш Бог, Бог милости и браней,
Исторг кровавый скиптр из нечестивых рук.

Тебе, тебе, послу его велений —
Кому сам Бог вручил свой страшный меч, —
Известь народ его из смертной тени
И вековую цепь навек рассечь.
Над избранной, о царь, твоей главою
Как солнце просияла благодать!
Бледнея пред тобою,
Луна покрылась тьмою —
Владычеству Корана не восстать...

Твой гневный глас послыша в отдаленье,
Содроглися Османовы врата:
Твоей руки одно лишь мановенье —
И в прах падут к подножию Креста.
Сверши свой труд, сверши людей спасенье.
Реки: «Да будет свет» — и будет свет!
Довольно крови, слез пролитых,
Довольно жен, детей избитых,
Довольно над Христом ругался Магомет!..
Твоя душа мирской не жаждет славы,

Не на земное устремлен твой взор.
Но Тот, о царь, кем держатся державы,
Врагам твоим изрек их приговор...
Он Сам от них лицо свое отводит,
Их злую власть давно подмыла кровь,
Над их главою ангел смерти бродит,
Стамбул исходит —
Константинополь воскресает вновь...

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас!

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих;

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали;

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

БАЙРОН

(Отрывок)

1

Войди со мной — пуста сия обитель,
Сего жилища одичали Боги,
Давно остыл алтарь их — и без смены
На страже здесь молчанье — на пороге
Не встретит нас с приветствием служитель,
На голос наш откликнутся лишь стены.
Зачем, о сын Камены
Любимейший, — ты, наделенный даром
Неугасимо-пламенного Слова,
Зачем бежал ты собственного крова,
Зачем ты изменил отцовским Ларам?
Ах, и куда, безвременно почивший,
Умчал тебя сей Вихрь, тебя носивший!..

2

Так некогда здесь был жилец могучий,
Здесь песнями дышал он — и дыханье
Не ветерка в черемухе душистой
Казалося игривое журчанье —
Нет — песнь его грозней гремящей тучи,
Как Божий Гнев, то мрачный, то огнистый,
Неслась по тверди мглистой, —
Вдруг над зеленой нивой или садом
Невыцветшим заклепы расторгала,
И мрак, и лед, и пламень извергала,
Огнем палила, бороздила градом, —
Местами лишь, где туча разрывалась,
Лазурь небес прелестно улыбалась!

3

Духов, гласят, неистовое пенье
Внимающих безумьем поражало, —
Так и его, как неземная Сила,
Все пропасти душевные взрывало,
На самом дне будило преступленье, —
Дыханье замирало, сердце ныло,
И нечто грудь теснило,
Как бы кругом воздушный слой, редея,
Земную кровь сосал из нашей жилы,
И нам в борьбе недоставало силы
Стряхнуть с себя господство чародея,
Пока он сам, как бы для посмеянья,
Своим жезлом не рушил обаянья!

4

И мудрено ль, что память о Высоком
Невольной грустью душу осенила!..
Не лебедем ты создан был Судьбою,
Купающим в волне румяной крыла,
Когда закат пылает над потоком
И он плывет, любуясь сам собою,
Между двойной зарею, —
Ты был Орел — и со скалы родимой,
Где свил гнездо — и в нем, как в колыбели,
Тебя качали бури и метели,
Во глубь небес нырял, неутомимый,
Над морем и землей парил высоко,
Но трупов лишь твое искало око!..

5

Злосчастный Дух! Как в зареве пожара
Твое кроваво-тусклое зерцало,
Блестящее в роскошном, свежем цвете,
И мир и жизнь так дико отражало!..
С печатью на челе святого дара

И скиптром власти в неземном Совете
Любил ты в мутном свете
Земную жизнь виденьями тревожить!..
В тебе самом, как бы в иносказанье,
Для нас воскресло грозное преданье,
Но распознать наш взор тебя не может —
Титан ли ты, чье сердце снедью Врана,
Иль сам ты Вран, терзающий Титана?..

6

Своих отцов покинул он обитель,
Где тени их скитаются безмолвны,
Где милые осталися залоги.
И как весь день метет крылами волны
Морская птица, скал пустынных житель, —
Так и ему по жизненной дороге
Пройти судили Боги,
Нигде не встретив мирной, светлой кущи!
И тщетно он, в борьбе с людьми, с собою,
Рвался схватить земное счастье с бою.
Над ним был Рок, враждебный, всемогущий!
Всходил за ним на снежные вершины,
Спускался в дол, переплывал пучины!..

7

То мчится Бард, беглец родного края,
Навстречу солнца, по стихии бурной,
Где Лиссабон, на жарком небе рдея,
Златым венцом объял залив лазурный, —
Там, где земля горит, благоухая,
И где плоды, на пыльных ветвях зрея,
Душистей и свежее, —
Тебя потом он огласил приветом,
Страна любви, геройства, приключений,
Где и поднесь их сладкопевный Гений
Как бы волшебным обвевает светом
Узорчатой Альгамбры колоннады
Иль рощи благовонные Гренады!..

8

То совершитель тризны благочестной,
Теней погибших окруженный роем,
Равнину ту обходит он с тоскою,
Где жребий мира выпал славным боем,
Где был судим сей Страшный Суд железный!..
Сия земля, клейменная Судьбою,
Под чуткою стопою
Дрожит еще невольно и поныне,
Как тундра крови, — здесь, в мученьях страшных,
Притоптаны ряды сердец отважных,
И слоем лег их пепел по равнине, —
Враждебные, они затихли вместе,
Те с жаждою, те в упоенье мести!..

9

Но дале Бард — и видит пред собою
Гроздоносящий вечно-юный Реин —
И там и сям, на выси виноградной,
Мелькает замок, и поднесь обвеян
Волшебной былью, мглисто-золотою!..
И вот, вдали, сияющий и хладный,
Возник титан громадный —
Швейцария!.. Там мир как за оградой,
Звучит рожок, поют вольней потоки,
В горах, как в чаще, озера глубоки,
Свет на холмах, в долинах тень с прохладой
И надо всем вершины ледяные,
То бледные, то огненно-живые!..

10

Потом с высот, где, разлучаясь, воды
В широкие, полдневные равнины,
Как бы на пир, стремят свое теченье,
Отколь не раз, как льдистые лавины,
Полночные срывалися народы, —
В Италию, родимое владенье,

Он сводит вдохновенье.
Небесный Дух сей край чудес обходит,
Высокий лавр и темный мирт колышет,
Под сводами чертогов светлых дышит,
С цветущих персей запах роз уводит
И шевелит прозрачной пеленою
Над дремлющей в руинах стариною!..

11

Но на Восток цветущий и пустынный
Влекло певца всесильное пристрастье,
В любимый край его воображенья!..
Сей мир насильства, лени, сладострастья
Он зрел еще перед его кончиной —
Где обнялись в роскошном запустенье
И жизнь и разрушенье —
И дружески цвели в вечернем свете
Вершины гор, где жил разбой веселый,
Там, за скалой, пирата парус белый,
Здесь рог луны, горящий на мечети,
И чистые остатки Парфенона
На девственном румянце небосклона.

12

Но ты расторг союз сего творенья,
Дух вольности, бессмертная Стихия!
И бой вспылал Отчаяния с Силой!..
Кровь полилась, как воды ключевые,
В ночи Земля пила их без зазренья,
Лишь Зарево, как светоч над могилой,
Горй над ней светило, —
И скоро ли — то провиденье знает —
Взойдет заря и бурный мрак развеет!..
Но юный день с любовью да светлеет
На месте том, где дух певца витает,
Где в сумраке болезненной надежды
Сомкнула смерть его земные вежды!..

13

Певец угас пред жертвенником брани!..
Но песнь его нигде не умолкала, —
Хоть из груди, истерзанной страстями,
Она нередко кровью вытекала,
Волшебный жезл не выпадал из длани,
Но двигал он лишь адскими Властями!..
В распре с небесами
Высокая Божественность мученья
Была ему загадкою враждебной.
И, упиваясь чашею врачебной,
Отравы жаждал он, не исцеленья, —
Вперенные в подземный ужас очи
Он отвращал от звездной славы Ночи!..

14

Таков он был, могучий, величавый,
Восторженный хулитель Мирозданья!.
Но зависти ль удел его достоин?..
Родительским добром существованья
Он приобрел даруемое славой!
Но был ли он сим демоном присвоен,
Иль счастлив, иль спокоен?..
Сиянье звезд, Денницы луч веселый
Души его, где вихри бушевали,
Лишь изредка угрюмость провевали.
Он стихнул днесь, вулкан перегорелый.
И позднее бессмертия светило
С ночных небес глядит в него уныло!..

ВОПРОСЫ

(Из Гейне)

Над морем, диким полуночным морем
Муж-юноша стоит —
В груди тоска, в уме сомненья —
И, сумрачный, он вопрошает волны:
«О, разрешите мне загадку жизни,
Мучительно-старинную загадку,
Над коей сотни, тысячи голов,
В египетских, халдейских шапках,
Гиероглифами ушитых,
В чалмах, и митрах, и скуфьях,
И с париками и обритых —
Тьмы бедных человеческих голов
Кружилися, и сохли, и потели —
Скажите мне, что значит человек?
Откуда он, куда идет,
И кто живет над звездным сводом?»
По-прежнему шумят и ропщут волны,
И дует ветр, и гонит тучи,
И звезды светят холодно и ясно —
Глупец стоит — и ждет ответа!

* * *

За нашим веком мы идем,
Как шла Креуза за Энеем:
Пройдем немного — ослабеем,
Убавим шагу — отстаем.

ПРИВЕТСТВИЕ ДУХА

(Из Гёте)

На старой башне, у реки,
Дух Рыцаря стоит —
И, лишь завидит челноки,
Приветом их дарит:

«Кипела кровь и в сей груди,
Кулак был из свинца,
И богатырский мозг в кости,
И кубок до конца!

Пробушевал полжизни я,
Другую проволок —
А ты плыви, плыви, ладья,
Куда несет поток!»

* * *

(Из Гётева «Западо-Восточного Дивана»)

Запад, Норд и Юг в крушенье,
Троны, царства в разрушенье,
На Восток укройся дальный,
Воздух пить патриархальный!..
В играх, песнях, пированье
Обнови существованье!..

Там проникну, в сокровенных,
До истоков потаенных
Первородных поколений,
Гласу Божиих велений
Непосредственно внимавших
И ума не надрывавших!..

Память праотцев святивших,
Иноземию противших, —
Где во всем хранилась мера,
Мысль — тесна, пространна — Вера,
Слово — в силе и почтенье,
Как живое откровенье!..

То у пастырей под кущей,
То в оазиси цветущей
С караваном отдохну я,
Ароматами торгуя:
Из пустыни в поселенья
Исслежу все направленья.

Песни Гафица святые
Усладят стези крутые:

Их Вожатый голосистый,
Распевая в тверди чистой,
В позднем небе звезды будит
И шаги верблюдов нудит.

То упьюся в банях ленью,
Верен Гафица ученью:
Дева-друг фату бросает,
Амвру с кудрей отрясает, —
И поэта сладкопевность
В девах райских будит ревность!..

И сие высокомерье
Не вменяйте в суеверье;
Знайте: все слова Поэта
Легким роем, жадным света,
У дверей стучатся Рая,
Дар бессмертья вымоляя!..

ИЗ WILHELM MEISTER

(Гёте)

<I>

Кто с хлебом слез своих не ел,
Кто в жизни целыми ночами
На ложе, плача, не сидел —
Тот не знаком с Небесными Властями.

Они нас в бытие манят —
Заводят слабость в преступленья —
И после муками казнят:
Нет на Земле проступка без отмщенья!

<II>

Кто хочет миру чуждым быть,
Тот скоро будет чужд!
Ах, людям есть кого любить, —
Что им до наших нужд!

Так! что вам до меня?
Что вам беда моя?
Она лишь про меня, —
С ней не расстанусь я!

Как крадется к милой любовник тайком:
«Откликнись, друг милый, одна ль?»
Так бродит ночию и днем
Кругом меня тоска,
Кругом меня печаль!..
Ах, разве лишь в гробу
От них укрыться мне —
В гробу, в земле сырой —
Там бросят и оне!

ПЕВЕЦ

(Из Гёте)

«Что там за звуки пред крыльцом,
За гласы пред вратами?..
В высоком тереме моем
Раздайся песнь пред нами!..»
Король сказал, и паж бежит,
Вернулся паж, король гласит:
«Скорей впустите старца!..»

«Хвала вам, витязи, и честь,
Вам, дамы, обожанья!..
Как звезды в небе перечесть!
Кто знает их названья!..
Хоть взор манит сей рай чудес,
Закройся взор — не время здесь
Вас праздно тешить, очи!»

Седой певец глаза смежил
И в струны грянул живо —
У смелых взор смелей горит,
У жен — поник стыдливо...
Пленился царь его игрой
И шлет за цепью золотой —
Почтить певца седого!..

«Златой мне цепи не давай,
Награды сей не стою,
Ее ты рыцарям отдай,
Бесстрашным среди бою;
Отдай ее своим дьякам,
Прибавь к их прочим тяготам
Сие златое бремя!..

На Божьей воле я пою,
Как птичка в поднебесье,
Не чая мзды за песнь свою —
Мне песнь сама возмездье!..
Просил бы милости одной,
Вели мне кубок золотой
Вином наполнить светлым!»

Он кубок взял и осушил
И слово молвил с жаром:
«Тот дом Сам Бог благословил,
Где это — скудным даром!..
Свою вам милость Он пошли
И вас утешь на сей земли,
Как я утешен вами!..»

* * *

(Из Гейне)

Закралась в сердце грусть — и смутно
Я вспомянул о старине —
Тогда все было так уютно
И люди жили как во сне...

А нынче мир весь как распался:
Все кверху дном, все сбились с ног —
Господь-Бог на небе скончался,
И в аде Сатана издох.

Живут как нехотя на свете,
Везде брюзга, везде раскол, —
Не будь крохи любви в предмете,
Давно б из мира вон ушел.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

(Из Гейне)

Надежда и любовь, все, все погибло!..
И сам я, бледный, обнаженный труп,
Изверженный сердитым морем,
Лежу на берегу,
На диком, голом берегу!..
Передо мной — пустыня водяная,
За мной лежит и горе и беда —
А надо мной бредут лениво тучи,
Уродливые дщери неба!..
Они в туманные сосуды
Морскую черпают волну,
И с ношей вдаль, усталые, влекутся,
И снова выливают в море!..
Нерадостный и бесконечный труд!..
И суетный, как жизнь моя!..
Волна шумит, морская птица стонет!
Минувшее повеяло мне в душу —
Былые сны, потухшие виденья,
Мучительно-отрадные встают!

Живет на Севере жена!..
Прелестный образ, царственно-прекрасный!
Ее, как пальма, стройный стан
Обхвачен белой, сладострастной тканью,
Кудрей роскошных темная волна,
Как ночь богов блаженных, льется
С увенчанной косами головы!
И в легких кольцах тихо веет
Вкруг бледного умильного лица,

И из умильно-бледного лица
Отверсто-пламенное Око
Как черное сияет Солнце!..
  О черно-пламенное солнце,
О, сколько, сколько раз в лучах твоих
Я пил восторга дикий пламень,
И пил, и млел, и трепетал, —
И с кротостью небесно-голубиной
Твои уста улыбка обвевала,
И гордо-милые уста
Дышали тихими, как лунный свет, речами
И сладкими, как запах роз...
И Дух во мне, оживши, воскрылялся
И к Солнцу, как орел, парил...
  Молчите, птицы, не шумите, волны,
Все, все погибло, счастье и надежда,
Надежда и любовь!.. Я здесь, один, —
На дикий брег заброшенный грозою,
Лежу простерт — и рдеющим лицом
Сырой песок морской пучины рою!..

* * *

<Из «Путевых картин» Гейне>

«Прекрасный будет день», — сказал товарищ,
Взглянув на небо из окна повозки. —
Так, день прекрасный будет, — повторило
За ним мое молящееся сердце
И вздрогнуло от грусти и блаженства!..
Прекрасный будет день! Свободы солнце
Живей и жарче будет греть, чем ныне
Аристократия светил ночных!
И расцветет счастливейшее племя,
Зачатое в объятьях произвольных,
Не на одре железном принужденья,
Под строгим, под таможенным надзором
Духовных приставов, — и в сих душах
Вольнорожденных вспыхнет смело
Чистейший огнь идей и чувствований —
Для нас, рабов природных, непостижный!

Ах, и для них равно непостижима
Та будет ночь, в которой их отцы
Всю жизнь насквозь томились безотрадно
И бой вели отчаянный, жестокий,
Противу гнусных сов и ларв подземных,
Чудовищных Ерева порождений!..
Злосчастные бойцы, все силы духа,
Всю сердца кровь в бою мы истощили —
И бледных, преждевременно одряхших
Нас озарит победы поздний День!..
Младого Солнца свежее бессмертье
Не оживит сердец изнеможенных,

Ланит потухших снова не зажжет!
Мы скроемся пред ним, как бледный месяц!

Так думал я и вышел из повозки
И с утренней усердною молитвой
Ступил на прах, Бессмертьем освященный!..

Как под высоким триумфальным сводом
Громадных облаков всходило Солнце,
Победоносно, смело и светло,
Прекрасный день природе возвещая.
Но мне при виде сем так грустно было,
Как месяцу, еще заметной тенью
Бледневшему на небе. — Бедный месяц!
В глухую полночь, одиноко, сиро,
Он совершил свой горемычный путь,
Когда весь мир дремал — и пировали
Одни лишь совы, призраки, разбой;
И днесь пред юным днем, грядущим в славе,
С звучащими веселием лучами
И пурпурной разлитою зарей,
Он прочь бежит... еще одно воззренье
На пышное всемирное светило —
И легким паром с неба улетит.

Не знаю я и не ищу предвидеть,
Что мне готовит Муза! Лавр поэта
Почтит иль нет мой памятник надгробный?
Поэзия Душе моей была
Младенчески-Божественной игрушкой —
И суд чужой меня тревожил мало.
Но меч, друзья, на гроб мой положите!
Я воин был! я ратник был свободы,
И верою и правдой ей служил
Всю жизнь мою в ее священной брани!

* * *

<Из «Федры» Расина>

Едва мы вышли из Трезенских врат,
Он сел на колесницу, окруженный
Своею, как он сам, безмолвной стражей.
Микенскою дорогой ехал он,
Отдав коням в раздумии бразды.
Сии живые, пламенные кони,
Столь гордые в обычном их пылу,
Днесь, с головой поникшей, мрачны, тихи,
Казалося, согласовались с ним.
Вдруг из морских пучин исшедший крик
Смутил кругом воздушное молчанье,
И в ту ж минуту страшный некий голос
Из-под Земли ответствует стенаньем.
В груди у всех оледенела кровь,
И дыбом стала чутких тварей грива.
Но вот, белея над равниной влажной,
Подъялся вал, как снежная гора, —
Возрос, приблизился, о брег расшибся
И выкинул чудовищного зверя.
Чело его ополчено рогами,
Хребет покрыт желтистой чешуей.
Ужасный Вол, неистовый Дракон,
В бесчисленных изгибах вышел он.
Брег, зыблясь, стонет от его рыканья;
День, негодуя, светит на него;
Земля подвиглась; вал, его извергший,
Как бы объятый страхом, хлынул вспять.
Все скрылося, ища спасенья в бегстве, —
Лишь Ипполит, героя истый сын,

Лишь Ипполит, боязни недоступный,
Остановил коней, схватил копье
И, меткою направив сталь рукою,
Глубокой язвой зверя поразил.
Взревело чудо, боль копья почуя,
Беснуясь, пало под ноги коням
И, роя землю, из кровавой пасти
Их обдало и смрадом и огнем!
Страх обуял коней — они помчались,
Не слушаясь ни гласа, ни вожжей, —
Напрасно с ними борется Возница,
Они летят, багря удила пеной:
Бог некий, говорят, своим трезубцем
Их подстрекал в дымящиеся бедра...
Летят по камням, дебрям... ось трещит
И лопнула... Бесстрашный Ипполит
С изломанной, разбитой колесницы
На землю пал, опутанный вожжами, —
Прости слезам моим!... сей вид плачевный
Бессмертных слез причиной будет мне!
Я зрел, увы! как сына твоего
Влекли, в крови, им вскормленные кони!
Он кличет их... но их пугает клик —
Бегут, летят с истерзанным Возницей.
За ним вослед стремлюся я со стражей, —
Кровь свежая стезю нам указует.
На камнях кровь... на терниях колючих
Клоки волос кровавые повисли...
Наш дикий вопль равнину оглашает!
Но наконец неистовых коней
Смирился пыл... они остановились
Вблизи тех мест, где прадедов твоих
Прах царственный в гробах почиет древних!..
Я прибежал, зову... с усильем тяжким
Он, вежды приподняв, мне подал руку:
«Всевышних власть мой век во цвете губит.
Друг, не оставь Ариции моей!

Когда ж настанет день, что мой Родитель,
Рассеяв мрак ужасной клеветы,
В невинности сыновней убедится,
О, в утешенье сетующей тени,
Да облегчит он узнице своей
Удел ее!.. Да возвратит он ей...»
При сих словах Героя жизнь угасла,
И на руках моих, его державших,
Остался труп, свирепо искаженный,
Как знаменье богов ужасной кары,
Не распознаемый и для отцовских глаз!

СРЕДСТВО И ЦЕЛЬ

Стяжать венок от вас не мечу,
Но ваши похвалы люблю,
Коль на пути своем их встречу.

*

Балласт хотя не назначает,
Куда и как плыть караблю,
Но ход его он облегчает.

ЗАВЕТНЫЙ КУБОК

(Из Гёте)

Был царь, как мало их ныне, —
По смерть он верен был:
От милой, при кончине,
Он кубок получил.

Ценил его высоко
И часто осушал, —
В нем сердце сильно билось,
Лишь кубок в руки брал.

Когда ж сей мир покинуть
Пришел его черед,
Он делит все наследство, —
Но кубка не дает.

И в замок, что над морем,
Друзей своих созвал —
И с ними на прощанье,
Там сидя, пировал.

В последний раз упился
Он влагой огневой,
Над бездной наклонился
И в море — кубок свой...

На дно пал кубок морское, —
Он пал, пропал из глаз,
Забилось ретивое —
Царь пил в последний раз!..

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

(Из Гёте)

Вы мне жалки, звезды-горемыки!
Так прекрасны, так светло горите,
Мореходцу светите охотно,
Без возмездья от богов и смертных!
Вы не знаете любви и ввек не знали!
Неудержно вас уводят Оры
Сквозь ночную беспредельность неба.
О! какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятьях милой
Вас и полночь сладко забываю!

* * *

<Из «Фауста» Гёте>

I

Звучит, как древле, пред тобою
Светило дня в строю планет
И предначертанной стезею,
Гремя, свершает свой полет!
Ему дивятся Серафимы,
Но кто досель Его постиг!
Как в первый день непостижимы
Дела, Всевышний, Рук твоих!

И быстро, с быстротой чудесной
Кругом вратится шар земной,
Меняя тихий Свет небесный
С глубокой Ночи темнотой.
Морская хлябь гремит валами
И роет каменный свой брег,
И бездну вод с ее скалами
Земли уносит быстрый бег!

И беспрерывно бури воют
И землю с края в край метут,
И зыбь гнетут, и воздух роют,
И цепь таинственную вьют.
Вспылал предтеча-истребитель,
Сорвавшись с тучи, грянул гром,
Но мы во свете, Вседержитель,
Твой хвалим день и мир поем.
Тебе дивятся Серафимы!
Тебе гремит небес хвала!

Как в первый день, непостижимы,
Господь! руки твоей Дела!

II

«Кто звал меня?» —
«О страшный вид!»
— «Ты сильным и упрямым чаром
Мой круг волшебный грыз недаром —
И днесь...» —
«Твой взор меня мертвит!»

— «Не ты ль молил, как исступленный,
Да узришь лик и глас услышишь мой?
Склонился я на клич упорный твой —
И се предстал!.. Какой же Страх презренный
Вдруг овладел, титан, твоей душой?..
Та ль эта грудь, чья творческая Сила
Мир целый создала, взлелеяла, взрастила
И в упоении отваги неземной,
С неутомимым напряженьем
До нас, Духов, возвыситься рвалась?
Ты ль это, Фауст? И твой ли был то глас,
Теснившийся ко мне с отчаянным моленьем?
Ты — Фауст? Сей бедный, беспомощный прах,
Проникнутый насквозь моим вдхновеньем,
Во всех души своей дрожащей глубинах?..»
— «Не удручай сим пламенным презреньем
Главы моей! — не склонишь ты ея!
Так, Фауст Я! Дух, как ты! твой равный Я!..»
— «Событий бурю и вал судеб,
Вращаю я,
Вздвигаю я,
Вею здесь, вею там, и высок и глубок!
Смерть и Рожденье, Воля и Рок,
Волны в боренье —
Стихии во пренье —
Жизнь в измененье —
Вечный единый поток!..

Так шумит на стану моем ткань роковая,
И Богу прядется риза живая!..»
— «Каким сродством неодолимым,
Бессмертный Дух! Влечешь меня к себе!»
— «Лишь естеством, тобою постижимым,
Подобен ты — не мне!..»

III

Чего вы от меня хотите,
Чего в пыли вы ищете моей,
Святые гласы, там звучите,
Там, где сердца и чище и нежней.
Я слышу весть — но Веры нет для ней!
О, Вера, Вера, мать чудес родная,
Дерзну ли взор туда поднять,
Откуда весть летит благая!
Ах, но к нему с младенчества привычный,
Сей звук родимый, звук владычный,
Он к бытию манит меня опять!
Небес, бывало, лобызанье
Срывалось на меня в воскресной тишине,
Святых колоколов я слышал содроганье
В моей душевной глубине,
И сладостью живой была молитва мне!
Порыв души в союзе с небесами
Меня в леса и долы уводил —
И, обливаясь теплыми слезами,
Я новый мир себе творил.
Про игры юности веселой,
Про светлую весну благовестил сей глас —
Ах, и в торжественный сей час
Воспоминанье их мне душу одолело!
Звучите ж, гласы, вторься, гимн святой!
Слеза бежит! Земля, я снова твой!

IV

Зачем губить в унынии пустом
Сего часа благое достоянье?

Смотри, как хижины с их зеленью кругом
Осыпало вечернее сиянье.
День пережит — и к небесам иным
Светило дня несет животворенье.
О, где крыло, чтоб взвиться вслед за ним,
Прильнуть к его лучам, следить его теченье?
У ног моих лежит прекрасный мир
И, вечно вечереющий, смеется —
Все выси в зареве, во всех долинах мир,
Сребристый ключ в златые реки льется.
Над цепью диких гор, лесистых стран
Полет богоподобный веет,
И уж вдали открылся и светлеет
С заливами своими океан.
Но светлый бог главу в пучины клонит —
И вдруг крыла таинственная мощь
Вновь ожила и вслед за уходящим гонит,
И вновь душа в потоках света тонет.
Передо мною день, за мною нощь.
В ногах равнина вод и небо над главою.
Прелестный сон... и суетный — прости!
К крылам души, парящим над землею,
Не скоро нам телесные найти.
Но сей порыв, сие и ввыспрь и вдаль стремленье,
Оно природное внушенье,
У всех людей оно в груди —
И оживает в нас порою,
Когда весной, над нашей головою,
Из облаков песнь жавронка звенит,
Когда над крутизной лесистой
Орел, ширяяся, парит,
Поверх озер иль степи чистой
Журавль на родину спешит.

V

Державный Дух! ты дал мне, дал мне все,
О чем молил я! Не вотще ко мне

Склонил в лучах сияющий свой лик!
Дал всю природу во владенье мне
И вразумил ее любить. Ты дал мне
Не гостем праздно-изумленным быть
На пиршестве у ней, но допустил
Во глубину груди ее проникнуть,
Как в сердце друга! Земнородных строй
Провел передо мной и научил —
В дуброве ль, в воздухе, иль в лоне вод —
В них братий познавать и их любить!
Когда ж в бору скрыпит и свищет буря,
Ель-великан дерев соседних с треском
Крушит в паденье ветви, глухо гул
Встает окрест и, зыблясь, стонет холм,
Ты в мирную ведешь меня пещеру,
И самого меня являешь ты
Очам души моей — и мир ее,
Чудесный мир, разоблачаешь мне!
Подымется ль, всеуслаждая, месяц
В сиянье кротком, и ко мне летят
С утеса гор, с увлажненного бора,
Сребристые веков минувших тени
И строгую утеху созерцанья
Таинственным влияньем умиляют!

* * *

(Из Шекспира)

<I. «Любовники, безумцы и поэты...»>

<II. Песня>

I

Любовники, безумцы и поэты
Из одного воображенья слиты!..
Тот зрит бесов, каких и в аде нет
(Безумец то есть); сей, равно безумный,
Любовник страстный, видит, очарован,
Елены красоту в цыганке смуглой.
Поэта око в светлом исступленье,
Круговращаясь, блещет и скользит
На Землю с Неба, на Небо с Земли —
И, лишь создаст воображенье виды
Существ неведомых, поэта жезл
Их претворяет в лица и дает
Теням воздушным местность и названье!..

II

Песня

Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолев,
Бедный пахарь опочил.

Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван провещал.

Все кладбища, сей порой,
Из зияющих гробов,
В сумрак месяца сырой
Высылают мертвецов!..

* * *

Ты зрел его в кругу большого света —
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум,
Таков поэт — и ты презрел поэта!

На месяц взглянь: весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог, —
Настала Ночь — и, светозарный Бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

* * *

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече —
Душа моя! о, не вини меня!..

Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный,
Наступит Ночь — и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

ЛЕБЕДЬ

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнце свет.

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией Божество.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

* * *

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

КОНЬ МОРСКОЙ

О рьяный Конь, о Конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смирный, ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле –
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег
И — в брызги разлетишься!..

* * *

<Из «Эрнани» В. Гюго>

Великий Карл, прости! — Великий, незабвенный,
Не сим бы голосом тревожить эти стены —
И твой бессмертный прах смущать, о исполин,
Жужжанием страстей, живущих миг один!
Сей европейский мир, руки твоей созданье,
Как он велик, сей мир! Какое обладанье!..
С двумя избранными вождями над собой —
И весь багрянородный сонм — под их стопой!..
Все прочие державы, власти и владенья —
Дары наследия, случайности рожденья, —
Но папу, кесаря сам Бог земле дает,
И Промысл через них нас случаем блюдет.
Так соглашает он устройство и свободу!
Вы все, позорищем служащие народу,
Вы, курфюрсты, вы, кардиналы, сейм, синклит,
Вы все ничто! Господь решит, Господь велит!..
Родись в народе мысль, зачатая веками,
Сперва растет в тени и шевелит сердцами —
Вдруг воплотилася и увлекла народ!..
Князья куют ей цепь и зажимают рот,
Но день ее настал, — и смело, величаво
Она вступила в сейм, явилась средь конклава,
И, с скипетром в руках иль митрой на челе,
Пригнула все главы венчанные к земле...
Так папа с кесарем всесильны — все земное
Лишь ими и чрез них. Так таинство живое
Явило небо их земле, — и целый мир —
Народы и цари — им отдан был на пир!..
Их воля строит мир и зданье замыкает,

Творит и рушит. — Сей решит, тот рассекает.
Сей Истина, тот Сила — в них самих
Верховный их закон, другого нет для них!..
Когда из алтаря они исходят оба —
Тот в пурпуре, а сей в одежде белой гроба,
Мир, цепенея, зрит в сиянье торжества
Сию чету, сии две полы божества!..
И быть одним из них, одним! О, посрамленье
Не быть им!.. и в груди питать сие стремленье!
О, как, как счастлив был почивший в сем гробу
Герой! Какую Бог послал ему судьбу!
Какой удел! и что ж? Его сия могила.
Так вот куда идет — увы! — все то, что было
Законодатель, вождь, правитель и герой,
Гигант, все времена превысивший главой,
Как тот, кто в жизни был Европы всей владыкой,
Чье титло было кесарь, имя Карл Великий,
Из славимых имен славнейшее поднесь,
Велик — велик, как мир, — а все вместилось здесь!
Ищи ж владычества и взвесь пригоршни пыли
Того, кто все имел, чью власть как Божью чтили.
Наполни грохотом всю землю, строй, возвысь
Свой столп до облаков, все выше, высь на высь —
Хотя б бессмертных звезд твоя коснулась слава,
Но вот ее предел!.. О царство, о держава,
О, что вы? все равно — не власти ль жажду я?
Мне тайный глас сулит: твоя она — моя —
О, если бы моя! Свершится ль предвещанье
Стоять на высоте и замыкать созданье,
На высоте — один — меж небом и землей
И видеть целый мир в уступах под собой:
Сперва цари, потом — на степенях различных —
Старейшины домов удельных и владычных,
Там доги, герцоги, церковные князья,
Там рыцарских чинов священная семья,
Там духовенство, рать, — а там, в дали туманной,
На самом дне — народ, несчетный, неустанный,

Пучина, вал морской, терзающий свой брег,
Стозвучный гул, крик, вопль, порою горький смех,
Таинственная жизнь, бессмертное движенье,
Где, что ни брось во глубь, и все они в движенье —
Зерцало грозное для совести царей
Жерло, где гибнет трон, всплывает мавзолей!
О, сколько тайн для нас в твоих пределах темных!
О, сколько царств на дне — как остовы огромных
Судов, свободную теснивших глубину,
Но ты дохнул на них — и груз пошел ко дну!
И мой весь этот мир, и я схвачу без страха
Мироправленья жезл! Кто я? Исчадье праха!

* * *

Душа хотела б быть звездой;
        Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
        Глядят на сонный мир земной, —

Но днем, когда, сокрытые как дымом
        Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
        В эфире чистом и незримом.

ДВУМ СЕСТРАМ

Обеих вас я видел вместе —
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж прелесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!..

И все, как в зеркале волшебном,
Все обозначилося вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!..

* * *

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает,
И огнь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает —

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом,
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..

О Небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле —
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас!

СТРАННИК

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..

Сей дивный мир, их рук созданье,
С разнообразием своим,
Лежит развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...

Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, —
Ему отверста вся Земля —
Он видит все и славит Бога!..

* * *

Здесь, где так вяло свод небесный
На Землю тощую глядит, —
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит!..

Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

БЕЗУМИЕ

Там, где с Землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, —
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет...

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках...

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой Земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе...

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных Вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из Земли исход!..

УСПОКОЕНИЕ

Гроза прошла — еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный —
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной —
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалася,
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.

ЦИЦЕРОН

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так!.. но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавой!..

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

SILENTIUM![*]

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь —
Взрывая, возмутишь ключи,
Питайся ими — и молчи...

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум —
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи —
Внимай их пенью — и молчи!..

[*] Молчание! *(лат.)*.

* * *

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня все было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная Земля —
Все на душу раздумье наводило...

Я вспомнил о былом печальной сей земли —
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору...

И, глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы, — мыслил я, — пришли издалека,
Вы, сверстники сего былого...»

Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с брегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос
Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной, —
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчание хранит...

* * *

Песок сыпучий по колени...
Мы едем — поздно — меркнет день —
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста...

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветр порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья!..

ЛИСТЬЯ

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят —
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.

Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Все красное лето
Мы были в красе —
Играли с лучами,
Купались в росе!..

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели —
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей,

Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

АЛЬПЫ

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят —
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят —
Властью некой обаянны,
До восшествия Зари
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари!..

Но Восток лишь заалеет,
Чарам гибельным конец —
Первый в небе просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блестит в венцах из злата
Вся воскресшая Семья!..

5 Зак 6873

MAL'ARIA*

Люблю сей Божий гнев! Люблю сие, незримо
Во всем разлитое, таинственное Зло —
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах и в самом небе Рима.
Все та ж высокая, безоблачная твердь,
Все так же грудь твоя легко и сладко дышит —
Все тот же теплый ветр верхи дерев колышет —
Все тот же запах роз, и это все есть Смерть!..

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цвета и голоса,
Предвестники для нас последнего часа
И усладители последней нашей муки —
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою свой образ прикрывает,
Да утаит от них приход ужасный свой!..

* Зараженный воздух *(ит.)*.

* * *

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздымалась грудь ее волною —
Алели щеки, как заря,
Все жарче рдея и горя!
И вдруг, как Солнце молодое,
Любви признанье золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!..

* * *

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет, и звук немеет
В оцепененье ледяном, —
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всесильный хлад не может:
Она все льется — и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя, —
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот —
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот!

* * *

О чем ты воешь, ветр ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо-жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой
Про древний Хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди,
Под ними Хаос шевелится!..

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят —

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед».

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!

* * *

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Звонче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Жизни некий преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?..

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

* * *

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою!
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет
И, на солнце нежась, блещет
И смеется над тобой...

* * *

Вечер мглистый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час,
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..

* * *

И гроб опущен уж в могилу,
И все столпилося вокруг...
Толкутся, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...

И над могилою раскрытой
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор, сановитый,
Речь погребальную гласит...

Вещает бренность человечью,
Грехопаденье, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

* * *

Восток белел... Ладья катилась,
Ветрило весело звучало...
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...

Восток алел... Она молилась,
С кудрей откинув покрывало, —
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликовало...

Восток вспылал... Она склонилась...
Блестящая поникла выя —
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...

* * *

Как птичка, раннею зарей
Мир, пробудившись, встрепенулся...
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся...
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня...
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век,
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!
Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

К***

Уста с улыбкою приветной,
Румянец девственных ланит
И взор твой светлый, искрометный —
Все к наслаждению манит...
Ах! этот взор, пылая страстью,
Любовь на легких крыльях шлет
И некою волшебной властью
Сердца в чудесный плен влечет.

* * *

Душа моя, Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам годины буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных!

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

* * *

Над виноградными холмами
Плывут златые облака.
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река —
Взор, постепенно из долины
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный, светлый Храм.

Там в горнем, неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет.
Туда взлетая, звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна —
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных Тишина.

* * *

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля.
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я —
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..

Весь день в бездействии глубоком
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить,
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набресть на свежий дух синели
Или на светлую мечту?

* * *

Как дочь родную на закланье
Агамемнон богам принес,
Прося попутных бурь дыханья
У негодующих небес, —
Так мы над горестной Варшавой
Удар свершили роковой,
Да купим сей ценой кровавой
России целость и покой!

Но прочь от нас венец бесславья,
Сплетенный рабскою рукой!
Не за коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой!
Нет! нас одушевляло в бое
Не чревобесие меча,
Не зверство янычар ручное
И не покорность палача!

Другая мысль, другая вера
У русских билася в груди!
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.

Сие-то высшее сознанье
Вело наш доблестный народ —
Путей небесных оправданье
Он смело на себя берет.

Он чует над своей главою
Звезду в незримой высоте
И неуклонно за звездою
Спешит к таинственной мете!

Ты ж, братскою стрелой пронзенный,
Судеб свершая приговор,
Ты пал, орел одноплеменный,
На очистительный костер!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нем.

* * *

«Все бешеней буря, все злее и злей,
Ты крепче прижмися к груди моей».
— «О милый, милый, небес не гневи,
Ах, время ли думать о грешной любви!»
— «Мне сладок сей бури порывистый глас,
На ложе любви он баюкает нас».
— «О вспомни про море, про бедных пловцов,
Господь милосердный, будь бедным покров!»
— «Пусть там, на раздолье, гуляет волна,
В сей мирный приют не ворвется она».
— «О милый, умолкни, о милый, молчи,
Ты знаешь, кто на море в этой ночи?!»
И голос стенящий дрожал на устах,
И оба, недвижны, молчали впотьмах.
Гроза приутихла, ветер затих,
Лишь маятник слышен часов стенных —
Но оба, недвижны, молчали впотьмах,
Над ними лежал таинственный страх...
Вдруг с треском ужасным рассыпался гром,
И дрогнул в основах потрясшийся дом.
Вопль детский раздался, отчаян и дик,
И кинулась мать на младенческий крик.
Но в детский покой лишь вбежала она,
Вдруг грянулась об пол, всех чувств лишена.
Под молнийным блеском, раздвинувшим мглу,
Тень мужа над люлькой сидела в углу!

ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНИЕ

О, не кладите меня
В землю сырую:
Скройте, заройте меня
В траву густую!..
Пускай дыханье ветерка
Шевелит травою —
Свирель поет издалека,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною...

* * *

На древе человечества высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!

С его великою душою
Созвучней всех на нем ты трепетал!
Пророчески беседовал с грозою
Иль весело с зефирами играл!

Не поздний вихрь, не бурный ливень летний
Тебя сорвал с родимого сучка:
Был многих краше, многих долголетней,
И сам собою пал, как из венка!

PROBLÈME*

С горы скатившись, камень лег в долине —
Как он упал? никто не знает ныне —
Сорвался ль он с вершины сам собой,
Иль был низринут волею *чужой!..*
Столетье за столетьем пронеслося,
Никто еще не разрешил вопроса...

* Проблема *(фр.)*.

СОН НА МОРЕ

И море и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн —
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне,
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликалися ветры и пели валы —
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой...
В лучах огневицы развил он свой мир —
Земля зеленела, светился эфир...
Сады-лавиринфы, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы —
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц...
По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижный сиял...
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов...

* * *

<Из Беранже>

Пришлося кончить жизнь в овраге:
Я слаб и стар — нет сил терпеть!
«Пьет, верно», — скажут о бродяге, —
Лишь бы не вздумали жалеть!
Те, уходя, пожмут плечами,
Те бросят гривну бедняку!
Счастливый путь, друзья! Бог с вами!
Я и без вас мой кончить век могу!

Насилу годы одолели,
Знать, люди с голода не мрут.
Авось, — я думал, — на постели
Они хоть умереть дадут.
Но их больницы и остроги —
Все полно! Силой не войдешь!
Ты вскормлен на большой дороге —
Где жил и рос <?>, старик, там и умрешь.

Я к мастерам ходил сначала,
Хотел кормиться ремеслом.
«С нас и самих работы мало!
Бери суму, да бей челом».
К вам, богачи, я потащился,
Грыз кости с вашего стола,
Со псами вашими делился, —
Но я, бедняк, вам не желаю зла.

Я мог бы красть, я — Ир убогой,
Но стыд мне руки оковал;
Лишь иногда большой дорогой

Я дикий плод с дерев сбивал...
За то, что нищ был, между вами
Век осужден на сиротство...
Не раз сидел я за замками,
Но солнца свет — кто продал вам его?
Что мне до вас и вашей славы,
Торговли, вольностей, побед?
Вы все передо мной неправы —
Для нищего отчизны нет!
Когда пришелец вооруженный
Наш пышный город полонил,
Глупец, я плакал, раздраженный,
Я клял врага, а враг меня кормил!

Зачем меня не раздавили,
Как ядовитый гад какой?
Или зачем не научили —
Увы! — полезной быть пчелой!
Из ваших, смертные, объятий
Я был извержен с первых <лет>,
Я в вас благословил бы братий, —
Днесь при смерти бродяга вас клянет!

* * *

(Из Гейне)

В которую из двух влюбиться
Моей судьбой мне суждено?
Прекрасна дочь и мать прекрасна,
Различно милы, но равно.

Неопытно-младые члены
Как сладко ум тревожат мой! —
Но гениальных взоров прелесть
Всесильна над моей душой.

В раздумье, хлопая ушами,
Стою, как Буриданов друг
Меж двух стогов стоял, глазея:
Который лакомей из двух?..

АРФА СКАЛЬДА

О арфа скальда! Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоем углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженной во сне.

Какой он жизнью на тебя дохнул?
Иль старину тебе он вспомянул —
Как по ночам здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев,
Иль в сих цветущих и поднесь садах
Их легких ног скользил незримый шаг?

* * *

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? Собравшися в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, —

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

* * *

Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!

Знакомый звук нам ветр принес:
Любви последнее прости...
За нами много, много слез,
Туман, безвестность впереди!..

«О, оглянися, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать?..
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?

Любовь осталась за тобой,
В слезах, с отчаяньем в груди...
О, сжалься над своей тоской,
Свое блаженство пощади!

Блаженство стольких, стольких дней
Себе на память приведи...
Все милое душе твоей
Ты покидаешь на пути!..»

Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час.
Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.

Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!

* * *

Как сладко дремлет сад темнозеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!..

Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музыки дальной слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит...

На мир дневной спустилася завеса,
Изнемогло движенье, труд уснул...
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный, еженочный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в Хаосе ночном?..

* * *

Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши —
Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

* * *

Какое дикое ущелье!
Ко мне навстречу ключ бежит —
Он в дол спешит на новоселье...
Я лезу вверх, где ель стоит.

Вот взобрался я на вершину,
Сижу здесь радостен и тих...
Ты к людям, ключ, спешишь в долину —
Попробуй, каково у них!

Иван Николаевич Тютчев — отец поэта.
1801. *Худ. Ф. Кюнель*

Екатерина Львовна Тютчева — мать поэта.
Конец XVIII — начало XIX в. *Неизв. худ.*

6 Зак. 6873

Герб рода Тютчевых. 1802

Федор Иванович Тютчев. 1805–1806 гг.
Неизв. худ.

Детское стихотворение Тютчева «Любезному папеньке!»
Список рукой матери поэта Е.Л. Тютчевой. 1813–1814.
Листок бумаги с надписью ее же рукой: «Мерка Фединькина росту»,
и шнурок-мерка

Овстуг. Дорога на мельницу. 1861. *Рис. О. Петерсона*

Москва. Вид башни Кутафьи, части Александровского сада и Троицких ворот. 1856. *Худ. Д. Струков*

Федор Иванович Тютчев.
Конец 1810-х гг. *Неизв. худ.*

Автографы стихотворений: Silentium! *(слева)*;
«Зима недаром злится...» *(справа)*;
«О чем ты воешь, ветр ночной?..» *(внизу)*

Вид старого и нового зданий Московского университета.
1860. *Худ. А. Феррари*

Петербург. Коллегия иностранных дел.
1830-е гг. *Неизв. худ.*

Автографы стихотворений *(сверху вниз)*:
«Душа моя, Элизиум теней...»;
Problème

* * *

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он —
И вот ушел за небосклон.

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земли!..

7 Зак. 6873

* * *

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край:
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка в даль глядит,
Стояла ты, младая Фея,
На мшистый опершись гранит, —

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

* * *

Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи...

Там-то, бают, в стары годы,
По лазуревым ночам,
Фей вилися хороводы
Под водой и по водам;

Месяц слушал, волны пели,
И, навесясь с гор крутых,
Замки рыцарей глядели
С сладким ужасом на них.

И лучами неземными,
Заключен и одинок,
Перемигивался с ними
С древней башни огонек.

Звезды с неба им внимали,
Проходя за строем строй,
И беседу продолжали
Тихомолком меж собой.

В панцирь дедовский закован,
Воин-сторож на стене
Слышал, тайно очарован,
Дальний гул, как бы во сне.

Чуть дремотой забывался,
Гул яснел и грохотал...

Он с молитвой просыпался
И дозор свой продолжал.

Все прошло, все взяли годы —
Поддался и ты судьбе,
О Дунай, и пароходы
Нынче рыщут по тебе.

* * *

Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
Сквозь слез гляжу...
С тоскою мыслю о былом
И слов в унынии моем
Не нахожу.

Былое было ли когда?
Что ныне — будет ли всегда?..
Оно пройдет —
Пройдет оно, как все прошло,
И канет в темное жерло
За годом год.

За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
Сей злак земной!..
Он быстро, быстро вянет — так,
Но с новым летом новый злак
И лист иной.

И снова будет все, что есть,
И снова розы будут цвесть,
И терны тож...
Но ты, мой бедный, бедный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
Не расцветешь!

Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской,
То знает Бог!..
Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
Последний вздох.

* * *

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И все засуетилось,
Все нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит:
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

ФОНТАН

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной –
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты...

* * *

Яркий снег сиял в долине —
Снег растаял и ушел;
Вешний злак блестит в долине —
Злак увянет и уйдет.

Но который век белеет
Там, на высях снеговых?
А заря и ныне сеет
Розы свежие на них!..

* * *

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик...
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах!
Для них и солнцы, знать, не дышат
И жизни нет в морских волнах!

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,

В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы, души в нем не встревожит
И голос матери самой!

* * *

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебль колышет,
И елей ветви шевелит —
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редеющего сна
Весну послышала она
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

* * *

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе —

Мужайся, сердце, до конца —
И нет в творении Творца!
И смысла нет в мольбе!

* * *

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огнь желанья.

* * *

Вчера, в мечтах обвороженных,
С последним месяца лучом
На веждах, томно озаренных,
Ты поздним позабылась сном...

Утихло вкруг тебя молчанье,
И тень нахмурилась темней,
И груди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней...

Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной,
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой...

Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдруг что-то порхнуло в окно...

Вот невидимкой пробежало
По темно брезжущим коврам,
Вот, ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям —

Вот, словно змейка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента, развеваясь,
Меж пологами развилось...

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным, громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих!

29-ое ЯНВАРЯ 1837

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он высшею рукою
В *«цареубийцы»* заклеймен.

Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.

И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил —
И осененный опочил
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

1-ое ДЕКАБРЯ 1837

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости...
Прости всему, чем сердце жило —
Что, жизнь твою убив, ее испепелило
В твоей измученной груди!..

Прости... Чрез много, много лет —
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет —
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет...

* * *

С какою негою, с какой тоской влюбленной
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем!

Вдруг, от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...
Но скоро добрый сон, младенчески-беспечный,
Сходил на шелк твоих ресниц —

И на руки к нему глава твоя склонялась,
И матери нежней тебя лелеял он...
Стон замирал в устах... дыханье уравнялось —
И тих и сладок был твой сон.

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась,
Иль в сон иной бы перешла.

* * *

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,
Я зрел тебя лицом к лицу —
И ты, как бог разоблаченный,
Доступен был мне, пришлецу?..
Давно ль — хотя без восхищенья,
Но новых чувств недаром полн —
И я заслушивался пенья
Великих Средиземных волн?

Но песнь их, как во *время оно*,
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла...
Они все те же и поныне —
Все так же блещут и звучат —
По их лазоревой равнине
Святые призраки скользят.

Но я, я с вами распростился —
Я вновь на Север увлечен...
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон...
Здесь воздух колет... Снег обильный
На высотах и в глубине —
И холод, чародей всесильный,
Один здесь царствует вполне.

Но там, за этим царством вьюги,
Там, там, на рубеже земли,
На золотом, на светлом Юге,
Еще я вижу вас вдали —

Вы блещете еще прекрасней,
Еще лазурней и свежей —
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей!

ИТАЛЬЯНСКАЯ VILLA*

И распростясь с тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь, —
Блаженной тенью, тенью элисейской,
Она заснула в добрый час.

И вот уж века два тому иль боле —
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.

Но небо здесь к земле так благосклонно!..
И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно —
Не тронувши ее крылом своим.

По-прежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок,
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она... и сон ее глубок!..

В мы вошли... все было так спокойно —
Так все от века мирно и темно...
Фонтан журчал... Недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно...

. . . .

Вдруг все смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал, —
Фонтан замолк — и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал.

Что это, друг? Иль злая жизнь недаром,
Та жизнь, — увы! — что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?

* Вилла *(ит.)*.

* * *

Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижною средою
Деля, не съединяет их?

* * *

Nous avons pu tous deux, fatigués du voyage,
Nous asseoir un instant sur le bord du chemin —
Et sentir sur nos fronts flotter le même ombrage,
Et porter nos regards vers l'horizon lointain.

Mais le temps suit son cours et sa pente inflexible
A bientôt séparé ce qu'il avait uni, —
Et l'homme, sous le fouet d'un pouvoir invisible,
S'enfonce, triste et seul, dans l'espace infini.

Et maintenant, ami, de ces heures passées,
De cette vie à deux, que nous est-il resté?
Un regard, un accent, des débris de pensées. —
Hélas, ce qui n'est plus a-t-il jamais été?

ВЕСНА

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины,
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены —
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле,
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею —
О том не ведает она:
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея,
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет,
Благоухающие слезы
Не о былом аврора льет —

И страх кончины неизбежной
Не свеет с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

ДЕНЬ И НОЧЬ

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День — сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла, и с мира рокового
Ткань благодатную покрова
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

* * *

Не верь, не верь поэту, дева;
Его своим ты не зови —
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.

Поэт всесилен, как стихия —
Не властен лишь в себе самом:
Невольно кудри молодые
Он обожжет своим венцом.

Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ...
Он не змиею сердце жалит,
Но, как пчела, его сосет.

Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком — жизнь задушит
Иль унесет за облака.

* * *

Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, Поэта —
Не искушай его мечты...

Всю жизнь в толпе людей затерян,
Порой доступен их страстям —
Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.

Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив —
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив...

Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет —
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины блеснет,

И человеческим сознаньем
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты —

О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен —
Пускай любить он не умеет,
Боготворить умеет он...

К ГАНКЕ

Advertisement placeholder removed

Вековать ли нам в разлуке?
Не пора ль очнуться нам?
И простерть друг другу руки —
К нашим кровным и друзьям?..

Веки мы слепцами были —
И, как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы...

А случалось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь,
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь...

И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло:
Не одно погибло племя
Иль в чужбину отошло...

Иноверец, иноземец
Нас раздвинул, разломил —
Тех обезъязычил немец,
Этих — турок осрамил...

Вот, среди сей ночи темной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблий муж рукою скромной
Засветил маяк впотьмах —

О, какими вдруг лучами
Озарились все края!..

Обличилась перед нами
Вся Славянская Земля!..

Горы, степи и поморья
День чудесный облистал, —
От Невы до Черногорья,
От Карпатов за Урал...

Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой Золотоглавой
Вышеград заговорил...

И родного Слова звуки
Вновь понятны стали нам...
Наяву увидят внуки,
То, что снилося отцам...

<П р и п и с к а>

Так взывал я, так гласил я.
Тридцать лет с тех пор ушло —
Все упорнее усилья,
Все назойливее зло.

Ты, стоящий днесь пред Богом,
Правды муж, святая тень,
Будь вся жизнь твоя залогом,
Что придет желанный день.

За твое же постоянство
В нескончаемой борьбе
Первый праздник *Всеславянства*
Приношеньем будь тебе.

ЗНАМЯ И СЛОВО

В кровавую бурю, сквозь бранное пламя,
Предтеча спасенья — русское Знамя
К бессмертной победе тебя провело.
Так диво ль, что в память союза святого
За Знаменем русским и русское Слово
К тебе, как родное к родному, пришло?

ОТ РУССКОГО ПО ПРОЧТЕНИИ ОТРЫВКОВ ИЗ ЛЕКЦИЙ г-на МИЦКЕВИЧА

Небесный царь, благослови
Твои благие начинанья —
Муж несомненного призванья,
Муж примиряющей любви...

Недаром ветхие одежды
Ты бодро с плеч своих совлек.
Бог победил — прозрели вежды.
Ты был Поэт — ты стал Пророк...

Мы чуем приближенье Света —
И вдохновенный твой Глагол,
Как вестник Нового завета,
Весь Мир Славянский обошел...

Мы чуем Свет — уж близко Время —
Последний сокрушен оплот, —
Воспрянь, разрозненное племя,
Совокупись в один Народ —

Воспрянь — не Польша, не Россия —
Воспрянь, Славянская Семья! —
И, отряхнувши сон, впервые —
Промолви слово: «Это я!» —

Ты ж, сверхъестественно умевший
В себе вражду уврачевать, —
Да над душою просветлевшей
Почиет Божья Благодать!

* * *

Que l'homme est peu réel, qu'aisément il s'efface! —
Présent, si peu de chose, et rien quand il est loin.
Sa présence, ce n'est qu'un point, —
Et son absence — tout l'espace.

* * *

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное —
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.

Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странах, где солнце греет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив...

О Север, Север-Чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый Юг...

8 Зак 6873

КОЛУМБ

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший смело
И доверишивший наконец
Миросоздания неконченное дело,
Ты завесу расторг божественной рукой –
И новый мир, неведомый, нежданный,
Из беспредельности туманной
На Божий свет ты вынес за собой.

Так связан и сроднен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С живою силой естества...
Скажи заветное он слово –
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

UN RÊVE

«Quel don lui faire au déclin de l'année?
Le vent d'hiver a brûlé le gazon,
La fleur n'est plus et la feuille est fanée,
Rien de vivant dans la morte saison...»

Et consultant d'une main bien-aimée
De votre herbier maint doux et cher feuillet.
Vous réveillez dans sa couche embaumée
Tout un Passé d'amour qui sommeillait...

Tout un Passé de jeunesse et de vie,
Tout un Passé qui ne peut s'oublier...
Et dont la cendre un moment recueillie
Reluit encore dans ce fidèle herbier...

Vous y cherchez quelque débris de tige —
Et tout à coup vous y trouvez deux fleurs...
Et dans ma main par un secret prodige
Vous les voyez reprendre leurs couleurs.

C'étaient deux fleurs: l'une et l'autre était belle,
D'un rouge vif, d'un éclat peu commun...
La rose brille et l'oeillet étincelle,
Tous deux baignés de flamme et de parfum...

Et maintenant de ce mystère étrange
Vous voudriez reconnaître le sens...
Pourquoi faut-il vous l'expliquer, cher ange?..
Vous insistez. En bien soit, j'y consens.

Lorsqu'une fleur, ce frêle et doux prestige,
Perd ses couleurs, languit et se flétrit,

Que du brasier on approche sa tige,
La pauvre fleur aussitôt refleurit...

Et c'est ainsi que toujours s'accomplissent
Au jour fatal et rêves et destins...
Quand dans nos coeurs les souvenirs pâlissent,
La Mort les fait refleurir dans ses mains...

МОРЕ И УТЕС

И бунтует и клокочет,
Хлещет, свищет и ревет —
И до звезд допрянуть хочет,
До незыблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила —
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?

Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской
С ревом, свистом, визгом, воем
Бьет в утес береговой —
Но спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,
Ты стоишь, наш великан!

И озлобленные боем,
Как на приступ роковой —
Снова волны лезут с воем
На гранит громадный твой.
Но о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И струится мутной пеной
Обессиленный порыв...
Стой же ты, утес могучий!

Обожди лишь час, другой –
Надоест волне гремучей
Воевать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Присмиреет вновь она –
И без вою, и без бою
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...

* * *

Не знаешь, что лестней для мудрости людской:
Иль вавилонский столп немецкого единства —
Или французского бесчинства
Республиканский хитрый строй?..

РУССКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Москва и Град Петров, и Константинов Град —
Вот царства Русского заветные Столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?..
Грядущим временам судьбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство Русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух, и Даниил предрек...

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

* * *

Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiège,
Un fleuve, bloc de glace et que l'hiver ternit –
Et des filets de poussière de neige
Tourbillonnent sur des quais de granit...

La mer se ferme enfin... Le monde recule,
Le monde des vivants, orageux, tourmenté...
Et bercée aux lueurs d'un vague crépuscule,
Le pôle attire à lui sa fidèle cité...

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля —
Чу! за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы —
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Все сердитей и смелей...

Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

* * *

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые
И где теперь туманными очами,
При свете вечереющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня...

О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья!..
О, как теперь без веры и участья
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах,
Как брат меньшой, умерший в пеленах...

Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный
Был для души моей родимым краем —
Не здесь расцвел, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
Все, чем я жил и чем я дорожил...

* * *

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачном их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

* * *

Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит — и жизнь, как камней груда,
Лежит на нас, — вдруг, знает Бог откуда,
Нам на душу отрадное дохнет —
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда, осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее долы,
Вдруг ветр подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

* * *

По равнине вод лазурной
Шли мы верною стезей —
Огнедышащий и бурный
Уносил нас змей морской...

С неба звезды нам светили,
Снизу искрилась волна —
И метелью влажной пыли
Обдавала нас она...

Мы на палубе сидели,
Многих сон одолевал —
Все звучней колеса пели,
Разгребая шумный вал...

Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум...
Подпирает локоть белый
Много милых, сонных дум...

Сны играют на просторе
Под магической луной —
И баюкает их море
Тихоструйною волной...

* * *

Вновь твои я вижу очи —
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи
Вдруг рассеял сонный хлад...
Воскресает предо мною
Край иной — родимый край —
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай!..

Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой —
Моря тихое дыханье
Провевает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...

Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.
Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои младые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, –
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

* * *

Как дымный столп светлеет в вышине!
Как тень внизу скользит неуловима!..
«Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, —
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

* * *

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.

* * *

Как он любил родные ели
Своей Савойи дорогой —
Как мелодически шумели
Их ветви над его главой...
Их мрак торжественно-угрюмый
И дикий, заунывный шум
Какою сладостную думой
Его обворожали ум!..

LAMARTINE

La lyre d'Apollon, cet oracle des Dieux,
N'est plus entre ses mains que la harpe d'Eole,
Et sa pensée — un rêve ailé, mélodieux
Qui flotte dans les airs bercé par sa Parole.

ПОЧТЕННЕЙШЕМУ ИМЕНИННИКУ ФИЛИППУ ФИЛИППОВИЧУ ВИГЕЛЮ

Прими как дар любви мое изображенье,
Конечно, ты его оценишь и поймешь, —
Припомни лишь при сем простое изреченье:
«Не по хорошу мил, а по милу хорош».

* * *

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадный, день любезный
Как золотой покров она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.

На самого себя покинут он —
Упразднен ум, и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь все светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнает наследье родовое.

* * *

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

И доносилися порой
Все звуки жизни благодатной —
И все в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье;
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам
И воцарилося молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый, в царство теней.

* * *

Comme en aimant le coeur devient pusillanime,
Que de tristesse au fond et d'angoisse et d'effroi!
Je dis au temps qui fuit: arrête, arrête-toi,
Car le moment qui vient pourrait comme un abîme
S'ouvrir entre elle et moi.

C'est là l'affreux souci, la terreur implacable,
Qui pèse lourdement sur mon coeur oppressé.
J'ai trop vécu, trop de passé m'accable,
Que du moins son amour ne soit pas du passé.

РАССВЕТ

Не в первый раз кричит петух;
Кричит он живо, бодро, смело;
Уж месяц на небе потух,
Струя в Босфоре заалела.

Еще молчат колокола,
А уж восток заря румянит;
Ночь бесконечная прошла,
И скоро светлый день настанет.

Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?

Раздайся благовестный звон,
И весь Восток им огласися!..
Тебя зовет и будит он, —
Вставай, мужайся, ополчися,

В доспехи веры грудь одень,
И с Богом, исполин державный!..
О Русь, велик грядущий день,
Вселенский день и православный!

НАПОЛЕОН

I

Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил — и изнемог в борьбе...
Не одолел ее твой гений самовластный!..
Бой невозможный, труд напрасный!..
Ты всю ее носил в самом себе...

II

Два демона ему служили,
Две силы чудно в нем слились:
В его главе — орлы парили,
В его груди — змии вились...
Ширококрылых вдохновений
Орлиный, дерзостный полет,
И в самом буйстве дерзновений
Змеиной мудрости расчет.
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Души его не озарила
И не приблизилась к нему...
Он был земной, не божий пламень,
Он гордо плыл — презритель волн, —
Но о подводный веры камень
В щепы разбился утлый челн.

III

И ты стоял — перед тобой Россия!
И, вещий волхв, в предчувствии борьбы,
Ты сам слова промолвил роковые:
«Да сбудутся ее судьбы!..»
И не напрасно было заклинанье:

Судьбы откликнулись на голос твой!..
Но новою загадкою в изгнанье
Ты возразил на отзыв роковой...

Года прошли — и вот, из ссылки тесной
На родину вернувшийся мертвец,
На берегах реки, тебе любезной,
Тревожный дух, почил ты наконец...
Но чуток сон — и по ночам, тоскуя,
Порою встав, ты смотришь на Восток,
И вдруг, смутясь, бежишь, как бы почуя
Передрассветный ветерок.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Раздел «Другие редакции и варианты» включает все стихотворения, отдельные строфы и строки, подвергшиеся правке. Зафиксированы изменения в автографах, принадлежащие Ф.И. Тютчеву. Авторская правка была прочитана еще Г.И. Чулковым и К.В. Пигаревым, а при подготовке настоящего издания вновь проверена по автографам и в случаях необходимости внесены коррективы. Вместе с тем в этот раздел включены варианты и редакции, получившие место в прижизненных изданиях, поскольку проблематичным оказывается участие, степень участия или неучастие самого поэта в появлении новой редакции или варианта. Все-таки иногда он просматривал списки и делал отдельные поправки в подготовленных для печати стихотворениях. Значительные изменения претерпели немногие стихотворения — «Весенняя гроза», «Пробуждение» («Еще шумел веселый день...»), «Сон на море», «К Ганке», а также «Одиночество» (Из Ламартина) и некоторые другие переводные стихотворения; обычно правка касалась лишь деталей текста; история тютчевских текстов — это чаще всего появление вариантов отдельных строк, частичное изменение порядка слов, варианты определений, уточнение выразительных частностей, «мелочей» на картине; общая исходная идейно-художественная основа стихотворения, как правило, сохранена.

Все элементы стихотворения, подвергшиеся правке, заключены в этом разделе в квадратные скобки; цифры с левой стороны стиха указывают порядковый номер строки текста, опубликованного в нашем издании. Источник и место хранения редакции и варианта названы в соответствии с принятой системой сокращений (см. Условные сокращения. С. 513–516). Слова «и след. изд.» означают другие прижизненные и ближайшие последующие издания, в которых повторяется указанный вариант.

НА НОВЫЙ 1816 ГОД

(с. 12)

46 Где в неге льстил своей приятный мягкий пух,
55 И навсегда со гласом чести

Феникс. 1822. С. 56.

56 Умолк [нет] о тебе молва!

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Ед. хр. 5. Л. 1–2 об.

«НЕВЕРНЫЕ ПРЕОДОЛЕВ ПУЧИНЫ...»

(с. 26)

2 Достиг пловец [родимых] берегов,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Ед. хр. 5. Л. 4

ВЕСНА

(Посвящается друзьям)

(с. 29)

Весеннее приветствие стихотворцам

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухает нам! —
Творенью пир дает природа,
Свиданья пир дает сынам!..

Дух силы, жизни и свободы
Возносит, обвевает нас!..
И радость в сердце пролилась,
Как отзыв торжества природы,
Как Бога животворный глас!..
Где вы, Гармонии сыны?..
Сюда!.. и смелыми перстами
Коснитесь дремлющей струны,
Нагретой яркими лучами
Любви, восторга и весны!..
О вы, чей взор так часто освящен
Благоговения слезами,

Природы храм отверст, певцы, пред вами!
Вам ключ к нему Поэзией вручен! —
В парении своем высоком
Не изменяйтесь никогда!..
И вечная природы красота
Не будет вам ни тайной, ни упреком!..

Как полным пламенным расцветом,
Омытые Авроры светом
Блистают розы и горят —
И Зефир — радостным полетом
Их разливает аромат:
Так разливайся жизни сладость,
Певцы, за вами по следам!
Так порхай ваша, други, младость,
По светлым счастия цветам!..

Труды Общ. 1822. Ч. I. С. 164–165.

А.Н.М.

(«Нет веры к вымыслам чудесным...»)

(с. 31)

9–13 Счастливы древние народы!
Их мир был храмом всех богов,
И книгу матери-природы
Они читали без очков!..
Счастливы, древние народы!
Наш век, о други, не таков.

Северная лира. С. 358–359.

ОДИНОЧЕСТВО

(Из Ламартина)

(с. 33)

Как часто, бросив взор с утесистой вершины,
Сажусь, задумчивый, в тени дерев густой,
И раскрываются пред мной
Разнообразные вечерние картины! —

9 Зак. 6873

*

Здесь пенится река, там дола красота,
И тщетно в мрачну даль за ней стремится око;
Там дремлет озеро, разлитое широко,
И мирно светит в нем вечерняя звезда!

*

Зари последний луч во сумраке блуждает
По темной зелени лугов,
Луна медлительно по небу востекает
На колеснице облаков!..

*

Все тихо, все мертво, лишь колокол священный
Протяжно раздался в окрестности немой;
Прохожий слушает, и звук его смиренный
С последним шумом дня сливает голос свой! —

*

Прелестный край! — Но восхищенью
В иссохшем сердце места нет!..
По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,
И мертвого согреть не может солнца свет...

*

С холма на холм влачится взор унылый
И гаснет медленно в ужасной пустоте. —
Увы! где встречу то, чтоб взор остановило?..
Весь мир передо мной, но счастие — нигде!

*

И вы, мои поля, и рощи, и долины,
Вы мертвы!.. Жизни дух от всех вас улетел!
И что вы все теперь, бездушные картины! —
Нет в мире одного — и мир весь опустел!

*

Встает ли день, ночные ль сходят тени,
И свет, и мрак равно противны мне; —
Моя судьба не знает изменений:
Вся вечность горести в душевной глубине!

*

И долго ль страннику томиться в заточенье?
Когда на лучший мир сменю я дольний прах,

Тот мир, где нет сирот, где вере — исполненье, —
Где солнце истины в нетленных небесах!..

*

Тогда, быть может, прояснится
Надежд спасительных таинственный предмет,
К чему душа и здесь еще стремится,
Но токмо там, — в своей отчизне обоймет!

*

Встают гроза и вихрь, и лист крутят пустынный,
И мне, и мне, как мертвому листу,
Пора из жизненной долины! —
Умчите ж, бурные, умчите сироту!..

Труды Общ. 1822 г. Ч. II. С. 231–233.

3 И развиваются передо мной
11 Луна медлительно с полуночи восходит

Новые Аониды. 1823. С. 92.

«НА КАМЕНЬ ЖИЗНИ РОКОВОЙ...»

(с. 38)

5 Но Муза юного взяла

Атеней. 1829, январь. Ч. I. С. 61–62; *Лит. прибавл.* 1833. Ч. IX. № 23, 22 марта. С. 182.

21 Ему на память стрелу дал

Атеней. 1829. Ч. I. С. 61–62.

21 Стрелу ему на память дал

Лит. прибавл. 1833. Ч. IX. № 23, 22 марта. С. 182.

ПОСЛАНИЕ К А. В. ШЕРЕМЕТЕВУ

(с. 39)

Между 14–15 Хоть лень с амуром часто в споре,
Но их не трудно примирить.
20 (22) Красавицу в семнадцать лет,
21(23) С умом, с душою и с душами,
28 (30) Моей пожертвую я ленью,

Список — *Альбом; Тютч. сб.* С. 41–42.

ПЕСНЬ РАДОСТИ

(Из Шиллера)

(с. 40)

90 В суд, в совет к земным богам

Лит. прибавл. 1835. Ч. XVIII. № 9. С. 70.

СЛЕЗЫ

(с. 45)

5–6 Люблю смотреть, когда созданья
Как бы погружены в весне,
10 Зефир лобзаньем пламенит,

Северная лира. 1827. С 182; *Лит. прибавл.* 1834. Ч. XVI. № 102, 23 декабря. С. 810.

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ

(Из Гейне)

(с. 47)

На севере мрачном на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его буря лелеет.

Про юную пальму снится ему,
Что в краю отдаленном Востока,
Под мирной лазурью, на светлом холму
Стоит и растет одинока.

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 3 об.

2 Кедр одинокий, подъемлясь, белеет,

Остальное, как в автографе. *Северная лира*. 1827. С. 338.

«ДРУГ, ОТКРОЙСЯ ПРЕДО МНОЮ...»

(Из Гейне)

(с. 48)

8 Не создаст никак поэт.
10 Конь крылат и змей зубаст –
16 Не создаст никак поэт.

Совр. 1854. Т. XLV. С. 4–5, и след. изд.

ПЕСНЬ СКАНДИНАВСКИХ ВОИНОВ

<И з Г е р д е р а>

(с. 50)

37 Кровавая битвы подымет волна!

Урания. С. 72; *Совр*. 1854. Т. XLV. С. 19; *Изд. 1854*. С. 126; *Изд. 1868*. С. 82.; *Изд. СПб., 1886*. С. 365.

ПРОБЛЕСК

(с. 52)

12 Грустит, в пыли, на небесах!

Совр. 1854. Т. XLV. С. 10, и след. изд.

ВЕЧЕР

(с. 55)

В е ч е р

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон —
Как шум от стаи журавлиной
И в звучных листьях замер он...

Как море вешнее, в разливе,
Светлея, не колыхнет день —
И торопливей, молчаливей —
Ложится по долине тень!..

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2.

14-ое ДЕКАБРЯ 1825

(с. 56)

7–8 И память [ваша от] потомства
[Земле живая предана].
15 [Земля] железная дохнула —

Автограф — РГАЛИ. Ф 505. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1.

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ

(И з Б а й р о н а)

(с. 57)

7 Его уж нету в вашем круге.

Совр. 1854. Т. XLV. С. 6; *Изд. 1854*. С. 120; *Изд. 1868*. С. 77; *Изд. 1900*. С. 399.

7 Его уж нету в нашем круге.

Изд. СПб., 1886. С. 412.

«КАК ПОРОЮ СВЕТЛЫЙ МЕСЯЦ...»

(Из Гейне)

(с. 58)

17 Сноведеньем пролетели

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 7. л. 5;
все изд., кроме – *Галатея*. 1839. Ч. III. № 21. с. 253.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

(с. 60)

Люблю грозу в начале Мая:
Как весело весенний гром
Из края до другого края
Грохочет в небе голубом!

С горы бежит ручей проворный,
В лесу не молкнет птичий гам;
И говор птиц и ключ нагорный,
Все вторит радостно громам!

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Галатея. 1829. Ч. I. № 3. С. 151.

К N. N.

(с. 61)

14 Он улетел с младых твоих ланит...

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 4 об.

ПРОБУЖДЕНИЕ

(с. 63)

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,

И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье:
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье.

Украдкой в сумраке ночном
Ходило лунное сиянье,
И ночи зыбкое молчанье
Едва струилось ветерком.

Сомнительно в мое окно
Смотрело бледное светило –
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И между тем какой-то гений
Из пышного златого дня
Тропою тайной сновидений
В страну теней увел меня.

Автограф – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 6–6 об.

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

(с. 65)

4 С своими черными тенями!..
Между 4–5 Едва в трепещущих листах
Перебирается прохлада –
Звонок пасущегося стада
Почти замолк на высотах

Галатея. 1830. Ч. XIII. № 13. С. 91;
Изд. 1900. С. 96.

10 Наш мир, как бы лишенный сил,

Автограф – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 3

12 Во мгле полдневной опочил, –

Галатея. 1830. Ч. XIII. № 13. С. 91.

14 Над усыпленною землей
Совр. 1854. Т. XLIV. С. 4 и след. изд.; *Сушк. тетрадь*.

ПОЛДЕНЬ

(с. 66)

3 В лазури пламенной и чистой
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2 об.

МОГИЛА НАПОЛЕОНА

(с. 67)

9–16 Еще гремит твоих побед
Отзывный гул в колеблющемся мире...
. . . .
. . . .
И ум людей твоею тенью полн
А тень твоя, скитаясь в крае диком,
Чужда всему, внимая шуму волн,
И тешится морских пернатых криком.
Галатея. 1829. Ч. 2. № 8. С. 86.

«ВЫСОКОГО ПРЕДЧУВСТВИЯ...»

<Из Мандзони>

(с. 68)

27 Минутно их носивший вал –
47–54 Железный мир и движимый
Воззрением одним!
О, под толиким бременем
В нем сердце б истомилось
И дух бы пал – но сильная
К нему Рука спустилась –
И к небу, милосердая,
Его приподняла!..

Другой вариант:

Железный мир и дышащий
Велением одним!..

О, под толиким бременем
Душа в нем истомилась —
И он бы пал... но сильная
К нему Рука склонилась
И к небу, милосердая,
Его приподняла!

Автограф — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1–2 об.

ВИДЕНИЕ
(с. 70)

1 Есть некий час всемирного молчанья,
Совр. 1854. Т. XLIV. С. 25, и след. изд.

ОЛЕГОВ ЩИТ
(с. 71)

Видение

I

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес!

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат Боги снах!

II

«О наша крепость и оплот,
Великий Бог, веди нас ныне,
Как некогда ты вел, в пустыне
Свой избранный народ!..»

«Алла, пролей на нас твой свет!
Краса и сила Православных,
Бог истинный, Тебе нет равных,
Пророк твой Магамед!..»

III

Глухая полночь, все молчит!
Вдруг из-за туч луна сверкнула
И над вратами Истамбула
Зажгла Олегов щит!..

Галатея. 1829. Ч. VII. № 34. С. 144.

БАЙРОН

(Отрывок)
(с. 76)

112 Швейцария!.. [Здесь] мир как за оградой

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 9.

ВОПРОСЫ

(Из Гейне)
(с. 82)

3 В груди тоска, в душе сомненье, —
19 И звезды светят хладно-ясно, —

Список — *Собр. Пигарева*; *Изд. СПб., 1886*. С. 405–406; *Изд. 1900*. С. 403–404.

ПРИВЕТСТВИЕ ДУХА

(Из Гёте)
(с. 84)

Geistes Grüss

Hoch auf dem alten
Thurme steht einsam...
(Goethe)

1

На старой башне одинок,
Дух Рыцаря стоит —
И лишь завидит он челнок,
Приветом огласит: —

2

Играла жизнь и в сей груди —
Кулак был из свинца —

И богатырский мозг в кости
И кубок до конца...

3

Пробушевал полжизни я —
Полжизни проволок......
А ты, плыви, плыви, ладья,
Куда несет поток.

Автограф — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2.

1 [Тень богатырская стоит]
1–4 [Порою богатырский Дух
Стоит на башне там —
И шлет свои приветы] вслух
[Плывущим] челнокам:

Автограф — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 3.

1–4 На старой башне у реки
Тень рыцаря стоит —
И лишь завидит челноки
Приветом их дарит.

Автограф — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 3.

«ЗАПАД, НОРД И ЮГ В КРУШЕНЬЕ...»
(Из Гётева «Западо-Восточного Дивана»)

(с. 85)

1 Запад, Юг и Норд в крушеньи,
5 В песнях, играх, пированье,
12 Редко голову ломавших.

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 4.

12 И ума не подрывавших!..

Изд. СПб., 1886. С. 397; *изд. 1900.* С. 408.

16 Мысль тесна, просторна вера,

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 4;
Изд. СПб., 1886. С. 398; *Изд. 1900.* С. 408.

22 Перлом, мускусом торгуя;
Автограф – РГАЛИ. 505. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 4 об.

32 Верный Гафица ученью:
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 5.

40 Легким сонмом, жадным света,
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 5;
Изд. СПБ, 1886; изд. 1900.

42 [О бессмертьи умоляя!..]
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 5.

ИЗ WILHELM MEISTER

(Г ё т е)

(с. 87)

<I>

3 Стеня, на ложе не сидел,
Сиротка. 1831. С. 198–199; *Совр.* 1854. Т. XLV. С. 12; *Изд. 1868*. С. 79.

<II>

6–8(9) Что вам моя беда?
Случится ли когда,
Что всеми брошен я,
Один не буду я.
12–13 Вокруг меня тоска,
Вокруг меня печаль!

15–18 Строки отсутствуют
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 7.

11 Так бродит и ночью и днем
Совр. 1854. Т. XLV. С. 12, и след. изд.

ПЕВЕЦ

(И з Г ё т е)

(с. 88)

24 Ее ты витязям отдай, –
38 Тот дом Господь благословил,
Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Ед. хр. 15. Л. 1–2.

29 По Божьей воле я пою,

Изд. СПб., 1886. С. 395; *Изд. 1900*. С. 419.

«"ПРЕКРАСНЫЙ БУДЕТ ДЕНЬ", – СКАЗАЛ ТОВАРИЩ...»

<Из «Путевых картин» Гейне>

(с. 93)

4 Мое [в тиши] молящееся сердце
36 Побед [но], смело, [радостно,] светло,
41 В глухую пору одиноко, сиро,
55 Ребячески-божественной игрушкой
58 Я воин был! я [воин] был свободы,

Автограф – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 6–7 об.

«ЕДВА МЫ ВЫШЛИ ИЗ ТРЕЗЕНСКИХ ВРАТ...»

<Из «Федры» Расина>

(с. 95)

6 [Сии живые гордые созданья,]
7 [Столь рьяные в служении его,]
[На глас его столь рьяные всегда,]
8 Днесь с головой поникшей, мрачны[м взором]

Автограф – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 3–3 об.

ЗАВЕТНЫЙ КУБОК

(Из Гёте)

(с. 99)

2 По гроб он верен был.

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 2.

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

(Из Гёте)

(с. 100)

6 Недержимо вас уводят Оры

Список – *Собр. Пигарева*.

6 Неудержно вас уводят Горы

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 6.

«ЗВУЧИТ, КАК ДРЕВЛЕ, ПРЕД ТОБОЮ...»

<Из «Фауста» Гёте>

(с. 101)

I

12 С глубокой [таинственной] тьмой.
14–16 И бьет о каменный свой брег,
И хлябь морей с ее скалами
Земли уносит вечный бег!
20 И [жизни] цепь, [беснуясь,] вьют

Автограф – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 4 об.

II

5–9 Как! ты молил меня, как исступленный,
Да узришь лик, услышишь голос мой!
[Меня достиг и тронул голос твой]
Склонил меня клич неотступный твой.
Явился я! Какой же Страх презренный
Вдруг обуял, Гигант, твоей душой?
11 Мир новый создала, взлелеяла, взрастила,
13 С упорным, гордым напряженьем
22 Я Фауст! Дух, как ты! твой равный Я!
23 Событий бурю, житейский вал,
33 И готовится Богу одежда живая!..
И [Богу прядется] риза живая
[И Божья готовится] риза живая

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505, Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 4 об.

III

4 Где души кротче и нежней.
13 Сходило на меня в воскресной тишине,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 4.

IV

3–4 Смотри, как хижины кругом
Осыпало вечернее сиянье!..
18 И вдруг крыла таинственная мочь
21–23 Передо мною день, за мною ночь,
У ног равнина вод — и небо над главою!
Прекрасный сон... и суетный!.. прости!
26 Но сей порыв, сие и вверх и вдаль стремленье.
29 И оживает в них порою.

Совр. и след. изд.

V

11 [В дуброве ль темной, на водах, в эфире] —
20 Чудесный мир, разоблачаешь [ты]!
21–22 [Взойдет ли предо мною чистый] месяц,
[Всеуслаждая] — и ко мне [с] летят

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп.1. Ед. хр. 10. Л. 3.

* * *

(Из Шекспира)

<I. «Любовники, безумцы и поэты...»>

<II. Песня>

(с. 106)

I

Любовники, поэты и безумцы
Из одного воображенья слиты!..
Тем более, чем в аде есть чертей,
(Безумец то есть) сей равно безумный,
Любовник страстный видит, очарован,
Елены красоту в цыганке смуглой —
Поэта око в светлом исступленье
Круговращаясь, блещет и скользит
На Землю с Неба, на Небо с Земли —
И лишь существ неведомых явленья
Воображенье вызовет — поэт
Их претворяет в лица и дарит
Теням воздушным имя и жилище!

10–11 И лишь создаст Воображенье виды
Существ неведомых — поэта перст

(написано поверх строк)

Автограф — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 4–4 об.

Другой вариант:

7–13 Поэта око в светлом исступленьи
Круговращаясь, блещет и скользит
На Землю с Неба, на Небо с Земли
Лишь вызовет Воображенье виды
Существ неведомых — поэта перст
Их претворяет в лица и дарит
Теням воздушным [местность и названье]
Теням воздушным имя и жилище!

Автограф — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 4–4 об.

Песня

8 Скорый саван обещал
12 [Выпускают] мертвецов!..

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 4–4 об.

КОНЬ МОРСКОЙ

(с. 111)

2 С седой волнистой гривой,
10–11 В твоей надменной силе,
Седую гриву растрепав,

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 6.

«ВЕЛИКИЙ КАРЛ, ПРОСТИ! — ВЕЛИКИЙ, НЕЗАБВЕННЫЙ...»

<Из «Эрнани» В. Гюго>

(с. 112)

26 Лишь ими и чрез них — [ничтожно все иное]
27 [Они как таинство живое...]

30 [Сей вяжет и решит — тот рассекает.]
44 Гигант, превысивший [весь мир своей] главой.
50–53 Что в мире некогда его владыкой слыли —
Наполни грохотом всю землю и возвысь
До облак власть твою — все выше — высь на высь —
[Хотя б до вечных звезд твоя коснулась слава]
Пускай до вечных звезд твоя коснулась слава,
55 Что нужды! Власть мила [и я ее ищу]
Что нужды! Власть мила — [я царствовать хочу!]
Что нужды! Власть мила — она передо мной!
56 [Мне сердце говорит: получишь — получу]
Мне тайный глас сулит: тебе венец — он мой
Он будет мой...

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4–5 и 6 об. – 7.

ДВУМ СЕСТРАМ
(с. 116)

4 Та ж свежесть утреннего часа,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1 и 3.

«КАК НАД ГОРЯЧЕЮ ЗОЛОЙ...»
(с. 117)

12 Я просиял бы — и угас!

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 3 об.

СТРАННИК
(с. 118)

1 [Богам] угоден бедный странник,
2 Над ним его святой покров,
9 Чрез грады, веси и поля
11 Ему открыта вся Земля,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 6.

БЕЗУМИЕ
(с. 120)

10 Припав к растреснувшей Земле,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 5 об.

УСПОКОЕНИЕ

(«Гроза прошла — еще курясь, лежал...»)

(с. 121)

5 А уж давно звучнее и живей

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 8.

ЦИЦЕРОН

(с. 122)

Блажен, кто посетил сей мир

Денница. Альманах на 1831 г. С. 40.

8 Закат звезды его кровавой!

Совр., 1854. Т. XLIV. С. 17, и след. изд.

SILENTIUM!

(с. 123)

2 И мысли и мечты свои!
4–5 Встают и кроются оне,
Как звезды мирные в ночи, —
16–17 Их оглушит житейский шум,
Разгонят дневные лучи, —

Молва. 1833. № 32, 16 марта. С. 125.

4–5 И всходят и зайдут оне
Как звезды ясные в ночи:
16–17 Их заглушит наружный шум,
Дневные ослепят лучи:

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 12, и след. изд.

«ЧЕРЕЗ ЛИВОНСКИЕ Я ПРОЕЗЖАЛ ПОЛЯ...»

(с. 124)

2 Кругом меня все было так уныло.
4 Все на душу тоску лишь наводило.
13–14 [Так, вам единым удалось
До нас дойти с брегов другого света:]
И вам одним спастися удалось,
Пришельцы вы с брегов другого света:
17 Но о былом создание молчит

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5.

«ПЕСОК СЫПУЧИЙ ПО КОЛЕНИ...»

(с. 125)

1 Песок сыпучий по колена.

Совр. 1837. Т. VI. С. 397.

3 И сосен придорожных тени

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5 об.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

(с. 126)

7–8 И, как предвестье близящихся бурь,
Порывистый и ясный ветр порою,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 2 об.

12 Возвышенной стыдливостью страданья!

Некрасов. С. 207;
Совр. 1854. Т. XLIV. С. 5, и след. изд.

ЛИСТЬЯ

(с. 127)

19 Луга побледнели,

РА. 1879. Вып. 5. С. 129;
Изд. СПб., 1886. С. 53; *Изд. 1900.* С. 78.

АЛЬПЫ

(с. 129)

7 Грозно дремлют великаны,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 4.

«О ЧЕМ ТЫ ВОЕШЬ, ВЕТР НОЧНОЙ?..»

(с. 133)

4 То глухо жалобный, то шумной?

Некрасов. С. 21.

4 То глухо-жалобный, то шумной!
7 И ноешь и взрываешь в нем
14 И с беспредельным жаждет слиться...

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 15–16.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

(с. 134)

2 А воды с гор уже шумят;
6 Весна пришла, весна идет,

Телескоп. 1832. Ч. X. № 13. С. 22–23.

«В ДУШНОМ ВОЗДУХА МОЛЧАНЬЕ...»

(с. 135)

В душном воздухе молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче Роз благоуханье,
Резче голос стрекозы...

Чу, за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром...
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Некий жизни преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит...

Дева, Дева, что волнует
Дымку персей молодых?..
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?..

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?..
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две Слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей Грозы?..

Автограф РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 1–1 об.

1 В душном воздухе молчанье

Некрасов. С. 218; *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 14, и след. изд.

5 Чу! за белой душной тучей

Некрасов. С. 218; *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 14, и след. изд.

6 Прокатился глухо гром

Сушк. тетрадь. С. 20;
Совр. 1854. Т. XLIV. С. 14, и след. изд.

«И ГРОБ ОПУЩЕН УЖ В МОГИЛУ...»

(с. 138)

7 Ученый пастырь сановитый

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 11, и след. изд.

«ВОСТОК БЕЛЕЛ... ЛАДЬЯ КАТИЛАСЬ...»

(с. 139)

1 Восток светлел — ладья катилась,
5 Восток горел — она молилась,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1.

6 С чела откинув покрывало...

Автограф – РНБ (Собр. М. П. Погодина. № 463)

8 Во взоре небо ликовало.

Автограф – РНБ (Собр. М. П. Погодина. № 463);
Совр. 1836. Т. IV. с. 37.

9 Вдруг вспыхнул день — она склонилась...

Автограф – РГАЛИ. ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1.

«КАК ПТИЧКА, РАННЕЮ ЗАРЕЙ...»

(с. 140)

1 Как птичка, с раннею зарей
3 Но лишь одной главы моей

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 5–5 об.

11 Сей шум, движенье, говор, клики

Список – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 57. С. 20;
Совр. 1854. Т. XLIV. С. 13, и след. изд.

15 Ночь, ночь! О, где твои покровы,

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 13, и след. изд.

«ДУША МОЯ, ЭЛИЗИУМ ТЕНЕЙ...»

(с. 142)

1 Душа моя — Элизиум теней,
3 Ни замыслам године буйной сей,

Совр. 1836. Т. IV. С. 41, и след. изд.

«НЕТ, МОЕГО К ТЕБЕ ПРИСТРАСТЬЯ...»

(с. 144)

11 На небе [светлом и] высоком

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1.

PROBLÈME

(с. 150)

4 Или низвергнут *мыслящей* рукой?

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 1.

СОН НА МОРЕ

(с. 151)

И море и буря качали наш челн,
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.

*

Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.

*

Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликалися ветры и пели валы!..

*

Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон!..

*

Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой!..

*

В лучах огневицы развил он свой мир:
Земля зеленела, светился эфир.

*

Сады, лавиринфы, чертоги, столпы —
И сонмы кипели безмолвной толпы.

*

Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц.

*

По высям творенья, как дух, я летал,
И мир надо мною, безмолвный, сиял.

*

Я спал, и сквозь сон, как волшебника вой
Мне слышался грохот пучины морской.

*

И в тихую область видений и снов
Вторгалася пена ревущих валов!..

Галатея. 1839. Ч. II. С. 187.

И Буря, и море качали наш чолн,
Я, сонный, был предан всей прихоти волн

*

Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.

*

Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликалися ветры и пели валы!..

*

Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон!..

*

Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой!..

*

В лучах огневицы развил он свой мир:
Земля зеленела, светился эфир.

*

Сады, лабиринты, чертоги, столпы —
Роились, кипели безмолвны толпы —

*

Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц.

*

По высям творенья, как Бог, я летал,
И мир подо мною безмолвный сиял —

*

Но все и во сне, как волшебника вой
Мне слышался грохот пучины морской.

*

И в тихую область видений и снов
Вторгалася пена ревущих валов.

Список — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 16.

СОН НА МОРЕ

И море и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн —
И две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Кругом, как кимвалы, звучали скалы,
И ветры свистали, и пели валы.

Я в хаосе звуков летал оглушен;
Над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой;
В лучах огневицы развил он свой мир:
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лавиринфы, чертоги, столпы, —
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц...
По высям творенья, как Бог, я шагал —
И мир подо мною недвижно сиял...
Сквозь грезы, как дикий волшебника вой,
Лишь слышался грохот пучины морской;
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.

Список — *Сушк. тетрадь.* С. 87.

14 И чудился шорох несметной толпы.
17–18 По высям творенья я гордо шагал,
И мир подо мною недвижно сиял...

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 24–25 и след. изд.

«ПРИШЛОСЯ КОНЧИТЬ ЖИЗНЬ В ОВРАГЕ...»

<Из Беранже>

(с. 152)

20 [Суму возьми,] да бей челом.
44 [Быть домовитою] пчелой!
45–46 [Зачем, увы! я из] объятий
[Извержен был семьей людской]

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1–1 об.

АРФА СКАЛЬДА

(с. 155)

2 В тени, в тиши забытого угла;
12 Их легких ног скользит незримый шаг?

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 22, и след. изд.

«КАК СЛАДКО ДРЕМЛЕТ САД ТЕМНОЗЕЛЕНЫЙ...»

(с. 158)

«Ночные голоса»

8 В саду фонтан, смеяся, говорит...
15 Рой бестелесный, слышный, но незримый,

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 7.

«ТЕНИ СИЗЫЕ СМЕСИЛИСЬ...»

(с. 159)

5–6 Лишь мотыль снует незримый
Слепо в воздухе ночном...

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1 об.

«С ПОЛЯНЫ КОРШУН ПОДНЯЛСЯ...»

(с. 161)

1 [Вот] коршун [с поля] поднялся,

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 2 об.

«Я ПОМНЮ ВРЕМЯ ЗОЛОТОЕ...»

(с. 162)

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел: мы были двое,
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где белея,
Руина с крутизны глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит,

Стопой младенческой касаясь
Громады камней вековой,
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой!

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1.

6 Руина замка в дол глядит,

Список И. С. Гагарина. РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 8.

«ТАМ, ГДЕ ГОРЫ, УБЕГАЯ...»

(с. 163)

5 Там-то, молвят, в стары годы,

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 20 и след. изд.

6 По лазоревым ночам,
25 И лишь дремой забывался,
32 Нынче ходят по тебе.

Автограф — РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 5 и 5 об.

«ЯРКИЙ СНЕГ СИЯЛ В ДОЛИНЕ...»

(с. 168)

3 Вешний знак блестит в равнине, —
5 А который век белеет

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 20 и след. изд.

«НЕ ТО, ЧТО МНИТЕ ВЫ, ПРИРОДА...»

(с. 169)

29–32 Не их вина: пойми, коль можешь,
Органа жизнь, глухонемой!
Душа его, ах, не встревожит
И голос матери самой!..

Совр. 1836. Т. III. С. 22.

«ВЧЕРА, В МЕЧТАХ ОБВОРОЖЕННЫХ...»

(с. 174)

2 С последним меся[чным] лучом
6 И тень [надвинулась] темней,
9 Но сквозь воздушны[х] завес окон
18 По [тихо] брезжущим коврам,

Первый вариант последней строфы:

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись девственных грудей,
Румяным, громким восклицаньем
Раскрыло шелк твоих очей!

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 4–4 об.

1-ое ДЕКАБРЯ 1837
(с. 176)

4 Что жизнь убив, ее испепелило
9 Где вечный блеск и ранний цвет,

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 16, и след. изд.

«С КАКОЮ НЕГОЮ, С КАКОЙ ТОСКОЙ ВЛЮБЛЕННОЙ...»
(с. 177)

1 С какою негою, с какой тоской влюбленный

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 10 и след. изд.

3 Бессмысленно-немой, немой, как опаленный

Изд. 1900. С 132.

9 И на руку к нему глава твоя склонялась,

Изд. 1900. С. 132.

«ДАВНО ЛЬ, ДАВНО ЛЬ, О ЮГ БЛАЖЕННЫЙ...»
(с. 178)

3 И как Эдем ты растворенный

Совр. 1838, и след. изд.

7 Я там заслушивался пенья

Сушк. тетрадь; Совр. 1854. Т. XLIV. С. 7, и след. изд.

15 По их лазуревой равнине

Совр. 1838. Т. IX. С. 131–132.

16 Родные призраки скользят

Некрасов. С. 211; *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 7, и след. изд.

24 Один господствует вполне.

Некрасов. С. 211; *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 8, и след. изд.

ИТАЛЬЯНСКАЯ VILLA

(с. 180)

5 И вот тому уж века два иль боле

Сушк. тетрадь. Л. 15; *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 11, и след. изд.

11 Провеяло над нею полусонной,
13 По-прежнему фонтан в углу лепечет,

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 11, и след. изд.

«НЕ ВЕРЬ, НЕ ВЕРЬ ПОЭТУ, ДЕВА...»

(с. 186)

14 Поэта — суетный народ:

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 24, и след. изд.

«ЖИВЫМ СОЧУВСТВИЕМ ПРИВЕТА...»

(с. 187)

3 О не тревожь души поэта,

Список – ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 2319. Л. 6–6 об.

16 Вся прелесть женщины мелькнет,

Изд. 1868. С. 86, и след. изд.

23 Пускай служить он не умеет, —

Русская беседа. 1858. Ч. II. Кн. 10. С. 6, и след. изд.

К ГАНКЕ

(с. 188)

Славянам

(в альбом В. В. Ганке, 1841)

3–4 И подать друг другу руки
Нашим кровным и друзьям?
17 Инородец, иноземец
21–22 Вот средь этой ночи темной,

Там, на пражских высотах
30 День чудесный осиял
32 От Молдавы за Урал.
33 Русь покончила с Варшавой,
37–38 И наречий братских звуки
Уж не чужды стали нам —

Автограф – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 7–8 об.

3–4 Не увидят ли хоть внуки
То, что снилося отцам?

Русская беседа. 1841. Т. 2. С. 4–5.

Приписка

1 Так взывал я, так просил я —
4 Все безвыходнее зло.
6–9 [Ганка — праведная тень]
Муж добра, святая тень,
Будь же ты для нас залогом,
Что [и наш наступит] День.
[А теперь] за постоянство

Автограф – РГАЛИ.
Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 9–9 об.

«ГЛЯДЕЛ Я, СТОЯ НАД НЕВОЙ...»

(с. 193)

12 Роскошной Генуи залив...

Изд. 1900. С. 139.

КОЛУМБ

(с. 194)

4 Судеб неконченное дело.
5 Ты завесу расторг всесильною рукой —
9 Так связан, съединен от века

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 39, и след. изд.

12 С творящей силой естества.

Сушк. тетрадь. Л. 44.

UN RÊVE

(с. 195)

10 Tout un passé qu ['on] ne peut oublier...
13 Vous y cherchez [au hasard] quelque tige —
20 Tous deux baignnés d['éclat] et de parfum...

Автограф — *Собр. Пигарева.*

МОРЕ И УТЕС

(с. 197)

2 Плещет, свищет и ревет,

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 42, и след. изд.

24–25 Бурный натиск [сокрушив],
Вал [расшибся, отраженный],

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 3–4.

26 И клубится мутной пеной

Сушк. тетрадь. Л. 49. *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 42, и след. изд.

29–30 Потерпи лишь час, другой;
Не всегда ж волне гремучей
33–34 Присмиреет вновь волна,
И без пены и без вою
36 Вновь уляжется она...

РИ. 1848. 7 сент (№ 197). С. 786.

«НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ЛЕСТНЕЙ ДЛЯ МУДРОСТИ ЛЮДСКОЙ...»

(с. 199)

2 Иль Вавилонский столп Германского единства

Муран. альбом. Л. 79.

«НЕОХОТНО И НЕСМЕЛО...»

(с. 203)

11 Пламень беглый и летучий

Изд. 1900. С. 149.

13 Гуще капли дождевые —
Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 183 об.

20 Вся смущенная земля.
Киевлянин. 1850. Кн. III. С. 192.

«ИТАК, ОПЯТЬ УВИДЕЛСЯ Я С ВАМИ...»
(с. 204)

2 Места печальные, хоть и родные,
Совр. 1854. Т. 44, с. 26 и след. изд.

8 Давно минувшего, былого счастья!..
Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 185.

10 Гляжу я на тебя, мой гость минутный!
Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 185.

15 Не здесь прошел, не здесь был величаем
Биогр. С. 53.

18 То, чем я жил и чем я дорожил.
Совр. 1854. Т. XLIV. С. 26 и след. изд.

«ТИХОЙ НОЧЬЮ, ПОЗДНИМ ЛЕТОМ...»
(с. 205)

4 [Жатвы] дремлющие зреют...
Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой.*

5 Усыпительно, безмолвно,
Москв. 1850. Ч. II. № 8. С. 290.

«КОГДА В КРУГУ УБИЙСТВЕННЫХ ЗАБОТ...»
(с. 206)

1 Когда в кругу убийственных работ
Москв. 1850. Ч. II. № 8. С. 289.

5–6 Минувшим нас обвеет и обымет
И страшный груз минутно приподымет.
10 Вдруг ветр повеет теплый и сырой,
Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 194

10 Вдруг ветр подует теплый и сухой,
12 И душу вам обдаст как бы весною...

Москв. 1850. Ч. II. № 8. С. 289.

«ПО РАВНИНЕ ВОД ЛАЗУРНОЙ...»

(с. 207)

1 На равнине вод лазурной

Москв. 1850. Ч. II. № 7. С. 164, и след. изд.

7 И [дождем соленой] пыли

Автограф – РГАЛИ.
Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 189 об.

17 Сны [летают] на просторе

Автограф – РГАЛИ.
Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 189 об.

«ВНОВЬ ТВОИ Я ВИЖУ ОЧИ...»

(с. 208)

4 Вдруг развеял сонный хлад.

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 35, и след. изд.

6 Край родной, волшебный край,
9 Стройных лавров колыханье
11 Моря влажное дыханье

Автограф – РГАЛИ.
Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 189 об.

13 Целый день там солнце греет

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 35, и след. изд.

Строфа «Сновиденьем безобразным...» отсутствует.

Автограф – РГАЛИ.
Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 189 об.

* * *

Вновь твои я вижу очи –
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи
Вдруг рассеял сонный хлад...

Воскресает предо мною
Край иной — родимый край —
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай!..

Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.
Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой —
Моря тихое дыханье
Провевает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...

Альбом Тютч.-Бирилевой. С. 6.

«КАК ДЫМНЫЙ СТОЛП СВЕТЛЕЕТ В ВЫШИНЕ!..»

(с. 210)

1 Как дымный столб светлеет в вышине!

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 28, и след. изд.

2 Как тень внизу скользит неуловимо!

Москв. 1850. Ч. II. № 8. С. 290, и след. изд.

«СЛЕЗЫ ЛЮДСКИЕ, О СЛЕЗЫ ЛЮДСКИЕ...»

(с. 211)

6 В осень глухую ночною порой.

Москв. 1850. Ч. II. № 8. С. 290.

«СВЯТАЯ НОЧЬ НА НЕБОСКЛОН ВЗОШЛА...»

(с. 215)

Заглавие стихотворения [«Самосознание»]

Автограф — *Мураново*. Ф. 2. Оп. 1. Ед. пр. 2. Л. 1.

3–4 Как золотой ковер она свила,
Ковер, накинутый над бездной.

8 Лицом к лицу пред этой бездной темной.

14 (10) Теперь ему все светлое, живое, —

Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой*;
Москв. 1850. Ч. II. № 8. С. 290, и след. изд.

9–12 отсутствуют.

Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой;*
Сушк. тетрадь. Л. 31; *Муран. альбом*. Л. 36;
Изд. 1854, Изд. 1868, Изд. СПб.1886, Изд. 1900.

РАССВЕТ

(с. 218)

2 Кричит он бодро, живо, смело.

Автографы — РГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 192 об.;
Альбом Тютч.-Бирилевой.

9 Вставай, о Русь — уж близок час!

Автографы — РГАЛИ.
Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 192 об;
Альбом Тютч.-Бирилевой.

15 О Русь, к тебе взывает он.

Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой.*

НАПОЛЕОН

(с. 219)

I

2 Отважно в бой вступил — и не успел в борьбе;

Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 177.

4 Бой невозможный, бой напрасный

Москв. 1850. № 7. Ч. I. Кн. 1. С. 162.

5 Ты всю ее, как яд, носил в самом себе...

Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 177.

II

2 Две силы дивно в нем срослись:

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 3.

3–4 В главе его – орлы парили,
В груди его – змеи вились,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 177 об.

7 Но в самом буйстве дерзновений

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Ед. хр. 21. Л. 3.

11 Его души не озарила

Москв. 1850. № 7. Кн. 1. С. 162; *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 43; *Изд. 1868.* С. 113; *Изд. СПб., 1886.* С. 126. III

III

1–3 Он сам, на рубеже России –
Проникнут весь предчувствием борьбы –
Слова промолвил роковые

Автограф – РГБ. Ф. 308. Кар. 1. Ед. хр. 10. Л. 19 об.

6 Судьба откликнулась на голос твой!

Совр. 1854. Т. XLIV. С. 44, и след. изд.

7–8 И сам же ты, потом, в твоем изгнанье
Ты пояснил ответ их роковой...

Автограф – РГБ. Ф. 308. Кар. 1. Ед. хр. 10. Л. 19 об.

7 Но новою задачею в изгнанье

Автограф – РГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 178. Л. 191 об.

14–15 Порою встав, он смотрит на Восток,
И вдруг, смутясь, бежит, как бы почуя

Автограф – РГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 178, 191 об.; *Альбом Тютч.-Бирилевой; Москв.* 1850. № 7. С. 162.

15 Выходит он и смотрит на Восток,

Автограф – РГАЛИ. Ф. 195. Ед. хр. 5083. Л. 191 об.

Переводы
стихотворений, написанных на французском языке

* * *

(с. 182)

Мы шли с тобой вдвоем путем судьбы тревожным.
На наших лицах тень лежала, как печаль.
Мы сели отдохнуть на камень придорожный
И взглядам нашим вдруг одна открылась даль...

...Бег времени, увы, не терпит постоянства.
Разъединяет всех, всему отводит срок.
И бренный человек в бездушное пространство
Идет Судьбой гоним, уныл и одинок.

От тех часов теперь минуты не осталось
Где наша жизнь? И мысль? И взгляд? И общий путь?
Где тень от тени той? Где сладкая усталость?
И были ль мы с тобой вообще когда-нибудь?

(Перевод В.А. Кострова)

* * *

(с. 192)

С велением судьбы нам спорить бесполезно:
Как хрупок человек! Как краток век его!
Его присутствие — мгновение всего,
Небытие — зияющая бездна!

(Перевод В.А. Кострова)

МЕЧТА

(с. 195)

Ну что подаришь на исходе года?
Все вымерло: листва, цветы, трава,
Лишь ветра свист и холод небосвода —
Нет признака, что жизнь еще жива.

Но ты на стол гербарий свой положишь,
И под рукой цветы очнутся вновь,
И в памяти, и в сердце растревожишь
В них дремлющую прошлую любовь.

И юности проснется пыл прекрасный,
И прошлое опять с тобой вдвоем,
И мертвый пепел сделается красным
В разбуженном гербарии твоем.

Рука отыщет и возьмет оттуда
Два высохших и хрупких стебелька
И ты увидишь сбывшееся чудо —
Как расцветают в пальцах два цветка.

Ах, два цветка! На них блестели росы,
И мы ловили много лет назад
Благоуханье этой алой розы,
Сверкающий гвоздики аромат.

Они цветут среди зимы унылой
Те два цветка, как огоньки в судьбе.
И все-таки ты хочешь, ангел милый,
Понять их смысл? Я объясню тебе.

Цветы зимою умирают сами,
Крошатся корни, лепестки, листы.
Но если стебельков коснется пламя,
Вновь расцветают мертвые цветы.

Вот так же в час последнего дыханья,
Как солнца лик в угрюмых облаках
Вновь оживут твои воспоминанья
У смерти в костенеющих руках.

(Перевод В.А. Кострова)

* * *

(с. 202)

Хотя вечерний час часы еще не били,
Настала темнота, похолодел гранит
И кружатся над ним песчинки снежной пыли,
И лед сковал реку в прозрачный монолит...

Мир отступил... Исчез. В себе замкнулось море
Как наша жизнь уже не плещет, не гремит,
И нет ни мятежа, ни радости, ни горя,
И город устремлен на полюс, как магнит...

(Перевод В.А. Кострова)

LAMARTINE

(с. 213)

Оракул богов — кифара в руках Аполлона,
А мысль Ламартина — воздушная арка.
Она не гремит, словно гром с небосклона,
А льется мелодией, словно Эолова арфа.

(Перевод В.А. Кострова)

* * *

(с. 217)

Как любящую грудь печаль и ужас гложат,
Как сердце робкое сжимается тоской!
Я времени шепчу: остановись, постой,
Ведь предстоящий миг, подобно бездне, может
Зиять меж ней и мной.

Неумолимый страх, предчувствие потери
На сердце налегли; я прошлым удручен,
Я слишком долго жил, но пусть, по крайней мере,
Не канет в прошлое ее любовь, как сон.

(Перевод С.М. Соловьева)

Комментарии

Поэтическое наследие Ф.И. Тютчева собрано в первых двух томах настоящего Полного собрания сочинений. В первый том вошли стихотворения 1813–1849 гг.

Работая над текстами тютчевских стихотворений, составитель и комментаторы опирались на опыт предшественников, прежде всего учитывали прижизненные издания: публикации в журналах и альманахах 20–30-х годов XIX в., в пушкинском «Современнике» 1836 г., т. III–IV, в «Современнике», издававшемся П.А. Плетневым, а особенно Н.А. Некрасовым в 1850-х гг., в журнале «Москвитянин», газетах, альманахах, а также отдельные издания — 1854 г., подготовленное И.С. Тургеневым, 1868 г., подготовленное И.С. Аксаковым. Вместе с тем изучены вышедшие в свет в конце XIX в. собрания сочинений поэта, над которыми работали близкие Ф.И. Тютчеву люди — его жена Эрнестина Федоровна и А.Н. Майков (изд. 1886 г.), дети поэта Д.Ф., И.Ф. Тютчевы и литературовед А.А. Флоридов (изд. 1900 г.). Из публикаций XX в. выделено Полное собрание сочинений Ф.И. Тютчева под редакцией П.В. Быкова, переизданное восемь раз. Позднее Г.И. Чулков составил подробные комментарии в подготовленном им Полном собрании стихотворений поэта в 2-х томах (М. — Л.: «Academia», 1933–1934). Из работ последних десятилетий, к которым обращались комментаторы, следует отметить труды К.В. Пигарева, и прежде всего двухтомник «Ф.И. Тютчев. Лирика» (М.: «Наука», 1965–1966, серия «Литературные памятники»).

Сверив с автографами и первопечатными изданиями тютчевские тексты, текстологи в большинстве случаев подтвердили правильность прочтения текстов Г.И. Чулковым и К.В. Пигаревым, внесшими бесценный вклад в тютчевскую текстологию. Новое исследование автографов дало свои результаты. Современные исследователи сталкиваются с целым рядом проблем. Первые публикации произведений поэта, в «Галатее» С.Е. Раича или в «Современнике» 1854 г., в отдельном издании 1854 г., подготовленные И.С. Тургеневым, несут такие следы редакторских вторжений, которые меняют поэтические интонации, смысловые нюансы и даже идейные акценты. Последние иногда приходилось делать, по-видимому, в угоду цензуре.

Следует к тому же учитывать, что сам поэт не участвовал или почти не участвовал в подготовке к изданию своих стихотворений.

Сушковская тетрадь (готовившееся в 1851–1852 гг., но не осуществленное издание стихотворений поэта) и соответствующий ей (за исключением стихотворений, написанных во второй половине 1850-х и в 1860-х гг.) Мурановский альбом почти не содержат исправлений, внесенных Тютчевым, его замечаний о порядке расположения стихотворений. Вызывает сомнение даже то, что он прочитал полностью переписанные в тетрадь, а затем в альбом стихотворения. Во всяком случае, Тютчев обычно не исправлял описки, пропуски слов или строк своей переписчицы — жены Эрнестины Федоровны. Поэт предоставлял большую свободу тем, кто готовил его произведения к изданию. Тем более возрастает значение автографов. Тютчев нередко писал стихи на клочках бумаги и порой забывал о них. В то же время есть немало произведений, к которым он неоднократно возвращался, работал над ними, переделывал отдельные строки, дописывал строфы, переписывал стихотворения, меняя знаки препинания и таким путем обновляя интонационную систему текста.

Значение тютчевских автографов еще более усиливается, если учесть то обстоятельство, что в 20–30-х годах XIX в. синтаксические нормы русского языка не были столь установившимися, как в более позднее время. Поэт в то время мог свободнее оперировать всеми знаками препинания — тире, многоточиями, восклицательными и вопросительными знаками, а также различного типа выделениями — прописными буквами, сложными завитками в написании некоторых букв, нажимами пера, подчеркиваниями в конце стихотворения. В результате его синтаксис, графика больше служат поэтическому самовыражению, нежели у более поздних поэтов, скованных орфографическими и синтаксическими нормами языка. Еще А.А. Блок утверждал: «Душевный строй истинного поэта выражается во всем, вплоть до знаков препинания». Тютчев тяготеет более к многоточиям и тире, нежели к точкам. Ему свойственен безостановочный поэтический поток. Даже в конце стихотворения он нередко ставит многоточие, тире или длинную линию, а то и вообще как бы забывает о любом из знаков препинания, словно бы продолжая течение мысли, не оформленной в слова... Отрицанием точки служат и восклицательные, а иногда и вопросительные знаки в конце строф: преобладает не успокоение, а эмоциональный подъем, но он отнюдь не препятствует поэтическому созерцанию и размышлению. Многозначные тире выражают не только пояснения, но и незавершенность высказывания (здесь они совпадают по смыслу с многоточиями), они могут вызывать различного типа ассоциации — с движением волны и вообще поверхности воды, ветром, полетом листьев и т. п. В нашем издании вы-

ражено стремление по возможности (не нарушая современных грамматических норм) воспроизвести беловой автограф в оформлении стихотворений, сохранить тютчевские синтаксис и графику. Признан авторитет первопечатного издания в «Современнике» А.С. Пушкина, и, как правило, используемый нами текст совпадает с тем, который приведен в этом журнале. Что касается других публикаций, то они подвергнуты критическому анализу, и опираться приходилось больше на автограф в том случае, когда автограф сохранился. Учитывались и возможные описки в тексте самого Тютчева. Все сказанное побуждает к более подробной характеристике и анализу тютчевских автографов как важнейших показателей психологии творчества поэта, своеобразия его индивидуальности, лаборатории писательского труда. Художественная выразительность тютчевского стихотворения — не только в словах-образах, но и в самой авторской записи текста. Автограф стихотворения становится своеобразным эстетическим явлением. Мы стремились это показать, учитывая, что в комментариях к предыдущим изданиям автографы в этом аспекте не анализировались.

В обоих томах стихотворений Ф.И. Тютчева, открывающих шеститомное Полное собрание сочинений, принят хронологический принцип как наиболее уместный в научном издании. Кроме того, приходится учитывать, что сам поэт не издал своего собрания сочинений и, стало быть, не производил отбора.

Датировка произведений Тютчева, особенно 1810–1840-х гг., представляет ряд трудностей. Поэт далеко не всегда проставлял даты написания стихотворений. Поэтому пришлось пользоваться косвенными сведениями для определения времени их создания, даже такими, как тип бумаги, характер почерка, а также различными данными, почерпнутыми из писем поэта или из «Биографии Федора Ивановича Тютчева», созданной И.С. Аксаковым. Тютчев иногда переписывал свои стихотворения, нумеруя их. Если при этом на листе рукой поэта указан год, то проблема порядка расположения того или иного произведения в томе решена — воля Тютчева не нарушается, хотя сохраняется неясность, что означает тютчевская нумерация: последовательность написания стихотворений или его желание именно в такой последовательности их печатать и читать? В комментариях высказаны предположения на этот счет. Стихотворения, переписанные на одном листе, не разлучаются; также соединены в томе те, которые помещены на бумаге одного типа и написаны почерком с одними и теми же особенностями. Многие стихотворения 1830-х годов датируются приблизительно: учитываются год и месяц, когда они были направлены Тютчевым в Петербург И.С. Гагарину (начало

мая 1836 г.). Если отсутствуют другие косвенные указания или уточнения, то последовательность расположения произведений в томе определена «логикой» движения общих лирических мотивов. Помогают датировке время первой публикации, год и месяц цензурного разрешения к печати.

Кроме описания, анализа автографов, в комментариях рассматривается история издания стихотворений Тютчева. Эта работа в таком объеме проделана впервые. История изданий обнаруживает две тенденции: первая — сохранить тютчевский текст, приблизиться к нему даже в оформлении стихотворения, и вторая — «поправить» Тютчева в соответствии с логическими или языковыми нормами. «Исправлялись» метры и ритмы его стихов, этим особенно отличались публикации стихотворений «Сон на море», «Silentium!», менялись фразы пантеистического содержания, много разночтений в синтаксисе стихотворения «Душа моя, Элизиум теней...». Вообще тютчевский синтаксис сильно модернизировался; иногда поэта «успокаивали», заменяя восклицательные знаки точками, исчезали многоточия и тире.

Ближе всего к автографам Тютчева стихотворения, напечатанные в пушкинском «Современнике». Издание стихотворений Тютчева, подготовленное и отредактированное И.С. Тургеневым, оказало влияние на все дальнейшие публикации XIX в. Первые относительно полные собрания сочинений Тютчева (1886 г. и 1900 г.) значительны не только тем, что содержат большее, чем в прижизненных изданиях, количество стихотворений. В них интересна составительская работа; цѐнны указания времени и места написания произведений. В издании 1900 г. впервые появились комментарии в современном их понимании, в них отмечены первые публикации стихотворений поэта.

Однако само по себе комментирование творчества Тютчева началось в середине XIX в., в известной статье Н.А. Некрасова «Русские второстепенные поэты». Некрасов цитировал стихотворения и предлагал читателю эстетико-психологический комментарий, говоря о том, как действуют стихотворения на настроение человека, какие чувства в нем вызывают и в чем состоит художественная самобытность образов. В дальнейшем в статьях других авторов о тютчевских сборниках усиливался эстетический анализ отдельных образов и поэтических картин. В конце XIX в. определился философский комментарий в статьях B.C. Соловьева и С.Л. Франка. Систематизировал материалы для комментариев и сделал собственные замечания, иногда спорные, Р.Ф. Брандт в «Материалах для исследования "Федор Иванович Тютчев и его поэзия"». СПб., 1912.

В изданиях начала XX в. (см., например, примечания в Полном собрании сочинений под редакцией П.В. Быкова) комментарии приобретают все более академичный характер: в них сообщаются сведения о первых изданиях, о реальных обстоятельствах написания стихотворений, о некоторых спорных моментах. Наиболее подробный комментарий — в издании Полного собрания стихотворений (в 2-х томах, М.; Л.: «Academia», 1933–1934). Редактор и комментатор этого издания Г.И. Чулков проделал значительную исследовательскую работу, сообщил основные сведения об автографах, о местах их хранения, о тютчевской правке, вариантах произведений, указал на расхождения издателей в датировке стихотворений, дал краткий реальный комментарий. В дальнейшем издатели опирались на работы Г.И. Чулкова.

К.В. Пигарев в своих комментариях разного типа и сопроводительных статьях уточнил места хранения автографов, датировку некоторых стихотворений. Особенно ценны его ссылки на семейный архив; ученым внесены исправления в прежний реальный комментарий; впервые собраны наиболее значительные отзывы о стихотворениях Тютчева — Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, И.С. Аксакова. В нашем издании эта часть комментариев значительно расширена. Приведены отзывы о произведениях Тютчева, кроме названных авторов, также И.С. Тургенева, А.В. Дружинина, С.С. Дудышкина, П.К. Щебальского, В.С. Соловьева, К.Д. Бальмонта, Вяч. Иванова, В.Я. Брюсова, А.А. Блока, С.Л. Франка и др. Представлены результаты исследования прежде всего прижизненных изданий и отклики критиков и писателей именно на них. Однако создатели тома не ограничились лишь прижизненными оценками стихов Тютчева, так как полные (относительно) собрания его сочинений были выпущены посмертно и именно эти издания заставили крупных поэтов, критиков, философов конца XIX — начала XX в. комментировать конкретные произведения поэта и в целом осознать значение и роль его наследия. Поэтому в наших комментариях использованы отзывы литераторов и философов первых десятилетий XX в. Что касается высказанных суждений и проведенных анализов в послереволюционные годы, то они также учтены.

В течение последних десятилетий издатели произведений поэта нередко действовали в сотрудничестве с К.В. Пигаревым. Ценный комментарий к письмам поэта в двухтомных изданиях сочинений Тютчева (1980, 1984 гг.) принадлежит Л.Н. Кузиной. На путь обновления текстологической работы стал А.А. Николаев, особенно это проявилось в подготовленном им однотомном издании стихотворений Ф.И. Тютчева (Большая серия «Библиотеки поэта», 1987 г.). А.А. Николаев принял тип лаконичного комментирования, как тек-

столог он склонен приблизиться к автографу. В реальных комментариях он использовал результаты своих исследований, иногда спорных. Е.Н. Лебедев, В.В. Кожинов, Н.В. Королева в своих работах также опирались на труды прежде всего К.В. Пигарева, внося в некоторых случаях свои коррективы и дополнения. Весь этот значительный накопившийся опыт отражен в настоящем издании.

Структура комментариев определилась следующим образом. После краткого общего вступления, содержащего исходные сведения о стихотворении, дается анализ автографа (если он сохранился), затем рассматривается история публикаций стихотворения на протяжении XIX в. (последним взято издание 1900 г.), приведена история оценок стихотворения, в заключение даны пояснения отдельных слов и названий.

Впервые в комментарии вошли результаты исследований своеобразия переводов Тютчева.

Автографы изучались в основном по архивным фондам РГАЛИ (ф. 505 и некоторые другие), использовались и те немногочисленные автографы, которые хранятся в архивах Санкт-Петербурга, в Государственном музее-усадьбе Мураново им. Ф.И. Тютчева, а также в альбоме М.Ф. Тютчевой-Бирилевой, который остается в семейном архиве дочери К.В. Пигарева А.К. Бегининой. Она любезно предоставила возможность с ним ознакомиться. Автографы стихотворений, которые, по свидетельству К.В. Пигарева (см. *Лирика. I–II.* Комментарии), сохранялись в архиве Д.Д. Благого, не удалось обнаружить; опись его фонда в архиве Российской академии наук их не зафиксировала. В настоящее время местонахождение этих автографов неизвестно.

Текстологическая работа проделана *В.Н. Касаткиной, Л.В. Гладковой, М.А. Розадеевой.* Авторская принадлежность отдельных фрагментов комментариев обозначена в следующих сокращениях: *Л.Г.* –Л.В. Гладкова, *В.К.* – В.Н. Касаткина, *Л.Л.* – Л.К. Латышев, *М.М.* – М.Г. Мирианашвили, *Л.Н.* – Л.Л. Нелюбин, *Г.Ч.* – Г.В. Чагин; текст, не отмеченный таким образом, принадлежит *В.Н. Касаткиной.*

В томе приняты указываемые в Списке условных сокращений (см. с. 513–516) написания, наиболее часто упоминаемых источников. Даты приводятся в соответствии с автографами Ф.И. Тютчева и другими источниками. Воспроизводится двойная дата или по старому стилю.

В.Н. Касаткина

ЛЮБЕЗНОМУ ПАПЕНЬКЕ!

(с. 11)

Автограф неизвестен. Список сделан матерью поэта Е.Л. Тютчевой. Хранится в *Муранове* — Ф. 2. Оп. 1. № 9. Л. 1 об.

Первая публикация — *Звенья*. 1933. Т. II. С. 268–269, в статье К.В. Пигарева «Новооткрытые тексты Тютчева».

Печатается по списку.

Над текстом стихотворения надпись Е.Л. Тютчевой: «В день рождения папеньки Федор(а) Тютчева». В списке слова «Муз», «Ты» с прописной буквы. На первом листе тщательно, каллиграфически красиво записано посвященное «Маменьке в день ее Рождения»:

Молю я Господа, чтобы в сей день блаженный
Продлил жизнь маменьки нам милой и любезной.
Чтобы была она щастлива в жизни сей,
Утешена всегда от любящих детей.
Вот все, чего в сей день вам, маменька, желаю
И пламенной любви сыновней к вам пылаю.
Н. Тютчев

Автор почерка не установлен, подпись выполнена другим почерком, другим пером, видимо Н.И. Тютчева, брата Федора Ивановича. В результате получается: стихотворение «Маменьке» — первое; стихотворение «Папеньке» — второе.

Датируется 1813 или 1814 г.

Посвящено отцу поэта, Ивану Николаевичу Тютчеву (1776–1846). И.С. Аксаков (*Биогр*. С. 8, 9) так охарактеризовал его: «...отец Федора Ивановича <...> отличался необыкновенным благодушием, мягкостью, редкою чистотою нравов и пользовался всеобщим уважением <...> Радушный и щедрый хозяин был, конечно, человек рассудительный, с спокойным, здравым взглядом на вещи, но не обладал ни ярким умом, ни талантами. Тем не менее, в натуре его не было никакой узости, и он всегда был готов признать и уважить права чужой, более даровитой природы». В детском стихотворении Тютчева описана счастливая семья, создан обаятельный образ отца, главы семейства.

НА НОВЫЙ 1816 год

(с. 12)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1–2 об.

Первая публикация — *Феникс*. 1922. Кн. I. С. 5–6.

Печатается по автографу. Подпись «Ф. Т. т. ч. в». См. «Другие редакции и варианты». С. 224.

Автограф беловой, название — «На новый 1816 год», под названием и в конце — виньетка. В 54-й строке слово «здесь» вставлено. Правка лишь в последней строке: «умолкнет» исправлено на «умолкла», чем поэт усилил категоричность приговора. Синтаксис отразил высокий эмоциональный накал, в конце строк обычны восклицательные знаки, иногда они врываются в середину строк и предложений; в конце строк обилие многоточий, означающих недосказанность, незавершенность предсказаний, главных обещаний. Подобную роль выполняют прописные буквы в особо значимых существительных — «Сын Солнца», «Новый Год», «Зарею», «Океан», «Вечность», «Небес», «Смертного» и т. д. На л. 2 об. ниже текста стихотворения слева помета рукой Д.Ф. Тютчевой: «Papa avait 13 ans» (Папе было 13 лет — *фр.*).

Текст в *Фениксе* отличается от автографа: в 46-й строке — «Где в неге льстил своей приятный мягкий пух», в 55-й — «И навсегда со гласом чести». Скорее всего здесь опечатка или неудачная правка издателя; в автографе — «Где б неге льстил твоей приятный мягкий пух» и «И навсегда со гласом лести». Варианты автографа яснее передают смысл фразы. В первой публикации сохранены прописные буквы в важных для поэта словах — «Год», «Океан», «Небес», «Время», «Грозным Богом», — но слово «тартара» напечатано со строчной буквы. 23-я строка сдвинута вправо и начинается в середине строки, как и все другие четырехстопные ямбы, завершающие каждую из строф.

К.В. Пигарев (*Лирика II*. С. 325–326) отметил ошибку в определении возраста Тютчева, сделанную Д.Ф. Тютчевой, которая в сопроводительной записи сообщила, что юному поэту было 13 лет. На самом деле Тютчеву было немногим больше 12-ти.

Датируется концом декабря 1815 — началом января 1816 г.

Пигарев и Г.И. Чулков (см. *Феникс*. С. 137) не без основания полагают, что именно это стихотворение с измененным названием («Вельможа. Подражание Горацию») и в переработанном виде было прочитано А.Ф. Мерзляковым в *Общ*. 22 февраля 1818 г.

Крон (Хронос) — бог времени (*греч. мифол.*); Тютчев неоднократно говорит и в других своих стихотворениях о Времени как о божестве.

Вавилон — столица Вавилонского царства (XIX – VI вв. до н. э.).

Мемфис — столица Древнего Египта, находившаяся южнее современного Каира.

Илион — второе название Трои, по которому получила заглавие «Илиада» Гомера.

Коцит — (*лат.* Cocytus) — «Река плача» в подземном царстве.

Тартар — мрачная бездна в глубинах земли, нижняя часть преисподней (*греч. мифол.*).

Евмениды (Эвмениды) — богини-мстительницы (*греч. мифол.*).

«ВСЕСИЛЕН Я И ВМЕСТЕ СЛАБ...»

(с. 14)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 6.

Первая публикация — *НС.* 1926. С. 85.

Печатается по автографу.

Автограф — на бумаге л. 8°, пожелтевший, со следами сгибов, текст написан красными чернилами, заключен в обведенную простым карандашом рамку. В 1-й строке рукой неустановленного лица в слове «Всесилен» «е» исправлено на букву «у». На обороте листа детский рисунок: бутылка, из которой льется жидкость в стакан.

Знаки препинания в автографе отсутствуют; текст приводится в современной орфографии. Перед текстом есть авторская помета — «Перевод Ф. Т....ва», однако иностранный источник не найден.

Точная дата написания не установлена. Г.И. Чулков предположительно относит стихотворение к 1814–1815 гг. и считает его более ранним, нежели «На новый 1816 год». К.В. Пигарев (*Лирика II.* С. 328) определяет время написания еще более обобщенно — 1810-е годы. По нашему мнению, можно принять точку зрения Пигарева.

ДВУМ ДРУЗЬЯМ

(с. 15)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 7 и 5, беловой.

Первая публикация — *Феникс.* 1922. Кн. I. С. 139. Подготовлена Г.И. Чулковым; затем он же перепечатал в *НС.* С. 36.

Печатается по автографу.

Чулков (*НС.* С. 65–66) полагал, что «рукопись получена внуком поэта, Н.И. Тютчевым, от Надежды Александровны Быковой, внучки Татьяны Львовны Миллер, урожденной Толстой, родной тетки поэта. Оригинал на двух листочках, вырванных, по-видимому, из альбома, — первые две строфы на розовой бумаге, третья на желтоватой. На бума-

ге водяными цифрами год — 1814. Стихам предшествуют (на оборотной стороне розового листка) следующие неизвестною рукою написанные строки: «Pour le 4 Décembre 1816. Notre Fête est bien triste cette année, ma bien aimée amie, les félicitations ne viennent point au bout de ma plume, que les voeux que j'adresse continuellement au ciel pour ton bonheur soyent seuls deposées en cet album, une confiance parfaite en Dieu qui peut tout est le bien le plus réel; c'est à lui que j'adresse mes prières pour toi. Puissent-elles être exaucées. Puissions-nous relire un jour ensemble avec plus de contentement ces lignes que ton amie te trace avec tant de tristesse». («На 4 декабря 1816 г. Наши именины так печальны в этом году, мой возлюбленный друг, поздравления не идут у меня с кончика пера, поэтому пусть в этом альбоме будут только мои молитвы о твоем счастье, с коими я постоянно обращаюсь к небу; всецело положиться на Волю Всевышнего — в этом единственное подлинное благо, и я обращаю к Нему мои молитвы за тебя. Дай Бог им быть услышанными. Дай Бог нам однажды вместе перечитать эти строки, написанные твоим другом с такой горечью, в более спокойном состоянии». (Перевод с фр. *Л.Г.*). Под текстом подпись: «Ф. Тчв».

Датируется концом ноября — началом декабря 1816 г.; посвящено именинам 4 декабря.

Дату 4 декабря церковь значит как день святой великомученицы Варвары. У Тютчевых было принято отмечать именинные дни. В стихотворении речь идет о двух особах, одна из которых «прияла / И добродетели и имя девы той / Котора споборала / Религии святой...», т. е. эта женщина непременно Варвара, а вторая просто родилась в этот день (но могла быть и не названа Варварой). Известно, что после рождения старших сыновей Николая (1801) и Федора (1803) мать поэта, Екатерина Львовна, все чаще наведывалась из Овстуга в Москву, в дом тетки А.В. Остерман (урожд. Толстой), где прежде жила. Многочисленные тетки и сестры Толстые ей помогали в воспитании детей. Наиболее близкими ей тогда были тетка «девица Варвара Васильевна Толстая» и сестра Варвара Львовна Щукина (урожд. Толстая). Полагаем, что последняя и явилась одним из адресатов послания (*Г.Ч.*).

«ПУСКАЙ ОТ ЗАВИСТИ СЕРДЦА ЗОИЛОВ НОЮТ...»

(с. 16)

Автограф — *Собр. Пигарева*. Воспроизведен в *ЛН*. 1937. Т. 29–30. С. 135.

Первая публикация — *Голос минувшего*. 1923. № 3. С. 88. Подготовлена Г.И. Чулковым.

Печатается по автографу.

Написано Тютчевым на первой странице книги Вольтера «La Henriade, poême, avec les notes et les variantes» (Paris, 1805) «Генриада, поэма, с примечаниями и вариантами» (*фр.*). Перед стихотворением указано: «Из книг Федора Тютчева 1818 г. 8 мая». На этом основании его можно датировать — написано не раньше этой даты, в пределах указанного года.

В комментарии к первой публикации Чулков писал о влиянии Вольтера на «юного вольнодумца» Тютчева, но оно не было продолжительным. К.В. Пигарев (*Лирика II.* С. 327) обнаружил, что стихотворение Тютчева — переделка четверостишия «Надписи к портрету М.М. Хераскова» И.И. Дмитриева:

Пускай от зависти сердца в зоилах ноют;
Хераскову они вреда не нанесут:
Владимир, Иоанн щитом его покроют
И в храм бессмертья проведут.

Пигарев полагает, что поводом к переадресовке четверостишия Вольтеру послужило критическое высказывание о «Генриаде» Делиля, сделанное им в предисловии к переводу «Энеиды» и ставшее известным Тютчеву (*Лирика II.* С. 327).

Зоилы — завистники (*греч.*).

Пиериды — музы (*греч. мифол.*). Пиэрия — родина муз.

ПОСЛАНИЕ ГОРАЦИЯ К МЕЦЕНАТУ, В КОТОРОМ ПРИГЛАШАЕТ ЕГО К СЕЛЬСКОМУ ОБЕДУ

(с. 17)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Труды Общ.*, 1819. Ч. XIV, раздел «Стихотворения». С. 32–36, с подписью «Ф. Тютчев».

Печатается по первой публикации. В прижизненные издания не включалось.

В *Изд. 1900.* С. 375–378, датируется — 1818 г. Установлена и граница последнего срока написания стихотворения — февраль 1819 г., так как оно было прочитано 8 марта 1819 г. С. В. Смирновым в *Общ.*

Создано по мотивам поэзии Горация (см. его оды, кн. III, 29). Заглавие, по-видимому, дал Тютчев.

И.С. Аксаков в связи с определением отношений «ученика» Тютчева с «учителем» С.Е. Раичем писал: «Ученик скоро стал гордостью учителя и уже 14-ти лет перевел очень порядочными стихами послание Горация к Меценату. Раич, как член основанно-

го в 1811 году в Москве Общества любителей российской словесности, не замедлил представить этот перевод Обществу, где, на одном из обыкновенных заседаний, он был одобрен и прочтен...» (*Биогр.* С. 13). Однако Аксаков допустил ошибку, указав на то, что в *Общ.* стихотворение читал Мерзляков 30 марта 1818 г., на самом деле оно было прочитано С. В. Смирновым (см.: *Общ.* 1819. Кн. XVI. С. 32; см. об этом в статье Г.И. Чулкова «Отроческое стихотворение Ф.И. Тютчева» / *Феникс.* С. 137–138 и *Чулков I.* С. 279–280).

Р.Ф. Брандт (*Материалы.* С. 94) отметил, что у Тютчева получился «не перевод, а перепев», поэт удлинил произведение и этим «несколько ослабил подлинник <...>, но весьма кстати подчеркнул самые сильные выражения Горация: «vixi» и «mea virtute me involvo» тем, что поставил первое в рифму («Блажен... Кто может, радостный, сказать себе: я жил!»), а из второго сделал отдельный стих («И облекаюсь в добродетель»)».

Анемон и *крин* — названия цветов.

Брашны — кушанья.

...кастальских чистых дев... — Касталия — родник на горе Парнас, около Дельф, где находился храм Аполлона; кастальские девы — музы (*греч. мифол.*).

Под кровом сельского Пената... — Пенаты — древнерим. боги дома, хранители домашнего очага. В переносном смысле — родной дом, родина.

...небесный лев тяжелою стопою... — речь идет о созвездии Льва.

В священной рощице Сильвана... — Сильван — италийский бог лесов, усадеб и садов, отождествляется с греч. Паном.

Нептуновы владенья — Нептун — бог морей и потоков (*римск. мифол.*).

Отец природы — по-видимому, и здесь имеется в виду Сильван (Пан). Второй раз он появился в стих. «Полдень»: «И сам теперь великий Пан / В пещере нимф спокойно дремлет». В других стихотворениях о природе поэт использует женский образ: Природа-мать ему дала / Два мощных, два живых крыла («С поляны коршун поднялся...»); «У грудей благой природы / Все, что дышит, Радость пьет! («Песнь Радости. Из Шиллера»), «Нет, моего к тебе пристрастья / Я скрыть не в силах, мать-Земля!».

...игралище Фортуны злой — Фортуна — богиня счастья, удачи, судьбы, притом она могла быть «судьбой доброй» и «судьбой злой» (*римск. мифол.*).

...бурями увитый Нот — Нот — божество южного ветра (*греч. мифол.*).

Пучины сланые... — т. е. соленые, морские.

УРАНИЯ

(с. 20)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — Речи и отчеты имп. Московского университета. 1820. С. 1–6. Опубликовано также отдельным оттиском с титульным листом в типографии Московского университета, 1820 г. В прижизненные издания и издания конца XIX в. не включалось.

Печатается по первой публикации.

С.П. Шевырев (История императорского Московского университета. М., 1855. С. 456) свидетельствовал: «В 1820 году под стихотворением «Урания» встречаем в первый раз имя поэта, ученика в русской словесности Мерзлякова, Тютчева». Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 12–15) определил следующим образом главный смысл произведения: повторив, что это первое напечатанное стихотворение Тютчева, он назвал «Уранию» гимном, «воспевающим в 194 стихах вечность и благость просвещения, изображая его преимущественно в виде поэзии и некоторых главных ее представителей. «Урания (Небесная)», название одной из муз, здесь служит для обозначения высшей, неземной Правды и Красоты — *ср.* у Шиллера в «Художниках (Die Künstler)», стихи 54–65... Этот гимн, несколько длинный и ложноклассический, но не лишенный красот...». Брандт отчасти сомневался в авторстве Тютчева. Биограф относил стихотворение к 1820 г. на основании пометы в университетском альманахе и считал его юношеским. Брандт увидел в некоторых строках стихотворения (28–33) связь со стих. Шиллера («Was wir als Schönheit hier empfunden, / Wird einst als Wahrheit uns entgegen gehn»), а также в 58-й строке — «du, die... wie sie (die Freundschaft) der Seele Sturm beschwört, Beschäftigung, die nie ermattet».

Датируется не позднее начала июля 1820 г., см. *Летопись*. С. 34.

Урания — одна из девяти муз, покровительница астрономии (*греч. мифол.*), отсюда образ: «И звездный венец на богине горит» и другие образы звездного неба в стихотворении. Один из эпитетов Урании — «Небесная».

Мнемозина — (воспоминание. — *греч.*) — мать девяти муз (*греч. мифол.*).

Се муз бесценный дар! — Музы — покровительницы искусств, творческой деятельности, рождены у горы Олимп (*ант. мифол.*).

Хариты — богини красоты, дочери Зевса, сопровождавшие Афродиту, Диониса, Аполлона и др. богов (*греч. мифол.*). Их называют — Аглая (Блеск), Евфросинья (Радость), Талия (Цвет).

Аквилон — у древних римлян северный ветер. В переносном смысле — злой рок.

Фарос — маяк, сооруженный на острове Фарос.

Вавилон — столица Вавилонского царства (XIX–VI вв. до н. э.).

Фивы — древний город в Беотии, упоминаемый Гомером.

Мемнон — царь Эфиопии. Сын Эос и Тифона. Принимал участие в Троянской войне (*греч. мифол.*).

Эгей — афинский царь. Из-за ошибки сына Тесея, поднявшего черный парус на судне вместо белого, бросился в море и утонул; его имя сохранилось в названии Эгейского моря (*греч. мифол.*).

Эллада ('ЕλλαS — *греч.*) — самоназвание Греции.

Паллада — (дева — *греч.*) — прозвище богини Афины.

Певец слепой — Гомер.

Ареевой десницы — Арес — бог войны (*греч. мифол.*).

Марс — бог войны (*рим. мифол.*), отождествлялся с греческим Аресом.

Тибр — река в Центральной Италии, в низовьях которой на холмах основан город Рим.

Лебедь Мантуи — римский поэт Вергилий, родом из Мантуи.

Троя — город на северо-западе Малой Азии, разрушен ахейцами. Об осаде Трои рассказал Гомер в «Илиаде».

Денница — утренняя заря.

Феррарский орел — итальянский поэт Торквато Тассо (1544–1595), долго жил в г. Ферраре при дворе феррарского герцога.

Нимфы Тага — нимфы (*ант. мифол.*) реки Тахо.

...текут тебе, Младой Певец... — Камоэнс Луиш де (1524 или 1525–1580) — португальский поэт, автор поэмы «Лузиады».

Два гения — поэты: английский Джон Мильтон (1608–1674) и немецкий Фридрих Готлиб Клопшток (1724–1803).

Тамиза — река Темза в Великобритании.

Русский Пиндар — М.В. Ломоносов (1711–1765); Пиндар — знаменитый древнегреческий поэт, сочинявший гимны, дифирамбы (ок. 518–ок. 446 гг. до н. э.).

Поллюкс (Поллукс) и *Кастор* — близнецы (диоскуры — *греч.*), перенесены на небо в качестве звезд-близнецов в одноименном созвездии.

...на гроб отца, царя-героя — имеется в виду Петр I.

Певец Фелицы — Г.Р. Державин (1743–1816), автор од, в том числе оды «Фелица», славящих Екатерину II.

Царя-героя... — Александра I.

Закрылись Януса врата! — Намек на завершение Отечественной войны 1812 г. Двери храма древнеримского бога Януса закрывались только в мирное время.

«НЕВЕРНЫЕ ПРЕОДОЛЕВ ПУЧИНЫ...»

(с. 26)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 4.

Первая публикация – *Изд. 1900.* С. 13.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 224.

Автограф беловой, коричневыми чернилами, на бумаге с водяными знаками, л. 4*, оборот листа чистый. Выше текста стихотворения заглавие рукой неустановленного лица «К Р....чу». Под текстом – авторская дата «14. Сентября. 1820 года. Москва». В нижнем правом углу подпись: «Ф.Т.». Правка лишь во 2-й строке: «родимых» исправлено на «желанных», что больше соответствует смыслу аллегорической картины. Обозначены строфы. Слова «Днесь», «Друг», «Дружеству», «Древа», «Питомца» – с прописной буквы, поэт выделил особо значимые существительные.

Первая публикация отличается от автографа исправлением синтаксиса: убраны многоточия в конце 4, 6, 8 и 16-й строк, а также тире в конце 10-й и 14-й строк, из-за чего снизилась эмоциональная экспрессия и многозначность тютчевских высказываний.

Обращено к поэту-переводчику Семену Егоровичу Раичу (1792–1855), бывшему в 1813–1816 гг. домашним учителем российской словесности у Тютчева (до начала 1820-х гг. он носил свою подлинную фамилию Амфитеатров, пока не взял себе литературный псевдоним Раич по названию родного села Рай-Высокое). В 1818 г., 20 февраля, Раич, выдержав выпускной экзамен в Московском университете на юридическом факультете, получил степень кандидата прав. «Вступив снова в дом Тютчевых, – вспоминал Раич, – я успел приготовить ученика своего к Университету... В это время приступил я к переводу Вергилиевых «Георгик» и вот по какому случаю: Ф.И. Тютчев брал уроки французской словесности у г. Динокура... Г. Динокур знал очень хорошо латинский язык, восхищался Вергилием, восхищался и Делилем, особенно его переводом Вергилиевых «Георгик»; как француз, он выше всех литератур ставил литературу французскую и уверял, между прочим, будто один только Делиль мог перевести удачно Вергилиевы «Георгики», будто бы на другой, по крайней мере, на русский язык они не могут быть переведены, – по недостатку в нем, говорил он, – так называемого среднего дидактического языка. Я заступился за честь родины и ее слова и, вместо бесплодного словопрения, принялся за дело, за перевод Вергилиевых «Георгик». Около года никому не показывал я опытов моих в переводах, кроме Ф.И. Тютчева, вкусу которого я вполне доверял...» (Автобиография С.Е. Раича. Русский библио-

фил, 1913. № 8. С. 25). Юный Тютчев был, естественно, польщен доверием своего учителя, и вот откуда его восторженный тон в стихотворении (*Г.Ч.*).

Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 20) согласился с устным сообщением А.А. Флоридова о том, что в рукописи стихотворения имеются поправки Раича.

Древо Аполлона — лавр.

К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ

(с. 27)

Автограф неизвестен. Список — Отдел рукописей РГБ. Ф. 233. Тетрадь С.Д. Полторацкого.

Первая публикация — *РС*. 1887. Т. 56, октябрь. С. 129. В прижизненные издания и ближайшие посмертные не входило. Другие публикации — *Северные цветы*. 1903. С. 190; *Изд. Маркса*. С. 3; *Чулков. I*. С. 104–105; *Лирика II*. С. 26.

Печатается по *Лирике II*.

В 1880-х гг. список принимали за автограф, с него печатали стихотворение и в начале XX в. На самом же деле, по исследованиям Г.И. Чулкова (*Чулков I*. С. 283), текст в тетради Полторацкого ничего общего не имеет с почерком Тютчева, к тому же этот список включен в особую тетрадь с зеленоватыми листами, вложенную в общую тетрадь. На тетради Полторацкий сделал надпись: «Рукописные стихотворения (найдено 18/30 июня 1846)».

В *РС* опубликовано под названием «К оде Пушкина «На вольность» с подписью «Ф.И. Тютчев»; в 6-й строке — «И вседрожащею струей»; напечатано с пропуском в 8-й строке слова «царей», в 11-й — слов «тиранам закоснелым». В конце 14-й строки стоит вопросительный знак, то есть смелость Пушкина оказалась под вопросом. Пропуски, а возможно, и этот вопросительный знак явно вызваны цензурой: оппозиционный смысл стихотворения по отношению к «царям», ассоциированным с «тиранами», да еще «закоснелыми», ощущался в 80-х гг. XIX в. В *РС* 10-я строка — «забыв их сан, их трон»; 22-я строка («Своей волшебною струною») пропущена. В стихотворении выделены строфы: первое восьмистишие, второе шестистишие, третье четверостишие и четвертое четверостишие.

В *Северных цветах* восстановлен пропуск в конце 8-й строки — слово «царей»; появились варианты строк: 6-й — «И вседержащею струей», 10-й — «Забыв их сан, забыв их трон», 11-й — «Вещать сердцам оцепенелым»; в конце 14-й строки — восклицательный знак, который соответствует смыслу предшествующих строк и са-

мому замыслу стихотворения, выраженному в его названии. Все стихотворение разделено на четверостишия. 22-я строка и здесь пропущена. К. В. Пигарев полагает, что этот текст воспроизведен по другому списку (см. *Лирика II*. С. 331).

В *Изд. Маркса* 6-я и 8-я строки — как в предыдущем издании (со словом «царей»), 10-я — также, 11-я — в новом варианте — «Вещать царям оцепенелым» (однако в Примечаниях указано, что в «рукописи Румянцевского музея — «Вещать тиранам закоснелым»), 22-я строка пропущена. Деление на строфы соответствует варианту публикации в *PC*.

Текст издания *Чулков I* (с. 104–105) отличается от текста издания *Лирика II* (с. 26): в первом совсем не выделены строфы; в 11-й строке второе слово «забыв» заключено в ломаные скобки, синтаксис различается незначительно. Чулков печатал текст по списку Румянцевского музея (ныне РГБ), исправив ошибки, сделанные издателями и комментаторами. К. В. Пигарев принял текст Чулкова, сверив его с текстом из *Северных цветов* на 1903 г.

Написано, по-видимому, осенью 1820 г. (около 1 ноября, см. *Летопись*. С. 39), в дневнике М.П. Погодина передан разговор с Тютчевым об оде «Вольность». Отрывок из этого стихотворения переписан Тютчевым на странице с автографом эпиграммы «Харон и Каченовский».

Алкей (Алцей) — древнегреческий поэт (VII–VI вв. до н. э.), создатель тираноборческих стихотворений.

ХАРОН И КАЧЕНОВСКИЙ

(с. 28)

Автограф — РГБ. Ф. М.П. Погодина. Оп. II. Ед. хр. 47. Л. 125.

Первая публикация — *Красный архив*. 1923. Т. 4. С. 392.

Печатается по автографу. Автограф беловой, тщательно, чернилами записан на полулисте сложенной вдвое бумаги. Текст стихотворения синтаксически оформлен. Действующие лица — Харон, Каченовский — написаны сбоку. Последние слова в первой, второй, третьей строках не вместились на странице и оказались под строкой. Подпись, дата отсутствуют. На обороте страницы — отрывок из оды «Вольность» Пушкина, строки «О стыд, о ужас наших дней...», кончая — «И станут верной стражей трона народов вольность и покой», то есть описание убийства Павла I. На другом полулисте — имена русских и иностранных писателей разных веков.

Д.Д. Благой, впервые опубликовавший и прокомментировавший это стихотворение, полагал, что эпиграмма была создана во

время лекции М.Т. Каченовского, и ссылался на воспоминание Погодина, который записал в дневнике, как он, к неудовольствию лектора, разговаривал с Тютчевым, а в другой раз на лекции того же Каченовского Тютчев «строчил» на него эпиграммы. Благой считал, что «Харон и Каченовский» и есть одна из тех эпиграмм, «первый образец эпиграмматического творчества знаменитого впоследствии остроумца» (*Красный архив*. 1923. Т. 4. С. 392).

Эпиграмма — раннее творческое соприкосновение Тютчева с Пушкиным. Они впервые сблизились в жанре эпиграммы, и именно на Каченовского. Одобрительные слова Тютчева о смелости поэта (в отклике на оду «Вольность») приобретают и конкретную расшифровку. К. В. Пигарев полагал, что эпиграмма Тютчева могла быть вызвана резкими нападками Каченовского в «Вестнике Европы» на поэму Пушкина «Руслан и Людмила» (см. *Лирика II*. С. 332).

Датируется предположительно ноябрем 1820 г.

Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) — профессор Московского университета, издатель ж. «Вестник Европы» в 1815–1830 гг.

Харон – старик, перевозчик душ умерших через Ахерон — реку в преисподней (*греч. мифол.*).

ВЕСНА

(Посвящается друзьям)

(с. 29)

Автограф неизвестен.

Первая публикация –*Труды Общ*. 1822. Ч. I. Сочинения в прозе и стихах. С. 164–165; в подписи ошибочный инициал — «Н. Тютчев»; под названием «Весеннее приветствие стихотворцам». Другая редакция — *РЗ*. 1828. Ч. III. № 11–12. С. 195–196. В другие прижизненные издания, а также в *Изд. СПб., 1886*, не включалось, но напечатано в *Изд. 1900*. С. 14–15.

Печатается по тексту *РЗ*. См. «Другие редакции и варианты». С. 224.

Прижизненные издания зафиксировали две редакции стихотворения: раннюю и позднюю. В первой редакции в названии акцент сделан на жанровый признак послания — «приветствие стихотворцам», сильнее интонации разговора с поэтами («О вы, чей взор столь часто освящен / Благоговения слезами, / Природы храм отверст, певцы, пред вами!»). В поздней — на первое место уже в названии выдвинута весенняя тема, адрес расширен — «посвящается друзь-

ям», хотя в содержании адрес уточняется — разговор ведется с «Гармонии сынами», с «певцами», они оказываются и «наставниками» автора. В первой редакции еще сильнее прозвучали предромантические мотивы, характерные и для Тютчева — слез благоговения, естества Природы, раскрывающей свои тайны поэтам, природной красоты. Во второй редакции ослаблены античные реминисценции, отсутствует прежний образ Авроры, вместо нее — «утра юный свет». Большая строфа (восьмистишие) исчезла, но появилось новое как бы заключение, отделенное от предыдущего текста звездочкой. Назидательный конец первой редакции смягчается в новой редакции словами ученической (образ «слабого дитя») благодарности «наставникам», выражением авторской скромности и непритязательности. В небольшой правке второй строфы можно усмотреть тенденции движения поэтической мысли от классических эталонов («парения высокого») и от сентиментальных — к романтическим, отсюда перестановка слов: «Дух силы, жизни и свободы» (1-я ред.) — «Дух жизни, силы и свободы» (2-я ред.), «И радость в сердце пролилась» (1-я ред.), — «И радость в душу пролилась» (2-я ред.).

Первая редакция создана не позднее 1821 г., так как в апреле этого года Ф.Ф. Кокошкин читал его в *Общ.*, а датировка произведений, вошедших в *Труды Общ.* наряду со стихотворением Тютчева, обычно связана с 1821 г. Доработка стихотворения была осуществлена в июне 1822 г. (см. *Лирика II*. С. 332).

А. Н. М.

(*«Нет веры к вымыслам чудесным...»*)

(с. 31)

Автограф неизвестен.

Первая полная публикация — *РЗ*. 1828. Ч. IV. № 13–14. С. 70–71, с подписью «Тютчев» и датой «13 декабря 1821». Ранее две первые строфы были опубликованы в альманахе *Северная лира*. С. 358–359, с указанием в сноске на то, что стихи принадлежат Тютчеву. В иные прижизненные издания, а также и в *Изд. СПб., 1886* стихотворение не включалось, но вошло в *Изд. 1900*. С. 16–17, где воспроизведена и дата первого издания.

Датируется по первой публикации.

Печатается по первой полной публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 225.

Варианты строк первого и второго издания свидетельствуют о том, что слишком характерный для Тютчева предромантический мотив «древних народов» (в большей степени он прозвучал в переводах по-

11 Зак 6873

эта, нежели в его собственных стихах) сильнее был в первом варианте: поэт повторил два раза восторженную оценку — «Счастливы древние народы!». В новом варианте он убрал само слово «счастливы» (и в других более поздних стихотворениях у него отсутствует идея счастья в первобытной дикости). Поэт ограничился восклицанием: «Где вы, о древние народы!» Стих. «А. Н. М.» — одно из ранних порицаний Тютчевым холодной рассудочности, убивающей живое, поэтическое восприятие природы. Тема будет продолжена в программном «Не то, что мните вы, природа...», но в стих. «Колумб» поэт провозгласит необходимость гармонии «разумного гения» человека и «естества» природы, откликающейся человеку.

Стихотворение использовал Д.П. Ознобишин, выступивший со статьей под псевдонимом Делибюрадер (Отрывок из сочинения об искусствах. — *Северная лира*. С. 358–359); он размышлял о скептицизме и в стихотворении Тютчева увидел его осуждение: «Век наш — век Скептицизма! мало верят преданиям, на все требуют доказательств, между тем как в древние времена никто не сомневался в песнях лебедя и в несравненно опаснейшем пении Сирен! (дальше цитирование двух первых строф. — *В.К.*). На все было время, скажете вы, тогда ум младенчествовал, воображение творило, а сердце верило. Тогда было прекрасное время, прибавлю я, — время юности человеческой природы!» Ознобишин солидаризируется с Тютчевым в оценках древних, младенчествующих народов и старается убедить в истинности старинных мифов. Эту статью следует рассмотреть как первое выявление в поэзии Тютчева антискептических настроений и симпатии мифологическим корням культуры. К.В. Пигарев справедливо указал на перекличку стихотворения Тютчева с мыслями С.Е. Раича (см. *Пигарев*. С. 203–204) (*В.К.*).

Посвящено Андрею Николаевичу Муравьеву (1806–1874), сыну генерала Н.Н. Муравьева, основателя Московского училища колонновожатых, в котором в 1816–1817 гг. учились старший брат поэта Н.И. Тютчев и их двоюродный брат А.В. Шереметев. С того времени и знакомы Федор Тютчев и Андрей Муравьев. В 1819 г. в дом генерала Муравьева поступил домашним учителем к его сыну Андрею С.Е. Раич. Вскоре в этом доме Раич организовал для молодых людей дружеское *Общ*. Юноши читали стихи, занимались сочинительством. Кружок этот Тютчев посещал до своего отъезда в Германию. В дальнейшем А.Н. Муравьев стал известным духовным писателем, автором книги «Путешествие по Святым местам русским» (1836), переводчиком классической поэзии, автором сб. стих. «Таврида», на который обратили внимание А.С. Пушкин и П.А. Вяземский. Можно предположить, что Тютчев и Муравьев в дальнейшем переписывались, но переписка не сохранилась (*Г.Ч.*).

ГЕКТОР И АНДРОМАХА

(Из Шиллера)

(с. 32)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Труды Общ.*, 1822. Ч. II. С. 204–205, с подписью «Н. Тютчев». В этом же томе напечатан и перевод Тютчева стих. Ламартина «L'isolement» под названием «Одиночество». В *Трудах Общ.* видное место заняли переводы античных, итальянских авторов, а также некоторых поэтов Нового времени. Объяснение инициала в подписи см. в *коммент.* к «Одиночеству» (с. 292).

В другие прижизненные издания и издания конца XIX в. стихотворение не входило.

Печатается по первой публикации.

Точное время написания не установлено: Г.И. Чулков (*Чулков I.* С. 108) относит стихотворение предположительно к 1821 г., в *Лирике II* (с. 334) — к июню 1822 г., в *Летописи 1999* (с. 41) утверждается, что «перевод... был сделан не ранее 1820 г. и не позднее конца 1821 г.» (*В.К.*).

Стихотворение представляет собой переработку песни Амалии из драмы Шиллера «Разбойники» (акт II, 4); произведение Шиллера было создано в 1780–1781 гг. (тема взята из VI песни «Илиады» Гомера). Как и во многих других случаях, перевод Тютчева практически полностью совпадает с оригиналом по форме. Тексты написаны шестистрочной строфой. Две первые строки (и оригинала и перевода) рифмуются смежно. В следующих четырех строках использована схема b c c b. Стихотворение Шиллера написано пятистопным хореем. В третьих и шестых строках каждой строфы пятая стопа усечена. Лишь в последней строфе (слова Гектора) четвертая строка написана четырехстопным усеченным хореем. Метрическая схема перевода, как и схема рифмовки, повторяет оригинал с одним лишь различием: в переводе третья строка второй строфы (слова Гектора) уравнивается по последней строфе, вследствие чего форма произведения становится более симметричной. И оригинал и перевод выполнены в одной стилистической тональности: и тот и другой написаны возвышенным, торжественным слогом.

По степени близости содержания к оригиналу стихи Тютчева занимают место между адекватным переводом (собственно переводом) и переводом вольным. Реплики героев лишь в общем и целом совпадают по содержанию.

В оригинале стихи называются «Hektors Abschied» («Прощание Гектора») (*Л.Л., М.М.*).

Гектор — один из самых доблестных героев «Илиады» Гомера, сын троянского царя Приама; Гектор погиб в сражении с Ахиллесом.

Андромаха — супруга Гектора, в «Илиаде» описано ее трогательное прощание с мужем.

Пергам — центр Пергамского царства в Малой Азии.

Стикс — река, текущая из Океана в Подземный мир, где обитают души умерших (*греч. мифол.*).

ОДИНОЧЕСТВО

(Из Ламартина)

(с. 33)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *РИ*. 1822. № 68. С. 271–272, с подзаголовком «Из Ламартина», с подписью «Н. Тчв». Другие публикации — *Труды Общ.*, 1822. Ч. 2. Сочинения в прозе и стихах. С. 231–233, с пометой в конце: «(Из Ламартина). Тютчев»; Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Кн. 3. Ч. 18. С. 346–348, с подписью «Н. Тчв»; альманах «Новые Аониды» на 1823 г. С. 92–95. В другие прижизненные издания не включалось, но опубликовано в *Изд. 1900*. С. 385–386, где печаталось по альманаху «Новые Аониды».

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 225.

Историю издания стихотворения исследовал В.Э. Вацуро (Почти неизвестный Тютчев. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 226–233). Сопоставив время прочтения стихотворения в Московском и Петербургском *Общ.*, Вацуро обнаружил, что в 1822 г. оно печаталось дважды. В петербургский «Соревнователь просвещения и благотворения» попала вторая редакция, которая значительно отличается от первой, являясь более поздней. Но издатель *РИ* А.Ф. Воейков напечатал «Одиночество» в этой газете раньше — 17 марта 1822 г., за день до московских (18 марта 1822 г.) и за три дня (20 марта 1822 г.) до петербургских чтений. Вацуро полагает, что многое происходило без ведома Тютчева: он не знал о судьбе первой редакции («московской»), не знал о действиях Воейкова, которому случайно (вероятно, в доме Остермана-Толстого) попалась в руки вторая редакция стихотворения; Тютчев ее готовил для петербургского «Соревнователя просвещения и благотворения». В «Новых Аонидах» был использован текст *РИ*, внесены лишь не-

значительные поправки. Вацуро убедительно объяснил появление буквы «Н» в подписи Тютчева: дело в том, что «фита» «θ» в скорописи поэта похожа на букву «Н».

В *Трудах Общ.* ранее (1822 г. Ч. I С. 160–163) перевод стих. Ламартина уже печатался под названием «Мой призрак». Перевод — Д.И. Новикова. Тютчевский перевод оказался более художественно выразительным, поэтичным и более эмоциональным. Есть существенное отличие и в содержании: у Новикова получилось любовное стихотворение, и в тексте появилась «она» («меж вами нет Ея»); отсутствующая «она» — лишь «призрак», увиденный тоскующим влюбленным. У Тютчева любовный мотив стал неопределенным: «Нет в мире одного — и мир весь опустел!», но трижды прозвучал мотив сиротства: «По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью»; душа поэта стремится в «тот мир, где нет сирот, где вера исполненье», и в конце — «Умчите ж, бурные, умчите сироту!». Стихотворение приобрело социально-философское, грустное звучание.

В новой редакции поэт отказался от деления стихотворения на четверостишия (что было в первой редакции), возвратившись к французскому первоисточнику. Он отверг многие архаически звучащие слова и обороты. Было: «Зари последний луч во сумраке блуждает», стало: «Зари последний луч еще приметно бродит»; было: «Луна медлительно по небу востекает», стало: «Луна медлительно с полуночи восходит»; было: «С холма на холм влачится взор унылый», стало: «С холма на холм скользит мой взор унылый».

Первая редакция написана между 1820 г., когда появилось в печати стих. Ламартина «L'isolement» в сб. «Méditations poétiques», и первой половиной марта 1822 г., как датируется в *Лирике II.* С. 333, в *Летописи 1999.* С. 41 — уточнение: «не ранее 1820 — не позднее конца 1821 г.»; вторая — не позже первой половины марта 1822 г.

Отзыв о тютчевском переводе появился в *Отеч. зап.*, 1822. Ч. X. № 25. С. 279: «Нельзя было не заметить очень хороших стихов «Уединение», соч. г. Тютчева, юного, многообещающего поэта».

«"НЕ ДАЙ НАМ ДУХУ ПРАЗДНОСЛОВЬЯ"!..»

(с. 35)

Автограф неизвестен.

Список в *Альбоме.*

Первая публикация — Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861. С. 417 под названием «Молитва», без подписи; в другие прижизненные издания и в *Изд. СПб., 1886, Изд. 1900* не входило. См. также: *НС.* С. 103; *Лирика II.* С. 38.

Печатается по *Лирике II.*

В *Альбоме* подписано инициалами «Ф.Т.», в то время как другие стих. («Послание А.В. Шереметеву», «Противникам вина») подписаны полной фамилией Тютчева, что дало основание Г.И. Чулкову говорить об отсутствии «полной уверенности» в принадлежности стихотворения Тютчеву (*НС.* С. 103). В *Альбоме* помещены три эпиграммы:

Австрийский царь привык забавить
Собой и друга и врага.
Неаполь нос ему приставит,
А русский царь рога:

* * *

Ну как тому судить поэтов дар
О их ошибках превосходстве,
Кому Лицеем был Анбар,
И кто смышлен лишь в скотоводстве.

Далее следует «Не дай нам духу празднословья...» с подписью «Ф.Т.», остальные четверостишия — без подписи: остается неясным, относятся ли все они к этой подписи; авторы публикации в *Тютч. сб.* отвечают скорее утвердительно, однако без полной уверенности.

В *Альбоме* знаки препинаний почти отсутствуют.

Датируется началом 1820-х гг.

В стихотворении цитируется великопостная молитва Ефрема Сирина.

ПРОТИВНИКАМ ВИНА

(Яко и вино веселит сердце человека)

(с. 36)

Автограф неизвестен. Список в *Альбоме.*

Первая публикация — *Тютч. сб.* С. 46–47; затем — *НС.* С. 86–87.

Печатается по *Лирике II.*

Список помещен в *Альбоме* с подписью «Ф. Тютчев».

Тексты публикаций не различаются, есть небольшие отличия лишь в синтаксическом оформлении конца строк и написании начальных букв в некоторых словах.

В комментариях к первому изданию Б. Томашевского и Ю. Тынянова указано, что, воспроизводя копию, в которой совершенно отсутствовали знаки препинания, они их расставили. Исследователи полагают, что стихотворение относится к числу произведений,

«изобличающих школу Раича» (см. *Тютч. сб.* С. 47), с этим связаны песенное построение, библейский эпиграф, запутанный синтаксис; все это явления, «чуждые творчеству Тютчева» (там же).

В стихотворении шутливо упоминаются библейские предания об Адаме, вкусившем запретного яблока, и о Ное, спасшемся от всемирного потопа.

Датируется началом 1820-х гг.

«НА КАМЕНЬ ЖИЗНИ РОКОВОЙ...»

(с. 38)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3–3 об.

Первая публикация — *Атеней*. 1829, январь. Ч. I. С. 61–62, под названием «К N. N.», с полной подписью Тютчева; повторно с изменением в двух стихах — *Лит. прибавл.*, 1833. Ч. IX. № 23, 22 марта. С. 182. В другие прижизненные издания не включалось. Вошло в *Изд. СПб., 1886*. С. 3; *Изд. 1900*. С. 18–19.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 227.

Автограф беловой, без исправлений, л. 8*. Перед текстом в центре пагинация «38.» рукой С.Е. Раича. В 5-й строке — «Но Муза сирого взяла», в 21-й — «Ему на память стрелку дал». С прописной буквы написаны слова «Муза», «Свободы», «Поэта», «Рая», «Диспуте», «Магистра». Последняя строка подчеркнута.

В первом и втором изданиях есть вариант 5-й строки: «Но Муза юного взяла» (а не «сирого»), в печатном тексте убрана мысль о сиротстве Раича. В 21-й строке первого издания было: «Ему на память стрелу дал» (а не «стрелку»), во втором издании здесь: «Стрелу ему на память дал». В изданиях отсутствуют подчеркивание и курсив, но слово «Магистра» написано с прописной буквы, строфы выделены.

Стихотворение обращено к Раичу, защитившему магистерскую диссертацию. Слова «повесть начертал Орфеевой супруги» намекают на то место в «Георгиках» Вергилия в переводе Раича, где идет речь об Орфее и Эвридике. В первом издании публикации предшествует стих. Раича «Посетитель берегов Черного моря» (оно помечено 1824 г.).

В.Я. Брюсов (см. *Изд. Маркса*. С. XLI) высказал мнение: «...Тютчев с исключительным пристрастием относится к мечте, к фантазии, ко сну. Он говорит, что поэт в мире живет, «как в царстве снов» («На камень жизни роковой...»)».

Датируется 1822 г.; о разногласиях в датировке см. в *Лирике II*. С. 334–335.

ПОСЛАНИЕ К А. В. ШЕРЕМЕТЕВУ

(с. 39)

Автограф неизвестен.

Списки (3) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 35–35 об. и л. 37–37 об. (по определению К.В. Пигарева, последний — рукой Д.И. Сушковой, см. *Лирика II.* С. 336); кроме того, имеется список в *Альбоме.*

Первая публикация — Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861. С. 247–248, без подписи, с указанием места — «Мюнхен» и даты — «январь 1823» под названием «Послание к А.В. Шереметеву», затем в *Изд. 1868.* С. 1–2, под названием «Послание к А.В. Ш–ву», с датой — 1826 г.; в *Изд. СПб., 1886.* С. 41–42, под названием «Послание к А.В. Ш–бу» (видимо, опечатка в предпоследней букве), с указанием года — 1826; в *Изд. 1900.* С. 40–41, с полным написанием фамилии «Послание к А.В. Шереметеву» и года — 1826.

Печатается по списку Д.И. Сушковой. См. «Другие редакции и варианты». С. 227.

Список (л. 35–35 об.) сделан неизвестной рукой, в нем есть приписка на французском языке: «Вот стихи, полученные мною от Алексея Васильевича, который мне их дал в 1830 или 1831 г.». В 20–21-й строках — «Красавицу в 15 лет / С умом, душою и душами»; в 16-й строке — «(Оракул говорит стихами...)»; в 26-й — «Тогда предайся вдохновенью»; в 28-й — «Своей пожертвую я ленью».

В списке Сушковой (л. 37–37 об.) — в 16-й строке — «(Оракул говорил стихами...)»; в 20–21-й строках — «Красавицу в пятнадцать лет / С умом, душою и с душами»; в 26-й — «Тогда предамся вдохновенью»; в 28-й — «Своей пожертвую я ленью».

В *Альбоме* помещено под названием «А.В. Шереметеву» с пометой в конце — «Минхен. Генварь 1823» (Тютчев приехал в Мюнхен в июле 1822 г.). Здесь другой вариант строк и есть добавление — между 14-й и 15-й строками появились две: «Хоть лень с Амуром часто в споре, / Но их не трудно примирить»; 16(18)-я — «(Оракул говорил стихами...)»; 20(22)–21(23)-я строки — «Красавицу в семнадцать лет, / С умом, с душою и с душами»; в 26(28)-й — «Тогда предамся вдохновенью»; в 28(30)-й — «Моей пожертвую я ленью».

Первая публикация совпадает с вариантом *Альбома.* Текст следующих изданий восходит к списку на л. 35–35 об. и не различается. Везде отсутствуют строки списка *Альбома* — «Хоть лень с Амуром часто в споре, / Но их не трудно примирить»; возраст «красавицы» в печатных текстах — «пятнадцать лет», а не «семнадцать», как в *Альбоме* и первом издании; предлог «с» не повторяется в 21-й строке; в 26-й — «Тогда предайся вдохновенью» (а не «предамся»); в 28-й —

«Своей пожертвую я ленью», а не «Моей». В печатных текстах стихотворение не разбито на строфы, хотя, по мнению Б.В. Томашевского и Ю.Н. Тынянова (см. Молодой Тютчев. Неизданные стихи. *Тютч. сб.* С. 42–43), в оригинале строфы должны быть, о чем свидетельствует способ рифмовки. В *Альбоме* в связи с этим, начиная с 7-й строки, стихотворные строки сдвинуты вправо.

В датировке обычно опираются на первое издание (см. *Чулков I.* С. 111 и 293, *Летопись.* С. 59), однако К.В. Пигарев уклонился от точного указания года написания стихотворения, приведя в комментариях разные даты (см. *Лирика II.* С. 336–337). Г.В. Чагин отвергает прежние варианты датировки, относя ее к концу 1820-х гг., основания он находит в датах жизни А.В. Шереметева (*В.К.*).

Шереметев Алексей Васильевич (1800–1857) — двоюродный брат Тютчева. Проходил военную службу в лейб-гвардии конной артиллерии. В чине штабс-капитана был назначен адъютантом к командиру пехотного корпуса генералу от инфантерии графу Петру Александровичу Толстому, который назван в стихотворении «героем-агрономом»; это произошло 29 августа 1822 г. (см. Декабристы. Биографический справочник. Сост. С.В. Мироненко. М., 1988. С. 199–200). Как указал П.И. Бартенев (см. *Изд. Маркса.* С. 380), упоминаемый в послании Толстой «есть не кто иной, как член Московского общества сельского хозяйства и радетель его, граф Петр Александрович Толстой, привлекший в свое Общество и А.В. Шереметева». Общество ведет свое начало с 1820 г. Маловероятно, чтобы Тютчев, находящийся в Мюнхене, успел к началу 1823 г. получить достаточно ясное представление об Обществе и о новом положении двоюродного брата, возвратившегося, как говорится в стихотворении, «под кров родной / От всех маневров и учений» и повесившего свой меч в «саду героя-агронома». Дата написания стихотворения — январь 1823 г. — вызывает сомнения. Кроме того, в стихотворении создается впечатление спокойной жизни Шереметева дома. В отставку Алексей Васильевич был уволен 2 декабря 1827 г. Тогда же вероятнее всего было говорить и о его женитьбе (о чем идет речь и в стихотворении).

После января 1828 г., когда Тютчев мог узнать об отставке брата, стихотворение и могло впервые появиться в списках в Москве. Но мог быть и другой путь. Примерно во второй половине августа Шереметев направился за границу навестить в Мюнхене двоюродного брата и его семью. Об этом в первую очередь известно из письма поэта от 16/28 декабря 1829 г. его тетке Надежде Николаевне Шереметевой в Москву. В нем поэт сообщает, что «благодаря этим шести неделям, что он провел с нами, легко вообразить, как утешительно должно быть для вас его присутствие». Вероятно, это было восхищение братьев друг другом. Тогда и могло появиться «Послание...».

Стихотворение Шереметев мог получить и лично от брата, увезти его с собой. Тогда понятна станет надпись на списке, с которого делал публикацию Пигарев: «...стихи, полученные мною от Алексея Васильевича... который дал мне их в 1830 или в 1831 г.».

Исходя из вышесказанного, датировать можно не ранее января 1828 г., не позднее января 1830 г. (*Г.Ч.*).

ПЕСНЬ РАДОСТИ

(Из Шиллера)

(с. 40)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Северная лира*. 1827. С. 30–36, с подзаголовком (Из Шиллера), подписью «Ф. Тютчев» и с пометой: «Минхен. 1823. Февраль». Затем — *Лит. прибавл.* 1835. Ч. XVIII. № 9, 30 января. С. 69–70, с подписью «Ф. Тютчев» и с подзаголовком, с указанием даты и места написания. В другие прижизненные издания не включалось. В *Изд. СПб., 1886*. С. 368–373, в подзаголовке — «(Шиллера)»; в *Изд. 1900*. С. 387–391, подзаголовок — «(Из Шиллера)», помета — «февраль 1823. Мюнхен».

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 228.

Перевод стих. Шиллера «An die Freude» («К радости» — *нем.*), возможно, подсказан опытом А. Мансурова, который напечатал свой перевод «Песни радости» в *Трудах Общ.* (1819. Ч. 14. С. 72), где было опубликовано и тютчевское «Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду» (с. 32).

Первая и вторая публикации различаются лишь вариантом 90-й строки: в *Северной лире* — «На совет к земным богам», в *Лит. прибавл.* — «В суд, в совет к земным богам». В газете точками отмечены пропуски 32-й строки («Ангел — Богу предстоит») и 83-й («Пьем Тебе, Великий Бог»), в том и другом случае пропуски связаны с упоминанием Бога, возможно, с точки зрения цензуры в излишне вольном контексте. Различаются публикации и в графическом оформлении: в *Лит. прибавл.* последовательно во всем стихотворении четная строка напечатана с отступом от левого края.

Датируется 1823 г. на основании пометы в *Северной лире*.

Оценка перевода была неоднозначной. Я. Неверов, обозревая русские газеты и журналы (см. Журнал Министерства народного просвещения, 1836. № 6. С. 618), сказал о «прекрасном переводе г. Тютчева из Шиллера «Песни радости». М.Л. Михайлов (см. Русское слово. 1859, ноябрь. Отд. 2. С. 30) отозвался двойственно: рассматривая несколько

переводов стихотворения, он отдал предпочтение переводам Тютчева, М. Дмитриева, К. Аксакова, отметив, что их стихотворения «больше подходят по тону к подлиннику... есть в них и верно переданные подробности, и хорошие стихи, но в целом нет того огненного пафоса, каким проникнута пьеса Шиллера, нет той внутренней силы, которая заставляет нас, единожды прочитав, помнить каждый стих подлинника». И.С. Аксаков высказался в этом же духе: «Перевод недурный, но слишком вольный» (*Биогр.* С. 321). В.Я. Брюсов считал, что это «прекрасный перевод» (*Летопись. РА.* 1903. III. С. 496), с чем не был согласен Р.Ф. Брандт: «Перевод далек от подлинника и значительно слабее» (*Материалы.* С. 101) (*В.К.*).

Стихотворение может рассматриваться либо как весьма вольный перевод, либо, даже скорее, как вариация на тему знаменитой оды Шиллера. Как и в ряде других случаев у Тютчева, степень близости к оригиналу в плане формы и плане содержания различна: если с точки зрения формы стихи русского поэта являются точным аналогом оригинала, то по своему содержанию они достаточно далеки от него, чтобы считаться адекватным переводом. Стихи Тютчева, как и стихи Шиллера, написаны строфой двух видов: октавой (слова автора) и четверостишием (хор). В октаве (и там и там) система рифмовки перекрестная, по схеме a b a b c d c d, в четверостишии (и оригинале и у Тютчева) — рифма опоясывающая, по a b b a. Размер — четырехстопный хорей. В нечетных строфах октавы он сохраняется полностью, в четных усечен последний безударный слог.

В четверостишиях оригинала опоясывающие рифмы являются женскими, таковы же они и в переводе, за исключением последнего четверостишия. И у Шиллера и у Тютчева в опоясывающих строках в качестве размера использован хорей, усеченный в средних строках.

В отличие от 14 строф подлинника, «Песнь Радости» Тютчева содержит шестнадцать строф, из которых последние две не соотносятся с конкретными строфами оды Шиллера. Там же, где содержательное соотношение соблюдается, бросается в глаза свойственная Тютчеву-переводчику особенность превращать сказанное в оригинале четко и конкретно в более обобщенное. Ср. — десятая строфа

У Шиллера (подстрочник):	У Тютчева:
Терпите мужественно, миллионы! Терпите ради лучшего мира! Наверху, над звездным шатром, Вас вознаградит верховный Бог.	Верьте правящей деснице! — Наши скорби, слезы, вздох В ней хранятся, как залог, И искупятся сторицей.

Примечательно также, что в вольном переводе Тютчева исчезает демократический, свободолюбивый дух Шиллера. Достаточно ска-

зать, что в стихах русского поэта нет прозвучавшего на весь мир призыва Шиллера: «Обнимитесь, миллионы!» Нет и многократно повторенного Шиллером самого обращения «миллионы». Отсутствуют у Тютчева и языческие мотивы, проявляющиеся у Шиллера в том, что он употребляет слово «бог» (Gott) с неопределенным артиклем, а также — во множественном числе («боги»). Русский же поэт нигде не выходит за рамки традиционного христианского взгляда на мир и подобающего христианину смирения. Это особенно бросается в глаза при сравнении некоторых строф:

У Шиллера (подстрочник):

Обнимитесь, миллионы!
Этот поцелуй — всему миру!
Братья, над небесным шатром
Должен быть (некий) добрый отец.
(*Л.Л., М.М.*)

У Тютчева:

В круг единый, Божьи чада!
Ваш Отец глядит на вас!
Свят Его призывный глас,
И верна Его награда!

ДРУЗЬЯМ

при посылке «Песни Радости» — из Шиллера

(с. 44)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Галатея*. 1829. Ч. VI. № 29. С. 153–154, с подписью «Ф.Т.», цензурная пометка — «Москва, июля 19 дня, 1829 года». Есть опечатки в предпоследней и последней строфах: в 14-й строке слово «радость» напечатано со строчной буквы, хотя в названии и в последней строке это слово пишется с прописной буквы. В 23-й строке в результате опечатки («улетел») разрушена рифма со словом «забывал». В прижизненные издания, а также и в *Изд. СПб., 1886* не входило. Но в *Изд. 1900* (с. 20–21) — напечатано. Здесь исправлена опечатка в рифме, убрано написание слов с прописной буквы, осовременено правописание, выровнена левая линия стихотворения.

Печатается по первой публикации.

Датируется 1823–1824 гг. на том основании, что «Песнь Радости» напечатана в *Северной лире* (1827 г.) вместе со стих. «Слезы» (1823) и «К Н.» (1824).

О стихотворении отозвался И.С. Аксаков (*Биогр*. С. 321): «Стихотворение очень слабое, вероятно написанное одновременно с переводом».

СЛЕЗЫ

(с. 45)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Северная лира*. 1827. С. 182–183, с пометой: «Июля 21, 1823. Минхен» и с подписью «Ф. Тютчев»; затем — *Лит. прибавл.* 1834. Ч. XVI. № 102, 23 декабря. С. 810; *Совр.* 1854. Т. XLV. С. 7; *Изд. 1854*. С. 122–123; *Изд. 1868*. С. 98–99; *Изд. СПб., 1886*. С. 99–100; *Изд. 1900*. С. 22–23.

Печатается по *Совр.* См. «Другие редакции и варианты». С. 228.

Первое и второе издания отличаются от последующих 5–6-й строками, в которых во множественном числе обозначены «созданья», «погруженные» в весне, в *Совр.* и др. изданиях речь идет об одном — Божьем — «созданье», «погруженном» в весне; к тому же «созданье» рифмуется с «благоуханье». В 10-й строке, в первом и втором изданиях, был иной вариант — «Зефир лобзаньем пламенит». Эта классицистически-античная реминисценция заменена в *Совр.* и в дальнейшем более реальным поэтическим образом — «Весенний воздух пламенит». В остальном различия лишь графические: отдельные, преимущественно длинные стихотворные строчки (11, 12, 13, 15, 17, 22-я) отодвинуты влево в первом издании, в *Совр.*, отчасти в *Изд. 1868*, но в ближайших посмертных — левая линия стихотворения выровнена, что остается и в последующих изданиях. В *Изд. 1900* убрано большинство восклицательных знаков и многоточий в конце строф (сохраняется лишь в конце второй строфы), Тютчев как бы успокоен. Во всех изданиях помещен эпиграф из Грея.

В *Лит. прибавл.* напечатаны лишь первые три строфы.

Датируется по помете в *Северной лире* 21 июля 1823 г.

Ж. *Пантеон*, который во время активного обсуждения поэзии Тютчева в 1854 г. занял резко критическую позицию, отозвался отрицательно и об отдельных строках стих. «Слезы», рецензенту не понравились часть 9-й и 10-я строки (см. ж. *Пантеон*. 1854. Т. XV. Кн. 6. Отд. IV. С. 11), все опубликованные в *Совр.* 1854. Т. 45 стихотворения рецензент назвал «плохими». И в *Отеч. зап.* (1854. Т. 95. № 7. С. 44–45) был помещен также критический отзыв обо всей новой подборке стихотворений Тютчева: «Все восемнадцать новых стихотворений бесцветны по сравнению с прежними. Вот, например, одно из этих восемнадцати стихотворений под названием «Слезы». Сколько в нем обветшалых выражений, праздных слов, непонятных картин, неудавшихся стихов! Тут есть и «пурпур искрометных вин», которые «ласкают очи», и «благоухающий рубин плодов», и «созданье, погруженное в вине» (рецензент или издатели до-

пускают описку: надо — «в весне». — *В.К.*), и «шелк кудрей сладострастный». Далее процитировано все стихотворение с выделением «неудачных» строк, критик заключает: «Кто бы мог подумать, что автор, написавший такие темные и неудачные стихи, был поэтом следующего, неподражаемого стихотворения, одного из лучших в нашей поэзии, вызванного тем же сюжетом — слезами» (цитируется «Слезы людские, о слезы людские...». — *В.К.*).

Р.Ф. Брандт (*Материалы.* С. 24), комментируя стихотворение, высказал предположение: «Эпиграф, вероятно, взят не из самого Грея, а у Байрона: «O lacrymarum fons, tenero sacros Ducentium ortus ex animo, quater Felix! in imo qui scatentem Pectore te, pia Nympha, sensit» («О источник слез, ведущих священные начатки из нежной души! Четырежды счастлив, благочестивая нимфа, кто чувствовал тебя, как ты струилась в глубине груди» — *лат.*). Gray, Alcaie Fragment. Byron. The Tear (Слеза), 1806. The Works. London. 1898. Vol. I. P. 49.

К Н.

(«Твой милый взор, невинной страсти полной...»)
(с. 46)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Северная лира.* 1827. С. 87–88, с подписью «Т» и датой «23 ноября 1824». В другие прижизненные издания и в *Изд. СПб., 1886,* не включалось. Помещено в *Изд. 1900.* С. 28 под номером X, с указанием даты «23 ноября 1824», однако оно стоит среди стихотворений середины 1830-х гг. («Я помню время золотое...», «Сумерки»).

Печатается по первой публикации.

В первом издании, в 11-й строке — «Твой взор живит и будет жить во мне». В. Брюсов (*РА.* 1898. Вып. 10. С. 251) полагал, что здесь опечатка и нужно читать: «...живет и будет жить...». С Брюсовым согласился К. В. Пигарев (см. *Лирика I.* С. 338). В первой строке, согласно орфографии той поры, слово «полной» (а не «полный»), в результате получалась точная рифма со словом «безмолвной». В *Изд. 1900 г.* строка 11-я сохранена в варианте первой публикации. В первой строке — «полный». По сравнению с первым изданием несколько изменен синтаксис, введены более длинные паузы в конце 7-й строки (здесь двоеточие) и в конце 11-й строки (здесь точка с запятой). В первом издании в этих местах запятые, таким образом был запечатлен более живой темп тютчевской речи.

Датируется на основании первой публикации — 23 ноября 1824 г.

Это стихотворение ошибочно приписывали В.И. Туманскому, на что указал Н.В. Недоброво (Несколько замечаний на книгу: В.И. Туманский. Стихотворения, письма. Изд. отделения русс. яз. и словесности имп. Акад. наук. 1912. Т. 17. Кн. 3. С. 357–360).

Адресат неизвестен. Г.И. Чулков предполагает, что послание адресовано графине Лерхенфельд (*Чулков I*. С. 299).

И.С. Аксаков (*Биогр.* С. 320) заметил: «Эта прекрасная пьеса обезображена неправильною рифмою в духе тогдашних наших «классиков» (он имел в виду рифму *свет – жжет* в последней строфе. – *В.К.*). Р.Ф. Брандт «поправил» Аксакова, сказав, что пьеса «не особенно» прекрасна (*Материалы*. С. 160). Тонкое и сочувственное понимание стихотворения обнаружил С.Л. Франк (*Франк*. С. 25); находя в поэзии Тютчева выражение «единства» природного бытия, в силу которого сближаются противоположности, разные сферы жизни, в частности «горнее» и «земное», философ утверждал: «Проявление той же весенней, горней, чистой стихии суть *утро* и *юность*, которые Тютчев также описывает с любовью и религиозным восторгом. Юность, первая невинная страсть девушки, есть «златой рассвет небесных чувств», и ее «младенческий взор» нужен поэту, как «небо и дыханье»: «таков горé духов блаженных свет». Франк возводил стихотворение к философской основе миросозерцания поэта.

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ

(Из Гейне)

(с. 47)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 3 об.

Первая публикация – *Северная лира*. 1827. С. 338, с подписью «Ф. Тютчев», с цензурной пометой – 1 ноября 1826 г. и указанием – «Минхен». Затем – повторено: *Совр.* 1854. Т. XLV. С. 7; *Изд. 1854*. С. 121; *Изд. 1868*. С. 78; *Изд. СПб., 1886*. С. 400; *Изд. 1900*. С. 398.

Печатается по *Совр.* См. «Другие редакции и варианты». С. 228.

Автограф без названия, первый вариант 4-й строки – «И сон его буря лелеет», особенно отличается от издания в *Совр.* вторая строфа: «Про юную пальму снится ему, / Что в краю отдаленном Востока, / Под мирной лазурью, на светлом холму, / Стоит и растет одинока».

Автограф беловой, стихотворение тщательно записано, правка отсутствует, левая линия строк ровная.

Первое издание запечатлело первую редакцию стихотворения; *Совр.* и последующие издания – вторую. Последняя отличается вы-

ровненным метром амфибрахия (исключение лишь 2-я, дактилическая, строка: «Кедр одинокий под снегом белеет»); поэт уточнил реальный смысл образа в 4-й строке: было «И сон его буря лелеет» (буря — разрушительная стихия, она не может «лелеять»), стало «И сон его вьюга лелеет»; если буря «оглушает» (см. «Сон на море». С. 151) или даже ломает, то поющая, метельная, укрывающая снегом вьюга может «лелеять». В 5-й строке появилось местоимение «все» («все снится ему»), что привело к уточнению амфибрахия и усилило эмоциональную выразительность (кедру непрерывно снится пальма). Введенное в 6-ю строку слово «пределах» (и его синонимы) характерно для словаря Тютчева («рубеж земли» — «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...»; «порог заветный» — «Итальянская вилла»), поэт особо переживает пространственные (они у него нередко оказываются и временны́ми) границы — «здесь» и «там». Новое слово в стихотворной строчке усилило контраст Севера и Юга («в дальных пределах Востока»), несбыточность соединения мечты и действительности. 7-я строка подверглась особенно заметной правке: было «Под мирной лазурью, на светлом холму», стало «Под пламенным небом, на знойном холму». Успокоительно-сентиментальные образы заменены экспрессивно-романтическими, вызывающими как бы тревогу за судьбу и цветение одинокой пальмы.

2-я строка в *Северной лире* («Кедр одинокий, подъемлясь, белеет...») включает, по мнению К.В. Пигарева, опечатку — «подъемлясь» вместо «под снегом» (см. *Лирика II*. С. 338).

Перевод Тютчева стих. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» (Lyrisches Intermezzo, XXXIII) («Ель стоит одиноко». Лирические интермеццо, XXXIII. — *нем.*), первый в России, состоялся не ранее 1823 г., когда стихотворение немецкого поэта было опубликовано. Название стихотворения, как полагает Ю.Н. Тынянов («Архаисты и новаторы», 1929. С. 395), дал Тютчев. «С чужой стороны» в сочетании с пометой «Минхен» говорило о том, что произведение прислано из-за границы. Оно перекликается с тем общим заголовком, под которым тютчевские стихотворения будут опубликованы в пушкинском *Совр.* — «Стихотворения, присланные из Германии». Г.И. Чулков считает, что, возможно, «название дело редакторских рук» (*Чулков I*. С. 302) (*В.К.*).

Стихотворение Гейне, переведенное Тютчевым, открывает поэтический цикл Гейне «Мечты о далекой возлюбленной» и представляет собой аллегорию, соответствующую названию этого цикла. «Стержневой конструкцией», на которой держится эта аллегория, является противопоставление мужского и женского грамматических родов: der Fichtenbaum (ель) — в *нем.* мужской род, die Palme (пальма) — женский. Чтобы сохранить аллегорию в переводе, Тютчев за-

менил *ель* на *кедр*. Это выгодно отличает перевод Тютчева от известного стих. «Сосна» М.Ю. Лермонтова, в котором аллегория не сохранена, поскольку не сохранено противопоставление мужского и женского родов, и которое в силу уже одного этого обстоятельства вряд ли можно считать переводом стихотворения Гейне.

Более близок к оригиналу перевод Тютчева и с точки зрения стихотворной формы.

За метрическую основу Тютчевым взят размер подлинника (амфибрахий с наращениями), но в переводе он расширен до трех- (строки 4, 6, 8) или четырехстопного амфибрахия с усечениями (строки 1, 3, 5, 7). Во второй строке использована дактилическая схема с усечением четвертой стопы. В переводе также нет достаточно резких отклонений от метрической схемы, которые мы наблюдаем в подлиннике (3-я и 4-я строки первой строфы).

В подлиннике использована перекрестная мужская рифма, при этом рифмуются лишь четные строки. С точки зрения рифмовки текст перевода даже несколько более совершенен, чем оригинал. В переводе так же, как в оригинале, перекрестные рифмы, но рифмуются все строки: нечетные (мужская рифма), четные (женская рифма).

И с точки зрения семантики перевод очень близок к оригиналу. Вот подстрочный перевод немецкого оригинала:

На севере на голом холме
Одиноко стоит ель.
Ее клонит в сон; белым покрывалом
Ее окутывают лед и снег.
Она мечтает о пальме,
Которая далеко, в полуденной стране.
Одиноко и молчаливо горюет
На раскаленном склоне скалы.

Оригинал отличается от перевода тем, что он написан несколько «проще», в нем отсутствуют такие поэтические выражения, как «и сон его вьюга лелеет». У Гейне даже использовано слово с несколько сниженной (разговорной) нормативно-стилистической окраской (schläfern — клонить в сон. — *нем.*).

В целом же по степени приближения ритмического рисунка, семантики и общего впечатления сравнительно с оригиналом стихотворение Тютчева можно считать удачным поэтическим переводом стихотворения Гейне на русский, отличающимся редко встречаемой в переводной поэзии степенью семантической точности и совершенством формы (*Л.Л., М.М.*).

Тютчевский перевод обратил на себя внимание современников: в «Атенее» (1828. Ч. 4. № 14 и 15. С. 149) оно полностью перепечатано в качестве «почти» примера четырехстопного размера, состоя-

щего из 2-го пеона и хорея или амфибрахия (попеременно); «Пантеон» (1854. Т. XV. Кн. 6. Отд. IV. С. 10) критически отозвался о переводе, присовокупив, что «Лермонтов перевел лучше».

«ДРУГ, ОТКРОЙСЯ ПРЕДО МНОЮ...»
(Из Гейне)
(с. 48)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Галатея*. 1830. Ч. XVIII. № 41. С. 196, с подписью «Ф. Тютчев». Затем — *Совр.*, 1854. Т. XLV. С. 4; *Изд. 1854*. С. 116; *Изд. 1868*. С. 75; *Изд. СПб., 1886*. С. 403–404; *Изд. 1900*. С. 53.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 228.

Во всех изданиях в заголовке указано — «(Из Гейне)». Первое издание отличается от последующих 8-й и 16-й строками; здесь было «Не создаст сего Поэт», стало в *Совр.* и далее «Не создаст никак поэт». Хотя второй вариант в лексическом отношении более современен, в нем убрано архаическое слово «сего», но предпочтение следует отдать первому варианту, ведь речь не о том, что поэту трудно воспроизвести облик прелестной особы («никак» не получается), а о том, что этого («сего») вообще невозможно сделать; такой смысл больше соответствует оригиналу. В первом издании в 10-й строке появлялся образ зубастого «змия» в окружении «Василисков», «Вампиров» и «коня крылатого», что соответствовало мифологической ретроспекции; в *Совр.* и в дальнейших изданиях дан современный вариант слова — «змей», что несколько разрушает единство образной картины.

Стих. Гейне «Liebste, sollst mir heute sagen...» («Дражайшая, ты должна мне сегодня сказать...» — *нем.*) вошло в сб. Lirisches Intermezzo, XVI (1822–1823 гг.), а *Галатея*, в которой напечатан тютчевский перевод, помечена цензурным разрешением от 17 ноября 1830 г. В этот промежуток времени был сделан перевод (*В.К.*).

Текст перевода по форме соответствует тексту оригинала. И тот и другой состоят из четырех четверостиший. Количество слогов в немецких и русских строках одинаково. В обоих текстах использованы перекрестные рифмы: женские в нечетных, мужские в четных строках. Метрические схемы аналогичны: четырехстопный хорей с усечением в четных строках четверостиший. В целом перевод достаточно точно воспроизводит содержание оригинала. Однако он написан в несколько ином стилистическом регистре и вообще в несколько ином духе. У Гейне нет романтически возвышенных выражений, которые встречаем у Тютчева («стан эфирный», «ланит

волшебный цвет», «мозг поэта огневой»), нет и архаических конструкций, подобных тютчевским «конь крылат и змий зубаст».

В переводе почти отсутствуют гейневская насмешка и, во-вторых, героиня стихотворения у Тютчева выглядит достойнее, чем в глазах Гейне.

Таким образом, здесь (как и в случае со стих. Тютчева «В которую из двух влюбиться...») мы сталкиваемся с парадоксом: с одной стороны, большая формальная и немалая «словесная» близость к оригиналу, с другой — вместо явно ироничной у Гейне более мягкая лиричная тональность у Тютчева. Поэтому можно отнести произведение Тютчева к разряду вариаций на тему другого поэта (*Л.Л., М.М.*).

К НИСЕ

(с. 49)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Урания*. 1826. С. 47–48, с подписью «Ф. Тютчев». Вторая — *Роза граций*. С. 44. Затем — *Совр*. 1854. Т. XLV. С. 8–9; *Изд. 1854*. С. 125; *Изд. 1868*. С. 83; *Изд. СПб., 1886*. С. 359, с указанием года — 1824; *Изд. 1900*. С. 392. В последних двух изданиях помещено в разделе «Переводы».

Печатается по первому изданию.

Датируется по цензурной помете первой публикации: «Ноября 26 дня 1825», написано не позднее осени этого года.

Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 32) отмечал, что «К Нисе» довольно далекое подражание шиллеровскому стих. «An Minna», однако разница велика: у Шиллера 48 стихов, у Тютчева — 12». Но Д. Стремоухов (La poésie et l'idéologie de F. I. Tiouttchev. Paris, 1937. С. 39 — «Поэзия и идеология Ф.И. Тютчева». Париж — *фр.*) возразил: он склонен видеть в стих. «К Нисе» подражание Метастазу, а не Шиллеру, как предполагал Брандт. Стремоухов сослался и на Раича, который тоже подражал Метастазу (см. *Урания*. С. 266).

Ниса — условное поэтическое имя.

ПЕСНЬ СКАНДИНАВСКИХ ВОИНОВ

<Из Гердера>

(с. 50)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Урания*. 1826. С. 70–72, с подписью «Тютчев». Затем — *Совр.*, 1854. Т. XLV. С. 9–10, среди преимущественно переводных стихотворений Тютчева; так же и в *Изд. 1854*. С. 126;

Изд. 1868. С. 81–82; *Изд. СПб., 1886*. С. 363–365 (здесь указан год — 1826); в *Изд. 1900*. С. 393–394, напечатано в разделе «Переводы», однако без указания «Из Гердера».

Печатается по первому изданию с исправлением 37-й строки. См. «Другие редакции и варианты». С. 229.

Прижизненные издания различались лишь графически: причудливый рисунок написания строф и отдельных строк (последние строки в строфе укороченные, обычно сдвинуты вправо, но строфа «Где битва мрачнее, воители чаще», с длинными строками, сдвинута влево), особенно оригинально написание первого и последнего девятистишия: здесь вырисовывалась своеобразная «лесенка»; в последующих изданиях графика стихотворения несколько упрощена, левая линия начала строк более выровнена. В издании конца XIX в. несколько упрощен и синтаксис, в ряде случаев убраны многоточия (после восклицательного знака). Только в *Изд. 1900* 37-я строка — «Кровавыя битвы подымет волна!». Во всех других — «Кровавая...».

В основе стихотворения — вариация на тему стих. Гердера «Morgengesang im Kriege» («Утренняя песнь на войне». — *нем.*) (*В.К.*).

Стихи Тютчева существенно отличаются от оригинала как по форме, так и по содержанию. Он досочинил третью и четвертую строфы, первые две строки пятой строфы и концовку стихотворения. В оригинале также нет повтора, который мы видим у Тютчева. Те места у Тютчева, которые соответствуют оригиналу, напоминают вольный перевод. Оригинал написан двухстопным размером (хореические и ямбические стопы) с нерегулярной рифмой. В русском переводе использованы полиметрические размеры. В системе рифмовки перевода и оригинала также мало сходства (*Л.Л., М.М.*).

В *Атенее* (1828. Ч. 4. № 14 и 15. С. 119) приведена цитата из стихотворения (первое четверостишие) в качестве примера диметров хореических или двухстопных стихов. Но в ж. «Пантеон» (1854. Т. XV. Кн. 6. Отд. IV. С. 11) перевод не получил одобрения.

Датируется по цензурной помете в *Урании* — «ноября 26 дня 1825», написано не позднее осени этого года.

ПРОБЛЕСК

(с. 52)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Урания*. 1826. С. 147–148, с подписью «Тютчев». Затем — *Совр*. 1854. Т. XLV. С. 10; *Изд. 1854*. С. 128; *Изд. 1868*. С. 157; *Изд. СПб., 1886*. С. 184–185 (с ошибочной датой 1852); *Изд. 1900*. С. 32–33.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 229.

Текст, напечатанный в *Урании*, отражает свойственную Тютчеву манеру оформления стихотворений: повтор многоточий и тире в конце строк, создающих впечатление недоговоренности, повтор восклицательных знаков тоже в конце строк, передающих эмоциональную экспрессию, написание некоторых слов с прописной буквы («Зефира», «Ангельская»). 12-я строка — «Грустит, в пыли, по небесах!». Текст первой публикации повторяется в последующих изданиях без особых изменений. В 12-й строке во всех указанных публикациях — «Грустит, в пыли, на небесах!», — по-видимому, везде повтор опечатки («на» вместо «по»). Более поздние издания (1868, 1886 и 1900) слегка отличаются от ранних лишь в синтаксическом оформлении: убраны некоторые восклицательные знаки (в конце 8-й и 12-й строк), таким образом уменьшены интонации взволнованности. Отказались издатели и от прописных букв в словах «зефира», «ангельская».

Если в *Совр.* стихотворение помещено в контекст ранних произведений поэта, то в *Изд. 1868* и *Изд. 1886* отнесено к 1850-м гг.: в первом из них «Проблеску» предшествует «На смерть Жуковского», последующим оказывается «Дума за думой, волна за волной...»; в *Изд. 1886* — предшествует «Святая ночь на небосклон взошла...», а следует за «Проблеском» «Чему молилась ты с любовью...». По-видимому, первая публикация в *Урании* не было учтена. Сближение в *Изд. 1868* «Проблеска» с посвящением В.А. Жуковскому показательно: тютчевское стихотворение явно связано с традициями Жуковского.

Датируется на основании цензурного разрешения *Урании* 26 ноября 1825 г.; произведение не могло быть написано позднее осени 1825 г. С издателем *Урании* М.П. Погодиным Тютчев был лично и дружески знаком и мог сам ему передать стихотворение во время своего пребывания в Москве летом этого года.

Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 161) обратил внимание на образ «воздушной (эоловой) арфы, бывшей у Раича...», таким образом осмысливая реальный подтекст образа. Однако К.В. Пигарев (*Лирика I*. С. 337) отметил, что Раича не было в Москве во время пребывания в ней Тютчева. Поэтический образ арфы, так часто используемый Жуковским, скорее всего был навеян Тютчеву романтическими настроениями той поры.

В ж. «Пантеон» (1854. Т. XV. Кн. 6. Отд. IV. С. 11), отрицательно отозвавшемся о ряде стихотворений Тютчева, были отмечены среди других «очень плохие» стихи 19–20-й в «Проблеске». Однако Л.Н. Толстой выделил «Проблеск» буквой «Т.IIII» (Тютчев) и подчеркнул 23-ю и 24-ю строки, видимо, как особенно характерные для

этого поэта (см. *ТЕ*. С. 146). И.С. Аксаков (*Биогр*. С. 320) сказал о нем: «В этой последней пиесе встречаются уже некоторые достоинства и особенности Тютчевского стиха». Он процитировал первую и последнюю строфы. Это стихотворение ценил В.Я. Брюсов (По поводу нового издания сочинений Ф.И. Тютчева. *РА*. 1900. Кн. 1. С. 407): «В юношеских стихах Тютчева тоже сказываются уже все особенности его поэзии. Мало того, эти особенности выступают в них более резко; в них есть, по выражению Фета, «широкие размахи неопытной руки, еще не знающей краю». Как иначе назвать такое изображение высшего восторга», и далее процитированы два стиха, которые были забракованы рецензентом из *Пантеона*: «Как бы эфирною струею / По жилам небо протекло...» С. Адрианов, опубликовавший рецензию в «Вестнике Европы» (1912. № 10. С. 409), также обратился к стихотворению, предложив психологический комментарий к последним строфам: «Тютчев вообще был человек несильный. Минуты душевного подъема давались ему дорогой ценой; они были у него очень кратковременны и разрешались не отдыхом покоя, а каким-то томлением, по-видимому нервическим». Рецензент процитировал строки 22–24 и 29–32, присовокупив: «Тютчеву далеко было до гениальной гармоничности и мощи Пушкина...» Д.С. Дарский восторженно отозвался о строках 19-й и 20-й (цитируя их: «Как бы эфирною струею / По жилам небо протекло!»). «Такой гениально дерзкой чертой представил он однажды охватившее состояние. И, погружаясь весь в небесный эфир, он им опьянялся в экстатическом умоисступлении» (*Дарский*. С. 34).

САКОНТАЛА

(Из Гёте)

(с. 54)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Северная лира*. 1827. С. 430, с подписью «Ф. Тютчев». Затем — *Совр*. 1854. Т. XLV. С. 1; *Изд. 1854*. С. 110; *Изд. 1868*. С. 68; *Изд. СПб., 1886*. С. 387; *Изд. 1900*. С. 395; везде указано «Из Гёте».

Печатается по первой публикации.

Тексты изданий лексически не различаются, есть некоторые отличия в синтаксическом оформлении стихотворения. В *Совр*. убраны все тире, которые в *Северной лире* стояли в конце 1, 2, 3, 4, 8, 12-й строк, в *Изд. 1868* и последующих отчасти они восстановлены, в *Изд. 1900* поставлены вопросительные знаки в конце 1, 3 и 12-й строк.

Слово «Поэзия» только в *Северной лире* — с прописной буквы. Убран курсив в слове «Сaконтала» в *Изд. 1886* и *Изд. 1900*. Оформление первопечатного текста ближе всего манере тютчевских автографов.

Датируется по цензурной помете *Северной лиры* — 1 ноября 1826 г.: написано не позднее этой даты (*В.К.*).

Стихотворение представляет собой вариацию на тему четверостишия Гёте. Стихи существенно отличаются от оригинала по форме. Четверостишие Гёте написано белым стихом (без рифмы) и античным пентаметром. В оригинале строка приблизительно в два раза длиннее, чем в стихах Тютчева. Это стихотворение входит в гётевский цикл «Приближаясь к античной форме». Его создание вдохновлено появлением немецкого перевода драмы древнеиндийского поэта Калидасы «Саконталá» («Шакунтала»), перевод сделан Георгом Форстером и напечатан в 1800 г.

Что касается близости содержания стихотворения Тютчева и гётевского четверостишия, то об этом можно судить, сравнив стихи русского поэта с подстрочным переводом немецкого четверостишия:

Ты хочешь в одном-единственном имени постигнуть
Цветение раннего и плоды позднего года,
Постигнуть то, что прельщает и восхищает, то, что насыщает и питает, небо и землю –
Если я назову тебя, Саконтала, то все этим будет сказано.

(*Л.Л.*, *М.М.*).

ВЕЧЕР

(с. 55)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1 об. и 2.

Печатается по первому автографу (л. 1 об.) с синтаксическим оформлением второго автографа (л. 2). См. «Другие редакции и варианты». С. 229.

Первая публикация — *Галатея*. 1830. Ч. XV. № 22. С. 41, с подписью «Ф. Тютчев», цензурная помета — 27 мая 1830 г. Затем — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 124; *ННС*. С. 13; *Изд. СПб., 1886*. С. 35; *Изд. 1900*. С. 69.

Автограф (л. 1 об.), л. 8°. Скоропись на бумаге с водяными знаками «In Tolz», без исправлений. В левом верхнем углу пагинация «10» синим карандашом рукой И.С. Гагарина. Стихотворение имеет авторское заглавие: «Вечер». На л. 1 лиц. автограф стих. «14-ое Декабря 1825».

Другой автограф (л. 2), л. 8°. Написано «парадным» почерком. Имеет авторское заглавие: «Вечер». Над заглавием пагинация «30»

черными чернилами рукой С.Е. Раича. В левом верхнем углу пагинация «107» рукой И.С. Гагарина. На л. 2 об. автограф стих. «Полдень» (*Л. Г.*).

Текст стихотворения на л. 2 выполнен тщательно и ясно, расставлены свойственные Тютчеву знаки препинания: тире в конце 2, 6, 7-й строк, многоточие в конце 4-й, восклицательный знак и многоточие в конце 8-й строки; авторские знаки передают незавершенность, продолжительность эмоции, недоговоренность, в то же время восклицательная интонация в последней строке, сочетающаяся с картиной молчаливого движения ложащейся тени, особенно выразительна и характерна для поэта (*ср.* с последней строкой стих. «Поток сгустился и тускнеет...» — «Ключа таинственного шепот!» (см. *коммент.* С. 395) — восклицание в тишине, как бы шепотом.

Вариант, записанный на л. 1 об., не оформлен в синтаксическом отношении, тире стоят лишь в конце 3-й и 5-й строк, запятая — в конце 2-й, другие авторские знаки в конце строк отсутствуют. Иной вариант 3-й и 4-й строки: «Как шорох стаи журавлиной — / И в шуме листьев замер он». Этот вариант более выразительный: от летящей стаи скорее слышен «шорох», чем «шум»; образ «звучные листья» также содержит преувеличение; вариант «в шуме листьев» более простой и строгий.

Возможно предположительно датировать «Вечер» концом 1825 г. или 1826-м годом.

В *Галатее* принят первый вариант (л. 2), здесь 3-я строка — «Как шум от стаи журавлиной», 4-я — «и в звучных листьях замер он!..». Тютчевское тире в конце строк сохраняется во 2-м и в 7-м стихах, восклицательный знак с многоточием — в конце 4-го и 8-го стихов.

В *ННС* и в последующих *Изд. 1886* и *Изд. 1900* — один и тот же вариант (л. 1 об.), который можно считать вторым, но в 6-й строке — «Светлея, не колышет день», по-видимому, тютчевский неологизм «не колыхнет» не был принят. Однако тютчевский синтаксис в значительной степени сохраняется — во всех названных изданиях стоят тире в конце 2, 6, 7-й строк и добавлено — в конце 3-й; не сохранены выразительные многоточия в конце 4-й и 8-й строк и восклицательный знак в конце стихотворения. В *Изд. 1900* особенности тютчевского синтаксиса не воспроизводятся.

14-ое ДЕКАБРЯ 1825

(с. 56)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1. Воспроизведен в *Урании* на вклейке между С. 72 и 73.

Первая публикация — *РА*. 1881. Вып. 1. С. 340; напечатано также

в *Изд. 1900*. С. 38. Печатается по автографу. *См.* «Другие редакции и варианты». С. 229.

Автограф, л. 8*, на бумаге с водяными знаками «In Tolz». В правом верхнем углу зачеркнута пагинация «9», сделанная синим карандашом рукой И.С. Гагарина.

На обороте листа автограф стих. «Вечер» с такой же пагинацией — «10» (*Л.Г.*).

В автографе название — «14-ое Декабря 1825», слово «Декабря» подчеркнуто; есть правка в 7-й и 8-й строках: первоначально было — «И память ваша от потомства / Земле живая предана». Поэт переставил слова («ваша память»), порядок слов стал более естественным для разговорного русского языка; это относится и к замене предлога «от» на «для». К.В. Пигарев (*см.* статью «Стихотворение Тютчева «14-ое декабря 1825». *Урания*. С. 72) придает особое значение первоначальному варианту 8-й строки, мысли поэта о том, что память о декабристах «живая»: «Силою исторических обстоятельств память о декабристах погребена, но она не умерла, она и на земле — *живая*. Вот скрытая возможная мысль поэта». Однако Тютчев не сохранил вариант строки, позволяющий подобное истолкование своей позиции, он ввел образ — «Как труп в земле схоронена». В стихотворении сохранилась двойственность отношения поэта к декабристам: «Самовластье» — развращающая сила, оно «вечный полюс», «вековая громада льдов», но усилия деятелей 14 декабря бесплодны и исторически бесперспективны из-за их малочисленности («скудной крови») и этической недозволенности («вероломства»), поэт апеллирует к объективности («неподкупности») закона (*В.К.*).

Слово «Зима» в 15-й строке написано поверх слова «Земля». Образ земли здесь перекликается с образом земли, принявшей тела казненных, в первой строфе (*Л.Г.*).

В *РА* напечатано под общим заголовком «Неизданное стихотворение Ф.И. Тютчева», без указания повода — «На 14-ое декабря»; в конце публикации помета «(Мюнхен. 1827)». В *Изд. 1900* озаглавлено «Декабристам (14 декабря 1825 г.)», а в конце указано — «(1826)». В том и другом издании стихотворение разбито на четверостишия, чего нет в автографе, убраны столь характерные для Тютчева тире (в конце 2, 4, 6, 15-й строк), убраны прописные буквы в словах «Самовластье», «Закон».

Датируется второй половиной 1826 г., создано под впечатлением обнародованного приговора, отсюда слова — «Сей приговор закон скрепил».

Двойственность позиции автора по отношению к декабристам отразилась на издательской судьбе стихотворения (отсутствие прижизненных публикаций). В конце XIX в. оно воспринималось как

осуждающее деятелей 14 декабря. Н. Овсянников в рецензии на сб. стихотворений Тютчева 1899 г. (Московские ведомости, 1899, № 212, 4 авг. С. 4) указал на тютчевское «неодобрение декабрьского бунта» («Вас развратило самовластье»).

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ

(Из Байрона)

(с. 57)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Северная лира*. 1827. С. 441, с подписью «Ф. Тютчев». Затем — *Совр*. 1854. Т. XLV. С. 6; *Изд. 1854*. С. 120; *Изд. 1868*. С. 77; *Изд. СПб., 1886*. С. 412; *Изд. 1900*. С. 399. Во всех изданиях указано — «Из Байрона».

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 229.

Тексты публикаций различаются только в 7-й строке. В *Северной лире* — «Его — нет боле в вашем круге»; в *Совр*. — «Его уж нету в вашем круге», в *Изд. 1900* — так же; но в *Изд. СПб., 1886* — «Его уж нету в нашем круге». В *Лирике II* — вариант *Совр*. Однако слово «нету», простонародно звучащее, не характерно для словаря Тютчева (*ср*. «Нет боле слов живых на голос твой приветный»; «Нет дня, чтобы душа не ныла...», «Нет! нас одушевляло к бою...»; «Нет, карлик мой! трус беспримерный!..; «Нет, мера есть долготерпенью...»).

Датируется на основании цензурной пометы в *Северной лире* — 1 ноября 1826 г., написано не позднее этой даты (*В.К.*).

Тютчев перевел стих. Байрона «Lines written in an album at Malta» («Строки, напечатанные в альбом на Мальте» — *англ*.). Изменено название и переосмыслен адрес (не женщине, а друзьям).

Альбом, о котором говорит Байрон, принадлежал миссис Спенсер Смит (Байрон писал о ней как о весьма выдающейся женщине), родившейся в Константинополе, где ее отец был австрийским послом, несчастливо вышедшей замуж, поклоннице Бонапарта, несколько раз рисковавшей жизнью, «когда ей еще не было и 25 лет», об этом она сама сообщила в письме матери от 15 сентября 1804 г.

Перевод Тютчева выполнен в полном соответствии со сложившейся к тому времени в России теорией перевода поэзии стихами. Перевод адекватен и эквивалентен оригиналу — в нем сохранены стиль и содержание подлинника (*Л.Н.*).

«КАК ПОРОЮ СВЕТЛЫЙ МЕСЯЦ...»

(Из Гейне)

(с. 58)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 4–4 об. (автограф первой строфы воспроизведен в *Изд. СПб., 1886*. С. V) и л. 5.

Первая публикация — *Галатея*. 1830. Ч. XII. № 8. С. 76–77, с подписью «Ф. Тютчев», цензурная помета — 20 февраля 1830 г. Затем — *Весенние цветы*. 1835 г. С. 209–210; *Галатея*. 1839. Ч. III. № 21. С. 253. В другие прижизненные издания не включалось. Вошло также в *Изд. СПб., 1886*. С. 401–402; *Изд. 1900*. С. 414–415.

Печатается по первому автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 230.

Первый автограф (л. 4), беловой, скоропись. Л. почтовый, белая пожелтевшая бумага с водяными знаками: «I. Wha... 18...». Видимо, в распоряжении поэта были большие листы подобной бумаги с водяными знаками 1827 г. Он рвал их на более мелкие листы и записывал на них свои стихи примерно в одно время, так как почерк идентичен. На таких листах написаны стихотворения «Полдень», «К N. N.» и др. Автограф имеет заголовок — «(Из Гейне)». В верхнем правом углу на л. 4 лиц. карандашом, рукой жены поэта Э.Ф. Тютчевой написано: «facsimile 1823». Видимо, она отметила стихотворение для факсимильного воспроизведения в *Изд. СПб., 1886*. Под первой строфой справа ее же рукой черными чернилами помета: «1823 года» (*Л.Г.*).

Строфическое оформление характерно для Тютчева, в конце строк преобладают тире (или небольшие прочерки), которые у него часты в стихах о водных потоках, о ветре, вообще быстром движении. Тире стоят в конце строк 2, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 14, 18, 19-й. Нормы современного синтаксиса не позволяют их полностью сохранить.

Второй автограф (л. 5), л. 8°, написан аккуратным мелким почерком, оборот листа чистый. Имеет заголовок — «Из Гейне». В нижнем правом углу листа подпись: «Ф. Тютчев». Автографы отличаются расстановкой знаков препинания. В 17-й строке в первом автографе — «Сновиденьем пролетали», во втором автографе — «Сновиденьем пролетели».

К.В. Пигарев выражал сомнение в том, что второй автограф принадлежит руке Тютчева, считал его списком (*Лирика II*. С. 342). Все же более вероятно, что это автограф поэта, судя по почерку — более ранний. Это подтверждается и подписью под стихотворением — «Ф. Тютчев». Таким же почерком подписан автограф стих. «Неверные преодолев пучины...» «(К Р....чу)» (1820), подлинность которого несомненна.

Во всех изданиях текст без изменений; в 17-й строке «Сновиденьем пролетели», но в 1839 г. — «Сновиденьем пролетали». Издания отличаются знаками препинания: в первом и втором изданиях *Галатеи* в конце 2-й строки двоеточие, в *Изд. 1886* и *Изд. 1900* — возврат к автографу, к тире; в 12-й строке в *Галатее* 1830 г. в конце было тире, в *Изд. 1886* — запятая, а в *Изд. 1900* вообще тире в этом стихотворении заменены запятыми. Во всех изданиях название заключено в скобки — «(Из Гейне)».

Тютчев перевел стих. Гейне «Wie der Mond sich leuchtend dränget...» (Buch der Lieder, Die Heimkehr, XL) — («Как луна пробивается...» (Книга песен. Возвращение на родину, XL — *нем.*), опубликованное в 1824 г. Пигарев, обратив внимание на водяной знак на бумаге автографа — «1827», высказал предположение, «что Тютчев переводил стихотворение Гейне не по первой публикации, а либо по первой части «Reisebilder» («Путевых картин», 1826), либо по «Buch der Lieder» («Книге песен», 1827), куда оно вошло в составе цикла «Die Heimkehr» («Возвращение на родину», 42)» (*Лирика II*. С. 343).

Датируется 1827–1829 гг. (*В.К.*).

По числу стихотворных строк и строф текст перевода полностью соответствует оригиналу. Стихотворение Гейне, состоящее из пяти четверостиший, сложено по системе перекрестной рифмовки. Рифмуются только четные строки. Рифма мужская. Перевод точно повторяет систему рифмовки оригинала. Метрическая схема перевода также воспроизводит метрику оригинала. Строки написаны четырехстопным хореем с усечением четвертой стопы в рифмующихся строках. При сравнении содержания оригинала и перевода прежде всего бросается в глаза то, что вместо очень конкретной, четкой по содержанию первой строфы у Гейне — у Тютчева более романтический образ. Перевод Тютчева можно назвать весьма точным по содержанию и в целом (в совокупности формальной и содержательной сторон) — адекватным оригиналу (*Л.Л.*, *М.М.*).

Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 109), сравнив перевод с оригиналом, сделал заключение: «...дословный перевод в стихах не только невозможен, но и нежелателен; однако желать большей близости можно».

CACHE-CACHE

(с. 59)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Галатея*. 1829. Ч. IV. № 17. С. 50–51, с подписью «Ф. Тютчев», цензурная помета — «Москва, апреля 24 дня 1829»; затем — *Совр*. 1854. Т. XLV. С. 5; *Изд. 1854*. С. 117; *Изд.*

1868. С. 75–76; *Изд. СПб., 1886*. С. 50–57; *Изд. 1900*. С. 54–55, с указанием года — «(1829)».

Печатается по первой публикации с исправлением опечаток.

Тексты изданий почти не отличаются. В *Галатее* 7-я строка — «Волшебную близость, как благодать», во всех последующих — «Волшебную близость, как бы благодать» (по-видимому, в *Галатее* — опечатка). В *Галатее* в 5-й строке — «О! кто мне поможет шалунью сыскать»; в дальнейших — после «о» стоит запятая. Общий тон стихотворения эмоционально-приподнятый; в нем поставлено много восклицательных и вопросительных знаков, поэтому и в этой строке следует отдать предпочтение первой публикации; также предпочтительнее многоточие с вопросительным знаком в конце 6-й строки. В последующих изданиях многоточие исчезло, и оно восстановлено лишь в *Изд. 1900*. Но в первом издании в 17-й строке явная опечатка: вместо «пылинки» стоит «былинки». Во всех последующих изданиях — «пылинки». Это слово и его синоним — «прах» занимает заметное место в поэтическом лексиконе Тютчева («вот дождик брызнул, пыль летит», «пыль огнецветная фонтана», «вчерашний зной, вчерашний прах», «Рима древний прах», «В тени, в пыли забытого угла», «Когда сыны ее, простертые в пыли», «и метелью влажной пыли»).

Кому адресовано стихотворение? Ясного ответа нет, есть лишь предположения. В.Я. Брюсов (см. *РА*. 1903. № XI. С. 494) полагает, что оно имеет отношение к Раичу. Р.Ф. Брандт считает, чтоТютчев пишет как бы от лица Раича, имея в виду его жену (*Материалы*. С. 29). П.В. Быков отвергает этот вариант и полагает, что стихотворение имеет личный характер, что оно написано в год женитьбы Тютчева на Элеоноре Петерсон (1826) и относится к ней (*Изд. Маркса*. С. 618). Г.И. Чулков указывает на недоказанность такой датировки стихотворения.

Датировать можно приблизительно — не позднее начала 1829 г., имея в виду цензурную помету в *Галатее*.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

(с. 60)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Галатея*. 1829. Ч. 1. № 3. С. 151, с подписью «Ф. Тютчев». Затем — *Совр*., 1854. Т. XLIV. С. 24; *Изд. 1854*. С. 47; *Изд. 1868*. С. 53; *Изд. СПб., 1886*. С. 6; *Изд. 1900*. С. 50.

Печатается по *Изд. СПб., 1886*. См. «Другие редакции и варианты». С. 230.

В первом издании стихотворение состояло из трех строф («Люб-

лю грозу...», «С горы бежит...», «Ты скажешь...»); без изменения осталась лишь последняя строфа, две других в первом издании имели несколько иной вид: о «веселье» майской грозы было заявлено уже во второй строке («Как весело весенний гром») и дальше было пространственное определение явления, вообще весьма свойственное Тютчеву («Из края до другого края»); и хотя в позднейших прижизненных изданиях появился другой вариант, сам образ и его словесное выражение повторяются: в первом отрывке из «Фауста» («И беспрерывно бури воют / И землю с края в край метут»), в стих. «Из края в край, из града в град...». Во второй строфе образные компоненты были более конкретны по сравнению с позднейшей редакцией; речь шла о «ручье», «ключе нагорном», «говоре птиц», в дальнейших изданиях появился «поток проворный», «гам лесной», «шум нагорный». Обобщенные образы больше соответствовали отстраненно возвышенной позиции автора, обратившего свой взор прежде всего к небу, ощутившего божественно-мифологическую основу происходящего и как бы не склонного разглядывать частности — «ручей», «птиц».

Текст начиная с *Совр.* 1854 лексически не различается, он принял тот вид, в котором «Весенняя гроза» печатается и в XX в. Однако в синтаксическом отношении выделяется *Изд. СПб., 1886*, в нем появились знаки, характерные для тютчевских автографов и соответствующие восторженно-любовному эмоциональному тону произведения («Люблю грозу...»): восклицательный знак в конце 5-й строки и в конце стихотворения, многоточия в конце 6, 8 и 12-й строк, чего не было в предыдущих изданиях. Тексты этого издания готовились А.Н. Майковым. Оценивая издание как наиболее близкое тютчевской манере (не исключено, что в распоряжении Майкова мог быть автограф), ему отдано предпочтение в настоящей публикации.

Датируется 1828 г. на основании цензурной пометы в *Галатее*: «Января 16 дня, 1829 года»; переработка первого варианта, по-видимому, произведена в начале 1850-х гг.

В *Отеч. зап.* (С. 63–64) рецензент *Изд. 1854*, перепечатав полностью стихотворение и выделив курсивом последнюю строфу, восхищался: «Какой несравненный художник! Восклицание это невольно вырывается у читателя, перечитывающего в десятый раз это маленькое произведение совершеннейшего стиля. И мы повторим вслед за ним, что редко, в немногих стихах удается соединить столько поэтической красоты. Всего больше пленяет в картине, конечно, последний образ изящнейшего вкуса и выдержанный в каждой своей черте. Подобные образы нечасто попадаются в литературе. Но, любуясь художественным окончанием поэтического образа, не надобно терять из виду целое его изображение: оно также исполнено прелести, в нем то-

же нет ни одной фальшивой черты и, сверх того, оно все, от начала до конца, дышит таким светлым чувством, что вместе с ним как будто переживаешь вновь лучшие минуты жизни».

Но критик из *Пантеона* (с. 6) среди неудач тютчевских стихов назвал образ «громокипящий кубок». И.С. Аксаков (*Биогр.* С. 99) выделил стих. «Весенняя гроза», перепечатал его полностью, сопроводив высказыванием: «Заключим этот отдел поэзии Тютчева одним из самых молодых его стихотворений <...> Так и видится молодая, смеющаяся вверху Геба, а кругом влажный блеск, веселье природы и вся эта майская, грозовая потеха». Мнение Аксакова получило философское обоснование в работе B.C. Соловьева; он предложил философско-эстетическое толкование стихотворения. Связав красоту в природе с явлениями света, Соловьев рассматривал спокойное и подвижное его выражение. Философ дал широкое определение жизни как игры, свободного движения частных сил и положений в индивидуальном целом и усмотрел в движении живых стихийных сил в природе два основных оттенка — «свободной игры и грозной борьбы». Первое увидел он в тютчевском стихотворении о грозе «в начале мая», процитировав почти полностью стихотворение (см. *Соловьев. Красота.* С. 49–50).

Геба — богиня цветущей юности, дочь Геры и Зевса, жена обожествленного Геракла, на пирах богов она служила виночерпием, подносила им нектар и амброзию (*греч. мифол.*).

Зевс — верховный бог, отец богов и людей, его местопребывание — на горе Олимп, ему подвластны небо, гром и молнии (*греч. мифол.*).

Зевесов орел — орел — царь животных, источник света, плодородия и бессмертия (*греч. мифол.*); Зевс избрал орла своим военным знаком.

K N. N.

(*«Ты любишь, ты притворствовать умеешь...»*)

(с. 61)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 4–4 об. и 5–6.

Первая публикация — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 137. Затем — *ННС.* С. 46; *Изд. СПб., 1886.* С. 103–104; *Изд. 1900.* С. 70–71.

Первый автограф (л. 4–4 об.), л. 8°, кремовая бумага. Написано «парадным» почерком, идентичным с тем, каким написаны стих. «Вечер» и «Полдень» (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2–2 об.). Перед стихотворением пагинация и заголовок черными чернилами, рукой С.Е. Раича «48. K N. N.».

Второй автограф (л. 5–6), л. почтовый, пожелтевшая бумага с водяными знаками: «I. Whatman», видимо, оторвано: «1827». Лист

сдвоенный. Написано скорописью на л. 5–5 об., на л. 6 об. автограф стих. «Утро в горах», той же скорописью. На л. 5 лиц. в левом верхнем углу помета рукой П.А. Вяземского: «Печ<атать>», конец слова оторван (*Л.Г.*).

Печатается по второму автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 230.

Автографы отличаются лишь порядком слов в 14-й строке («Он улетел с младых твоих ланит» и «Он улетел с твоих младых ланит»), второй вариант больше соответствует нормам русского языка; есть различия также в синтаксическом оформлении: поэт варьирует многоточия и тире в конце и в середине строк, вводит восклицательные знаки и отказывается от них. Эти варианты в синтаксисе говорят о том, что для Тютчева нередко близки по смыслу и эмоциональному наполнению тире и многоточия. Они означают недосказанность, смысловую протяженность, намеки. Все же второй автограф (на л. 5–6) больше обработан в синтаксическом отношении, в знаках препинания больше отражены оттенки смысла фраз.

Первые печатные издания, а также *Изд. 1886* и *Изд. 1900* больше ориентируются на первый автограф с вариантом 14-й строки — «Он улетел с младых твоих ланит». Также и в синтаксическом оформлении текста отдают предпочтение многоточиям, заменявшим иногда тире, точку и восклицательные знаки второго автографа. В *Изд. 1886* инициалы в названии — на русском языке: «К Н.Н.».

Датируется по расположению стих. во втором автографе: оно на том же листе, что «Утро в горах», и его можно отнести ко времени не позднее 1829 г.

С.Л. Франк процитировал четвертую строфу в контексте рассуждений о двойственности любовного чувства, увиденного Тютчевым: «Утро и первая, юная любовь сливаются в одну стихию», но «...с грустью и горечью следит поэт, как в душе его возлюбленной зреет страстная, порочная любовь... и лишь с неохотой («Но так и быть...») он соглашается променять эту чистоту утра и юности на радости «палящего летнего зноя», когда «в кисти винограда сверкает кровь сквозь зелени густой» (*Франк*. С. 25).

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

(с. 62)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Галатея*. 1829. Ч. V. № 24. С. 150, с подписью «Ф. Тютчев», цензурная помета — «Москва, июня 12 дня, 1829». Напечатано — *Роза граций*. С. 56–57; в другие прижизненные

издания стихотворение не входило. Включено в *Изд. СПб., 1886.* С. 68–69, с указанием года — 1827; в *Изд. 1900.* С. 56.

Печатается по первой публикации.

Опубликованные тексты не отличаются. Но в *Изд. 1886* — опечатка в 1-й строке («жар» вместо «шар»), в конце стихотворения поставлен восклицательный знак в этом издании и в *Изд. 1900*, чего не было в первой публикации, остальные различия в знаках препинания незначительны.

Датируется на основании цензурной пометы в *Галатее* — 12 июня 1829 г.

И.С. Аксаков отметил (*Биогр.* С. 321–322): «Летний вечер» — пьеса, в которой можно бы узнать Тютчева даже без подписи; вот последняя строфа...» (процитирована вся строфа «И тайный трепет, как струя...»). Р.Ф. Брандт говорил о стихотворении, что это «вещь довольно дикая», и считал странным образ — «скатываемый с головы земли солнца шар» и т. д. (*Материалы.* С. 30).

ПРОБУЖДЕНИЕ

(с. 63)

Автографы (3) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 6–6 об., 5–5 об., 7 и 8. Воспроизведены: 2-й автограф — *Звенья.* 1933. Т. II, на вклейке между С. 276 и С. 277, 3-й — *Москв.* 1851. Кн. I. № 11. С. 237.

Первая публикация — *Москв.* 1851. Кн. I. № 11. С. 237. См. с. 505-507.

Печатается по автографам. См. «Другие редакции и варианты». С. 230, а также с. 216.

Г.И. Чулков и К.В. Пигарев разошлись в определении ранней редакции. Первый считает ею ту, что записана на л. 5–5 об., а Пигарев называет записанную на л. 6–6 об. (*Чулков II.* С. 298–299; *Лирика I.* С. 231–232 и 342). Мнение последнего представляется более убедительным. Хотя третья редакция, напечатанная в *Москв.*, вобрала в себя элементы и той и другой редакций, все же в основном она опирается на более позднюю (л. 5–5 об.). В обеих редакциях первые строфы совпадают. Изменения — с 6-й строки («Я впал в невольное забвенье» и «Вдался я в сладкое забвенье»), в третьей редакции (москвитянинской) выбран первый вариант. Однако в словах «вдался я» акцентировано состояние самоотдачи, самоподчинения какой-то чужой власти, что должно было усилить впечатление «странности» момента, о чем заявлялось в 8-й строке; вариант оказывался не менее художественным. Также колебался поэт в выборе определения для состояния забвенья: «невольное забвенье» — «сладкое забвенье» — «невольное забвенье».

12 Зак 6873

Третья и особенно четвертая строфы (первых двух редакций) подверглись заметной переработке. Слово «украдкой» в 9-й строке первой редакции перешло в 13-ю строку 2-й редакции, в которой третья строфа подчинена задаче усиления эффекта молчания ночи (переживания, весьма свойственного Тютчеву), и 9-я строка приобрела вид: «Безмолвно в сумраке ночном» (вместо «Украдкой в сумраке ночном»). В третьей редакции вся эта строфа не сохранилась, в нее вошел лишь образ ночного безмолвного движения: «Ходили тени по стенам / И полусонное мерцанье»; в первых двух редакциях было — «Ходило лунное сиянье». Четвертая строфа приобрела во второй редакции тот вид, который она имеет и в третьей редакции.

Первый вариант:

Сомнительно в мое окно
Смотрело бледное светило –
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

Другой вариант:

Украдкою в мое окно.
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

Тютчев отказался от повторов свистящих «с» («сомнительно», «смотрело», «светило», «сторожило»), такая музыка строфы не соответствовала ощущению молчания ночи и лунного света, два первых слова из начальных строк устранены. К тому же слово «сомнительно», применительно к луне, выглядело излишне психологично, уменьшая художественный эффект тайны и странности. Поэт отказался от него окончательно. Замену слов «смотрело» на «глядело» можно также связать, видимо, с живым ощущением поэтом корня, роднящего со словом «взгляд» («Киммерийский южный взгляд»); «взгляд», «взор», «глаза», «очи» — все это особо значимо для романтика. Стихотворения Тютчева свидетельствуют о том, что он последовательно отдавал предпочтение слову «глядеть» (а не «смотреть»): «Гвоздики недаром лукаво глядят» («Cache-cache»), «На месяц взглянь...» («Ты зрел его в кругу большого света...»), «Здесь, где так вяло свод небесный / На землю тощую глядит...», «И, глядя на тебя, пустынная река...» («Через Ливонские я проезжал поля...»), «Альпы снежные глядят...» («Альпы»), «Ты беззаботно вдаль глядела...» («Я помню время золотое...») и т. д. Переработка рассматриваемой строфы и полное ее включение в третью редакцию свидетельствуют о том, что строфа «Украдкою в мое окно...» входит в редакцию более позднюю по сравнению с той, что запечатлела строфу «Сомнительно в мое окно...». Последняя строфа

первых двух редакций различается строками: «Из пышного златого дня / Тропою тайной сновидений» — «Из области цветущей Дня / Стезею тайной Сновидений». Окончательной редакции (москвитянинской) ближе первый вариант — «Из пышно золотого дня». Хотя образ «цветущего» дня Тютчеву очень близок — ср. «цветущее блаженство мая» («Нет, моего к тебе пристрастья...»), «В своей цветущей опочив юдоле...» («Итальянская villa»). «Тропою» — «стезею»; второе слово более торжественно архаическое, поэт нередко делает свой выбор в пользу такого словоупотребления. Однако в третьей редакции он убрал и то и другое, а также сугубо романтический образ «тропою (стезею) тайной Сновидений», смягчив романтику и введя более реально-поэтический вариант: «Увлек, незримый, в царство теней», хотя, конечно, «царство теней» тоже романтично. Первая и вторая редакции имеют название — «Пробуждение».

Обе ранние редакции не входили в прижизненные издания, и впервые 2-я редакция была опубликована: *Звенья*. 1933. Т. II. С. 278 (рядом и его автограф), а 1-я редакция (последние три строфы) опубликована в издании *Чулков II*. С. 299, полный текст в *Лирике I*, разделе «Другие редакции и варианты». С. 230.

Первые редакции можно датировать концом 1820-х гг., так как автографы на той же бумаге и тем же почерком, что и стих. «Утро в горах», «Снежные горы», «Последний катаклизм» (последние опубликованы в 1830 и 1831 гг.).

Так как обе редакции, особенно вторая, обладают самостоятельной художественной ценностью, показывая, как закреплялись романтические принципы в поэзии Тютчева конца 1820-х гг., в нашем издании печатаются все три редакции: 1-я — в разделе «Другие редакции и варианты». С. 230, 2-я — в основном корпусе стихотворений, в контексте поэзии конца 1820-х гг., 3-я — среди стихотворений конца 1840-х гг. под названием «Еще шумел веселый день...» (см. с. 216).

УТРО В ГОРАХ

(с. 64)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 6 об.

Первая публикация — *Галатея*. 1830. Ч. XIII. № 13. С. 90, с подписью «Ф. Тютчев», цензурная помета — «Марта 18 дня, 1830 г.». Затем — *Совр*. 1836. Т. 3. под № 1. С. 5, под общим заголовком «Стихотворения, присланные из Германии», с подписью «Ф.Т.»; *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 3; *Изд. 1854*. С. 1; *Изд. 1868*. С. 3; *Изд. СПб., 1886*. С. 11; *Изд. 1900*. С. 68.

Этот текст, соответствующий автографу, печатается.

Автограф беловой, без исправлений, л. почтовый, на пожелтевшей бумаге с водяными знаками: «I. Whatman». Лист сдвоенный. На л. 5–5 об. автограф стих. «К N. N.».

Тексты не различаются, но в *Галатее* в конце 2-й строки стоит тире, в конце 4-й — восклицательный знак и многоточие, которые не воспроизведены в других изданиях; в первой публикации передана большая эмоциональная экспрессия. В *Галатее* стихотворение объединено со строфами «Снежных гор» (без указания названия), создано впечатление единого стихотворения под общим заголовком «В горах» и с пометой в конце — «Салцбург». В следующих изданиях, следуя одио за другим, они получали разные названия: первое — «Утро в горах», второе — «Снежные горы». В изданиях конца XIX в. они еще более разъединены, особенно в *Изд. 1900*. В *Изд. 1886* «Снежные горы» предшествуют «Утру в горах».

Датируется по цензурной помете в *Галатее* — не позднее 1829 г.

Н.А. Некрасов так отозвался об этом стихотворении: «Конечно, самый трудный род поэтических произведений — это те произведения, в которых, по-видимому, нет никакого содержания, никакой мысли, это пейзаж в стихах, картинка, обозначенная двумя-тремя чертами. Уловить именно те черты, по которым в воображении читателя может возникнуть и дорисоваться сама собою данная картина, — дело величайшей трудности. Г. Ф.Т. в совершенстве владеет этим искусством» (*Некрасов*. С. 205–206). В качестве примера критик привел стихотворения «Утро в горах», «Снежные горы», «Полдень», «Песок сыпучий по колени...» и обобщил: «Все эти стихотворения очень коротки, а между тем ни к одному из них решительно нечего прибавить. Распространяйтесь в описании подобного утра, полудня или ночи («песок сыпучий по колени») хоть на нескольких страницах, вы все-таки не прибавите ничего такого, что бы говорило уму читателя более, чем сказано здесь осьмью строчками. Каждое слово метко, полновесно, и оттенки расположены с таким искусством, что в целом обрисовывают предмет как нельзя полнее». Рецензент из ж. «Пантеон» (1854. Т. 14. Кн. 3. Отд. IV. С. 17–18) насмешливо восклицал: «Спрашиваем всех: что в этом стихотворении? Таких можно написать десяток в несколько часов без малейшего труда». Значение подобных стихотворений определял С.Л. Франк: «Утром *«лазурь небесная смеется»*. Утро и первая, юная любовь сливаются в одну стихию и прямо отождествляются в стихотворении «Сей день, я помню, для меня был утром жизненного дня». Красота юности есть «прелесть утреннего часа» («Двум сестрам»)»; так философ выявил в поэзии Тютчева мысль о всеединстве бытия, и он резюмировал: «Весна, утро, юность — все это — воплощения горнего, светлого, неземного начала в самой земной жизни; и только именно

поскольку в этих явлениях мы имеем в воплощенном виде в земной, здешней жизни, черты, определяющие небесное в его отличии от «дольнего», поэт любит «мать-землю» (*Франк*. С. 25–26).

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

(с. 65)

Автографы (2) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2–2 об. (беловой) и 3–3 об. (черновой).

Первая публикация – *Галатея*. 1830. Ч. XIII. № 13. С. 91, с подписью «Ф. Тютчев», цензурной пометой — «Марта 18 дня, 1830 г.». Затем – *Совр*. 1836. Т. III. Под № III. С. 7, под общим заголовком «Стихотворения, присланные из Германии», с подписью «Ф. Т.»; *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 3–4; *Изд. 1854*. С. 2; *Изд. 1868*. С. 4–5; *Изд. СПб., 1886*. С. 9–10; *Изд. 1900*. С. 96–97.

Печатается по *Совр*. 1836 г. См. «Другие редакции и варианты». С. 231.

Автограф беловой, ясный и четкий, особенность графики – прописные буквы в словах «Горы» (в названии стих.), «Гора», «Озеро», «Камней», «Божества», «Выси», «Землей», «Неба», поэт как бы мифологизирует картину: явления будто оживают в своей первозданной сущности. В черновом автографе (карандашом, с небрежно написанными словами, без знаков препинания, почти без разделения на строфы) эта особенность меньше выражена. В автографе отсутствуют красные строки в начале строф.

Датируется по цензурной помете в *Галатее* – не позднее марта 1830 г.

В *Галатее* напечатано слитно с «Утром в горах» (см. *коммент*. С. 323) под одним общим названием «В горах». Стихотворения действительно объединены горным пейзажем, хотя в первом изображается, вндимо, утреннее время («Лазурь небесная смеется, / Ночной омытая грозой»), а во втором – полдень. Сходна в них и точка зрения автора; его взор скользит по вертикали: в первом стихотворении – от неба к земле, к долине и снова вверх, к вершинам гор; во втором стихотворении: от горных высот – вниз, в «дольний мир» и снова к высям гор, к небу. В *Галатее* еще сильнее контраст небесного света, огня и темной земли: отсюда в 4-й строке – образ «черными тенями» (в последующих изданиях, кроме *Изд. 1900*, «черными лесами»), который дополняется образами следующей строфы: «прохлада» листьев (вариант *Галатеи*), синева озера, образы камней, «родной глуби» земли, куда спешат ручьи. В варианте *Галатеи* природа «оживлена» (во 2-й строфе, исчезнувшей в последующих изданиях,

кроме *Изд. 1900*) появлением картины пасущегося стада, с его «звонком», правда, почти замолкшим. Однако эта выразительная строфа исчезла в пушкинском издании. Смелые тютчевские образы этого стихотворения, его изысканная метафоричность — «перебирается прохлада», «Над издыхающей землей» — не были приняты в издании И.С. Тургенева и последующих. Вторая строфа в них отсутствовала, а в последней появился более обычный оборот — «Над усыпленною землей». Лишь в *Изд. 1900* — возврат к варианту *Галатеи.*

ПОЛДЕНЬ

(с. 66)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2 об. и л. 3.

Первая публикация — *Совр.* 1836. Т. III. Под № VI. С. 10 под общим заголовком «Стихотворения, присланные из Германии», с общей подписью «Ф.Т.». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 4; *Изд. 1854.* С. 3; *Изд. 1868.* С. 6; *Изд. СПб., 1886.* С. 96; *Изд. 1900.* С. 45.

Печатается по второму автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 232.

Первый автограф (л. 2 об.), л. 8°. На л. 2 автограф стих. «Вечер». Написано «парадным» почерком. Выше стихотворения пагинация «29» черными чернилами, рукой С.Е. Раича, в верхнем правом углу пагинация «106» синим карандашом, рукой И.С. Гагарина. Имеет авторское заглавие: «Полдень».

Второй автограф (л. 3), л. 8°, бумага с водяными знаками «I. Whatman. 1827». Лист сдвоенный, заполнен только л. 3. В правом верхнем углу зачеркнута и полустерта пагинация «79» рукой Гагарина. Написано скорописью. Без заглавия (*Л.Г.*).

Первый автограф имеет другой вариант 3-й строки — «В лазури пламенной и чистой» авторские знаки проставлены: тире в конце 2-й и 6-й строк, многоточия в конце 4-й и 8-й, тире, как часто у Тютчева, ассоциированы с протяженностью действия.

Второй автограф тоже беловой, с иным вариантом: «И в тверди пламенной и чистой» (ср. «грунт небес» — «Через Ливонские я проезжал поля...»). Образ Пана (Сильвана) впервые появился в его поэзии в стих. «Послание Горация к Меценату...» (см. *коммент.* С. 281): «В священной рощице Сильвана, / Где мгла таинственна с прохладою слиянна... Здесь в знойные часы, пред рощею густою, / Спит стадо и пастух под сению прохлад...». Особенность авторского синтаксиса — повторы тире в конце строк 2, 4, 6-й.

Во всех изданиях — вариант второго автографа, но модернизируются авторские знаки: убраны тютчевские тире в конце строк.

Датируется не позднее конца 1820-х гг., т. к. бумага одного из автографов с водяным знаком «1827».

Н.А. Некрасов выделил стихотворение вместе с другими лирическими миниатюрами Тютчева — «Утро в горах», «Снежные горы», «Полдень», «Песок сыпучий по колени...» (*Некрасов*. С. 206). В рецензии на *Изд. 1854* оно перепечатано и дан восхищенный отзыв о нем: «Красок немного, но как все они истинны, как верно подмечены у самой природы! Автору, очевидно, знакома тайна рисовать немногими, но подлинными чертами красоту ее явлений» (*Отеч. зап*. С. 62–63).

Рецензенту из *Пантеона* (с. 6) не нравилось выражение «мглистый полдень», и, по-видимому, в противовес ему, именно это выражение одобрил И.С. Аксаков (*Биогр*. С. 93–94), отметив художественную точность этого образа, как и «лениво дышит» и особенно «лениво тают».

Продолжение размышлений о тютчевском образе «полдень мглистый» — в статье С.Л. Франка. Изучая «дуалистический пантеизм» Тютчева, философ обнаруживает образы, в которых не противопоставляются светлое и темное начала бытия, а «сближаются между собою»: так, «полдень мглистый» изображается как час, когда «всю природу, как туман, дремота жаркая объемлет». Подобное Франк видит и в стих. «Снежные горы» — образ «мглы полуденной», в которой почил «дольний мир». И дальше, развивая свою мысль, замечает, как в стихах Тютчева «ночь» и «день» иногда как бы вдруг меняются, в символическом смысле, своими местами...» (*Франк*. С. 22). Так Франк указал на одно из звеньев тютческого поэтического видения мирового всеединства. В.Я. Брюсов (*Изд. Маркса*. С. XXXVII–XXXVIII), характеризуя пантеизм Тютчева, обращается и к стих. «Полдень»: «В другую минуту, «лениво дышащим полднем», Тютчеву сказывается и самое имя того божества, которому действительно служит его поэзия, — имя «великого Пана», дремлющего в пещере нимф... И кто знает, не к кругу ли этих мыслей относится странное восклицание, вырвавшееся у Тютчева в какой-то тяжелый миг...» (цитируется последнее трехстишие стих. «И чувства нет в твоих очах...»).

МОГИЛА НАПОЛЕОНА

(с. 67)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Галатея*. 1829. Ч. 2. № 8. С. 86, с подписью «Ф. Тютчев», цензурной пометой — «Москва, февраля 20 дня,

1829 года». Затем — *Совр.* 1854. Т XLV. С. 6; *Изд. 1854*. С. 119; *Изд. 1868*. С. 84; *Изд. СПб., 1886*. С. 97; *Изд. 1900*. С. 51.

Печатается по *Изд. СПб., 1886*. См. «Другие редакции и варианты». С. 232.

В первой публикации представлен ранний вариант стихотворения, в котором строки 9–10 и 13–14 отличаются от более поздних: деяния Наполеона и их последствия приближены к поэту: «Еще гремит твоих побед / Отзывный гул в колеблющемся мире...», ср. с поздним вариантом «Давно ль умолк Перун его побед, / И гул от них стоит доселе в мире...». Слово «гремит» заменено на «умолк», в позднем варианте поэт уже мифологизирует события (образ Перуна). Образ «колеблющегося мира», реальный для исторической ситуации 1828–1829 гг., исчезает и заменяется более общим утверждением. Отношение к Наполеону становится более определенным — утверждается его величие: «И ум людей твоею тенью полн» (1-й вариант), ср.: «И ум людей великой тенью полн». В первом варианте выражено ощущение неустойчивости жизни и образ «колеблющегося мира» дополнился образом скитающейся тени («А тень твоя, скитаясь в крае диком»), ср.: «А тень его, одна, на бреге диком»; слово «твоя» заменено на «его», что также усиливает эффект отстраненности автора.

В *Галатее* пропущенные 11–12-я строки обозначены точками, они исчезают в *Изд. 1854* и *Изд. 1868*. Более поздний вариант представлен в изданиях начиная с *Совр*. По существу, не различаются *Изд. 1854* и *Изд. 1868*. Лишь в *Изд. СПб., 1886* сохранены отточия, обозначившие пропуск строк, и уточнены знаки препинания. В *Изд. 1900* осуществлен возврат к тексту *Галатеи*. К.В. Пигарев в своих публикациях отдает предпочтение второму варианту, который действительно оказывается более художественно выразительным.

Так как обновленный вариант появился в *Изд. 1854*, к этому времени и относят переработку стихотворения. В первых полных собраниях сочинений поэта «Могила Наполеона» стоит в контексте стихотворений 1820–1830-х гг. В *Сушк. тетради* и *Муран. альбоме* — отсутствует. В 1840-х — начале 1850-х гг. Тютчева занимал образ Наполеона, и он размышлял о последствиях его исторических деяний (см. стих. «Наполеон». С. 219), по-видимому, в это время он доработал свое раннее стихотворение.

Перун — бог грома и молнии (*слав. мифол.*).

Могила Наполеона — первоначально могила была в месте ссылки на острове Святой Елены, но затем в 1840 г. останки были перевезены в Париж.

«ВЫСОКОГО ПРЕДЧУВСТВИЯ...»

<И з М а н д з о н и>

(с. 68)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1–2 об.

Первая публикация — *РА*. 1885. Вып. 6. С. 320. Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 360; *Изд. 1900*. С. 382–384.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 232.

Автограф свидетельствует о том, что поэт много работал над концом предпоследней строфы и над последней. Знаменательна правка 47-й и 48-й строк: было — «Железный мир и движимый / Воззрением одним»; стало — «Железный мир и дышащий / Велением одним!..». В выборе первопричины — «воззрений» или «велений» — поэт отдал предпочтение воле, а не мыслительному процессу. Впоследствии подобное повторится в стих. «Problème» (первоначально — «Или низринут *мыслящей* рукой?», стало — «Иль был низринут волею *чужой?*», см. *коммент.* С. 423). Просветительная тенденция — мир движется воззрениями (разумные взгляды правят миром) — заменяется интуитивистско-волевой мотивировкой: мир «дышит» «велением»; есть и уточнение: велением Высших сил. Таков постоянный в вариантах образ милосердной Руки, приподнимающей к небу. В последнем варианте поэт усилил также категоричность утверждения духовного падения героя, убрав сослагательные обороты («В нем сердце б истомилось / И дух бы пал», или же: «И он бы пал»); стало: «В нем сердце истомилось / И дух упал...». Варьируя в 50–51-й строках слова «сердце» и «душа», заменяя одно другим в трех вариантах последней строфы, он оставлял неизменной мысль о «падении» Наполеона: 1) «И дух бы пал», 2) «И он бы пал», 3) «И дух упал». Поэт остановился на варианте особенно значимом — утверждении духовного падения Наполеона. В автографе отсутствуют название, а также указание на перевод.

В *РА* пропущены 5-я и 6-я строфы. В *Изд. СПб., 1886* напечатано под названием «О Наполеоне (Из Манцони)» и в конце указан год — 1824-й. В издании пропущены две строфы — 5-я и 6-я; пропуск обозначен двумя рядами точек. Есть особенность в графике: последнее двустишие в каждой строфе отодвинуто вправо. Таким образом в структуре строфы выделены две части: четырехстишие, повествующее о жизни и личности Наполеона, и заключительное, как бы ударное, двустишие, нередко заканчивающееся восклицательным знаком с многоточием (что соответствует и автографу).

В *Изд. 1900* заглавие — «Наполеон (Из Манцони)»; здесь некоторые строки имеют иной вариант: 32-я — «Склонившись, тяготе-

ла» (вместо «Скопившись, тяготела» — в автографе); 50-я — «В нем сердце истомилося» (вместо «В нем сердце истомилось» — в автографе); 52-я — «К нему рука спустилася» (вместо — «К нему рука спустилась»). Варианты вызваны, по-видимому, не столько особенностями прочтения автографа, сколько собственным пониманием ритмического рисунка строфы, усеченный ямб был превращен в полный (в 50-й и 52-й строках).

Датируется по почерку — концом 1820-х гг.

Тютчев перевел стих. итальянского писателя *Александра Мандзони* (1785–1873) «На смерть Наполеона», или «Пятое мая» (Il cinque maggio) — день смерти Наполеона. Но Тютчев отказался от перевода шести первых строф и трех последних. До Тютчева стихотворение было переведено на немецкий язык Гёте, и, по мнению Р.Ф. Брандта, Тютчев пользовался не только итальянским, но и немецким текстом (*Материалы*. С. 96). Брандт сделал текстуальные сопоставления.

В переведенных Тютчевым строфах обращено внимание на некоторые существенные события жизни Наполеона: провозглашение в 1804 г. императором, отречение от престола в 1814 г., затем — стодневное пребывание у власти в 1815 г. и ссылка в 1815 г. на остров Святой Елены.

ВИДЕНИЕ

(с. 70)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Галатея*. 1829. Ч. VII. № 34. С. 144, с подписью «Ф. Тютчев», цензурная помета «Москва. Августа 22 дня, 1829 года». Затем — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 25; *Изд. 1854*. С. 49; *Изд. 1868*. С. 56; *Изд. СПб., 1886*. С. 57; *Изд. 1900*. С. 57.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 233.

Во всех изданиях есть заглавие, и текст отличается лишь в первой строке. Только в *Галатее* и *Изд. 1900* печатается: «Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья»; во всех остальных указанных публикациях слова «в ночи» пропущены, и метр строки 1-й уподоблен строке 2-й (5-стопному ямбу). Но в *Галатее* и графически подчеркнуто особое звучание всей строфы: шестистопные ямбы в 1-й и 4-й строках, более длинные, отодвинуты влево, укороченные 2-я и 3-я строки (5-стопные ямбы) отодвинуты вправо. Также графически напечатана и вторая строфа, хотя в ней есть отступления от размера первой строфы: 1-я строка — шестистопный ямб; 2-я — пятистопный; 3-я — четырехстопный ямб; 4-я — пятистопный. Но во всяком случае, первая строка оказывается длиннее второй, а четвер-

тая — третьей. Графически это обозначено. В следующих изданиях отсутствует такое выделение, лишь в *Изд. 1900* первая и вторая строфы печатаются с красной строки.

В *Галатее* «Видение» присоединено под римской цифрой «I» к стих. «Олегов щит», напечатанному без названия под цифрой «II». Здесь первые две строфы: «О наша крепость и оплот», «Алла, пролей на нас твой свет!», а под цифрой «III» — строфа «Глухая полночь, все молчит!» Во всех следующих изданиях эти стихотворения разъединены. Возможно, издателю *Галатеи* дали повод к такой ошибке ночной колорит обоих стихотворений, образ ночного бдения и ночного молчания, общий таинственный тон. Хотя в первом стихотворении — античные реминисценции, во втором — библейские и мусульманские. См. *коммент.* к стих. «Олегов щит» (с. 331).

Датируется по цензурной помете в *Галатее* — не позже первой половины 1829 г.

Рецензент из *ж.* «Пантеон» (1854. Т. 14. Кн. 3. Отд. IV. С. 17) назвал стихотворение среди тех, «в которых трудно доискаться смысла». Р.Ф. Брандт (*Материалы.* С. 30), возможно отвечая на это замечание, пишет: «Мне после долгого размышления кажется, что можно ее (пьесу «Видение». — *В.К.*) истолковать так: иногда чувствуется, что бренная земная жизнь должна исчезнуть и раствориться в вечности; это сознание тяжким гнетом ложится на душу всех людей, — лишь поэту оно внушает не только тоску, но и творческие мечты». В.Я. Брюсов, размышляя об образе ночного хаоса в лирике Тютчева, утверждает: «Но для него самого ночь была скорее соблазнительна. Он был уверен, что ночью, «в тиши всемирного молчанья», «Живая колесница мирозданья / Открыто катится в святилище небес». Ночью можно подглядеть таинственную жизнь хаоса» (*Изд. Маркса.* С. XLIII). Брюсов находит в стихотворении выражение существенной тенденции поэзии Тютчева: «Эта поэзия хотела говорить о роковом, о тайном, и ей, чтобы пробудиться, нужен был «оный час видений и чудес», когда душа *теряет память* о своем дневном существовании. О часе таких вдохновений говорит Тютчев: «Тогда густеет ночь, как хаос на водах...» (Далее цитируется вся строфа). Мысль, высказанную в этом стихотворении, Брюсов относил к предпосылкам поэзии Тютчева (там же. С. XLIII).

ОЛЕГОВ ЩИТ

(с. 71)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Галатея.* 1829. Ч. VII. № 34. С. 144, присоединено к *стих.* «Видение» и подписано «Ф. Тютчев». Затем — *Ра-*

ут. Кн. 3. С. 430, с подписью «Ф. Тютчев»; *Изд. 1868*. С. 162, с ошибочной датой — «1854 г.»; *Изд. 1900*. С. 58.

Печатается по тексту *Раута*. См. «Другие редакции и варианты». С. 233.

Издания различаются: в *Галатее* одно «общее» стих. «Видение» разделено на три части: I) две строфы стих. «Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья...»; II) две строфы — «О наша крепость и оплот» и «Алла, пролей на нас твой свет!»; III) одна строфа — «Глухая полночь, все молчит!» В *Рауте*, в *Изд. 1868* и *Изд. 1900* стихотворение отделено от «Видения». В *Изд. 1868* напечатано в контексте произведений Тютчева 1850-х гг.; во всех изданиях — название «Олегов щит»; строфы переставлены; в *Изд. 1868* и *Изд. 1900* они озаглавлены: «Молитва магометан. Аллах! пролей на нас твой свет!» (I строфа); «Молитва Славян. О наша крепость и оплот!» и «Глухая полночь! Все молчит!» (2 строфы). Хотя два стих. — «Видение» и «Олегов щит» — сближаются в общем для них ночном, тревожном колорите, однако сочетание разных культурных ореолов (античного, библейского, магометанского) делает маловероятным объединение двух стихотворений. Во всех последующих изданиях они разъединены. Что касается перестановки строф в «Олегове щите», то галатеевский вариант имеет свое оправдание: Тютчев передал два голоса (впоследствии он повторит в новом виде этот мотив, см. «Два голоса»), две молитвы, и, согласно своей религиозной вере, на первое место он мог поставить молитву славян (так в *Галатее*), на второе — молитву магометан (при этом употреблено слово «православных», в последующих изданиях уточненное — «правоверных»). Последняя строфа рисует внешнюю обстановку, и вариант двух последних строк в *Галатее* более архаичен в лексическом отношении, но более эмоционален в художественном отношении: «И над вратами Истамбула / Зажгла Олегов щит!..»; в других изданиях: «И над воротами Стамбула / Олегов озарила щит».

Цензурная помета в *Галатее* — 22 августа 1829 г., датируется не позднее этой даты; связано с русско-турецкой войной 1828 — 1829 гг.

Положительно отозвался о стихотворении рецензент новых книг в *Совр*. (1854. Т. 44. № 4. Отд. IV. С. 35); он выделил в *Рауте* стих. Тютчева «Проезд через Ковно» и «Олегов щит», иронично заметив, что им «как-то неловко» среди слабых стих. Родзянки, Петерсона, Маркова и др., опубликованных в этом сб.

Гяуры — у исповедующих ислам: иноверцы, немусульмане.

Великий Бог... вел в пустыне свой избранный народ!.. — реминисценции из Библии.

Олегов озарила щит. — По летописному преданию, Киевский князь Олег во время победоносного похода на Царьград повесил в знак победы свой щит на его вратах.

ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I

<С н е м е ц к о г о>

(с. 72)

Автограф — Архив Внешней политики Российской империи, МИД. Канцелярия. Арх. № 8086. Л. 130–131. Воспроизведен в *ЛН*. М., 1935. Т. 19–21. С. 188.

Первая публикация — *ЛН*. В статье К. В. Пигарева «Ф.И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России» (с. 180–181).

Печатается по автографу.

Автограф связан с депешей, адресованной вице-канцлеру К.В. Нессельроде, с которым Тютчев состоял в деловой переписке. Депеша — русского посланника в Мюнхене И.А. Потемкина, датирована 12 октября 1829 г. Учитывая это и датируется стихотворение: оно создано не позднее этой даты.

Тютчев перевел стих. баварского короля Людвига I «Nicolaus, das ist der Volksbesieger» («Николай, народный победитель!» — *нем.*), связанное с русско-турецкой войной 1828–1829 гг., закончившейся победой русской армии и заключением 2/14 сентября 1829 г. Адрианопольского мирного договора. Баварский король Людвиг I, получивший власть одновременно с Николаем I и в своей политической линии сближавшийся с ним, воспел русского царя в одическом послании, воздав ему хвалу за победу над Османской империей, победу христиан над магометанами. Тютчев коснулся событий русско-турецкой войны 1828 — 1829 гг., завершившейся Адрианопольским миром, в стих. «Олегов щит» (см. *коммент.* С. 331). Комментируя стихотворение, Пигарев отметил: «И.А. Потемкин переслал в Петербург оригинал стихов как литературную новинку, опубликованную в одной из мюнхенских газет. Одновременная посылка перевода, сделанного Тютчевым, очевидно, имела целью обратить на него внимание петербургского начальства» (*Лирика II*. С. 348). Хвалебное стихотворение, по-видимому, передает отношение Тютчева в то время к русскому монарху, сравнительно недавно занявшему русский трон. В эти годы и Пушкин возлагал надежды на нового царя. Однако впоследствии, в 1850-х гг., в период Крымской войны, Тютчев выражал разочарование в Николае I, о чем свидетельствует его эпиграмма «Не Богу ты служил и не России...» (см. т. 2 наст. изд.), а также письма тех лет, особенно письмо Эрнестине Федоровне от 17 сентября 1855 г.

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

(с. 74)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2 об.

Первая публикация – *Денница*. 1831. С. 89, стихотворение имеет заглавие — «Последний катаклизм». В другие прижизненные издания не входило, затем – *РА*. 1879. С. 128; *ННС*. С. 24; *Изд. СПб., 1886*. С. 67; *Изд. 1900*. С. 67.

Печатается по первой публикации.

Автограф на одном листе со стих. «Снежные горы»; заглавие отсутствует. Почерк ясный, особенность графики — прописные буквы в словах «Час», «Частей», «Земных», «Зримое», «Воды», «Божий»; выражена та же тенденция к мифологизации картины, что и в стих. «Снежные горы» (см. *коммент*. С. 325): сущностное в бытии графически выделено. Имеется список (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 30 об.) среди других произведений с общим заголовком «Из стихотворений Тютчева, хранящихся у князя И.С. Гагарина»; список имеет название «Последний катаклизм», как в *Деннице*. Есть основание предполагать, что название принадлежит самому поэту.

Особенности тютчевского написания некоторых, особенно значимых для картины слов, не сохраняются ни в первом, ни в последующих изданиях. Текст в *ННС, Изд. 1886* и *Изд. 1900* совпадает, но в двух последних во второй строке — вариант 2-й строки: «Разрушится состав частей земных». Стихотворение печаталось везде без названия.

Датируется по контексту в автографе: так же, как и «Снежные горы», не позднее 1829 г.

В стихотворениях Тютчева о природе конца 1820-х г. «Последний катаклизм» стоит, по существу, рядом с «Видением». Если в таких лирических шедеврах, как «Весенняя гроза», «Весенние воды», «Утро в горах» и (в основном) — «Снежные горы», «Полдень», показан благодатный, нежащий, светлый, дневной космос (в древнегреческом смысле слова), то «Последний катаклизм» и «Видение» рисуют «некий час» бытия («колесницы мирозданья»), тревожащий душу. В «Последнем катаклизме» — предчувствие, даже ясновидение, бедствия планеты; дальнейшее развитие этой темы — в «Безумии» с образом бедствий земли и безумных попыток их оптимистического истолкования. Однако «Последний катаклизм» резко отличается от всех других стихотворений с образом хаоса утверждением победы Божественного Первоначала над хаотическим распадом.

БЕССОННИЦА

(с. 75)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Галатея*. 1830. Ч. XI. № 1. С. 47–48, с подписью «Ф. Тютчев», цензурная помета — «Января 1 дня, 1830 года». В другие прижизненные издания не входило. Включено в *Изд. СПб.*, 1886. С. 16–17; *Изд. 1900*. С. 63–64.

Печатается по первой публикации.

Текст в изданиях не различается, лишь слегка осовременена пунктуация в изданиях конца XIX в. В *Галатее* и *Изд. 1900* начало каждой строфы печатается с красной строки.

Датируется не позднее 1829 г.

«Бессонница», как и «Последний катаклизм», заключает в себе размышления поэта о темной, «опасной» стороне бытия — о «неотразимом роке», губящем человека, находящегося в поединке с природой. Тема человеческой «борьбы с природой» впервые прозвучала в этом стихотворении, и ей принадлежит долгий путь развития и варьирования в лирике Тютчева: борьбы, нарушения гармонии, но и желанного и разумного единения и нежеланного, но неизбежного разлада и конечного слияния с природой (см. «Итальянская villa», «Весна», «Колумб», «Певучесть есть в морских волнах...», «Смотри, как на речном просторе...» и др.). Но стих. «Бессонница» особенно мрачно: оно утверждает человеческое сиротство: «мы», люди, «покинуты на нас самих». Поэт обостренно воспринимает «чужое» для человека, коренящееся в самом бытии и напоминающее ему о неизбежности расставания с земной жизнью, неизбежности гибели. И этот мотив «чужого», «чуждого» также получит дальнейшее развитие.

БАЙРОН

(Отрывок)

(с. 76)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1–5 об.

Первая публикация — Русский современник. 1924. № 1. С. 162–168. Подготовлена Г.И. Чулковым.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 234.

Автограф, л. А[4] вынуты из тетради, бумага с водяными знаками «I Whatman. 1827». Имеет заглавие: «Байрон (Отрывок)». Есть исправления: в 112-й строке слово «Там» написано поверх слова

«Здесь», в 121-й строке первоначально стих кончался ошибочно словом «равнины», поверх него написано слово «лавины» (*Л.Г.*).

В автографе — ошибка в нумерации строф: пропущена 8-я строфа, и сразу после 7-й следует 9-я. Автограф и первая публикация различаются всего лишь, по-видимому, опечатками: в третьей строфе во 2-й строке автографа было: «Внимающих безумьем поражало», в первопечатном варианте: «Внимающим безумьем поражало»; в 4-й строке автографа: «Все пропасти душевные взрывало», в печатном издании — «Все пропасти душевные взрывала». Последнее слово соотносили не с «пеньем» духов, а с «неземной силой», из-за чего страдала рифма (*поражало — взрывала*) и общий ход мысли — вся первая половина строфы говорит об опасном действии «неистового пения» духов и самого Байрона на живое существо; в строке речь идет о «его» пении, уподобленном «неистовому пенью» духов и «неземной силе». В 10-й строке третьей строфы автографа — «И нам в борьбе недоставало Силы», в первопечатном варианте — «И как, в борьбе недоставало силы»; здесь скорее опечатка: вместо «нам» получилось «как».

Датируется 1828–1829 гг., поэма Цедлица «Totenkränze» («Венки мертвым» — *нем.*) была впервые опубликована в 1828 г.

Чулков указал на «законченную лирическую характеристику Байрона» в переведенном «Отрывке» (*Чулков I.* С. 314–315) и на распределение биографии Байрона по строфам: первые шесть строф — общая характеристика английского поэта, 7-я — говорит о его пребывании в Португалии и Испании; 9-я (или 8-я по порядку) — намек на его посещение поля Ватерлоо; 10-я — о Байроне в Швейцарии, 11-я (или 10-я) посвящена Италии; 12-я и 13-я (или 11-я и 12-я) — о поездке поэта в Грецию, где он и нашел свой конец (*В.К.*).

Тютчев мастерски воспроизводит поэтическую форму оригинала (пятистопный ямб с наращением безударного слога в конце, сложное плетение рифм, приближающееся к схеме одической строфы). Точность перевода в плане содержания колеблется в диапазоне от адекватного перевода до вольного (*Л.Л., М.М.*).

ВОПРОСЫ

(Из Гейне)

(с. 82)

Автограф неизвестен. К. В. Пигарев считал сомнительной принадлежность перу Тютчева рукописи, хранящейся в его собрании (см. *Лирика II.* С. 344), хотя Г.И. Чулков считал ее автографом (см. *Чулков I.* С. 334).

Первая публикация — *Галатея*. 1830. Ч. XVIII. № 40. С. 133–134, без последнего четверостишия, без подписи; цензурное разрешение *Галатеи* — 12 декабря 1830 г. Затем напечатано в *Изд. СПб., 1886*. С. 405–406; *Изд. 1900*. С. 403–404.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 234.

Есть отличия в изданиях: уточнен источник стихотворения (*Изд. СПб., 1886*) — в скобках после названия «Вопросы» указано — «Из Гейне, Nordsee» (Северное море — *нем.*), в *Изд. 1900* уточнение «Nordsee» — отсутствует. В *Изд. 1886* и *Изд. 1900* в 3-й строке слово — «сомненье» (в ед. числе); в 19-й строке — «И звезды светят хладно-ясно» (в *Галатее* — «И звезды светят холодно и ясно»). В *Изд. 1886* — опечатка в 18-й строке — «И дует ветер...» (вместо «ветр»), в *Изд. 1900* опечатка устранена. В *Галатее* и в указанных изданиях к стих. «Вопросы» присоединено четверостишие «За нашим веком мы идем...», и получилось единое стихотворение под общим названием «Вопросы».

Тютчев перевел стих. Гейне «Fragen» («Вопросы» — *нем.*) из цикла «Nordsee», напечатанного в 1827 г., тютчевский перевод датируется временем: весна 1827 — осень 1830 г. (*В.К.*).

В отличие от 18 строк оригинала в тексте перевода 20 строк. В остальном перевод близок к оригиналу как по форме, так и по содержанию. И в переводе и в оригинале рифма отсутствует. Немецкий текст написан смешанным размером: в основном — хорей с амфибрахием. В переводе основные размеры оригинала сохраняются с прибавлением пиррихиев. Отсутствие рифм и смешанный размер предоставили Тютчеву большую свободу в выборе семантически точных соответствий. Вероятно, поэтому перевод отличается большой содержательной точностью. В целом его можно охарактеризовать как весьма адекватный (*Л.Л., М.М.*).

«ЗА НАШИМ ВЕКОМ МЫ ИДЕМ...»

(с. 83)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Галатея*. 1830. Ч. XVIII. № 40. С. 134. Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 406; *Изд. 1900*. С. 404, — везде как заключительное четверостишие к переводу стих. «Вопросы (Из Гейне)». В списке, хранящемся в *Собр. Пигарева*, стихотворения разъединены.

Печатается по первой публикации.

Датируется на основании цензурного разрешения в *Галатее* — не позднее 12 декабря 1830 г.

Текст везде тождествен. Скептическое умонастроение, оттенок иронии сближают это стихотворение с «Вопросами» Гейне.

Эней — знаменитый троянский герой, которому удалось спастись, покинув захваченную ахейцами Трою. Его жена, Креуза, пыталась следовать за ним, но отставала и в конце концов исчезла, оставив мужа, так было ей предназначено богами.

ПРИВЕТСТВИЕ ДУХА

(Из Гёте)

(с. 84)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2 и 3. Воспроизведен автограф в *ЛН*. Т. 4–6, 1932. С. 669. Там же (с. 668–670) — анализ автографов.

Первая публикация — *Галатея*. 1830. Ч. XVIII. № 38. С. 39, с подписью «Ф. Тютчев», цензурное разрешение номера журнала — 19 сентября 1830 г. Затем — *Совр.* 1854. Т. XLV. С. 3; *Изд. 1854*. С. 113; *Изд. 1868*. С. 71; *Изд. СПб., 1886*. С. 388; *Изд. 1900*. С. 416.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 234.

Первый автограф (л. 2), л. почтовый. Написано скорописью, на бумаге 1827 г. — большие листы разрывались на более мелкие — формата «почтовый», и в этой части листа не оказалось водяных знаков. Имеет авторское заглавие «Geistes Grüss» («Приветствие духа» — *нем.*) и эпиграф из Гёте: «Hoch auf dem alten Thurme steht einsam... (Goethe)» («Высоко на старой башне стоит одиноко... (Гёте)» — *нем.*).

Второй автограф (л. 3) — черновой. Л. почтовый, такая же бумага, но с водяными знаками: «I. Whatman. <18>27». Заглавие — «(Из Goethe)». Выше заглавия написан текст:

(Из Goethe)
[Тень богатырская стоит]
[Порою богатырский Дух
Стоит на башне там –
И шлет свои приветы] вслух
[плывущим] челнокам:

Выше этого текста по заглавию написан новый вариант, кроме первой строфы, совпадающий с текстом первой публикации.

На старой башне, у реки
Тень рыцаря стоит
И лишь завидит челноки
Приветом их дарит и *т. д.*

Автографы свидетельствуют о значительной работе поэта над переводом. Основное ее направление — романтическое уточнение и расширение образной картины в первых двух строках; в черновых редакциях: «Порою богатырский Дух / Стоит на башне там...», и: «На старой башне, у реки, / Тень рыцаря стоит». Башня приобрела эпитет «старая», появился романтический образ — «тень рыцаря». Но разговаривающая «тень» даже для романтического сознания слишком невероятна, и поэт вернулся к слову «Дух», соотнося его с рыцарем. Место его пребывания также уточнено в конце концов — «у реки»; его одиночество уже эафиксировано единственным числом слова «Тень» или «Дух», отсюда слово «одинок» выглядело как повтор, и оно исчезло во втором автографе. Ситуации «у реки» Тютчев вообще склонен изображать в своих стихах. От слова «богатырский» в первой строке поэт отказался также, так как оно появилось в 7-й строке («богатырский мозг»). Усилена повторяемость событий введением множественного числа слова «челноки», чего требовала и рифма «реки — челноки».

Последние печатные тексты совпадают с редакцией *Галатеи*. Кроме указанных первых двух строк, редактировались и следующие строки: 4-я строка усилила доброжелательство Рыцаря (не «Приветом огласит», а «Приветом их дарит»). В 5-й строке вариант автографа — «Играла жизнь» — используется Тютчевым впоследствии в других стихах («Жизнь играет, солнце греет...» — «Тихо в озере струится...»); образ «игры» жизненных сил часто встречается в его поэзии. Однако в печатном тексте дан более определенный и свойственный именно человеку образ — «кипела кровь». В 10-й строке в печатном тексте отсутствует повтор слова «полжизни» (в 9-й и 10-й строках). Прижизненный печатный вариант стал наиболее художественным.

Датируется 1827–1829 гг. на том основании, что второй автограф — на той же бумаге, что и «Как порою светлый месяц...» (лист оторван) (*В.К.*).

Тютчев перевел стих. Гёте «Geistesgruß» («Приветствие духа» — *нем.*). Оно состоит из трех четверостиший и написано перекрестными рифмами. В четных и в нечетных строках рифмы мужские. Метрическая схема — в нечетных строках четырехстопный, в четных — трехстопный ямб. По формальным признакам стихи Тютчева полностью соответствуют оригиналу. Очень точно передают и содержание оригинала, за исключением, двух мест: у Гёте «и кубок был наполнен» — у Тютчева «и кубок до конца»; у Гёте выражение, означающее буквально «человеческий кораблик» (кораблик человеческих судеб), у Тютчева просто «ладья», которая, однако, в общем контексте стихотворения может быть интерпретирована как аллегорическое обозначение человеческой судьбы.

Эти стихи Тютчева относятся к его наиболее удачным переводам. Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 109) отметил: «...перевод — прекрасный» (*Л.Л., М.М.*).

«ЗАПАД, НОРД И ЮГ В КРУШЕНЬЕ...»

(Из Гётева «Западо-Восточного Дивана»)

(с. 85)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 4–5, 3–3 об.

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886*. С. 397, затем — *Изд. 1900*. С. 408–409.

Печатается по второму автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 235.

Первый автограф (л. 4–5). Л. почтовый, сдвоенный, с водяными знаками «I. Whatman. 1827». Л. 5 об. чистый. Написано скорописью. Без заглавия. В 1-й строке «Запад, Юг и Норд в крушеньи...», в 5-й строке «В песнях, играх, пированье...». 12-я строка «И ума не надрывавших...» вставлена между 11-й и прежней 12-й строками, но прежняя 12-я строка: «Редко голову ломавших...» — не зачеркнута. В 16-й строке «...просторна Вера». В 20-й строке в обоих автографах безусловно читается «оазиси», а не в «оазисе», как печаталось ранее. Слово оазис (греч.) в русском языке в то время употреблялось редко, мы не найдем его и в «Словаре языка А.С. Пушкина» (М., 1959. Т. 3). В греческом языке, а также в немецком и французском, на которых говорил Тютчев, живя за границей, это слово женского рода. Поэтому поэт употребляет выражение «...в оазиси цветущей». В 42-й строке зачеркнуто «О бессмертьи умоляя».

Второй автограф (л. 3), л. 8°, на кремоватой бумаге, выполнен аккуратным почерком. В верхнем правом углу л. 3 пагинация «34» синим карандашом рукой И.С. Гагарина. Перед стихотворением пагинация «41» черными чернилами рукой С.Е. Раича. Имеет авторское заглавие: «(Из Гёттева Западо-Восточного Дивана)» (*Л.Г.*).

Варианты восьми строк свидетельствуют о смысловой и стилевой шлифовке текста. Перестановка слов в первой строке (было: «Запад, Юг и Норд в крушенье», стало: «Запад, Норд и Юг в крушенье») говорит об изменении линии распространения крушения — Юг в последнюю очередь ему подвержен. В 5-й строке слово «игры» поставлено на первое место, видно, по мысли поэта, песни — производное от них действие. В 12-й строке более просторечное выражение («ломать голову») поэт заменил литературным, но тоже с долей иронии выражением — «И ума не надрывавших», также и в 16-й строке варьиру-

ются слова «просторна» и «пространна». Во втором автографе — вариант более торжествеино-литературный: «пространна». То же направление изменений в 22-й строке: вместо житейских подробностей («перлом, мускусом торгуя») дано обобщающе-поэтическое слово — «Ароматами торгуя». Здесь заменены многие тире в конце строк (они стояли во 2, 4, 9, 14, 17, 24, 26, 28, 30, 31, 32, 33, 37-й) на другие знаки в соответствии со смысловой нагрузкой фразы. В первом варианте тире нередко означало как бы конец строки.

В *Изд. СПб., 1886* — название мелким и светлым шрифтом и в скобках — «(Из Гётева Западо-Восточного Дивана)», как бы указание на не тютчевское название; также печатается и в *Изд. 1900* — «(Из Гёте)» и тем же светлым петитом. В печатных изданиях принят вариант первого автографа в 5-й строке — «В песнях, играх, пированье», в 12-й строке — «И ума не подрывавших» (скорее ошибка в чтении слова автографа). В *Изд. СПб., 1886* в 9-й строке опечатка: «Первородных поклонений», вместо «Первородных поколений», в *Изд. 1900* она исправлена. У 16-й строки в обоих изданиях также принят 1-й вариант — «Мысль тесна, просторна вера», вместо более торжественного — «Мысль — тесна, пространна Вера» (отсутствуют и заглавные буквы оригинала). В 32-й строке — тоже вариант первого автографа — «Верный Гафица ученью», также и в 40-й строке — «Легким сонмом, жадным света», а не «Легким роем, жадным света» (во втором автографе). Но в синтаксическом оформлении текста не соблюдаются многие авторские знаки первого автографа, особенно в *Изд. 1900* синтаксис модернизируется, не воспроизведены здесь и прописные буквы в начале слов (особенности написания слов в автографе).

Водяной знак на бумаге первого автографа — «1827» — позволяет предположить, что стихотворение написано не раньше 1827 г. и не позднее 1830-го (*В.К.*).

Стихи представляют собой перевод несколько шутливого стих. Гёте «Hegire», открывающего его поэтический цикл «Западно-Восточный Диван». В переводе Тютчев целиком воспроизводит все особенности поэтической формы оригинала: шестистрочные строфы, смежные рифмы.

Оценивая близость содержания перевода к оригиналу, нельзя не отметить точность, с которой переведена первая и (с некоторым изъяном) вторая строфа. В остальном перевод отличается теми же особенностями, что и многие другие переводы Тютчева. Прежде всего это меньшая, по сравнению с оригиналом, конкретность высказывания. Так, у Гёте в начале второй строфы дословно сказано: «Там, в чистоте и истинности (правильности)...»; у Тютчева это превращается в романтически туманное определение (в первой строке второй строфы) — «в сокровенных...». У Гёте проводник поет «на высокой

спине мула», у Тютчева он распевает «в тверди чистой» и т. д. Проявляется в этом переводе Тютчева и уже упоминавшееся пуританство (ср. с *коммент.* к стих. «В которую из двух влюбиться...» и «Друг, откройся предо мною...». С. 429, 306).

В целом стихи Тютчева можно определить как собственно перевод, но романтизирующий подлинник (*Л.Л.*, *М.М.*).

ИЗ WILHELM MEISTER

(Г ё т е)

(с. 87)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1–1 об.

Первая публикация — *Сиротка.* 1831. С. 198–199, где напечатано с подписью «Тютчев», цензурной пометой — «Москва 1831, января 11 дня». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLV. С. 12; *Изд. 1854.* С. 131–132; *Изд. 1868.* С. 79–80; *Изд. СПб., 1886.* С. 382–383; *Изд. 1900.* С. 430–431.

Отрывки печатаются: первый — по автографу; остальные — по первой публикации. В *Сиротке* цензурой были сняты 5–7 строки первого отрывка. См. «Другие редакции и варианты». С. 236.

Автограф беловой, скоропись, Л. почтовый, бумага с водяными знаками: «<WH>ATMAN> <18>27». Имеет заглавие: «Из Wilhelm Meister». В автографе отрывки не имеют нумерации, как в печатных изданиях. Они отделены друг от друга тремя крестиками, какие Тютчев ставил иногда, закончив стихотворение (*Л.Г.*). Первый отрывок состоит из двух завершенных строф («Кто с хлебом слез своих не ел...» и «Они нас в бытие манят...»); во втором отрывке вторая строфа — пятистишие: в рукописи есть еще одна строка, усиливающая драматизм одиночества и покинутости: 8-я — «Что всеми брошен я». В 12-й — 13-й строках было: «Вокруг меня тоска, / Вокруг меня печаль!»

Печатный текст в первых четырех изданиях дан под одним названием, заключенным в скобки — «(Из Вильгельма Мейстера)», части отделены чертой (в *Сиротке*) или интервалами. Но в *Изд. 1886* и *Изд. 1900* отрывки разъединены; дважды напечатан заголовок на немецком языке «Wilhelm Meister» (Гёте) и приведены два эпиграфа: к 1-му отрывку («Кто с хлебом слез своих не ел...») — «Wer nie sein Brot mit Thränen aß», ко 2-му («Кто хочет миру чуждым быть») — «Wer sich der Einsamkeit ergibt». В первых изданиях в первой части обозначен точками пропуск трех строк после 4-й строки. Лишь в *Изд. 1900* он восполнен стихами автографа. В 3-й строке первого отрывка в *Сиротке*, *Совр.*, *Изд. 1868*, *Изд. 1886* — «Стеня, на

ложе не сидел», но в *Изд. 1900* — «На ложе, плача, не сидел»; здесь возврат к варианту автографа. В 11-й строке второго отрывка — «Так бродит ночию и днем» (*Сиротка*); во всех последующих — «Так бродит и ночью и днем». В 12-й и 13-й строках — «Кругом меня тоска / Кругом меня печаль!», хотя в автографе было слово «вокруг»; вариант первопечатного и последующих изданий более выразителен: повтор слова «кругом» усиливает образность высказывания, ассоциируясь с представлением о «порочном круге».

Датируется промежутком времени — 1827 (водяной знак на бумаге автографа) — 1830 (цензурное разрешение в *Сиротке*).

Тютчев перевел песни из XIII главы второй книги Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Песни поет арфист.

В *Московском телеграфе* (1831. № 4. С. 538–539) был опубликован отрицательный отзыв о тютчевском переводе: «Нас изумил также г. Тютчев, который до сих пор не печатал дурных стихов; в *Сиротке* есть его перевод «Вильгельма Мейстера», столь плохой, что досадно читать!» (цитируется первое четырехстишие с пропуском слова «плача» в 3-й строке и с выделением слов «с хлебом слез», «не ел», «в жизни целыми ночами», «не знаком», «властями». Рецензент так прокомментировал строфу: «Точно как будто *слезы* соль, что их можно *есть с хлебом!* Гёте говорит совсем не то в этих четырех стихах. Но вот, что значит безвкусие: слезы пойдут вместо соли! И как можно было печатать этот дурной перевод после превосходного, напечатанного некогда в «Телескопе» (цитируется эта строфа в переводе В.А. Жуковского). Скажут, что этот перевод Жуковского не полон; но не полон и перевод г-на Тютчева, да сверх того еще дурен» (*В.К.*).

Оценивая точность перевода, можно сказать, что первый отрывок представляет собой адекватный перевод оригинала с единственным заметным, но малосущественным отличием от него: в последних строках обеих строф в переводе вместо четырехстопного ямба оригинала использован пятистопный ямб. Второй же отрывок представляет собой даже не вольный перевод, а скорее вариации на тему стихотворения Гёте (*Л.Л.*, *М.М.*).

ПЕВЕЦ

(Из Гёте)

(с. 88)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Ед. хр. 15. Л. 1–2.

· Первая публикация — *Галатея*. 1830. Ч. XIX. № 42. С. 226–228, цензурное разрешение — 19 сентября 1830 г.; в другие прижизнен-

ные издания не входило, включено в *Изд. СПб., 1886*. С. 394–396; *Изд. 1900*. С. 418–419.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 236.

Автограф и первая публикация различаются лишь в 24-й и 38-й строках. В автографе — «Ее ты витязям отдай», в *Галатее* — «Ее ты рыцарям отдай». В этом тексте слова «витязи» и «рыцари» — синонимы. Во второй строфе уже было это слово в речи певца — «Хвала вам, витязи, и честь»; по-видимому отказываясь от повтора, Тютчев останавливается на слове «рыцарям». Также в общем синонимична правка в 38-й строке: в автографе — «Тот дом Господь благословил», в *Галатее* усиление мысли — «Тот дом Сам Бог благословил».

В *Изд. Спб., 1886* и *Изд. 1900* текст тот же, что в *Галатее*, но в 29-й строке — «По Божьей воле я пою» — мысль значительно изменена; у Тютчева в автографе (и в *Галатее*): «На Божьей воле я пою». В стихотворении было усилено религиозное начало. В 38-й строке — «Тот дом сам Бог благословил». Бескорыстие поэта определено его стихийной причастностью к Богу — идея стихотворения. В *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* текст графически оформлен таким образом, что выделено драматическое начало — диалог: речь короля напечатана отдельной строфой, речь певца — вторая строфа, третья — описательная (от автора), четвертое и пятое семистишия (слова певца) объединены в большой отрезок текста без строф, затем выделено двустишие (слова автора) и снова выделение — речь певца в пятистишии. В *Изд. СПб., 1886* с прописной буквы печатаются слова «Паж», «Король», «Витязи», «Царь», «Рыцарям», «Дьякам» и сохраняются обычные в автографах Тютчева многоточия в конце строк (2, 4, 7, 9, 11, 18, 21, 28, 32, 39, 42-й). В *Изд. 1900* все это убрано — и прописные буквы и многоточия; последние остались лишь в 4, 9, 18, 28, 39-й строках.

Тютчев перевел стих. «Der Sänger» Гёте; самое значительное отступление Тютчева от оригинала в 29-й строке.

Гёте:

Ich singe, wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet;
Das Lied, dass aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet.

Подстрочник В.М. Жирмунского: «Я пою, как птица поет, / живущая в ветвях, / песня, которая рвется из горла, / вот дар, который щедро вознаграждает» (*ЛН*. 1932. Т. 4–6. С. 566; замечание Жирмунского по поводу перевода Тютчева, там же. С. 575).

Датируется по внешнему виду бумаги автографа и по почерку — 1830 г.

Критическое замечание сделал Р.Ф. Брандт: «В гётевском «Певце» — «В высоком тереме моем», ведь действие происходит в Германии, а не на Руси, говорит король, а не царевна» (*Материалы*. С. 32) (*В.К.*).

Текст перевода, как и подлинник, состоит из шести семистиший. Витая рифма и восходящий размер перевода полностью соответствуют оригиналу. Последние строки семистиший так же, как и в оригинале, не рифмуются. Четырехстопный ямб в четных строках строф (за исключением шестой строки) переходит в трехстопный с усечением последней стопы. В подлиннике симметрия стоп нарушена один раз (седьмая строка третьей строфы). В переводе симметрия восстановлена.

Стихи Тютчева можно отнести к часто встречаемым на практике собственно переводам. В переводе имеет место и некоторая русификация — перенесение чисто русских реалий в иностранную обстановку: «терем» (в оригинале «зал»), «дьяки» (в оригинале «канцлер»). Брандт (*Материалы*. С. 110) говорил, что перевод «не особенно хороший» (*Л.Л.*, *М.М.*).

(ИЗ ГЕЙНЕ)

(*«Закралась в сердце грусть — и смутно...»*)

(с. 90)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1.

Печатается по автографу. Первая публикация — *Искусство*. 1923. № 1. С. 356 (в статье Г.И. Чулкова «Тютчев и Гейне»).

Автограф, л. 8°, кремоватого цвета, вынут из тетрадки с золотым обрезом по правому, верхнему и нижнему краям листа. Л. 1 об. чистый. Имеет авторское заглавие «(Из Гейне)». Выше заглавия в центре пагинация «31» черными чернилами, рукой С.Е. Раича. В правом верхнем углу пагинация «83» синим карандашом, рукой И. С. Гагарина. Простым карандашом для ясности переписаны неустановленным лицом отдельные слова стихотворения, а на полях тем же карандашом отчеркнуты две строки — 7-я и 8-я (*Л.Г.*). Чулков не без основания полагает, что карандашные пометы принадлежат редактору, которому не понравился вольный, «нецензурный», смысл строк, что и привело к тому, что тютчевский перевод стихотворения в XIX в. не был напечатан.

Датируется периодом между 1826 и 1830 гг.

Тютчев перевел стих. Гейне из «Buch der Lieder», раздела «Die Heimkehr» (1823–1824) — «Das Herz ist mir bedrückt und sehnlich...».

Отчеркнутые строки переведены точно. Текст перевода, как и оригинала, состоит из трех четверостиший. В тютчевском тексте полностью сохраняются как система рифмовки (перекрестная — с женскими рифмами в нечетных, с мужскими в четных строфах), так и метрическая схема — четырехстопный ямб с наращением одного безударного слога в нечетных строках каждого четверостишия. Масштаб отклонений от оригинала в части содержания позволяет отнести стихотворение Тютчева к разряду адекватных переводов, хотя гейневская конкретность иногда заменена романтической многозначностью: у Тютчева «люди жили как во сне», а у Гейне — «люди жили просто так себе»; у Тютчева вспомнил «смутно» (о старине), у Гейне же употреблено выражение, смысл которого можно передать словами «с добрым чувством и тоской», «с теплотой» (*Л.Л., М.М.*).

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

(Из Гейне)

(с. 91)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Ед. хр. 8. Л. 2–2 об.

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886*. С. 407–409, затем — *Изд. 1900*. С. 405–406.

Печатается по автографу.

Автограф, л. 8° вынут из тетрадки с золотым обрезом по правому краю листа. Стихотворение имеет заглавие: «Кораблекрушение (Из Гейне)». Выше заглавия в центре пагинация «32» черными чернилами, рукой С.Е. Раича, в правом верхнем углу л. 2 пагинация «52» синим карандашом, рукой И.С. Гагарина, на л. 2 об. пагинация «53» его же рукой. Отдельные слова подчеркнуты неустановленной рукой — во 2-й строке «И сам...», в 23-й строке «Обхвачен...», в 25-й строке «...богов...» (*Л.Г.*).

Печатные тексты отличаются от автографа в 37-й строке — «Твои уста улыбка осветила» (было — «Твои уста улыбка обвевала»). Вариант автографа предпочтительнее в художественном отношении, так как усиливает нравственную неясность женского образа (в глазах — «черное солнце», «сладострастная ткань» охватывает стан, «она» рождает «дикий пламень»), но лицо, «освещенное» улыбкой, переводит образ в иную, более возвышенную тональность. В печатных текстах выделены строфы: 1-я — «Надежда и любовь, все все погибло!..» — пятистишие с графически выделенным последним двустишием — «Лежу на берегу. / На диком голом берегу!..;

они напечатаны, отступя от левого края строк. 2-я строфа — «Передо мной пустыня водяная...»; 3-я — «Живет на Севере жена!»; 4-я — «О черно-пламенное солнце...»; 5-я — «Молчите птицы, не шумите волны...». В *Изд. 1900* выделены также строфы: «Волна шумит, морская птица стонет...» (четверостишие) и «И гордо милые уста...» (пятистишие). Печатные тексты сохранили излюбленные у Тютчева знаки — восклицательный знак с многоточием и тире в конце строк.

В *Изд. СПб., 1886* есть уточненный подзаголовок — «(Из Гейне, Nordsee)» («Северное море» — *нем.*).

Датируется промежутком времени между появлением печатного текста стихотворения Гейне (апрель 1827 г.) и 1830 г., так как автограф на листе из записной книжки, заполнявшейся не позже этого года (*В. К.*).

«Кораблекрушение» (в оригинале: «Потерпевший кораблекрушение») входит во вторую часть поэтического цикла «Северное море» Гейне. Оно написано белым стихом, как и весь цикл. Оригинал не имеет изохронной метрической схемы: основным размером является хореямб, часто переходящий в хорей или (реже) в ямб с пиррихиями и анакрузами, а также в анапест (13-я и 26-я строки) и дактиль (17-я и 27-я строки).

Перевод также выполнен белым стихом. Число строк совпадает с оригиналом. Метрическая схема даже более симметрична, чем в оригинале. Использована чисто хореическая или чисто ямбическая стопа. Внутри строк нет присущих оригиналу метрических перебоев, поэтому текст перевода даже более мелодичен, чем оригинал. С высокой степенью точности воспроизведено содержание оригинала. Вместе с тем, как и в ряде других случаев, Тютчев порой использует более высокий поэтический регистр, чем Гейне, заменяя нейтральную лексику возвышенной. Если у Гейне тучи — «бесформенные, серые *дочери* воздуха, которые черпают воду из моря туманными *ведрами* и с трудом *тащат* и *тащат* ее, и снова проливают в море», то у Тютчева тучи — «уродливые *дщери* неба», которые «в туманные *сосуды* морскую черпают *волну* и с ношей вдаль, усталые, *влекутся*, и снова выливают в море». Если у Гейне — «безрадостное, *скучное занятие* и *бесполезное*, как моя собственная жизнь», то у Тютчева — «нерадостный и *бесконечный* труд!.. И *суетный*, как жизнь моя» и т. д. и т. п. (курсив наш).

При переводе стихотворений с четким, симметричным размером и четкой системой рифмовки поэт-переводчик, стремясь сохранить достоинства их формы, часто вынужден подбирать слова, исходя из этой задачи и жертвуя семантической точностью, меняя стилистические оттенки. Но в данном случае Тютчев не был стес-

нен формой: отсутствие рифм у Гейне, меняющийся стихотворный размер предоставляли ему большую степень свободы в выборе лексики. И тем не менее он отказывается от точного воспроизведения «приземленной» лексики, заменяя «ведра» на «сосуды», «тащат» на «влекутся», «бесполезный» на «суетный» и т. п. Это весьма примечательный факт, который скорее всего свидетельствует об эстетической позиции русского поэта: он считал возвышенную лексику неотъемлемой частью поэзии. Примечательно, что во второй части «Кораблекрушения» Гейне сам использует достаточно изысканную, высокую лексику. И здесь стилистические регистры Гейне и Тютчева совпадают. В целом близость формы и содержания стихотворения Тютчева к оригиналу позволяет отнести его к разряду адекватных переводов (*Л.Л., М.М.*).

«"ПРЕКРАСНЫЙ БУДЕТ ДЕНЬ", – СКАЗАЛ ТОВАРИЩ...»

<Из «Путевых картин» Гейне>

(с. 93)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 6–7 об.

Первая публикация — *НС*. 1926. С. 90.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 237.

Автограф черновой. Л. А4, сдвоенный, бумага с водяными знаками: «I. Whatman. 1827». Без заглавия. В 4-й строке слова «За ним» вставлены над строкой, слово «в тиши» зачеркнуто. После 30-й строки на л. 6 об. 12 строк чернового варианта. Стихотворение продолжается на л. 7. В 41-й строке слово «пору» исправлено на «полночь». В 47-й строке слова «И пурпурной разлитою...» написаны поверх других слов, неразборчивых. После 50-й строки на л. 7 об. 7 строк черновых вариантов. В 58-й строке повторное слово «воин» исправлено на «ратник» (*Л.Г.*).

Автограф свидетельствует о шлифовке поэтом образных деталей: он избавился от романтического штампа (мотива «тишины»), и вариант 4-й строки «Мое в тиши молящееся сердце» превратился в более простой оборот: «За ним мое молящееся сердце», но сохранился главный мотив — сердечной молитвы. Предромантическая ассоциация в 36-й строке в образе «радостного» солнца также была утрачена, и картина восхода стала более серьезно-значительной: вместо «Победно, смело, радостно, светло», стало — «Победоносно, смело и светло». В 41-й строке уточнен несколько неопределенный образ «глухой поры», поэт переделал: «В тихую

полночь»; работая над 55-й строкой, усилил поэтически-возвышенный стиль и слово скорее бытовое «ребячески» заменил на слово «младенчески», которое больше сочеталось с образом «божественной игрушки».

Вообще автограф говорит о значительной работе переводчика, переписывающего отдельные строки заново, превращающего черновик в беловой текст. Иногда делались пропуски строк (32 и 33), затем восполнялись. Дважды переписан фрагмент 34–44-й строк («Как под высоким триумфальным сводом...» — включая «Одни лишь совы, призраки, разбой»). Дважды (а первые две строки три раза) переписан заключительный фрагмент («Не знаю я и не ищу предвидеть») — 51–55-я строки.

В автографе выражена тенденция, хотя и непоследовательная, написания с прописной буквы слов «День», «Солнце», «Зарей», а также «Сов», «Ларв», выделено в 54-й строке слово «душе» (жирное, крупное написание букв), тоже и в 55-й строке — слово «Божественной» пишется с прописной буквы.

Датируется концом 1829-го — 1830-м гг. (*В.К.*).

Это произведение является стихотворным переложением 31-й главы (Ч. III) «Путевых картин» Гейне, написанных прозой. Как глава, так и нерифмованное стихотворение Тютчева содержат около 2000 печ. знаков. При достаточно полном соответствии содержания и объема стихотворение отличается от оригинала композиционными перестановками. Прозаическому тексту Гейне соответствовала бы такая последовательность строк: 1–30 (III абзац главы); 31–50 (I и II абзацы главы); 51–60 (последний, IV абзац). Несмотря на композиционные расхождения, имеются прямые соответствия между стихотворными строками переложения и прозаическими строками оригинала. Самый большой, третий абзац оригинала (начало стихотворения), состоящий из 20,5 строк, в стихотворении разделен на две части, каждой из которых соответствует по одной строфе (16 и 14 строк). Следующая, третья строфа из трех стихотворных строк соответствует первому абзацу главы также из трех строк. Четвертая строфа (самая большая, насчитывающая 17 строк) передает содержание второго абзаца (10 строк). Примечательно почти полное совпадение количества слогов: 149 слогов в абзаце, 150 слогов в строфе. Последняя строфа в 10 строк по содержанию соответствует последнему абзацу главы. Отсутствие рифмы не лишает стихотворения мелодичности. Она достигается изометричностью каталектических строк, которые состоят из 11 слогов. Метрическая схема — пятистопный ямб с наращенным безударным слогом. Строки 8, 13, 18, 26, 29, 36, 42, 44, 47 — реализуют чистый пятистопный ямб. В строке 14 последняя стопа усечена.

Прозу Гейне и стихи Тютчева, естественно, нельзя сопоставлять как оригинал и перевод. Отметим лишь, что в стихотворном переложении Тютчева нет присущей Гейне иронии, которая появляется у него даже в возвышенных строчках (*Л.Л., М.М.*).

«ЕДВА МЫ ВЫШЛИ ИЗ ТРЕЗЕНСКИХ ВРАТ...»

<Из «Федры» Расина>

(с. 95)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 3–3 об.

Первая публикация — *Изд. 1900*. С. 379.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 237.

В автографе — правка 6-й и 7-й строк, касающихся образа коней. Первоначально поэт заявлял об их послушании вознице — Ипполиту («рьяные в служении», «На глас его столь рьяные всегда»), но так как эта характеристика не соответствовала дальнейшим событиям, поэт отказался от идеи «рьяного служения» хозяину, подготовив, напротив, восприятие непокорного поведения коней: в последнем варианте, записанном справа рядом со строками, кони определены как «живые», «пламенные», «гордые». Следующая строка, подвергаясь правке, также дорисовывала образ коней, усиливая контраст их вида «днесь» обычному поведению: сохранив образ «мрачны» видом, поэт добавил еще одно определение — «тихи», и таким путем дополнился окончательно образ коней: «Днесь, с головой поникшей, мрачны, тихи». Работа над образом коней в поэзии Тютчева почти не встречается, есть лишь метафорическое изображение «коня морского», тоже «рьяного», тоже с изменчивым нравом — то «ласково-ручного», то бешеного».

Первая публикация имеет как бы подзаголовок петитом и в скобках: (Из Расина. Phèdre. Acte 5, Scène 6). В первой строке — «Едва мы вышли из Троянских врат» — ошибка в чтении автографа Тютчева и оригинала. В 18-й строке — «Возрос, приблизился, о брег расшибся» (в автографе «приближился»), в 34-й — «Взревело чудо, боль копья, чуя» (Г.И. Чулков полагает, что здесь и в автографе описка, которая в изданиях исправлена: «чуя» — на «почуя»). В соответствии с принципами, принятыми в *Изд. 1900* (модернизацией тютчевского синтаксиса), убраны некоторые многоточия, тире и восклицательные знаки, таким образом нарушен интонационный рисунок оригинала. В комментариях к изданию указано, что «печатается впервые».

Датируется по почерку концом 1820-х гг., к этому времени относится большинство переводов Тютчева.

Тютчев перевел монолог Терамена. В переведенном отрывке повествуется о горестной судьбе Ипполита, сына афинского царя Тезея, жена которого Федра, мачеха Ипполита, оклеветала его, заявив, что Ипполит якобы из-за преступной страсти к ней домогался ее любви; Тезей ей поверил и проклял сына. На самом деле Ипполит любил Арицию, упомянутую в переведенном отрывке.

Чулков собрал сведения о переводах «Федры» Расина в России — А.П. Сумароковым, Г.Р. Державиным, С.А. Тучковым, Г. Окуловым, И.Б. Чеславским, П.А. Катениным, полагая, что Тютчева эти переводы не удовлетворили (*Чулков I*. С. 327–328).

СРЕДСТВО И ЦЕЛЬ

(с. 98)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Галатея*. 1829. Ч. IX. № 44. С. 262, с подписью «Т...въ». Затем — *РА*. 1898. Кн. III. С. 253–254.

Так как цензурное разрешение *Галатеи* помечено 31 октября 1829 г., датируется не позднее этого срока.

Печатается по первой публикации.

ЗАВЕТНЫЙ КУБОК

(Из Гёте)

(с. 99)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 2–2 об., 3–3 об.

Первая публикация — *Изд. СПб., 1886*. С. 392; затем — *Изд. 1900*. С. 401.

Печатается по второму автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 237.

В первом автографе отсутствовала четвертая строфа («И в замок, что над морем...»), но для нее оставлено место на листе. Во втором автографе, беловом, все строфы переведены, строфы отделены и в последней — подчеркнуто слово «ретивое». В первом автографе есть вариант 2-й строки: «По гроб он верен был», стало — «По смерть он верен был». По-видимому, поэт сохранял верность зрительному образу: в стихотворении нет образа гроба, речь идет именно о смерти царя. Синтаксическое оформление: обилие тире в конце строк, особенно в беловом автографе: 1, 4, 6, 8, 11, 14, 16, 18, 20, 21, 22, 23-й.

Публикации различаются лишь в 12-й строке: «Но кубок не дает» (*Изд. СПб., 1886*), «Но кубка не дает» (*Изд. 1900*). В первом издании больше сохранены особенности тютчевского синтаксиса: тире в конце 1, 11, 14, 18, 19, 20, 21-й строк, в конце стихотворения — восклицательный знак. Все эти знаки, призванные передать оттенки тютчевской эстетической мысли и эмоции, исчезли в *Изд. 1900* (тире сохранилось лишь в конце предпоследней строки).

Датируется 1830 г., так как автограф — на одном листе со стих. «Певец» (см. *коммент.* С. 343) (*В.К.*).

Тютчев перевел балладу Гёте — песню Маргариты из «Фауста», «Der König in Thule» («Король в Фуле» — *нем.*).

С точки зрения формы это редчайший случай, когда тютчевский перевод очевидно отличается от оригинала. У Гёте весьма четкая система рифмовки: на протяжении всей песни нечетные строки рифмуются с нечетными, четные — с четными (перекрестная рифма), у Тютчева же такая система рифмовки сохранена лишь в первой, предпоследней и последней строфах, а в остальных трех рифмуются лишь четные строки. Перевод Тютчева точно передает содержание оригинала не только в целом, но и во многих деталях, однако, как и в ряде других случаев, отличается тем, что некоторые из них в переводе теряют свойственную оригиналу конкретность. Так, у Тютчева неясно, умер ли король (царь), осушив кубок в последний раз (об этом можно только догадываться), у Гёте это сказано достаточно определенно (*Л.Л., М.М.*).

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

(Из Гёте)

(с. 100)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 6.

Первая публикация — *Телескоп*. 1832. Ч. IX. № 10. С. 154, с подписью «Ф. Тютчев», цензурное разрешение — 5 июля 1832 г.; затем — *Изд. 1900*. С. 434.

Печатается по первой публикации.

Автограф беловой, скоропись. Л. почтовый, сдвоенный. Л. 6 об. — 7 чистые. На л. 6 ниже стихотворения — другое, «(Из Уланда)». На л. 7 об. начало письма рукой Элеоноры Федоровны Тютчевой<?>: «Lieber» («Любезный» — *нем.*), зачеркнуто; далее — «Pardon cher Comte si je Vous importune...» («Простите, любезный Граф, ежели я Вам докучаю...» — *фр.*). В 6-й строке: «Неудержно вас уводят Горы» (*Л.Г.*).

Федор Иванович Тютчев. 1825.
Неизв. худ.

Амалия Крюденер. Ок. 1840.
Гравюра Х. Робинсона с оригинала худ. Кура

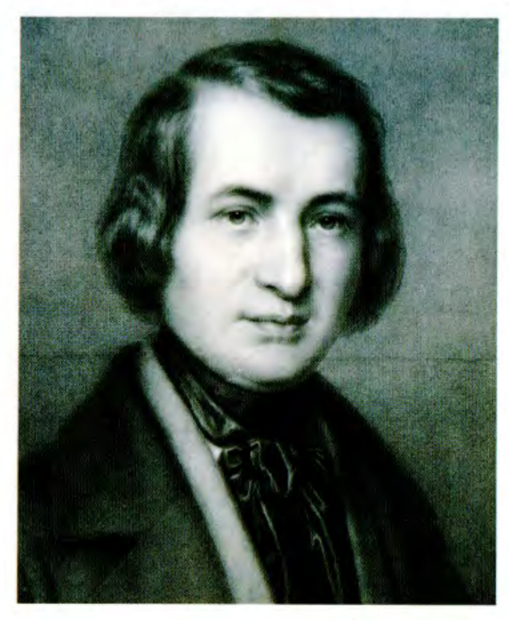
Сенная площадь в Мюнхене. 1840.
Гравюра Й. Хоффмейстера по рис. худ. Л. Ланге

Александр Сергеевич Пушкин. Петербург. 1837.
Литография Линдрота

Иоганн Вольфганг Гёте. 1828.
Гравюра В. Унгера с оригинала худ. Й. Штилера

Генрих Гейне. 1868.
Литография с оригинала худ. А. Рорбах

Элеонора Тютчева. Ок. 1827.
Худ. И. Шёлер

Федор Иванович Тютчев. 1838.
Худ. И. Рехберг

Эрнестина Федоровна Тютчева.
Мюнхен. 1840. *Худ. Ф. Дюрк*

Автографы стихотворений *(сверху вниз)*:
«Еще томлюсь тоской желаний...»;
С чужой стороны (Из Гейне);
1-ое декабря 1837

В автографе без названия; особенность синтаксиса, как часто у Тютчева — повторы тире в конце строк (2, 3, 5, 7, 10-й). Повторы этого знака как бы означают протяженность чувства, подчеркивается линия ассоциаций: беспредельность красоты звездного света — «беспредельность неба» — беспредельность любви. В *Телескопе* напечатано под названием «Ночные мысли (из Гёте)». Текст — автографа; синтаксис изменен. Не сохранены тире в конце строк, усилена восклицательно-восторженная интонация. В *Изд. 1900* тоже с названием «Ночные мысли» (Из Гёте)», синтаксис модернизирован, тютчевские тире не сохранены.

Датируется на основании цензурной пометы — не позднее первой половины 1832 г.

Тютчев перевел стих. Гёте «Nachtgedanken» («Ночные мысли» — *нем.*) (*В.К.*). С точки зрения формы и содержания стихотворение может быть отнесено к разряду адекватных поэтических переводов. Оригинал и перевод написаны одической строфой по системе пятистопного хорея. В тексте перевода в пятой строке добавлена еще одна стопа. Возможно, высокой адекватности перевода способствовало то обстоятельство, что стихотворение Гёте относится к жанру возвышенной лирики, которая, по-видимому, была наиболее близка Тютчеву (*Л.Л., М.М.*).

Оры, Горы (*греч.* Horai) — богини времен года (*ант. мифол.*).

* * *

<Из «Фауста» Гёте>

(с. 101)

Автографы (5) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 4 об.; л. 4 об. и 1–1 об.; л. 4; л. 2–2 об.; л. 3. Отрывки I и II (автографы) воспроизведены в *ЛН*. 1932. Т. 4–6. С. 627–628.

Впервые был опубликован IV отрывок — *Галатея*. 1830. Ч. XI. № 5. С. 283–284, с подписью «Ф. Тютчев», цензурная помета — 30 января 1830 г. Затем — *Совр*. 1854. Т. XLV. С. 2; *Изд. 1854*. С. 111–112; *Изд. 1868*. С. 69–70; *Изд. СПб., 1886*. С. 389–390; *Изд. 1900*. С. 410–411. Отрывок II («Кто звал меня?») впервые опубликован — *Изд. 1900*. С. 412–413; отрывки I, III, V впервые — *Искусство*. 1927. Кн. II–III. С. 167–169, Г. И. Чулковым (см. статью «Переводы Тютчева из «Фауста» Гёте». С. 164–170).

Печатается по автографам. См. «Другие редакции и варианты». С. 238.

В 1-м автографе есть правка, свидетельствующая о работе поэта, направленной на выравнивание стихотворного метра и усиление спе-

14 Зак 6873

цифической (тютчевской) выразительности образа: в окончательном варианте появляются слова («морская хлябь...» «роет каменный свой брег», было — «И бьет о каменный свой брег»); слово «роют» употреблено и в 19-й строке — «воздух роют», а впоследствии и в стих. «О чем ты воешь, ветр ночной?» — «И роешь и взрываешь в нем...»; зарисовку «И хлябь морей с ее скалами» поэт заменил на — «И бездну вод с ее скалами...»: слово «бездна» — одно из главных в философском лексиконе Тютчева. То же относится и к слову «таинственную», появившемуся в 20-й строке («И цепь таинственную вьют», вместо первого варианта: «И жизни цепь, беснуясь, вьют»). Автограф перебелен, и в том и другом варианте выделены строфы-четверостишия.

Правка 5–8-й строк в автографе второго отрывка («Кто звал меня?..») говорит об архаизации поэтической речи с целью передать торжественно-первозданный голос явившегося Духа (вместо слов «голос» — «глас», вместо «Явился я!» — «И се предстал!», вместо «гигант» — «титан», слово с мифологическим подтекстом).

В автографах стоят прописные буквы в словах «Серафимы», «Всевышний», «Свет», «Ночи», «Землю», «Вседержитель», «Сила», «Духов», «так, Фауст Я», «твой равный Я», «Океан», «Смерть», «Рожденье», «Воля», «Рок».

Правка в автографе третьего отрывка («Чего вы от меня хотите...») в 4-й строке выражает колебания поэта в выборе слов почти синонимичных в романтической поэтике — «душа» и «сердце»; Тютчев отдал предпочтение последнему. В автографе, рядом со строкой «Где души кротче и нежней», сбоку он написал: «Там, где сердца и чище и нежней». Образ «чистого сердца» оказался для него притягательнее.

В автографе пятого отрывка («Державный дух! ты дал мне, дал мне все...») правка в 11-й строке — живописное уточнение картины (убрана темная краска: было — «в дуброве ль темной») и уравновешены составные части картины — «В дуброве ль, в воздухе, иль в лоне вод» — все существительные без зрительных определений. Работа над 21–22-й строками усилила выразительность образа месяца, его воздействия на душу человека. Первоначально в автографе был лишь образ «чистого месяца», с деепричастным оборотом «всеуслаждая». Последнее слово закрепилось в тексте и было добавлено определение месяца — «в сиянье кротком».

В первой публикации отрывка IV («Зачем губить в унынии пустом...») в *Галатее* сохраняются особенности тютчевского синтаксиса — восклицательные знаки и многоточия в конце строк (9, 10, 16, 25, 28-й), вообще восклицательно-восторженные интонации (8, 34, 35-й строках). Заглавие — в скобках: («Из Фауста)», в то же время в начале стихотворения стоит слово «Фауст», обозначающее его

дальнейший монолог, и пропуск трех строк, на которые указывают три ряда точек. В дальнейших изданиях пропуск строк не обозначен. В *Совр.* и дальнейших изданиях — расхождения с автографом: в 3-й строке: «Смотри, как хижины кругом»; 18-й: «И вдруг крыла таинственная мочь»; 21-й: «Передо мною день, за мною ночь»; 22-й: «У ног равнина вод — и небо над главою!»; 23-й: «Прекрасный сон... и суетный!.. прости!»; 26-й: «Но сей порыв, сие и вверх и вдаль стремленье»; 29-й: «И оживает в них порою». Печатный текст свидетельствует о модернизации тютчевской лексики: «ночь» — вместо «нощь», «вверх» вместо «ввыспрь», о выравнивании метра в 3-й строке, о внешне логическом упорядочении в 29-й строке.

Отрывок II («Кто звал меня?») опубликован в *Изд. 1900* вместе с отрывком IV («Зачем губить в унынии пустом...»), и последний выдвинут на первое место (с цифрой «1»). Разночтения появились в 5-й строке: «Как! ты молил меня, как исступленный», в 6-й: «Да узришь лик, услышишь голос мой», 9-й: «Вдруг овладел, гигант, твоей душой?», 11-й: «Мир новый создала, взлелеяла, взрастила»; 18-й: «Проникнутый насквозь моим»; 23-й: «Событий бурю, житейский вал». Последние четыре строки в этом отрывке не были напечатаны.

Отрывок I («Звучит, как древле, пред тобою») — перевод первой сцены пролога на небесах, но Тютчев не назвал Рафаила, Гавриила, Михаила, участвующих в диалоге.

Отрывок II («Кто звал меня?..») — перевод части первой сцены — беседы Фауста с явившимся ему Духом.

Отрывок III («Чего вы от меня хотите») — перевод конца первой сцены, монолога Фауста.

Отрывок IV («Зачем губить в унынии пустом...») — перевод монолога Фауста из сцены «За воротами».

Отрывок V («Державный Дух! ты дал мне, дал мне все...») — перевод части сцены «Wald und Höhle» («Лес и пещера» — *нем.*), именно: монолога Фауста.

В письме поэта к И.С. Гагарину 7/19 июля 1836 г. сообщается: «По возвращении моем из Греции я принялся как-то в сумерки разбирать бумаги и уничтожил большую часть моих поэтических упражнений и лишь долго спустя заметил это. В первую минуту мне было несколько досадно, но я скоро утешил себя мыслью, что сгорела Александрийская библиотека. Тут был между прочим перевод первого акта из второй части Фауста, может быть, лучшее из всего...» Опираясь на это свидетельство, водяной знак на бумаге автографа — 1828, цензурную помету в *Галатее*, все отрывки можно датировать одним периодом жизни поэта — 1828–1829 гг.

Ж. «Пантеон» (1854. Т. XV. Кн. 6. Отд. IV. С. 10), назвав переводы Тютчева слабыми, имея в виду публикации в 45-м томе *Совр.*, вы-

разил неудовлетворение переводом монолога Фауста, выделив в отрывке IV строки 5–6-ю, искаженно процитировал 9–10-ю, 17–19-ю, 26–27-ю и резюмировал: «Признаемся, что, читая подобные стихи, мы подумали, не принадлежат ли они перу г-на Овчинникова, также переводившего Фауста» (*В.К.*).

Общим для всех отрывков является их философское содержание. Но форма различна: первый написан ямбом и непрерывной изометрической строфой с перекрестной рифмовкой, второй — полиметрическим размером (ямб, хорей, анапест) по сменяющим друг друга схемам (смежной, перекрестной и сплетенной) рифмовки с гетерометрическими строками, третий — ямбической стопой с нарушениями и по разнообразным схемам рифмовки (сплетенная, смежная, перекрестная), четвертый — ямбической стопой с витой рифмовкой, пятый — пятистопным ямбом с наращениями в женских окончаниях и без рифм.

Это разнообразие форм Тютчев воспроизводит лишь в общих чертах. Так, в Отрывке I полиметричная строка подлинника во второй октаве перевода уступает место строго выдержанной ямбической строке с наращением одного слога при женских рифмах, а вместо смежной перекрестной и сплетенной рифмовки оригинала используются только первые. Ямбическая стопа оригинала с колеблющимся количеством стоп в строке (от четырех до шести) при переводе третьего отрывка реализована с меньшими колебаниями, чем в подлиннике. В переводе четвертого отрывка размер оригинала и система рифмовки сохранены. В переводе пятого отрывка размер подлинника в основном выдержан, но все мужские окончания строк заменены женскими. Переводы Отрывков III, IV, V (каждый в отдельности) на три строки длиннее, чем их оригиналы. Однако, даже отступая в чем-то от формы оригинала, Тютчев передает впечатление, производимое мелодикой немецкого стиха, что позволяет считать его перевод адекватным с формально-функциональной точки зрения.

По степени близости к оригиналу в плане содержания стихи Тютчева также можно отнести к собственно переводу, может быть, за исключением только конца Отрывка II, который следует считать вольным переводом. В переводе данного фрагмента сильно смещены акценты. В оригинале Дух более деятелен, чем в переводе, в оригинале он ткет одеяние для божества *на ткацком станке времени* и близок Фаусту не просто неким «сродством неодолимым», как у Тютчева, а своей необычайной деятельностной активностью. И вообще мотив восхищения деятельным, активным началом мирозданья, ясный и громкий в оригинале, у Тютчева звучит приглушенно.

В какой-то степени это можно сказать и о переводе других образно-философских высказываний в оригинале. Вот первый отрывок:

Und Stürme brausen um die Wette
Vom Meer aufs Land, vom Land aufs Meer?
Und bilden wütend eine Kette,
Der tiefsten Wirkund rinds umher.

В подстрочном переводе звучит так:

И бури (штормы) бушуют, соревнуясь друг с другом,
(Идут) с моря на сушу, с суши на море
И в бешенстве своем образуют цепочку
Глубочайших воздействий вокруг себя.

Речь идет о причинно-следственных взаимосвязях в природе. У Тютчева же «бури... цепь таинственную вьют» — романтическая многозначительность.

Что касается стилистического аспекта перевода, то здесь можно отметить то, что мы наблюдаем и в других переводах Тютчева — стремление к высокому стилю, даже с помощью архаизмов. Особенно это заметно в тех случаях, когда для архаичного или возвышенного языкового средства была совершенно очевидная альтернатива в виде простого (нейтрального) слова. Так, в начале второго отрывка у Тютчева мы находим:

«Кто звал меня?» —
«О страшный вид!» —
«Ты сильным и упрямым чаром
Мой круг волшебный грыз недаром —
И днесь...» —
Твой взор меня мертвит.

У Гёте стоит слово «nun», которое соответствует столь же простому русскому слову «вот». Но Тютчев выбирает архаическое старославянское слово «днесь», которое усиливает торжественность, важность происходящего (*Л.Л., М.М.*).

* * *

(Из Шекспира)

<I. «Любовники, безумцы и поэты...»>

<II. Песня>

(с. 106)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 4–4 об.

Первая публикация — *Молва*. 1833. № 8, 19 января. С. 29–30. Затем — *Совр*. 1854. Т. XLV. С. 3–4; *Изд. 1854*. С. 114–115; *Изд. 1868*. С. 72–73; *Изд. СПб., 1886*. С. 410; *Изд. 1900*. С. 436–437.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 239.

Автограф свидетельствует о значительной работе переводчика. Первоначально в 1-й строке вторым словом было «поэты» («Любовники, поэты и безумцы...»), оно приближено к слову «любовники», и его дальнейшая перестановка на конец строки вызвана скорее всего рифмой («поэты» — «слиты»), однако и образ влюбленного поэта не очень близок Тютчеву (ср. «Пускай любить он не умеет...» — «Не верь, не верь поэту, дева...»). Мотив безумия, сделавшись центральным в первой строке, стал главным во всем стихотворном отрывке. Работа над 10-й — 11-й строками сводится к выделению слова «создаст» (вместо «вызовет»), созидательная роль воображения оказывается главной идеей. В следующей строке автор заменил образ «поэта перст» на «поэта жезл», таким путем вырисовывая романтически-сказочный образ поэта-волшебника, наделенного чудодейственным жезлом. Последние две строки в отрывке имели вид: «Их претворяет в лица и дарит / Теням воздушным имя и жилище!» (стало: «Их претворяет в лица и дает / Теням воздушным местность и названье!..»). Смысл строк и образ поэта стали более точными: «дарить» что-либо «воздушным теням» как-то слишком невероятно, но «теням» «дает... названье» — более правдоподобно. Образы последней строки стали более обобщенными (вместо «имя и жилище» стало «местность и названье»), усилился широкий романтический смысл строки.

Во втором отрывке поэт продолжил обработку строк в том же направлении: в 8-й строке было — «Скорый саван обещал», переводчик заменил последнее слово на более романтическое — «провещал». В 12-й строке усилил идею активности злых сил, вторгающихся в жизнь: было — «Выпускают мертвецов!», стало — «Высылают мертвецов!».

Датируется по почерку концом 1820-х — началом 1830-х гг.

Текст во всех изданиях не различается. Лишь название стихотворений уточнялось. И если первоначально называли первый перевод «Из Шекспира», а второй — «Песня (из Шекспира)», то, начиная с *Изд. СПБ., 1886,* стали заключать в скобки название первого стихотворения, а в *Изд. 1900* изменен порядок печатания: вначале «Песня» («Заревел голодный лев...»), затем — «Любовники, безумцы и поэты...». Оба текста представляют собой переводы фрагментов из комедии В. Шекспира «Сон в летнюю ночь»; первый — слова Тезея из V действия, сцена 1-я; второй — песня Пукка из V действия, сцена 2-я. Тютчева-переводчика увлекло наиболее близкое романтикам произведение Шекспира (*В.К.*). Перевод отрывков из Шекспира адекватен оригиналу по форме и содержанию. Сохранены ритмика и семантика. Однако допущена декомпрессия текста: в оригинале содержится

11 строк, а в переводе — 13. Это не нарушает ритмику изложения, и можно считать, что перевод выполнен в соответствии с практикой, принятой в России в XIX в. (*Л.Н.*).

«ТЫ ЗРЕЛ ЕГО В КРУГУ БОЛЬШОГО СВЕТА...»

(с. 107)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 3 об.

Первая публикация — *Гражданин*. 1875. № 2. С. 38, с пометой: «В первой половине 30-х годов». Затем — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 128; *ННС*. С. 23; *Изд. СПб., 1886*. С. 21; *Изд. 1900*. С. 81.

Печатается по автографу.

Автограф беловой, стихотворение тщательно записано, синтаксически оформлено, строфы выделены. На том же листе после отделяющей черты — стих. «В толпе людей, в нескромном шуме дня...». Оба произведения объединяет образ дневного месяца.

В печатных текстах 1879, 1886 гг. 1-я строка — «Ты знал его в кругу большого света...»; здесь вместо «зрел» — «знал», но Тютчеву больше свойственно обращение не к знаниям, а к непосредственному видению (ср.: «Они не видят и не слышат...» — «Не то, что мните вы, природа...», повторяющийся в его стихах призыв «смотри...»). В изданиях отсутствуют прописные буквы в словах «Ночь» и «Бог», обновлен синтаксис.

Датируется на основании близости автографа черновым наброскам из «Фауста» 1828–1829 гг., а также сходством образа дневного месяца с переводом фрагмента из «Путевых картин» Гейне, вышедших в 1829 г. Однако М.П. Алексеев возводит тютчевский образ дневного месяца не к сочинению Гейне, а Жана Поля Рихтера (см. его работу: «Дневной месяц» у Тютчева и Лонгфелло/ Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 151–167).

Л.Н. Толстой выделял стихотворение и отчеркивал вторую строфу. См.: *ТЕ*. С. 145.

«В ТОЛПЕ ЛЮДЕЙ, В НЕСКРОМНОМ ШУМЕ ДНЯ...»

(с. 108)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 3 об.

Первая публикация — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 128; *ННС*. С. 24. Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 66; *Изд. 1900*. С. 25.

Печатается по автографу.

Автограф беловой, ясно записанный, синтаксически оформленный, но строфы не выделены. В 7-й строке слово «Ночь» с прописной

буквы, как и в предыдущем стих. — «Ты зрел его в кругу большого света...», находящемся на этом же листе, сверху.

Тексты в изданиях не различаются, строфы везде выделены (четверостишия), «ночь» — со строчной буквы. Но контекст стихотворений различен. И.С. Аксаков, публикуя его в 1879 г., следует автографу: стих. «Ты знал его в кругу большого света...» и «В толпе людей, в нескромном шуме дня...» напечатаны одно за другим; в *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* они разделены другими стихотворениями; причем в последнем — публикация «В толпе людей, в нескромном шуме дня...» значительно опережает второе стихотворение о дневном месяце, что также не соответствует порядку следования произведений на листе с автографами.

Датируется, как и предыдущее, концом 1820-х гг.

Адресат стихотворения не определен.

Д.С. Дарский наиболее развернуто отозвался о стихотворениях с образом дневного месяца: «Тот же образ месяца, смутно изнемогающего днем и входящего в славу свою в ночных небесах, повторяется в другом месте. Поэт желает оправдать сердечную безотзывчивость, с какою он отстраняется от близкой женщины» (цитируется «В толпе людей, в нескромном шуме дня...»). «Такими признаниями Тютчев приближает нас к настоящему пониманию своего существа. Оно отмечено неизгладимой двойственностью. В нем проходят две жизни: одна в толпе, в светском кругу, в дневной суголоке, другая — внутренняя, полная суровых творческих замыслов. Рядом с видимой, ко всем обращенной жизнью, с ней не совпадая и не встречаясь, протекала другая, во всем отличная от первой, одинокая и не высказанная. Дается и сравнительная оценка обеих. Не в первой находило выражение истинное существо поэта» (*Дарский*. С. 23).

Если связывать оба стихотворения о дневном месяце, то следует в содержании обоих видеть обозначение вообще натуры поэта. В утверждении его двойственности Тютчев отошел от любимого принципа ранних романтиков — Батюшкова и Жуковского: «живи, как пишешь»; Тютчев сблизился с Пушкиным, провозгласившим контраст обыденного облика поэта и его преображенного состояния в момент вдохновения, нередко ночного.

«ЛЕБЕДЬ»

(с. 109)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Совр.* 1839. Т. XV. С. 139 (подписано «Ф. Т.-въ»). Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 22; *Изд. 1854*. С. 44; *Изд. 1868*. С. 49; *Изд.* СПб., *1886*. С. 58; *Изд. 1900*. С. 128.

Печатается по первой публикации.

Списки в *Сушк. тетради* (с. 83), *Муран. альбоме* (с. 95–96), *Альбоме Тютчевой* восходят к первой публикации, содержат варианты в пунктуации.

Датируя стихотворение, К.В. Пигарев (*Лирика I*. С. 344) связывает его с переводом Тютчевым стих. из Цедлица «Байрон» и отсюда относит написание «Лебедя» к концу 1820-х гг. Стилистика стихотворения подтверждает это мнение.

У Г.И. Чулкова указаны 1831–1833 гг. — время создания стихотворения. А.А. Николаев и Т.Г. Динесман (см. *Летопись 1999*. С. 288–290) относят его к концу 1830-х гг.; исследовательница датирует его первыми числами апреля 1833 г., считая, что оно явилось откликом на стих. Ап. Мальтица («Лебедь»). Однако это гипотетическое мнение нуждается в значительной проверке, так как аллегорический смысл образов лебедя и орла — принадлежность вообще мировой поэзии, а в стихотворениях Тютчева и Мальтица недостаточно значительное совпадение, да и кто из них опередил другого, неизвестно. Целесообразно принять более свободную датировку Г.И. Чулкова.

Р.Ф. Брандт обратил внимание на то, что последние стихи «очень похожи» на окончание стихотворения «Как океан объемлет шар земной...», заметив при этом неправдоподобие в стихотворении: ведь «лебедь вовсе не спит на воде» (*Материалы*. С. 42). С.Л. Франк (*Франк*. С. 26), обнаружив в поэзии Тютчева «характерное религиозное чувство», указав на него в стих. «Нет, моего к тебе пристрастья» (см. *коммент*. С. 416), отметил, что с особенно неподражаемой символической силой оно выражено в стих. «Лебедь». Философ привел стихотворение полностью, выделив слова «за облаками», «молнии», «неподвижными», «солнца», «лебедь чистый», «Божество», «двойною», «всезрящий», «звездной», «отовсюду окружен». Он нашел в нем своеобразные итоги миросозерцаний поэта: «Мы приближаемся здесь к последнему, завершающему аккорду религиозной симфонии тютчевской лирики: всезрящий сон чистого лебедя выражает небесное глубже, чище, яснее, чем стихия весны, утра, юности. Это есть воплощение чистоты *в покое*, радости высшей, чем веселье и беспечность жизненного утра; это есть на земле как бы жизнь в неземном». Логика мысли философа приводит к стих. «Весеннее успокоение» (см. *коммент*. С. 420).

«КАК ОКЕАН ОБЪЕМЛЕТ ШАР ЗЕМНОЙ...»

(с. 110)

Автограф неизвестен, имеются два списка, один — в *Муранове*, другой — в *Альбоме Тютч.-Бирилевой* (с. 174–175).

Первая публикация — *Галатея*. 1830. Ч. XVI. № 27. С. 57, под за-

главием «Сны». Затем — *Совр.* 1836. Т. III. Под № VIII. С. 13; *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 8; *Изд. 1854.* С. 12; *Изд. 1868.* С. 15; *Изд. 1900.* С. 80.

Печатается по *Совр.*, 1836, с исправлением опечатки. В некоторых прижизненных изданиях есть опечатки: вместо «снами» — «сном» (в *Галатее*), вместо «волн» — «вод» (в *Совр.* 1836).

Датировка стихотворения связана с цензурной пометой в *Галатее*: «июля 4 дня 1830». Датируется периодом 1828–1830 гг.

Н.А. Некрасов полностью привел стихотворение в своей статье и отметил: «Последние четыре стиха удивительны: читая их, чувствуешь невольный трепет» (*Некрасов.* С. 212). В *Отеч. зап.* также полностью процитировано стихотворение; в преамбуле к цитате и последующих комментариях критик рассуждает: «Не удивляйтесь же, что речи поэта иногда отзываются таинственностью. Над миром, который видим всем нам, у него распростирается еще свой мир, доступный лишь поэтическому глазу; душа его полна видений и снов, которых никто не может нам рассказать, кроме его самого. Кто хочет войти в смысл его видений, тот пусть внимательно прислушивается к его речам и не теряет из них ни одной черты. Иное может показаться вовсе не имеющим образа, что в сущности лишь не уловляется им сполна. Невнимание, конечно, легче; но некоторые образы и не могут быть иначе уловлены, как при усиленном внимании. Например, этот образ жизни, который мы находим у того же поэта (здесь полное цитирование. — *В.К.*) <...> Какое великолепное представление того, что в жизни есть таинственного, неуловимого, неразгаданного, того, что владеет нами и чем мы владеть никогда не в состоянии!» (*Отеч. зап.* С. 57–58). Дальнейшие рассуждения критика вели к эстетической категории «невыразимого» и к намеку на поэтическую практику В.А. Жуковского и его школы. Анонимный рецензент в «Библиотеке для чтения» (1854. Т. 127. Отд. 6. С. 1–2) писал об *Изд. 1854:* «В число отличительных достоинств стихотворений господина Тютчева должно преимущественно поставить мысль, почти всегда грациозную и удачно высказанную. В картинах его свет и тени распределены изящно. В выборе предметов, в выражении и его колорите не встречается тех поэтических пошлостей, которые в стихотворстве нашем сделались стереотипными и заменяют собою изобретение и вкус. Вот одно из стихотворений, могущих служить характеристикою этого прелестного рода»; здесь полностью процитировано стих. «Как океан объемлет шар земной...». Критический отзыв появился в рецензии, напечатанной в *Пантеоне* (Отд. 5. С. 5–6); образы стихотворения названы темными, и автор рецензии осуждает рецензента из *Отеч. зап.* (Дудышкина) за похвалы. Однако дальнейшее восприятие стихотворения подкрепляло мысли, высказанные Дудышкиным, об эстетических категориях таинственного, неуловимого, не-

разгаданного, невыразимого. Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «Т» (Тютчев), имея в виду самобытность поэта (*ТЕ*. С. 145). В.Я. Брюсов (*Изд. Маркса*. С. XLII) пишет: «В стихотворении «Как океан объемлет шар земной...» сны названы особой «стихией», неодолимо влекущей к себе человека». Брюсов проследил единую, по его мнению, линию развития тютчевской идеи о слабости человеческой мысли и значимости «нерассудочных форм постижения мира» от стих. «Проблеск» к «Фонтану», «Silentium!», в этом ряду и «На камень жизни роковой...», затем «Как океан объемлет шар земной...», «Сон на море», «Е.Н. Анненковой», завершение — в «Безумии», и снова Брюсов вернулся к «Silentium!».

Картиной ночного мира «Как океан объемлет шар земной...» примыкает к «Видению» («Есть некий час в ночи всемирного молчанья...»). По существу, рассматриваемое стихотворение — второе в «цикле» о ночном хаосе, если не считать «Урании», где образ хаоса представлен в ином, историческом, аспекте. «Как океан объемлет шар земной...» впервые рисует ночной мир в виде стихийной беспредельности — «бездны», «океана»; в «Видении» — «колесница мирозданья», образ, не повторяющийся в поэзии Тютчева. Найденный новый образ, «бездны» — «беспредельности», войдет в дальнейшие стихотворения о ночном хаосе: «Сон на море», «День и ночь», «О чем ты воешь, ветр ночной...».

КОНЬ МОРСКОЙ

(с. 111)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 6. Список, присланный И.С. Гагарину — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52.

Первая публикация — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 136–137; *ННС*. С. 45. Затем — *Изд. 1900*. С. 407.

Печатается по списку. См. «Другие редакции и варианты». С. 240.

Карандашный автограф — на одном листе перевода «Из Hernani» (Из «Эрнани» — *фр*.) (см. *коммент*. к стих. «Великий Карл, прости...». С. 364); на однотипной бумаге и тем же почерком и тем же карандашом записаны «Из Гёте. Певец», «Заветный кубок». В автографе есть вариант 2-й строки: «С седой волнистой гривой», и 10-й и 11-й строк: «В твоей надменной силе, / Седую гриву растрепав». Поэт отдал предпочтение живописному образу («С бледно-зеленой гривой») и убрал упоминания о «седине», не соответствующие играющему «коню морскому», скорее вечно молодому.

В *Изд. 1900* включено в число переводов без достаточных оснований, хотя Г.И. Чулков допускал возможность существования пер-

воисточника (*Чулков I*. С. 359). В дальнейших изданиях печаталось по тому же списку, однако в 12-й строке — с предлогом («и в мыле»). В изданиях — *ННС*, *Изд. Маркса*, *Чулков I*, *Лирика I* принят вариант без предлога.

Датируется 1830 г. на том основании, что автограф — на одном листе с переводом фрагмента из драмы Гюго «Эрнани», появившейся в марте 1830 г. Есть мнение, что стих. написано в период между 12 июля и 12 августа (н. ст.) 1829 г. (см. *Летопись*. С. 285).

Это стихотворение привлекло особое внимание В.С. Соловьева (см*, Соловьев. Красота*. С. 50–51), изучая сущность красоты в неорганическом мире, философ связывает ее явление со светом как «первым началом красоты в природе» (с. 44), а затем и с движением как выражением кажущейся свободною жизни в неорганической природе. Развивая мысль, Соловьев отмечал: «Этою красотою видимой жизни в неорганическом мире отличается прежде всего текущая вода в разных своих видах: ручей, горная речка, водопад. Эстетический смысл этого живого движения усиливается его беспредельностью, которая как бы выражает неутолимую тоску частного бытия, отделенного от абсолютного всеединства» (с. 48). На это стихотворение Тютчева Соловьев ссылается неоднократно: «тому же поэту волна по своему виду и живому движению представляется скачущим морским конем» (процитирована первая строфа, с. 51–52). Красоту этого образа философ, видимо, усматривал в «предварении» жизни в неорганическом мире, в своеобразной «игре» — «свободном движении частных сил и положений, объединенных в индивидуальном целом» (с. 48).

Увиденный Соловьевым тип красоты встречается и варьируется во многих стихотворениях Тютчева. Образ бегущей воды относится к любимым у поэта; до стихотворения «Конь морской» он вошел в «Весеннюю грозу». В дальнейших произведениях усиливается одухотворение образа бегущей воды: «Весенние воды», «Что ты клонишь над водами...», «Поток сгустился и тускнеет», «Фонтан», «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...», «Море и утес», «По равнине вод лазурной...» и многие другие.

«ВЕЛИКИЙ КАРЛ, ПРОСТИ! — ВЕЛИКИЙ, НЕЗАБВЕННЫЙ...»

<Из «Эрнани» В. Гюго>

(с. 112)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4–5 и 6 об. – 7.

Первая публикация — *Изд. 1900*. С. 420–421; заканчивается пуб-

ликация 24-й строкой («Пригнула все главы венчанные к земле»). Впервые полностью опубликовано К.В. Пигаревым в первом выпуске «Мурановского сборника» (1928. С. 34–48).

Печатается по автографам. См. «Другие редакции и варианты». С. 240.

Автографы различаются: первый включает 57 строк, из которых 6 содержат исправления, поэт уточнял перевод, делал его стиль более выразительным.

Расшифровали зачеркнутое Пигарев и Г.И. Чулков. Здесь приводится расшифровка Пигарева (*Лирика II*. С. 289–290).

Второй автограф, карандашный, на одном листе со стих. «Конь морской», имеет помету «Из Hernani» и содержит 30 стихов, от «Ищи ж владычества и взвесь пригоршни пыли» до конца: «Мироправленья жезл! Кто я? Исчадье праха!» Появился новый вариант строк 50–57. В 66-й строке не прочитано Чулковым и Пигаревым последнее слово (*Чулков I*. С. 357; *Лирика II*. С. 96); в *Изд. 1984* слово прочитано как «неустанный» (с. 286.)

В первой публикации Чулков обнаружил три ошибки: «для» вместо «чрез» (26-я строка), «вождя» вместо «Божью» (50-я строка), «без смерти» вместо «бессмертное» (69-я строка). В *Лирике II* исправления внесены, как и в дальнейшие издания.

Тютчев перевел монолог дона Карлоса из драмы Гюго «Эрнани» (д. IV, сц. 2); это монолог дона Карлоса перед избранием в императоры, произнесенный в мавзолее Карла Великого. Р.Ф. Брандт оценивал перевод как «довольно близкий» (*Материалы*. С. 110).

Стихотворение датируется 1830 г. Датировку связывают с тем, что драма Гюго «Эрнани» была написана в 1829 г.; в конце февраля 1830 г. состоялась ее постановка; в начале марта того же года произведение было опубликовано. В 1831 г. появился полный русский перевод, сделанный А.Г. Ротчевым.

«ДУША ХОТЕЛА Б БЫТЬ ЗВЕЗДОЙ...»

(с. 115)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Совр*. 1836. Т. III. С. 14 (под номером IX, в общей подборке «Стихотворения, присланные из Германии», подписанной инициалами «Ф. Т.»). Затем уже с именем Тютчева — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 16; *Изд. 1854*. С. 29; *Изд. 1868*. С. 34; *Изд. СПб., 1886*. С. 117; *Изд. 1900*. С. 47.

Печатается по первой публикации.

Сохранились списки в *Сушк. тетради* (с. 24), в *Муран. альбоме* (с. 26), в *Альбоме Тютчевой* (с. 47), среди списков, сделанных рукою Эрн.Ф. Тютчевой и И.С. Аксакова (РГАЛИ, Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 16 об.), здесь текст получил название «Желание», а в конце стихотворения — подпись «Ф. Тютчев», и фамилия подчеркнута. В *Сушк. тетради* и в *Муран. альбоме* стихотворению предшествует «О чем ты воешь, ветр ночной...», последует — «Так здесь — то суждено нам было...».

Печатные тексты не имеют существенных отличий. В *Изд. СПб., 1886* стоит дата «1840», «нелепая», по справедливой оценке Г.И. Чулкова. В *Изд. 1900* стихотворение не разделено на строфы.

Чулков датировал стихотворение 1828–1830 гг. на том основании, что сохранился список в той же рукописи, что и «Сон на море», бумага которой имеет водяной знак — «1828» (*Чулков I*. С. 179). К.В. Пигарев устанавливал верхнюю границу времени возможного написания стихотворения — «не позднее апреля 1836 г., так как в начале мая было послано И.С. Гагарину» (*Лирика I*. С. 368). Уточнение датировки в *Летописи 1999* — июль... август 1829 г. — представляется вероятным.

Н.А. Некрасов полностью перепечатал стихотворение и в своем отзыве соединил с другим — «В душном воздуха молчанье...» (см. *коммент*. С. 401) (*Некрасов*. С. 219–220). Л.Н. Толстой пометил его буквами «Т. Г.» (Тютчев. Глубина) (*ТЕ*. С. 145). Р.Ф. Брандт прокомментировал таким образом: «Стихотворение красивое, но представляющее странное смешенье двух зрительных точек: изобразив сперва звезды такими, какими они представляются человеческому глазу, поэт затем, как астроном, оговаривает, что звезды светят и днем, а даже, будто бы, еще ярче!» (*Материалы*. С. 28). Попытки реального, позитивного истолкования стихотворения не увенчиваются успехом.

С.Л. Франк находит поэтический контекст, рассмотрев стихотворение в связи с такими, как «Лебедь», «Весеннее успокоение», увидев в них «завершающий аккорд религиозной симфонии тютчевской лирики...», усмотрев его в мечте поэта о смерти среди природы. «В этом же направлении идет мечта души стать звездою, горящей скрытым светом «в эфире чистом и незримом». Это высшее настроение, прозрение последней, глубочайшей и прекраснейшей основы бытия в стихии, которая сочетает в себе тишину, отрешенность, покой смерти с ясностью и светом, выражено в стихотворениях, в которых космическое чувство Тютчева достигает своей вершины: в описаниях красоты вечера, осени, старости, увядания и тихого страдания» (*Франк*. С. 26–27). Пигарев считал

ближайшим контекстом стих. «Ты зрел его в кругу большого света...» и «В толпе людей, в нескромном шуме дня...», находя, что «образ звезды, светящейся днем, перекликается с образом месяца днем» (*Лирика I*. С. 368).

ДВУМ СЕСТРАМ

(с. 116)

Автографы (3) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1, 3 и 2–2 об.

Первая публикация – *Совр*. 1836. Т. IV. С. 40, под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии», с общей подписью «Ф.Т.», под номером XXII. Затем – *Совр*. 1854. Т. XLIV. № 13. С. 18; *Изд. 1854*. С. 35; *Изд. 1868*. С. 40; *Изд. СПб., 1886*. С. 47; *Изд. 1900*. С. 94.

Печатается по третьему автографу, совпадающему с текстом первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 241.

В первом, карандашном, черновом автографе 4-я строка – «Та ж свежесть утреннего часа», этот вариант и во 2-м автографе. Но в 3-м автографе – другой вариант: «Та ж прелесть утреннего часа». Если слово «свежесть» больше соответствует реалистическим тенденциям тютчевской лирики природы, то «прелесть» восходит к традициям эстетики XVIII века, сентиментализма и предромантизма.

Особенность авторской пунктуации – повторы тире (в конце 2-й и 5-й строк) в 1-м автографе и здесь же в конце 7-й строки – многоточие, а в конце 8-й – восклицательный знак с многоточием. Во 2-м автографе стоит тире в конце 1-й строки, многоточие – во 2-й, восклицательный знак с многоточием – в конце 5-й и 10-й строк, в конце 7-й – двоеточие. В 3-м автографе – все, как во втором, но 7-я завершается многоточием, что было и в первом автографе. Варианты в синтаксическом оформлении текста говорят о том, что Тютчев легко заменял тире многоточием, сближая их смысловое значение и подчеркивая недоговоренность, смысловую открытость, как бы конфиденциальность стихотворного посвящения, призванного о многом напомнить старшей сестре.

«Двум сестрам» записано на обороте листа со стих. «Как над горячею золой...»; они стоят под номерами: «1» «Двум сестрам», «2» «Как над горячею золой...». Можно усмотреть некоторую общность в меланхолической эмоции стихотворений.

Печатные тексты слегка различаются. В пушкинском *Совр*. стихотворение разделено на строфы, текст соответствует 3-му автогра-

фу («Та ж прелесть утреннего часа»), пунктуация в основном — тоже, хотя в конце 7-й строки стоит двоеточие, а в конце 5-й — только восклицательный знак (без многоточия). В *Изд. 1854*, а также *Изд. 1868 и Изд. 1886* печаталось без разделения на строфы, 4-я строка здесь — со словом «прелесть». Но в *Изд. 1900* стихотворение разделено на строфы и 4-я строка — «Та ж свежесть утреннего часа». Этот вариант строки принят и в *Изд. 1987*.

Датируется 1830-м г. и, как считает К.В. Пигарев, навеяно петербургскими встречами поэта в июне — сентябре 1830 г., адресат неизвестен (см. *Лирика I*. С. 347). А.А. Николаев датирует 1820-ми гг. и утверждает, что в нем речь идет о жене Тютчева Элеоноре, урожд. Ботмер, и ее сестре Клотильде (*Изд. 1987*. С. 376); см. также: Николаев А.А. Судьба поэтического наследия Тютчева 1822–1836 гг. — Русская литература. 1979. № 1. С. 134).

Современный биограф Тютчева Г.В. Чагин полагает, что стихотворение написано летом 1830 г. и обращено к сестрам декабриста В.П. Ивашева (см. Чагин Г.В. Родовое гнездо Тютчевых в русской культуре и литературе XIX века. М., 1998. С. 121–125). Мать сестер Ивашевых — Елизаветы и Екатерины — Вера Александровна, урожд. Толстая, была двоюродной сестрой матери Тютчева Екатерины Львовны и ее родной сестры Надежды Львовны Завалишиной. Старшее поколение было чрезвычайно дружно, что передалось и их детям. Дети сестер Толстых, по крайней мере старшие, были примерно одного возраста, часто встречались, любили друг друга. Сестры Ивашевы получили по тому времени хорошее воспитание, они музицировали, рисовали красками; Лиза, по воспоминаниям современников, была восторженной и пылкой натурой; она была на два года моложе своего троюродного брата Федора Тютчева. Можно предполагать его особое отношение к старшей сестре, по-видимому, увлечение. В 1830 г., когда в Петербург приехал из-за границы Тютчев, он встретился лишь с младшей сестрой, Екатериной, а Елизавета к тому времени уже вышла замуж за Языкова и жила отдельным домом с мужем и детьми. Екатерине шел в это время 19-й год. Примерно столько же было ее старшей сестре Лизе десятилетие назад, когда она встречалась с Тютчевым. В отличие от старшей сестры Екатерина была девушка тихая, мечтательная, склонная к меланхолии. Вероятно, сестры были очень похожи, что особенно ощутил поэт, не видевший долгое время старшую и встретивший вместо нее младшую: «Обеих вас я видел вместе — / И всю тебя узнал я в ней... / Та ж взоров тихость, нежность гласа...». В стихотворении Тютчев сказал о своей любви к девушке и о ее утраченной молодости; Елизавета нечто подобное говорила в письме к брату (см. Буланова О.К. Роман декабриста. М., 1933. С. 97–98) (*Г.Ч.*).

Впервые в этом стихотворении прозвучал характерный для поэта задушевный мотив встречи с юностью: «И все, как в зеркале волшебном, / Все обозначилося вновь...»; в дальнейшем мотив станет главным в стих. «Я помню время золотое...» и особенно — «Я встретил вас — и все былое...»; поэт говорит о порыве душевного обновления.

«КАК НАД ГОРЯЧЕЮ ЗОЛОЙ...»

(с. 117)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 3 об. и 4 об.

Первая публикация — *Совр.* 1836. Т. III. С. 15 (без разделения на строфы), под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии», с общей подписью «Ф.Т.», под номером X. Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 13; *Изд. 1854.* С. 23; *Изд. 1868.* С. 27; *Изд. СПб., 1886.* С. 46; *Изд. 1900.* С. 93.

Печатается по второму автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 241.

Оба автографа написаны чернилами, в них варьируется последняя строка: «Я просиял бы — и угас!..» и «Я просиял бы — и погас!», а также знаки препинания. Авторские знаки препинания свидетельствуют о том, что строфы осознавались не замкнутыми, а открыто связанными между собой, подчиненными друг другу, содержащими как бы отрицание формы станса, в котором строфы завершаются точкой. По-видимому, вариант на бумаге большего формата является вторичным и окончательным. Авторские знаки запечатлели эмоциональный порыв автора, эмоция нарастает к концу стихотворения.

Прижизненные печатные издания, а также *Изд. 1886, Изд. 1900* лексически не различаются, лишь слегка отличаются в синтаксическом оформлении текста. Недостатком изданий является отказ от воспроизведения в конце 8-й строки восклицательного знака с многоточием, который дополняет восклицательную интонацию третьей строфы. В результате приглушена взволнованность поэта. Также необходимы тире (в 4-й и 10-й строках автографа), которые подчеркивают психологический параллелизм (реального огня и огня сердечного); исчезли в *Изд. 1900.* В других изданиях тире осталось лишь в конце 4-й строки. Во всех изданиях 12-я строка — «Я просиял бы и погас!» (второй автограф). В списке *Муран. альбома* (с. 21) — этот же вариант.

Датируется не позднее 1830 г., судя по контексту автографа.

Н.А. Некрасов полностью перепечатал стихотворение и дал ему эмоционально-психологический комментарий: «Грусть, выражен-

ная здесь, понятна. Она не чужда каждому, кто чувствует в себе творческий талант. Поэт, как и всякий из нас, прежде всего человек. Тревоги и волнения житейские касаются также и его, и часто более, чем всякого другого. В борьбе с жизнью, с несчастием он чувствует, как постепенно талант его слабеет, как образы, прежде яркие, бледнеют и исчезают, — чувствует, что прошедшего не воротишь, сожалеет — и грусть его разрешается диссонансом страдания. Но каждый делает столько, сколько суждено было ему сделать. И если обстоятельства помешали ему вполне развить свой талант, право на благодарность и за то, что он сделал, есть его неотъемлемое достояние» (*Некрасов*. С. 217).

И.С. Аксаков, рассматривая это стихотворение вслед за «Silentium!», пишет: «В другом превосходном стихотворении эта тоска доходит уже до своего высшего выражения» (*Биогр*. С. 49). Затем следовала перепечатка стихотворения с выделением курсивом строк 9, 10, 12. Аксаков развивал свою мысль о том, что поэт, испытывая подлинное наслаждение от творчества, в то же время вследствие сложности своей натуры быстро погружался в состояние неудовлетворенности; его требования к творчеству оказывались выше сделанного им. А требования эти бывали столь велики, «тревожили иногда его собственную душу с настойчивостью и властью, что пламень таланта порою жег его самого и стремился вырваться на волю, что эти высокие призывы, оставшиеся неудовлетворенными, наводили на него припадки меланхолии и уныния, особенно в тридцатых годах его жизни, во время пребывания за границей...» (с. 48).

И.С. Тургенев (Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Соч. в 12 т. М., 1983. Т. 11. С. 50) цитировал последнюю строфу стих. в «Воспоминаниях о Белинском». Обнаруживая в жизни природы и человека действие закона разрушения и равновесия, желание «просиять» даже вопреки опасности «погаснуть», писатель находил действие этого закона в личности критика: «Сердце его безмолвно и тихо истлело; он мог воскликнуть словами поэта:

О небо! Если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле...
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы и погас!

Но мечты людские несбывчивы, а сожаленья — бесплодны». Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «Г» (Глубина) — *ТЕ*. С. 145.

Контекст стихотворения в автографе — «Весенние воды» (см. *коммент*. С. 399), «Двум сестрам» (см. *коммент*. С. 367) — выявляет общую эмоциональную приподнятость трех стихотворений, приятие

внеличного мира, радость общения с ним, жажду душевного обновления. Такой контекст еще больше выявляет контраст душевных состояний стих. «Silentium!» (желание замкнуться, уйти в себя) и «Как над горячею золой...» (жажду выплеснуть наружу душевный пламень).

СТРАННИК

(с. 118)

Автографы (3) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 6 и 5.

Первая публикация — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 127. Затем — *ННС*. С. 21; *Изд. СПб., 1886*. С. 32; *Изд. 1900*. С. 44.

Печатается по второму автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 241.

Автографы карандашный (черновой) и написанный чернилами (беловой). Изменения внесены в 1, 2, 9 и 11-ю строки. Первоначальный обобщенный образ («Богам угоден бедный странник») заменен более конкретным и прямо связанным с античностью («Угоден Зевсу»), во 2-й строке перестановка слов усилила слово «святой» и устранила соседство двух местоимений. Выдвижение на первый план слова «веси», а не «грады» (9-я строка) свидетельствует об осознании поэтом географической ситуации (деревня — на первом месте). Правка в 11-й строке («отверста» вместо «открыта») говорит о стремлении усилить возвышенно-архаический тон стихотворения, что тоже соответствует античным ассоциациям. Особенности авторского синтаксиса — повтор восклицательного знака с многоточием.

«Странник» написан на обороте листа со стих. «(В дороге)» — «Здесь, где так вяло свод небесный...» и датируется началом 1830-х гг., во всяком случае не позднее 1836 г. (см. *РА*. С. 118, и *Чулков I*. С. 363). В «Страннике» дорожный мотив предстает в обобщенно-философском варианте, в то время как в других стихотворениях этого времени запечатлены отдельные лирические картинки-впечатления от увиденного. Мотивом широкого видения «дивного мира» стихотворение сближается с программным «Не то, что мните вы, природа...» с его порицающими строками: «Они не видят и не слышат, / Живут в сем мире, как впотьмах...». В «Страннике» — положительное утверждение: «Ему отверста вся земля, / Он видит все и славит Бога!..»; в дальнейшем сходный мотив войдет в стих. Пушкина «Странник». Тексты в указанных изданиях соответствуют беловому автографу, но в них 8-я строка: «В утеху, пользу, в назиданье» (повторяется предлог «в»).

Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 28) обратил внимание на написание Тютчевым слова «Бог» и заметил: «Может быть, следовало бы

писать «бога» с маленькой буквы, относя к упоминаемому в первом стихе Зевсу; но скорее автор здесь сбился со взятой на себя роли язычника». Д.С. Дарский отозвался о стихотворении: «Возвращаясь к божественной природе, Тютчев стремился перестроить себя на древний лад. Натуралистической религии соответствует и свой собственный тип праведника. Это странник, бездомный бродяга, беглец человеческих обществ, искатель в природе божьей правды. «Кому Бог хочет оказать настоящую милость, того он посылает в обширный мир; тому он показывает свою мудрость в горах, в лесу, в реках и полях», — говорит Эйхендорф, и очень может быть повторяя заимствованный мотив, пишет Тютчев своего «Странника»...

Если вспомнить, как тягостно бывало временами Тютчеву в обществе, как нередко порывался он из него вон, то, быть может, мы не ошибемся в предположении, что под античной внешностью приведенного стихотворения притаилась его собственная, глухая и неисполненная мечта о другой, просторной и праведной жизни. И тогда в общем влечении к странничеству, к скитальчеству перед Богом, избалованный царедворец и ученый поэт дивным образом породнился бы с отщепенцами народных масс — юродивым Касьяном, охотником Ерошкой, Макаром Ивановичем...» (*Дарский.* С. 73).

Эйхендорф Йозеф (1788–1857) — немецкий писатель-романтик, близкий Новалису.

«ЗДЕСЬ, ГДЕ ТАК ВЯЛО СВОД НЕБЕСНЫЙ...»

(с. 119)

Автографы (3) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 5 и 6 об. и в собрании Д.Д. Благого.

Первая публикация — *РА.* 1879. Вып. 5. С. 127; в том же году — *ННС.* С. 20. Затем — *Изд. СПб., 1886.* С. 43; *Изд. 1900.* С. 46.

Печатается по второму автографу, написанному чернилами.

В автографах разделено на строфы. Характерные авторские знаки — тире в конце 2-й строки, восклицательный знак и многоточие — в конце первой строфы. Карандашный автограф на одном листе с тремя стихотворениями, пронумерованными: 1. «Странник», 2. «Здесь, где так вяло свод небесный...», 3. «Безумие». Второй автограф — в контексте стихотворений на листах малого формата, одним почерком, тщательно, под номерами: 1. «Двум сестрам», 2. «Как над горячею золой...» и без порядковых номеров: «(В дороге)», «Странник», «Безумие», «Успокоение».

Первая публикация воспроизвела название «В дороге», стихотворение напечатано без разделения на строфы. В *Изд. 1900* строфы

выделены. Дореволюционные издатели печатали текст с названием, но уже в изд. *Чулков I* и *Лирика I* печатается без названия и с выделением строф. С этим следует согласиться, так как авторская помета «(в дороге)», заключенная в скобки, свидетельствует о том, что эти слова нельзя считать названием.

Стихотворение отражает дорожные впечатления Тютчева во время приезда в Россию в 1830 г.; поэт выехал из Мюнхена 16 мая, что позволяет датировать его концом мая 1830 г.

Развертывающимся дорожным мотивом стихотворение объединяется с другими этого же времени: «Через ливонские я проезжал поля...», «Песок сыпучий по колени... Мы едем...», «Странник», а также с более поздними: философским — «Из края в край, из града в град...», отчасти «Итальянская villa», «Колумб», «На возвратном пути» и др. Специфической приметой мотива оказывается наречие места «здесь», повторяющееся в стихах: «Здесь, где так вяло свод небесный...»; «А я здесь в поте и пыли, / Я, царь земли, прирос к земли!..»; «Здесь человек лишь снится сам себе». Но и там, где отсутствует «здесь», сохраняется ощущение непосредственного созерцания. Стихотворение относится к числу дорожных миниатюр, запечатлевших первое поэтическое восприятие увиденной местности, особенно живое и субъективное.

Д.С. Дарский так отозвался о стихотворении: «Сравнения со сном особенно часто встречаются в его отзывах о севере. «Безобразное сновидение», «сонный хлад», «сон полумогильный», «сон усопшей тени» — все это выражения, неуклонно повторяющиеся в «северных» стихотворениях Тютчева. На севере он не живет, но «спит, зарытый под сугробом снежной лени». И среди омертвелого оцепенения природы чаще вкрадывалось знакомое нам сомнение в реальности окружающего» (*Дарский*. С. 79).

БЕЗУМИЕ

(с. 120)

Автографы (3) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 5 об. и 7–7 об., а также в собрании Д.Д. Благого.

Первая публикация — *Денница*. 1834. С. 185, подписано полной фамилией. Затем — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 127–128; *Изд. СПб., 1886*. С. 22; *Изд. 1900*. С. 88.

Печатается по второму (беловому) автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 241.

Автографы, черновой и беловой, различаются. В карандашном автографе 10-я строка — «Припав к растреснувшей Земле», в авто-

графе чернилами — «Припав к растреснутой Земле». Отличаются автографы знаками препинания, характерным для Тютчева варьированием тире и многоточия. В карандашном автографе 2-я и 4-я строки заканчиваются тире, 8-я — многоточием; в чернильном автографе — тире в конце 2, 4, 8, 12-й строк. Следуя современной грамматической норме, мы ставим здесь многоточия. В последней строке автографа — восклицательный знак и многоточие. Поэт сохраняет ощущение недосказанности, он знает больше, чем выражает в словах; таким образом усиливается общий загадочный смысл стихотворения. Первый и второй автографы имеют заглавие «Безумие», в третьем — оно отсутствует.

Карандашный автограф — среди стихотворений: 1. «Странник», 2. «Здесь, где так вяло свод небесный...», 3. «Безумие». Чернильный автограф — на такой же бумаге и написан теми же чернилами и тем же почерком, что и стих. «Двум сестрам», «Как над горячею золой...», «Странник», «(В дороге)», «Успокоение»; последнее — на обороте листка (небольшого формата) со стих. «Безумие», что позволяет датировать его 1830 г. и связать с теми же дорожными впечатлениями мая 1830 г. В то же время оно имеет свой контекст в *Деннице* (на 1834), где раньше, в 1831 г. были напечатаны «Цицерон», «Успокоение», «Последний катаклизм»; отсвет этих стихотворений, ложившийся и на «Безумие», усиливал его трагедийное звучание.

В изданиях XIX — начала XX в. 10-я строка содержит вариант карандашного автографа: «Припав к растреснувшей земле». Но в изд. *Лирика I* — «Припав к растреснутой земле», то есть принят вариант чернильного автографа. В *РА* сохраняется контекст стих. «В дороге» («Здесь, где так вяло...», «Странник», «Безумие»).

Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 129) отметил: «Безумие» изображает жизнь пустыней, где только безумие может надеяться, что пробьется живительный родник»; исследователь поместил стихотворение среди тех, которые не особенно ему нравятся. А.А. Блок в дневниковых записях 1902 г. писал: «Примером ярко декадентского настроения могут служить стих. «Безумие» и «Весь день она лежала в забытьи». Первое напоминает современную живопись — какое-то странное чудовище со «стеклянными очами», вечно устремленными в облака, зарывшееся в «пламенных песках» (Блок А.А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1971. Т. 6. С. 109).

В.Я. Брюсов (*Изд. Маркса*. С. XLII) отметил, что «в стихах о «безумии» есть темное влечение к этому состоянию души, которое хотя и названо «жалким», но при котором все же возможно «мнить», что слышишь, угадываешь тайную жизнь природы...». Смысл «Безумия» связывается со стих. «Как океан объемлет шар земной...»

(см. *коммент.* С. 361). С.Л. Франк (*Франк.* С. 22) пишет: «Жалкое и вместе вещее безумие царит не в мире ночи, как следовало бы ожидать, а, напротив, «под раскаленными лучами», в «пламенных песках». Франк, иллюстрируя мысль о сближении светлого и темного в космическом миросозерцании Тютчева, вставил «Безумие» в контекст стих. «Снежные горы» с образом «мглы полуденной» и «Пошли, Господь, свою отраду...» с образом «бедного нищего», бредущего в «летний жар и зной» и мечтающего о прохладе.

П.А. Флоренский вспомнил об этом стихотворении в работе «Пути средоточия», видя в нем (в последней строфе) отражение еще полусознательного мыслительного процесса, означающего его самое начало, когда еще отсутствуют логический план и полные ответы на вопросы, связанные между собой «не логическими схемами, но музыкальными перекликами, созвучиями и повторениями. Это — мысленных, мыслительных —

...струй кипенье,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход,

мысль в ее рождении, — обладающая тут наибольшею кипучестью, но не пробивая еще себе определенного русла» (Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2. С. 26–27).

К.В. Пигарев считал, что последняя строфа перекликается с 1–4-й строками позднейшего стихотворного обращения Тютчева к Фету «Иным достался от природы...»; поэт имеет в виду так называемых «водоискателей», людей, умевших распознавать в безводных местах наличие ключевой воды (см.: *Лирика I.* С. 347–348). Н.Я. Берковский высказал мысль, что в «Безумии» Тютчев «решительно и гневно высказывается против каких-либо идей в шеллинговском духе» (*Изд. 1987.* С. 21). В.В. Кожинов полагает, что это «резкое самокритическое стихотворение, в котором поэт выразил мучительные сомнения в своем провидческом даре» (см.: Тютчев Ф.И. Стихотворения. М., 1976. С. 302). Е.Н. Лебедев уточнил это суждение, указав, что «сомнение здесь не вообще в «провидческом даре», но именно в способности постичь сокровенные тайны природы» (см.: Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. М., 1978. С. 391).

«Безумие» включено поэтом, условно говоря, в «дорожный цикл», и начало стихотворения, обозначившее место, — «Там, где с Землею обгорелой слился, как дым, небесный свод» — перекликается с предыдущими среди «дорожных»: «Здесь, где так вяло свод небесный / На землю тощую глядит...». В поле зрения поэта попали

неэстетичные, не гармонично-прекрасные явления, даже аномальные. Там, где земля «обгорелая», где она «тощая» и небо «вяло» глядит, небесный свод дымный, и в нем «чего-то» искать бесполезно, гармония матери-земли разрушена; все это «смущает» душу, порождает мысли о «безумии». Выражено ощущение болезненных состояний земли, которые передаются человеку; дальнейшее развитие темы — «Вечер мглистый и ненастный...» (мотив: «безумья смех ужасный»). Думы о локальной ущербности земного бытия — продолжение темы «Последнего катаклизма». В то же время поэт поместил «Безумие» рядом с «Успокоением», здесь можно видеть стремление смягчить тягостное впечатление, вызванное «Безумием».

УСПОКОЕНИЕ

(«Гроза прошла — еще курясь, лежал...»)

(с. 121)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 8 и 7 об.

Первая публикация — *Денница*. 1831. С. 51, подписано полной фамилией. Затем — *Совр*. 1854. Т. XLV. С. 11; *Изд. 1868*. С. 120; *Изд. СПб., 1886*. С. 172; *Изд. 1900*. С. 66.

Печатается по второму автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 242.

Первый автограф, черновой, карандашный. В нем 5-я строка — «А уж давно звучнее и живей», название отсутствует. Второй автограф, чернилами, имеет название «Успокоение», 5-я строка приобрела вид — «А уж давно, звучнее и полней». Замена слова «живей» на «полней» соответствовала сердечным импульсам поэта, его стремлениям к полноте, всеохватности бытия и его гармонии, отсюда повторяются в его стихах слова «весь», «вся», «полна» («Весь день в бездействии глубоком...»; «Ему отверста вся земля, / Он видит все и славит Бога»; «И песнь их, как *во время оно*, / Полна гармонии была...»). В обоих автографах отсутствует разделение на строфы. Запись второго автографа сделана на обороте листа со стихотворением «Безумие», на бумаге, однотипной по формату и цвету с той, на которой записаны стих. «Двум сестрам», «Как над горячею золой...», «(В дороге)», «Странник». В автографах вторая и четвертая строки завершаются знаком тире; оно стоит и в середине первой строки: «Гроза прошла —».

Печатные тексты стихотворения различаются главным образом наличием или отсутствием названия и выделением или не выделением строф: в «Деннице», в изданиях *1854* — с заглавием, в *Изд. 1868*, *Изд. СПб., 1886*; *Изд. 1900* — без заглавия, с разделением на

строфы. В *Изд. Маркса* (с. 79) — с заглавием и с разделением на строфы; в изд. *Чулков I* — с заглавием и без разделения на строфы, так и в *Лирике I*.

Цензурная помета в *Деннице* — январь 1831 г. Датируется 1830 г., июнем — августом (см. *Летопись 1999*. С. 102).

Л.Н. Толстой, отметил стихотворение буквой «К.!!» (Красота!!) (*ТЕ*. С. 146).

ЦИЦЕРОН

(с. 122)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1 — тщательно написанный чернилами текст, в котором выделены и даже отчеркнуты строфы; на обороте листа — «Silentium!».

Первая публикация — *Денница*. 1831. С. 40. Затем — *Совр*. 1836. Т. III. С. 8. Под № IV в общей подборке «Стихотворения, присланные из Германии», с подписью «Ф.Т.». И в том и другом изданиях напечатано с разделением на строфы. Без разделения перепечатано — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 17–18; *Изд. 1854*. С. 33; *Изд. 1868*. С. 38; *Изд. СПб., 1886*. С. 106; *Изд. 1900*. С. 65.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 242.

В печатных текстах — ряд разночтений: в 8-й строке *Денница* дает вариант — «ея», *Совр*. 1836 — «ея», *Совр*. 1854 — «его», *Изд. 1854* — «его», *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886* — также «его», в *Изд. 1900* — «ея», *Изд. Маркса* колебания («его» — в 7-м изд., «ея» — в 8-м), *Чулков I*, 1933 — «ее», *Лирика I* — тоже «ее», в дальнейшем печатается так же. Главное отличие в 1-й строке второй строфы: в автографе — «Счастлив», в *Деннице* — «Блажен», *Совр*. 1836 — «Счастлив», *Совр*. 1854 — «Счастлив», *Изд. 1854* — «Счастлив», также в *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886, Изд. 1900*, но в *Изд. Маркса* снова колебания: «Блажен» — в 7-м изд., «Счастлив» — в 8-м, *Чулков I* — «Счастлив», в *Лирике I* — «Блажен», но в *Изд. 1984,* где тексты готовились также К.В. Пигаревым, дан вариант — «Счастлив». В новейших изданиях, подготовленных А.А. Николаевым (*Изд. 1987*), В.В. Кожиновым, отдано предпочтение варианту, принятому Пушкиным, — «Счастлив». Кожинов полагает, что Тютчев должен был отвергнуть слово «блажен», так как через строку появляются «всеблагие» (Тютчев Ф.И. Стихотворения. М., 1976. С. 300).

Существенно варьируются знаки препинания в изданиях, и они отличаются от авторских знаков в автографе: в 5-й строке автографа после слова «так» стоял восклицательный знак, но в *Совр*. 1836;

Совр. 1854; *Изд. 1854* поставлены точка с запятой, в *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886* — двоеточие, в *Изд. 1900* восклицательный знак автографа восстановлен и в дальнейших изданиях — также. В автографе 2-й строки после «тревоги» стоит двоеточие, но в *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* первые две строки прочитаны иначе, прямая речь в этих изданиях начинается со второй строки: «Оратор римский говорил: / «Средь бурь гражданских и тревоги», после слова «тревоги» следовала запятая. В изданиях, подготовленных Г.И. Чулковым, Пигаревым, прямая речь начинается с 3-й строки, как в автографе. В автографе 10-й строки после слова «роковые» стоит тире, в *Деннице* — восклицательный знак; в *Совр*. 1836, *Совр*. 1854, в *Изд. 1854, Изд. 1868, Изд. СПб., 1886, Изд. 1900, Изд. Маркса* — двоеточие, но в изд. *Чулков I* — тире, как в автографе; в *Лирике I, Изд. 1987* — восклицательный знак. Последняя строка в автографе завершается восклицательными знаком («бессмертье пил!»), однако в *Совр*. 1854, *Изд. 1854, Изд. 1868, Изд. СПб., 1886, Изд. 1900, Изд. Маркса, Чулков I* поставлена точка. В *Лирике I* — восклицательный знак, как в автографе.

Многочисленные варианты синтаксического, графического, а иногда даже лексического оформления говорят об отсутствии смысловой однозначности стихотворения, о его смысловых глубинах и перспективах, о реальных возможностях разночтений. Все же автограф больше всего отражает художественную мысль Тютчева, и ему нужно отдать предпочтение.

Датируют, учитывая цензурное разрешение в *Деннице* (январь 1831 г.), 1830 г. (сентябрем), но в *Летописи 1999*. С. 286 относят написание к началу июля 1829-го, времени пребывания Тютчева в Риме.

Н.А. Некрасов в своей известной статье не выделил этого стихотворения. С.С. Дудышкин отмечал: «Мир исторический также не чужд г. Тютчеву, как мир мысли: поэт не менее исполнен сочувствия к великим судьбам человечества, как легко усваивает себе возвышенное воззрение на мир, какому бы веку оно ни принадлежало. Здесь и там душа поэта равно отзывается на всякое великое явление. Мысль легко и скоро всходит у него над всемирным событием и, воплощенная в поэтический образ, служит ему путеводною звездою при оценке целого ряда явлений. Читатель лучше поверит нам, прочитав «Цицерона» (*Отеч. зап*. С. 72). Особенное впечатление стихотворение стало производить в начале нового столетия в период революционных ситуаций. В апреле 1905 г. А.А. Блок, усмотревший сходство между александрийской эпохой и современной ему, устанавливает это сближение, обращаясь к стих. Тютчева: «В истории нет эпохи более жуткой, чем александрийская; сплав откровений всех племен готовился в недрах земли, земля была как жертвенник.

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые:
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир, —

говорил Тютчев. Во время затаенного мятежа, лишь усугубляющего тишину, в которой надлежало родиться Слову, — литература (сама — слово) могла ли не сгорать внутренним огнем?» (*Блок*. Т. 5. С. 8). Хотя Блок процитировал вторую строфу, но акцентировал идею-мотив — первой: «оратора», говорения, исторической значимости Слова. В такой интерпретации идея стихотворения восходила к пушкинскому «Пророку». В январе 1918 г. в статье «Интеллигенция и революция» (*Блок*. Т. 6. С. 11) писал: «Мы, русские, переживаем эпоху, имеющую немного равных себе по величию. Вспоминаются слова Тютчева: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» Блок полностью процитировал вторую строфу. В статье поэтом нового столетия создан образ эпохи, близкий возникшему в тютчевском «Цицероне»; стилистика самого названия статьи Блока перекликалась с работой Тютчева «Россия и революция», в которой поэт XIX в. заявлял о пагубной неизбежности революции, и эта идея «бурь гражданских и тревоги», сложной диалектики исторических катаклизмов вошла в поэзию Блока, отозвавшись во многих стихотворениях и в поэме «Двенадцать». В.Я. Брюсов, как и Блок, ассоциировал исторические катаклизмы первых десятилетий XIX в. со стихотворением Тютчева. В 1914 г. один из своих стихотворных циклов он обозначил строчкой из знаменитого теперь произведения — «Высоких зрелищ зритель»; другой цикл озаглавлен «Стоим мы слепы». Брюсову был близок лирический герой этих циклов, обозревающий события мировой истории и предсказывающий грядущее. В цикле «Высоких зрелищ зритель» поэт использовал еще один тютчевский образ — «стародавней Вильны».

Цицерон (106–43 до н. э.) — знаменитый римский оратор, писатель, философ, политический деятель, сторонник республиканского строя, боролся против установления единоличного правления. Издание писем Цицерона на немецком языке (M. Tullius Cicero's Sämmtliche Briefe übersetzt und erläutert von C. M. Wieland. Stuttgart, 1814. Bd. I–IV) хранится в *Муранове* среди книг, принадлежавших Тютчеву.

Я поздно встал... — слова из публицистического сочинения Цицерона «Брут, или Диалог о знаменитых ораторах», XCVI. 330.

Капитолийская высота — один из римских холмов, здесь находился храм Юпитера.

SILENTIUM!

(с. 123)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1 об.

Первая публикация – *Молва*. 1833. № 32, 16 марта. С. 125. Вошло – *Совр*. 1836. Т. III. С. 16, под общим заголовком «Стихотворения, присланные из Германии», под номером XI, с общей подписью «Ф.Т.». Затем – *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 12; *Изд. 1854*. С. 21; *Изд. 1868*. С. 24; *Изд. СПб., 1886*. С. 88–89; *Изд. 1900*. С. 103–104.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 242.

Датируется предположительно не позднее 1830 г.

Автограф – на обороте листа со стих. «Цицерон». Авторские знаки в автографе – специфически тютчевские: шесть тире (во 2, 5, 10, 13, 15, 17-й строках), три вопросительных знака, все во второй строфе (1, 2, 3-й строках), восклицательный знак и многоточие – в конце. Конец строф основан на контрасте духовной активности (призывы: «любуйся», «питайся», «внимай») и будто пассивной замкнутости – призыв к молчанию. Последнее слово во всех строфах – «молчи» – сопровождается в автографе разными знаками. В первом случае стоит точка, во втором – многоточие, в третьем – восклицательный знак и многоточие. Смысловая, эмоциональная нагрузка этого слова в стихотворении возрастает. Особенно выразительно тире в конце знаменитого парадокса – «Мысль изреченная есть ложь». Суждение открыто, мысль не завершена, сохраняется многозначность высказывания.

В *Муран. альбоме* (с. 18–19) текст, как в автографе, но 16-я строка – «Их заглушит наружный шум» (в автографе – «оглушит»). Знаки: убраны все тире в конце строк, вместо них во 2-й строке – восклицательный знак, в 5-й – двоеточие, в 10-й – точка с запятой, в 13-й – восклицательный знак, в 15-й – запятая, в 17-й – двоеточие, в конце стихотворения стоит точка.

При печатном воспроизведении текст подвергся значительным деформациям. 2-я строка, которая в автографе – «И чувства и мечты свои», – в *Молве* имеет другой смысл: «И мысли и мечты свои!», но уже в пушкинском *Совр*. – «И чувства и мечты свои»; так и в дальнейшем. В автографе 4-я и 5-я строки – «Встают и заходят оне / Безмолвно, как звезды в ночи, – » (видимо, ударения: «заходя́т», «как звезды́»), но в *Молве* – другой вариант: «Встают и кроются оне / Как звезды мирные в ночи», в пушкинском *Совр*. – вариант автографа, но в *Совр*. 1854 г. и в других указан-

ных выше изданиях дан новый вариант строк: «И всходят и зайдут оне / Как звезды ясные в ночи». 16-я и 17-я строки в автографе имели вид: «Их оглушит наружный шум / Дневные разгонят лучи —» (слово «разгонят» здесь требует ударения на последнем слоге). В *Молве* эти строки — «Их оглушит житейский шум / Разгонят дневные лучи», но в изданиях 1850-х гг. и последующих указанных — «Их заглушит наружный шум / Дневные ослепят лучи». Исправления, направленные на то, чтобы сделать стихи более гладкими и лишенными старинных ударений, затушевывали специфически тютчевскую выразительность. Интонации также далеко не достаточно зафиксированы в прижизненных и двух последующих изданиях. Не все тютчевские тире были сохранены; безосновательно отсутствовал восклицательный знак вместе с многоточием в конце стихотворения. Таким образом, обеднялся эмоциональный рисунок текста (в *Молве*, напротив, были поставлены в конце каждой строфы восклицательный знак и многоточие, но в этом случае игнорировалась указанная поэтом динамика эмоции).

Сложилась целая история осознания и интерпретации этого стихотворения. Н.А. Некрасов, полностью перепечатав его в своей статье, отнес к той группе произведений поэта, «в которых преобладает мысль», но отдал предпочтение стих. «Как птичка раннею весной...», хотя не отрицал «очевидных достоинств» стих. «Silentium!» и «Итальянская villa» (*Некрасов.* С. 215). Рецензент ж. «Библиотека для чтения» (1854. Т. 127. Отд. 6. С. 3–4) выделил в *Изд. 1854* лишь два стих. — «Как океан объемлет шар земной...» (см. *коммент.* С. 361) и «Silentium!». По поводу последнего он заметил: «Другое стихотворение, равно милое по мысли и ее выражению, носит латинское заглавие: «Silentium» (полностью приведено стихотворение. — *В.К.*) <...> Все думают точно так же, как господин Тютчев, но новость мысли не составляет достоинства в искусстве. Мысль какая-нибудь может казаться новою только тому, кто мало знаком с мыслями. Искусство действует, неизбежно, всеми известными, всех навещающими мыслями, и великий писатель — тот, кто для мысли, всеми ощущаемой, находит самое верное, самое короткое и самое красивое выражение, которого другие найти не умеют».

И.С. Аксаков (*Биогр.* С. 48) полагал, что это стихотворение и «Как над горячею золой...» представляют «кроме своего высокого достоинства, психологический и биографический интерес. Первое из них, то самое «Silentium», которое, напечатанное в 1835 г. (Аксаков допустил фактическую ошибку. — *В.К.*) в *Молве*, не обратило на себя никакого внимания и в котором так хорошо выра-

жена вся эта немощь поэта — передать точными словами, логическою формулою речи, внутреннюю жизнь души в ее полноте и правде». Аксаков полностью перепечатал стихотворение, выделив курсивом 1, 2, 10, 11, 12, 13-ю строки, содержащие афористически выраженные мысли.

«Silentium!» относится к числу любимых стихотворений Л.Н. Толстого. В сб. стих. Тютчева он отметил его буквой «Г» (Глубина) (*ТЕ*. С. 145). По воспоминаниям современников, он часто читал его наизусть. А.Б. Гольденвейзер вспоминал высказывание писателя: «Что за удивительная вещь! Я не знаю лучше стихотворения» (Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 1922. Т. II. С. 303). Цитаты из стихотворения использованы в романе «Анна Каренина». В одном из вариантов третьей главы шестой части романа Левин его цитировал; Левин говорил Кити о своем брате Сергее Ивановиче: «Он особенный, удивительный человек. Он именно делает то, что говорит Тютчев. Их замутит какой-то шум, внимай их пенью и молчи. Так он внимает пенью своих любовных мыслей, если они есть, и не покажет ни за что, не осквернит их» (*ЛТ*. Т. 20. С. 671). Впоследствии Толстой убрал из речи Левина ссылку на Тютчева и цитату применительно к Сергею Ивановичу, сблизив образ самого Константина с идеей «Silentium!». Толстой включил стихотворение в «Круг чтения» и сопроводил философским размышлением, по существу, он создал новый тип комментирования стихотворения — философско-религиозный:

«30-е сентября.

Чем уединнее человек, тем слышнее ему всегда зовущий его голос Бога.

1

(Стихотворение приведено полностью. — *В.К.*).

2

По одному тому, что хорошее намерение высказано, уже ослаблено желание исполнить его. Но как удержать от высказывания благородно самодовольные порывы юности? Только гораздо позже, вспоминая о них, жалеешь о них, как о цветке, который не удержался — сорвал нераспустившимся и потом увидел на земле завялым и затоптанным<...>

Временное отрешение от всего мирского и созерцание в самом себе своей божественной сущности есть такое же необходимое

для жизни питание души, как пища для тела» (*ЛТ*. Т. 42. С. 107–108).

Важным и оригинальным было то, что смысл тютчевского стихотворения раскрывался вне сферы индивидуалистической морали. Идея Тютчева «лишь жить в самом себе умей» получила развитие у Толстого в духе активного гуманизма, деятельного добра. Толстой против поверхностной общительности, она не имеет в его глазах цены, в основе ее могут лежать безнравственные соображения, он за глубокое единение личности с другими людьми на основе большой морали.

Первые два суждения в «Круге чтения» Толстого раскрывают психологический механизм нравственного призыва к молчанию. Писатель предложил две психологические мотивировки необходимости молчания, отрицания самораскрытия.

Первая. «По одному тому, что хорошее намерение высказано, уже ослаблено желание исполнить его». Снова Толстой выявляет психологию деятельного человека, от тютчевской созерцательности он ведет связующую нить к активно-практическому гуманизму: молчать о добрых движениях души нужно для того, чтобы лучше реализовать их. Это чисто толстовско-левинский поворот мысли. Многословие понимается как суррогат настоящего дела.

Вторая. Совесть человека требует активной внутренней жизни, внутренней сосредоточенности, самоуглубления: «Лучшая часть той драмы, которая происходит в нашей душе, есть монолог или, скорее, задушевное рассуждение между Богом, нашей совестью и нами». Бессовестный человек, пустой чужд этого нравственного диалога с самим собой, нравственного самоотчета, самопроверки, самоиспытания. Суд собственной совести может происходить лишь в молчании.

Идейную концепцию «Silentium!» Толстой органически включил в свою философию личности, в свою этику. Он объяснил и принял стихотворение с позиции активного человеколюбия.

В.Я. Брюсов (*Изд. Маркса*. С. XLII), рассматривая стихотворение, решает гносеологическую проблему: «Из сознания непостижимости мира вытекает другое — невозможности выразить свою душу, рассказать свои мысли другому.

> Как сердцу высказать себя?
> Другому как понять тебя?
> Поймет ли он, чем ты живешь?

Как бессильна человеческая мысль, так бессильно и человеческое слово. Перед прелестью природы Тютчев живо ощущал это бес-

силие и сравнивал свою мысль с «подстреленной птицей». Неудивительно поэтому, что в одном из самых своих задушевных стихотворений он оставил нам такие суровые советы:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои.
Лишь жить в самом себе умей...»

С Брюсовым спорил А. Дерман (Заветы. 1912. № 9. С. 197): «Таким образом, из знаменитого восклицания «мысль изреченная есть ложь!» сделан г. Брюсовым силлогистический мостик к утверждению о предпочтительности нерассудочных форм постижения мира перед рассудочным познанием. Это явно неубедительно и основано на необъяснимом игнорировании прямого смысла восклицания и всего стихотворения «Silentium» в целом. Не «*мысль, т. е. всякое рассудочное познание, есть ложь*», но «мысль *изреченная*», и смысл стихотворения исключительно в том, что мысль искажается при своем рождении при превращении в слово». Развивая свою мысль и цитируя стихотворение, полемист уточняет свое понимание тютчевской идеи: «*бессилие слова* заключается в невозможности передать *силу мысли*, смысл не в *равенстве* мысли и слова, а в *разности*, в утечке и искажении мысли при передаче другому».

Для Д.С. Мережковского это стихотворение — «сегодняшнее, завтрашнее». Логика мысли Тютчева, по мнению писателя, направлена на «самоубийство»: если в основе мира лежит злая воля, активное действие бессмысленно, разумно лишь созерцание. Человек не нужен другому человеку для действия. Если действие бессмысленно, то и общение не нужно. Отсюда вывод: «Лишь жить в самом себе умей» — выражение индивидуализма, одиночества, безобщественности. Следующий шаг на том же пути развития делают Бальмонт, пожелавший жить собой и быть себе солнцем, и З. Гиппиус, которая хочет «полюбить себя, как Бога». «Самоубийцы так и не знают, что цианистый калий, которым они отравляются, есть Молчание: «Молчи, скрывайся и таи / И чувства, и мечты свои... / Лишь жить в самом себе умей...». Его болезнь — наша: индивидуализм, одиночество, безобщественность» (*Мережковский*. С. 13).

К.Д. Бальмонт выделил в наследии Тютчева это стихотворение: «Художественная впечатлительность поэта-символиста, полного пантеистических настроений, не может подчиниться видимому; она все преобразовывает в душевной глубине, и внешние факты, переработанные философским сознанием, предстают перед нами как тени,

вызванные магом. Тютчев понял необходимость того великого молчания, из глубин которого, как из очарованной пещеры, озаренной внутренним светом, выходят преображенные прекрасные призраки» (*Бальмонт.* Кн.1. С. 88–89).

Вяч. Иванов считал это стихотворение определяющим в мироощущении Тютчева: «Молчи, скрывайся и таи» — знамя поэзии Тютчева; его слова — «тайные знамения великой и несказанной музыки духа» (По звездам. СПб., 1909). С. 37–38); поэт-теоретик имеет в виду самопогружение, когда «нет преград» между человеком и обнаженной бездной, такое приобщение к мировым безднам невыразимо в слове и требует Silentium. Это мгновение бытия ценно и вечно». Вяч. Иванов сблизил по смыслу стих. «Silentium!» и «День и ночь»: «Новейшие поэты не устают прославлять безмолвие. И Тютчев пел о молчании вдохновеннее всех. «Молчи, скрывайся и таи...» — вот новое знамя, им поднятое. Более того, главнейший подвиг Тютчева — подвиг поэтического молчания. Оттого так мало его стихов, и его немногие слова многозначительны и загадочны, как некие тайные знамения великой и несказанной музыки духа. Наступила пора, когда «мысль изреченная» стала ложью» (там же. С. 38).

Символисты, изучая структуру тютчевского образа и стремясь найти у этого поэта модель символической поэзии, обращались к «Silentium!», видя в нем теоретическое обоснование поискам символов. Если «мысль изреченная есть ложь» и никаким логическим сочетанием слов, ни в каком определенном образе нельзя адекватно выразить идею, остается единственный путь — «поэзия намеков, символов» — так развивал свою мысль В.Я. Брюсов (Смысл современной поэзии. Избр. соч. М., 1955. Т. 2. С. 325). «Живая речь есть всегда музыка невыразимого; «мысль изреченная есть ложь», — ссылаясь на Тютчева, писал А. Белый (Магия слов. Символизм. М., 1910. С. 429) и заключал: «В слове-символе соединяется «бессловесный» внутренний мир человека с «бессмысленным» внешним миром». В конечном итоге развития этой мысли он сводил лирическое творчество к магическому заклинанию через звукоподражания и образец находил в поэтическом опыте Тютчева.

«ЧЕРЕЗ ЛИВОНСКИЕ Я ПРОЕЗЖАЛ ПОЛЯ...»

(с. 124)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5 и 2.

Первая публикация — *Совр.* 1837. Т. VI. С. 395–396, под общим заголовком «Стихотворения, присланные из Германии», под номе-

ром XXV, с общей подписью «Ф.Т.». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 15; *Изд. 1854.* С. 27; *Изд. 1868.* С. 31–32; *Изд. СПб., 1886.* С. 82; *Изд. 1900.* С. 75–76.

Печатается по беловому автографу. См. «Другие редакции и варианты» С. 242.

Первый автограф (л. 5) — черновой, карандашный, второй (л. 2) — беловой, чернилами. В движении от чернового варианта к беловому видна взыскательная стилистическая правка. Устранены грамматические неточности (во второй строке появилось слово «вокруг» вместо первоначального «кругом», в 13-й «...вам единым удалось» поэт заменил более правильным оборотом — «...вам одним лишь удалось»). Более существенна и принципиальна правка 4-й строки, в которой было: «Все на душу тоску лишь наводило»; поэт заменил «тоску» на «раздумье»; именно это слово обозначило ведущий тон стихотворения – медитации. 14-я строка в одном из черновых вариантов содержала характерное тютчевское слово «пришельцы» («Пришельцы вы с брегов другого света»), но вся была изменена. В стих. «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...» он сохранит это слово, примененное к себе («И ты, как Бог разоблаченный, / Доступен был мне, пришлецу?..). Тютчеву было свойственно проникать во внутренний мир человека, переходящего рубежи, так он осознавал нередко и себя.

Беловой автограф — на обороте листа с другими стихотворениями, пронумерованными: 1. «Через ливонские я проезжал поля...», 2. «(Дорогой)» — «Песок сыпучий по колени...», 3. «Есть в светлости осенних вечеров...»; на втором одноформатном листе и тем же почерком: 4. «Листья», 5. «Альпы», 6. «Mal'aria», 7. «Сей день, я помню, для меня...».

В беловом автографе дата — «1830», подчеркнутая и заключенная в скобки. Так и датируется стихотворение, написанное на обратном пути из Петербурга в Мюнхен; Тютчев выехал в конце сентября — начале октября 1830 г.

В пунктуации обращает на себя внимание тире в конце каждой строфы, за исключением 4-й, завершенной восклицательным знаком и многоточием, состоящим из шести точек. Хотя у Тютчева иногда тире приближается по смыслу к точке, все же оно чаще обозначает некоторую незавершенность, открытость высказывания и самой эмоции, как бы протяженной и не уместившейся в словах каждой строфы; создается в подтексте ощущение обширного мира «невыразимого», спрятанного в повторяющихся тире и в многоточии. Следуя современным грамматическим нормам, здесь заменены тире в конце строф многоточиями. Списки и печатные тексты воспроизводят беловой автограф.

Первое издание и дальнейшие отличаются от белового автографа только пунктуацией. Не всегда сохраняются тире и многоточия. Издания 1850-х гг. не различаются в оформлении текста; здесь сохраняются тире автографа в конце 3-й и 5-й строк, но отсутствуют все многоточия, за исключением конца 16-й строки. *Изд. СПб., 1886* и *Изд.1900* почти не отличаются от предыдущих. Но в них, как и в первом издании, в конце указан год — «1830».

Н.А. Некрасов отозвался о стихотворении обобщенно, объединив его с другими — «В душном воздухе молчанье...», «О чем ты воешь, ветр ночной...», «Душа хотела б быть звездой...», «Так здесь-то суждено нам было...»: «Во всех этих стихотворениях есть или удачная мысль, или чувство, или картина, и все они выражены поэтически, как умеют выражаться только люди даровитые» (*Некрасов*. С. 220). С.С. Дудышкин нашел в нем, как и в «Смотри, как на речном просторе...», «Мужайтесь, о други, боритесь прилежно...», полноту «грустно-мужественного созерцания», что является, по мнению рецензента, одним из верных признаков поэтической натуры (*Отеч. зап*. С. 72). Л.Н. Толстой отчеркнул последнюю строфу этого стихотворения (*ТЕ*. С. 145). В.Я. Брюсов (*Изд. Маркса*. С. XXXII) относил его к числу тех («Близнецы», «Два голоса», «Две силы есть, две роковые силы...», «Природа — сфинкс», «По дороге во Вщиж»), которые по большей части представляют собой «размышления по поводу вековечных загадок мира и человеческой жизни <...> Их строфы, двустишия и отдельные стихи образуют блестящие афоризмы, давно вошедшие в обиход русской речи».

Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 34) полагал, что в последней строфе («Но твой, природа, мир о днях былых молчит...») слово «мир» употреблено не в смысле «бытие» природы, а в смысле «мир-покой».

Ливонские поля. Ливония в XII–XIII вв. — область, где жили ливы, местное население угро-финского происхождения; это территория современных Латвии и Эстонии, в средние века завоеванная германскими крестоносцами, о чем и вспоминает поэт, говоря о «кровавой и мрачной поре» и о зависимости «сынов» этой земли от рыцарей (имеется в виду орден меченосцев).

Пустынная река — Западная Двина.

«ПЕСОК СЫПУЧИЙ ПО КОЛЕНИ...»

(с. 125)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5 об. и 2 об.

Первая публикация — *Совр*. 1837. Т. VI. С. 397, под общим заголовком «Стихотворения, присланные из Германии», под номером

XXVI, с подписью «Ф.Т.» (общей). Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 4; *Изд. 1854*. С. 4; *Изд. 1868*. С. 7; *Изд. СПб., 1886*. С. 81; *Изд. 1900*. С. 74.

Печатается по беловому автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 243.

Черновой карандашный автограф (л. 5 об.) имеет заглавие «Дорогой»; третья строка — «И сосен придорожных тени». Во втором, беловом, автографе (л. 2 об.) помета «дорогой» заключена в скобки, третья строка в ином варианте: «И сосен, по дороге, тени», сохраняющемся в печатных текстах. Отличительная особенность авторских знаков препинания — повтор тире (как и в стих. «Через ливонские я проезжал поля...». См. *коммент.* С. 385). В стих. «Песок сыпучий по колени...» этим знаком оканчиваются 1, 2, 5, 8-я строки; тире вошло и в середину строки: «Мы едем — поздно — меркнет день —». Черновой карандашный автограф — на одном сдвоенном листе со стих. «Через ливонские я проезжал поля», «Сей день, я помню, для меня...», «Альпы»; беловой автограф — в одном ряду со стихотворениями, написанными на двух одноформатных листах бумаги и одним почерком; стихотворения пронумерованы (там же).

Первое издание имеет помету после текста — «1830 (дорогой)», не разделено на строфы. Но в последующих изданиях стихотворение печатается с разделением на строфы. Тютчевские синтаксические знаки в основном не сохраняются: тире заменяются многоточиями, точкой с запятой или точкой.

Датируется октябрем 1830 г.; создано на обратном пути из Петербурга в Мюнхен.

Стихотворение привлекло Н.А. Некрасова: «Два заключительные стиха последнего стихотворения, подчеркнутые нами, одни составляют целую превосходную картину. Кто не согласится, что рядом с ним эти похожие стихи Лермонтова:

И миллионом темных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветки каждого куста, —

значительно теряют в своей оригинальности и выразительности» (*Некрасов*. С. 207).

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «К» (Красота) (*ТЕ*. С. 145). В.Я. Брюсов (О Тютчеве. *РА*. 1900. Кн. 1. № 1–4. С. 410) отозвался таким образом: «Замечательный образ Тютчева «Ночь хмурая, как зверь стоокий, / Глядит из каждого куста» — взят из Гёте: Wo Finsterniss aus dem Gesträuche / Mit hundert

schwarzen Augen sah. (см. *коммент.* к стих. «Весеннее успокоение». С. 420).

Р.Ф. Брандт (*Материалы.* С. 34), указав на сходство образов Тютчева и Лермонтова, заметил, что «заимствовался» образ Лермонтовым. Однако более прав Брюсов, сославшийся на первоисточник.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

(с. 126)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 2 об.

Первая публикация — *Совр.* 1840. Т. XIX. С. 187, с подписью «Ф. Т-въ». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 5; *Изд. 1854.* С. 5; *Изд. 1868.* С. 9; *Изд. СПб., 1886.* С. 29; *Изд. 1900.* С. 129.

Печатается по первому изданию. См. «Другие редакции и варианты». С. 243.

Датируется на основании пометы в автографе — 1830 г.

В автографе стихотворение не имеет названия. Помещено в ряду таких стих., как «Через ливонские я проезжал поля...», «Песок сыпучий по колени...» (см. *коммент.* С. 385, 387); «Есть в светлости осенних вечеров...» следует под цифрой «3». Особенность авторского синтаксического оформления — двукратный повтор восклицательного знака с многоточием; так заканчиваются 2-я и 12-я строки. В печатных текстах они обычно не воспроизводятся, хотя свидетельствуют об особой эмоционально-эстетической экспрессии стихов. Тютчевские знаки говорят не об умиротворенности и спокойствии, а о порыве чувств, связанных с эстетическим удивлением и восхищением. Здесь сохраняется пунктуация автографа.

Печатные тексты дают вариант 7-й строки: в первом издании и во всех прижизненных, а также *Изд. СПб., 1886* — «И, как предчувствие сходящих бурь», но в *Изд. 1900* — «И, как предвестье близящихся бурь» (вариант автографа). В 8-й строке в первом издании и последующих — «Порывистый, холодный ветр порою», хотя в автографе — «Порывистый и ясный ветр порою». Если варианты 7-й строки в художественном отношении равноценны, вариант печатного издания более романтичен («предчувствие» вместо «предвестье», «сходящих» /с небес/ вместо «близящихся»), то вариант автографа 8-й строки («ясный ветр») более спорный и изысканный, нежели строгий и простой образ первопечатного издания («холод-

ный ветр»). 12-я строка в варианте автографа («Божественной стыдливостью страданья») — лишь в первом издании, в остальных указанных — «Возвышенной стыдливостью страданья». В печатных изданиях нередко тютчевские пантеистического типа высказывания устранялись. Они восстановлены лишь в изданиях послереволюционного времени.

Н.А. Некрасов, полностью перепечатав стихотворение, восклицал: «Превосходная картина! Каждый стих хватает за сердце, как хватают за сердце в иную минуту беспорядочные, внезапно набегающие порывы осеннего ветра; их и слушать больно и перестать слушать жаль. Впечатление, которое испытываешь при чтении этих стихов, можно только сравнить с чувством, какое овладевает человеком у постели молодой умирающей женщины, в которую он был влюблен. Только талантам сильным и самобытным дано затрагивать такие струны в человеческом сердце; вот почему мы нисколько не задумались бы поставить г. Ф.Т. рядом с Лермонтовым; жаль, что он написал слишком мало. Нечего и говорить о художественном достоинстве приведенного стихотворения: каждый стих его — перл, достойный любого из наших великих поэтов» (*Некрасов*. С. 207). С.С. Дудышкин выразил неудовлетворение строчкой «Ущерб, изнеможенье, и на всем...», заявив, что она «разнится» с другими, и он отнес ее к числу «непоэтических крох» стихотворений Тютчева (*Отеч. зап.* С. 74–75). И.С. Тургенева стихотворение привлекало неоднократно. В письме к А.А. Фету от 3 октября 1860 г. он цитировал, говоря о последних днях осени, «в которых таится особенная «умильная таинственная прелесть» (Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма. М., 1987. Т. 4. С. 247). В пейзажных зарисовках рассказа «Свидание» (из цикла «Записки охотника») содержится несколько скрытых цитат из этого стихотворения Тютчева; особенно это очевидно в образе осенней улыбки: «сквозь невеселую, хотя свежую улыбку увядающей природы...». П.К. Щебальский (*РВ*. 1868. Т. 77. № 9. С. 361–362) в рецензии на сб. «Стихотворения Ф. Тютчева» (М., 1868 — см. *коммент.* к стих. «Весенние воды». С. 399) полностью процитировал стихотворение, отрицая самую постановку вопроса о реализме по отношению к нему: «А какой реализм заменит ту прелесть образов и звуков, которая заключается в следующей картине осени (здесь полное цитирование. — *В.К.*) <...> У кого не вызовет в душе полного представления грустных дней осени это коротенькое стихотворение, кто не переживет за чтением этих немногих стихов тех впечатлений, которые он испытывал много раз в жизни? Другой писатель мог бы привести очень много других черт, ха-

рактеризующих осень, и, однако ж, не вызывать ни в воображении читателя такого полного образа этого времени года, ни в душе его такого созвучного впечатления. Почему это? В этом именно и заключается тайна поэзии и искусства вообще». К.Д. Бальмонт, процитировав 1, 2, 9–12-ю строки, отметил: «Тютчев возвышается до художественного понимания осени, как душевного состояния Природы» (*Бальмонт*. С. 66). С.Л. Франк, обратившись к стихотворениям об осени «Есть в светлости осенних вечеров...», «Есть в осени первоначальной...», отдал предпочтение первому, сказав, что в нем «смысл осени определяется с большей полнотой». Философ сопоставляет его со стих. «Сияет солнце, воды блещут...»: «"Кроткая улыбка увяданья"» на лице осенней природы и эта улыбка умиления измученной человеческой души есть одно и то же, одна небесноземная стихия: она то противостоит избытку жизни в цветущем мире природы и превосходит его в своем упоении, то обнаруживается в самой природе, в умильной прелести светлых осенних вечеров» (*Франк*. С. 27–28).

ЛИСТЬЯ

(с. 127)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 3 об.

Первая публикация — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 129, тогда же — *ННС*. С. 25–26. Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 52–53; *Изд. 1900*. С. 77–78.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 243.

Автограф свидетельствует о том, что «Листья» входят в своеобразный «цикл» дорожных стихотворений (см. *коммент*. к «Через ливонские я проезжал поля...». С. 390) и помечены автором цифрой «4». Особенность тютчевской пунктуации — повтор тире, им заканчиваются строки: 4, 8, 14, 19, 22-я; повтор восклицательного знака. Интонационный рисунок призван передать порыв, взлет, его протяженность, эмоциональную приподнятость.

Публикации отличаются чтением 19-й строки. В первых четырех изданиях и *Изд. Маркса* — «Луга побледнели»; в других — «Лучи побледнели» (как в автографе). Слово в автографе закрепляет общую тенденцию картины — изображение высших сфер: древесных листьев, ветров, лучей, птиц, а не жизни на земле (исключе-

ние — «Цветы отцвели»). При переиздании, как правило, не сохраняют тютчевских тире.

Датируется 1830 г., как и все другие «дорожного цикла», на основании пометы в автографе.

С.Л. Франк предложил философско-эстетическое истолкование стихотворения: «Поразительно стихотворение «Листья», в котором выявлено как бы единство настроения, объемлющего весну и осень: все цветущее и блестящее есть «легкое племя», и с той же беспечностью, радостью, легкостью, с какою оно весною играет с лучами и купается в росе, оно осенью рвется «с докучных ветвей» и жаждет улететь от земли; в этой *отрешенности* увядающего от земли обнаруживается именно его *жизненность*, в противоположность неумирающей, тощей, прикрепленной к одному месту безжизненной зелени сосен и елей. Это сближение осени с весной, перенесение на первую «небесных» черт последней, есть, однако, как бы лишь переход к прославлению подлинной, высшей красоты осени» (*Франк*. С. 27).

АЛЬПЫ

(с. 129)

Автографы (2) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 4 и 3 об.

Первая публикация – *РА*. 1879. Вып. 5. С. 130–131 (с указанием даты — «1830»); тогда же – *ННС*. С. 29. Затем – *Изд. СПб., 1886*. С. 84; *Изд. 1900*. С. 72.

Печатается по второму автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 243.

В карандашном (л. 4) автографе есть правка 7-й строки: есть вариант — «Грозно дремлют великаны» — и вариант: «Дремлют грозны и туманны». Последний вошел и в чернильный автограф. Особенности авторской пунктуации — повторы тире в конце строк 2, 4, 6, 10, 12-й, а также завершение строф 1-й и 2-й восклицательным знаком с многоточием (во второй строфе поставлено пять точек). Эстетический эффект такого оформления текста в общем тот же, что в стих. «Через ливонские я проезжал поля...», «Там, где горы, убегая...», «Листья» (см. *коммент*. С. 385, 442, 391). Тире тяготеют к точке, в то же время они означают «открытость» высказывания, возможность его воображаемого продолжения. В «дорожном цикле» это стихотворение значится под номером «5», ему предшествуют «Листья», за ним следует «Mal'aria».

Датируется 1830 г. на основании указания в автографе.

С.Л. Франк, анализируя «двойственность» мироздания в поэзии Тютчева, говорит: «С особенной выразительностью многообразное, хотя внутренне единое впечатление тьмы изображено в описании Альп ночью...» (*Франк*. С. 19). Он процитировал первую строфу и две первые строчки второй строфы, выделив слова «помертвелые», «ужасом», «властью», «грозны», «падшие цари», «гибельным», и дал следующий комментарий: «В этих стихиях мы имеем, таким образом, два противоположных и враждебных друг другу начала. Но, с другой стороны, — и в этом обнаруживается общая пантеистическая основа этой двойственности — эти начала оба божественны, прекрасны, привлекательны» (с. 27). Эту мысль можно распространить на первые шесть дорожных стихотворений, в которых прекрасное сопровождается грустью, а то и ночным страхом, прозрением ужасов смерти. В ином направлении истолковали стихотворение Н. Аммон (Несколько мыслей о поэзии Тютчева. Журнал Министерства народного просвещения. 1899, июнь. С. 463) и Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 168–169); они обнаружили в нем социально-политический подтекст — «Альпы изображают славянские племена».

MAL'ARIA

(с. 130)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 6 и 3 об.

Первая публикация — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 131; тогда же — *ННС*. С. 31. Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 85; *Изд. 1900*. С. 73

Печатается по второму автографу.

В автографах отсутствует правка, отличаются они лишь знаками препинания, не полностью проставленными в карандашном варианте (л. 6). Особенность авторской пунктуации — та же, что в предыдущих стихотворениях (см. *коммент.* к «Через ливонские я проезжал поля...». С. 390), а именно: повтор тире в конце 2, 6, 7, 12-й строк и завершение обеих строф восклицательным знаком с многоточием. Прописные буквы стоят в словах «Зло», «Смерть», «Судеб», «Земли», что содействует их олицетворению и приводит к возникновению мифологических ассоциаций. Строфы отчеркнуты. «Mal'aria» записано под номером «6», то есть следует сразу после «Альп» и предшествует *стих.* «Сей день, я помню, для меня...». Возможно, нумерация воспроизводит последовательность написания дорожных стихотворений 1830 г. и отражает маршрут поэта: через Альпы — в Рим.

Датируется 1830 г. на основании пометы в автографе, относящейся ко всему этому «циклу».

Н.О. Лернер, а вслед за ним К.В. Пигарев и другие исследователи считают, что стихотворение навеяно описанием окрестностей Рима в романе г-жи Сталь «Коринна, или Италия» (*Лирика I*. С. 353). Л.Н. Толстой отметил его буквой «Т» (Тютчев) (*ТЕ*. С. 145) и подчеркнул слова «и это все есть Смерть!..». Н. Овсянников в рецензии на тютчевский сборник писал: «Сама тамошняя малярия поэтична. Это таинственное зло во всем разлитии — в цветах, ручьях, и в самом небе Рима, — это смерть, идущая к нам навстречу вместе с чудесным запахом роз» («Московские ведомости», 1899, 4 авг. № 212. С. 4). К.Д. Бальмонт заметил: «...Удивительное его стихотворение «Mal'aria», которое справедливо могло бы занять место среди лучших стихотворений в «Les fleurs du Mal» («Цветы зла» — *фр*.), было написано в 1830 году, то есть гораздо раньше, чем Бодлер выступил с такой яркой определительностью» (*Бальмонт*. С. 83). Указав на то, что Тютчев любит Природу в моменты «разногласия и разложения», он продолжает: «Более того: такие состояния Природы, когда основной элемент Вселенной — смерть — просвечивает сквозь все живущее, особенно дорог душе поэта. Он чувствует глубокое художническое волнение перед величественным зрелищем Мировой красоты, возникающей, чтобы исчезнуть. То, что мы называем злом, исполняет Тютчева ощущением художественной красоты — необходимое следствие всякого глубокого проникновения в сложную душу Природы» (там же. С. 87). В качестве примера Бальмонт приводит полностью «Mal'aria» и далее заключает: «Для поэта, посвященного в таинства Природы, ясно, даже очевидно, что в смерти столько же красоты, сколько в том, что мы называем жизнью, но только нам эта красота кажется ужасной. Если бы в смерти не было красоты, смерть не существовала бы в Природе, потому что Природа цельная сущность, а в цельности все гармонично» (там же. С. 88). Таков философско-эстетический комментарий к стихотворению Тютчева. Имея в виду это же стихотворение, В.Я. Брюсов (*Разг*. С. 19) согласился с мыслью о том, что «Mal'aria» предвосхищает эстетику символизма: «Странно было бы отрицать и то, что Тютчев, если не первый, то один из первых в русской поэзии, понял, какую красоту и какой соблазн таят в своей глубине зло, грех и смерть («Злой Дух, ужели ты — непонятый учитель великой красоты?», — писала З. Гиппиус, развивая мысль Тютчева)». Философским комментарием и к этому стихотворению может служить рассуждение С.Л. Франка, связанное со стих. «Альпы» (см. *коммент*. С. 392).

«СЕЙ ДЕНЬ, Я ПОМНЮ, ДЛЯ МЕНЯ...»

(с. 131)

Автографы (2) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5 об. и 3 об.

Первая публикация – *РА*. 1879. Вып. 5. С. 131, с датой «1830», тогда же – *ННС*. С. 30. Затем – *Изд. СПб., 1886*. С. 54; *Изд. 1900*. С. 79.

Печатается по второму автографу.

Карандашный автограф (л. 5 об.) — на листе со стих. «Песок сыпучий по колени...». Чернильный автограф (л. 3 об.) под номером «7» входит в «цикл» стихотворений 1830 г. (см. *коммент*. к стих. «Через ливонские я проезжал поля...». С. 385). Что означает нумерация? Может быть, последовательность написания стихотворений, связанных с дорожными впечатлениями, и тогда «7-е» получается итоговым — в нем изображена встреча после разлуки. Особенность оформления: повтор тире в конце строчки или протяженность последней буквы в строке, что начинает напоминать тире; так написаны слова «меня» (1-я строка), «заря» (5-я строка), «ея» (9-я строка) и явное тире — в конце 6-й строки.

В автографе, написанном чернилами, тире стоит в конце строк 2-й и 4-й, но в 6-й строке вместо тире — восклицательный знак, которым в обоих автографах заканчивается стихотворение. 9-я строка завершается многоточием.

Датируется 1830 г. на основании пометы в автографе. К.В. Пигарев считает, что стихотворение, по-видимому, написано во время пребывания поэта в России, полагая, что Тютчев имеет в виду ту же юношескую «погибшую любовь», что и в стих. «Двум сестрам».

С.Л. Франк обратился к этому стихотворению, разъясняя свою мысль о «космизации души» в поэзии Тютчева: «Любовное признание есть «золотое солнце», исторгающееся из груди девушки» (*Франк*. С. 10. См. также *коммент*. к стих. «Не то, что мните вы, природа...». С. 448). Действительно, оно дополняет ряд тютчевских стихотворений с женским образом, как бы сливающимся с самой природой, выявляющим ее как бы «женскую душу».

«ПОТОК СГУСТИЛСЯ И ТУСКНЕЕТ...»

(с. 132)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 2 об. – 3.

Первая публикация – *Совр*. 1836. Т. III. С. 19 под общим заголовком «Стихотворения, присланные из Германии», под номером XIV, с общей подписью «Ф.Т.». Затем – *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 19; *Изд. 1854*. С. 37; *Изд. 1868*. С. 42; *Изд. СПб., 1886*. С. 98; *Изд. 1900*. С. 95.

Печатается по автографу. На обороте небольшого листа, на котором — «О чем ты воешь, ветр ночной?..» (см. *коммент*. С. 396), строфы отчеркнуты, как обычно у Тютчева (поэт внимателен к ритмической организации стихотворения); в конце строк — повтор тире (в 4, 12, 14-й), в конце стихотворения — восклицательный знак, означающий повышенную эмоциональность, пафосное утверждение бессмертной жизни ключа. Получилось парадоксальное сочетание слова «шепот» с восклицанием, которое следует осознавать не как громкое и внешнее, а скрытое, внутреннее, наполненное позитивным чувством провозглашение. В *Сушк. тетради*, *Муран. альбоме* — списки.

Прижизненные издания слабо сохраняют тютчевские знаки (тире, восклицательный знак в конце стихотворения). Значительно приблизил текст к автографу Г.И. Чулков (см. *Чулков 1935*).

Датируется первой половиной 1830-х гг., как и «О чем ты воешь, ветр ночной...».

С.С. Дудышкин (*Отеч. зап.* С. 70) увидел в стихотворении образец уравновешивания «мысли со своим образом». Критик полностью процитировал его и прокомментировал с теоретико-литературной точки зрения: «Мысль идет здесь вровень с образом: иной сказал бы, что это лишь простое сравнение. В самом деле, поэтическое произведение иногда не идет дальше того, что называется «сравнением». Но всмотритесь в его построение, и вы увидите, что мысль не совлекается совершенно своего покрова, даже там, где хочет прямо говорить вашему уму: «и внятно слышится порой *ключа таинственного шепот*». В этом состоит тайна поэтической прелести. То же самое найдете вы в искрометном «Фонтане» (с. 70). Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «Т» (Тютчев) (*ТЕ*. С. 145).

Глубоко свойственный стихам Тютчева параллелизм природного и человеческого, который С.Л. Франк назвал «космизацией души», проявился в этом стихотворении, как и во многих других («Еще земли печален вид...», «Фонтан», «В душном воздуха молчанье...», «Восток белел. Ладья катилась...» и др.), но оно напоминает и «Silentium!» идеей глубинного, тайного как святого, скрывающегося в душе — образом «чистых ключей», бьющих из душевных глубин; чтобы услышать «шепот» ключа, конечно, следует молчать. Стихотворения сближаются в едином поэтическом переживании.

«О ЧЕМ ТЫ ВОЕШЬ, ВЕТР НОЧНОЙ?..»

(с. 133)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 2.

Первая публикация — *Совр.* 1836. Т. III. С. 18, под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии», № XIII, с общей

подписью «Ф. Т.». Затем — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 15–16; *Изд. 1854*. С. 29; *Изд. 1868*. С. 34; *Изд. СПб., 1886*. С. 135; *Изд. 1900*. С. 99.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 243.

Автограф — на маленьком листе бумаги, почти такого же формата, как тот, на котором «Нет, моего к тебе пристрастья...», хотя почерком более разборчивым. Написано чернилами; на обороте страницы — «Поток сгустился и тускнеет...». В 4-й строке — «То глухо-жалобный, то шумно». В 7-й строке в первом слове буква «р» написана не так, как обычно у Тютчева; она больше напоминает «н», в этом случае получается слово «ноешь». Во второй строфе отсутствуют два будто бы необходимых знака препинания: в 10-й строке после слова «родимый» отсутствует какой-либо знак; в 13-й строке также нет никакого знака, отсюда возникает предположение, что следующая строка могла начинаться не со слова «Он», а с союза «И» («И с беспредельным жаждет слиться»; такой вариант дают списки и *Совр*.). Каждая строфа отчеркнута, особенно жирной чертой — последняя, означающая конец стихотворения.

В *Сушк. тетради* (с. 23) и в *Муран. альбоме* (с. 25) списки: 4-я строка — «то глухо-жалобный, то шумной?»; 7-я строка — «И ноешь и взрываешь в нем»; 14-я — «И с беспредельным жаждет слиться». В *Совр*. 1836 г. дан вариант — «То глухо жалобный, то шумно?», но 7-я — «И роешь, и взрываешь в нем»; в 14-й — «Он с беспредельным жаждет слиться». В *Совр*. 1854 г. 4-я строка — «То глухо-жалобный, то шумной!»; 7-я — «И ноешь, и взрываешь в нем»; 14-я — «И с беспредельным жаждет слиться». Во всех прижизненных изданиях, а также в *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* печатается так же.

Датируется 1830-ми гг.; в начале мая 1836 г. оно было послано И.С. Гагарину.

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквами «Т. Г. К.!» (Тютчев. Глубина. Красота.) (*ТЕ*. С. 146). Основные отклики относятся к концу XIX — началу XX в. В.С. Соловьев уясняет эстетическое значение звуков стихотворной речи: безмолвие не всегда сопровождает эстетическое впечатление, как в картине приближения ночной грозы. «Зато в других явлениях неорганического мира весь жизненный и эстетический их смысл выражается исключительно в одних звуковых впечатлениях. Таковы скорбные вздохи скованного в космической темноте Хаоса» (*Соловьев. Красота*. С. 52). Здесь философ полностью процитировал тютчевское стихотворение. Далее он рассуждает: «Порывы стихийных сил или стихийного бессилия, сами по себе чуждые красоты, порождают ее уже в неорганическом мире, становясь волей или неволей, в различных

аспектах природы, материалом для более или менее ясного и полного выражения всемирной идеи или положительного всеединства». В.Я. Брюсов (см. *Изд. Маркса.* С. XXXVIII–XXXIX), начиная свои объяснения тютчевского хаоса, обратился именно к этому стихотворению и рассмотрел его вместе с такими, как «Ю.Ф. Абазе», «День и ночь», «Видение», «Как океан объемлет шар земной...»; исследователь обнаружил тяготение Тютчева к «древнему, родимому хаосу». Брюсов полагал, что этот хаос представляется поэту исконным началом всякого бытия, из которого вырастает и сама природа. Хаос — сущность, природа — его проявление. Все те минуты в жизни природы, когда «за оболочкой зримой» можно узреть «ее самое», ее темную сущность, Тютчеву дороги и желанны. «И, прислушиваясь к сетованиям ночного ветра, к его песням «про древний хаос, про родимый», сознавался Тютчев, что его ночная душа *жадно* «внимает повести *любимой*...». Но подсмотреть хаос можно не только во внешней природе, но и в глубине человеческой души».

Д.С. Мережковский полагал, что этот тютчевский образ особенно проникновенно постигнут Н.А. Некрасовым: «Недаром услышал Некрасов у Тютчева эти звуки ветра осеннего: ведь его же собственная песнь родилась из той же музыки: «Если пасмурен день, если ночь не светла, / Если ветер осенний бушует...». Из той же музыки ветра ночного: «О чем ты ноешь, ветр ночной, / О чем так сетуешь безумно?» Для Некрасова — о муке рабства, о воле человеческой; для Тютчева — тоже о воле, но иной, нечеловеческой — о «древнем хаосе» (*Мережковский.* С. 5–6). И далее в своей брошюре автор снова обратился к этому же стихотворению и процитировал четыре стиха («Понятным сердцу языком» и т. д.), размышляя о соотношении сознательного и бессознательного начал в творчестве Тютчева: «Сквозь него, человека, как сквозь рупор, говорят стихии нечеловеческие... Понятное о непонятном, сознательное о бессознательном — в этом вся поэзия Тютчева, вся поэзия нашей современности: красота Ведения, Гнозиса» (с. 10). С.Л. Франк процитировал вторую строфу стихотворения, объясняя сущность тютчевского пантеизма: слияние личного сознания с всеединым и в то же время ощущение двойственности мироздания. «Почему ужас объемлет душу именно тогда, когда душа жаждет слиться с беспредельным, и это слияние ощущается, как погружение души в темный хаос?» (*Франк.* С. 18). Отвечая на вопрос, он указывает на раздвоение самого всеединства, в котором таятся светлая и темная стихии (см. также *коммент.* к стих. «Весна». С. 466; «Тени сизые смесились...». С. 436).

В приведенных отзывах определен контекст стихотворений Тютчева. Но сам поэт связал его со стих. «Поток сгустился и тускнеет...»; действительно, они объединяются образом-мотивом темноты, психологическим параллелизмом в образном рисунке двух строф, идеей тайного, скрытого, тягостного, что прорывается наружу, как в космическом бытии, так и в человеческой душе.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

(с. 134)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 4.

Первая публикация – *Телескоп*. 1832. Ч. X. № 13. С. 22–23, с подписью «Ф. Тютчев». Затем – *Совр*. 1836. Т. III. С. 6, под общим заглавием «Стихотворения, присланные из Германии», под № «II», с общей подписью «Ф.Т.». Затем – *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 5; *Изд. 1854*. С. 5; *Изд. 1868*. С. 8; *Изд. СПб., 1886*. С. 5; *Изд. 1900*. С. 25.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 244.

Автограф – на обороте листа со стих. «Как над горячею золой...». Специфические авторские знаки препинания – тире в конце 2, 4, 12-й строк, в то же время в конце последней строки есть черточка, напоминающая восклицательный знак. Начало третьей строфы поэт стал оформлять как прямую речь, поставив кавычки в начале фразы «Весна идет...», но не завершив ни строки, ни строфы таким оформлением; в печатных текстах эти кавычки в третьей строфе часто не сохраняются, и она прочитывается как слова автора, а не «гонцов» – водных потоков. Только лишь в *Изд. 1900* 9-я строка включена в прямую речь. Во второй строфе, в речи «гонцов», слова «Весна» и «Гонцов» написаны с прописной буквы: «Мы молодой Весны Гонцы». Однако в предыдущей строчке второе слово «весна» написано со строчной буквы, так же как и в 9-й строке (в ее середине).

В первой публикации 6-я строка – «Весна пришла, весна идет!». Прямая речь «гонцов», начавшись в 6-й строке, продолжена в третьей строфе, и кавычки, обозначающие конец прямой речи, завершают стих.: «Толпится весело за ней...». Такое понимание синтаксической структуры сохраняется в *Изд. 1987*. Расхождения в печатном оформлении связаны с попытками сохранить хотя бы отчасти тютчевские тире или заменить этот знак многоточием. В пушкинском *Совр.* тире стоят в конце 1, 4, 9 и 12-й строк (здесь стоит восклицательный знак и тире). В *Изд. 1854* и *Изд. СПб., 1886* сохранились тире в 4-й строке, но в *Совр*. 1854 г. в этом месте стоит многоточие. В *Изд. 1900* стихотворение заканчивалось восклицательным знаком.

Чулков I — сохраняет тире во 2-й и 4-й строках, *Лирика I* — только во 2-й, а в 4-й — многоточие.

Датировать, по-видимому, можно не позднее 1830 г., так как автограф на листе, оторванном от того, где стих. «Цицерон».

Н.А. Некрасов восхищался стихотворением, давая ему эстетико-психологический комментарий: «Сколько жизни, веселости, весенней свежести в трех подчеркнутых нами стихах! Читая их, чувствуешь весну, когда сам не знаешь, почему делается весело и легко на душе, как будто несколько лет свалилось долой с плеч, — когда любуешься и едва показавшейся травкой и только что распускающимся деревом, и бежишь, бежишь, как ребенок, полной грудью впивая живительный воздух и забывая, что бежать совсем неприлично, не по летам, а следует идти степенно, и что радоваться тоже совсем нечего и нечему...» (*Некрасов*. С. 208–209). Он называл «Весенние воды» «одною из лучших картин, написанных пером» Тютчева, особенно выделяя вторую строфу, слова «гонцов». П.К. Щебальский в рецензии на сб. стих. Тютчева 1868 г. (см. *РВ*. 1868. Т. 77. № 9. С. 360–361) писал об относительности выделения в литературе «реализма» и «идеализма», и то и другое он обнаруживал в естественном развитии человека от молодости, тяготеющей к идеализму, к зрелости и реализму. Подобное критик обнаруживает в литературной деятельности Пушкина и Тютчева, сближая двух поэтов в этом отношении. Полностью процитировав «Весенние воды», он прокомментировал: «Очевидно, в этом блестящем стихотворении, в этом страстном приветствии молодой души, исполненной внутренней весны, приближающейся весне природы, нет ничего, кроме какого-то радостного клича, а следовательно, никакого признака реализма. Но зато какой душистый посев поэзии, какой свежий, искренний лиризм! Не прикажут ли наши критики отказаться от подобных литературных бриллиантов, потому что они не подходят под их понятия? Конечно, поэт мог бы при этом заметить, что с весной для крестьянина наступает пора тяжелых работ, что лошаденки его тощи, что хлебушка у него становится мало, что барин его (кстати припомнить и крепостное право) строг и сам обходит поля, когда их поднимают по весне: это был бы реализм, но была ли бы во всем этом поэзия и прелесть, — это еще вопрос» (там же. С. 364).

«Весенние воды» — второй тютчевский шедевр о весне; вот длинный ряд его стихотворений о ней: «Весенняя гроза», «Весенние воды», «Весеннее успокоение», «Зима недаром злится...», «Нет, моего к тебе пристрастья...», «Еще земли печален вид...», «Весна». К ним примыкают «Могила Наполеона», «Я помню время золотое...», «Не то, что мните вы, природа...» и весенние стихотворения 1850–1860-х гг. «Весенний цикл» — центральный в лирике природы Тютчева, в нем ярче

всего выражено его приятие бытия. Рассматриваемое стихотворение своим народно-мифологическим подтекстом ближе всего к стих. «Зима недаром злится...»: ведет хоровод та самая румяная дева-Весна, которая с хохотом выгнала злую ведьму Зиму.

«В ДУШНОМ ВОЗДУХА МОЛЧАНЬЕ...»

(с. 135)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 1–1 об.

Первая публикация — *Совр.* 1836. Т. IV. С. 32, под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии», с общей подписью «Ф.Т.», стихотворение стоит под № XVI. Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 14; *Изд. 1854*. С. 24; *Изд. 1868*. С. 28; *Изд. СПб., 1886*. С. 30; *Изд. 1900*. С. 100.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 244.

Первая публикация отличается от автографа. 4-я строка в нем — «Резче голос стрекозы» (в печатном тексте — «Звонче голос стрекозы»); неизвестно, кому принадлежит правка, но вариант автографа самобытней. 9-я строка — «Некий жизни преизбыток»; первоначально акцентировалось в строке качество жизни, ее странность, и слово «некий» оказалось на первом месте. Весьма характерна тютчевская пунктуация: строфы 1, 2, 3-я заканчиваются многоточиями, 4-я, по-видимому и 5-я, а также и 6-я завершаются вопросительным знаком с многоточиями. Вообще в стихотворении много художественной недосказанности, подчеркнуто выраженной многоточиями; этот знак стоит в конце строк 4, 6, 8, 12, 14-й (здесь вопрос и многоточие), 16-й (вопрос и многоточие), 18-й (вопрос и многоточие), 20-й (вопрос и многоточие), 22-й, 24-й (вопрос и многоточие). Строфы и даже отдельные строки обладают эмоциональной и смысловой открытостью. Слова «Роз», «Гром», «Дева», «Слезы», «Грозы» в автографе написаны с прописной буквы, они выделяются в тексте как особо значимые.

На маленьких листах бумаги написаны и пронумерованы следующие стихотворения: 1. «В душном воздуха молчанье...», 2. «Что ты клонишь над водами...», 3. «Вечер мглистый и ненастный...», 4. «И гроб опущен уж в могилу...», 5. «Восток белел... Ладья катилась...», 6. «Как птичка, с раннею весной...». Стихотворения этого, условно говоря, «цикла» запечатлели не только какие-то связи, подобия, параллели, но и взаимоотталкивания природного и человеческого, единство и противоречия бытия.

В процессе переиздания стихотворение подвергалось правке. Вариант «В душном воздуха молчанье» — только в *Совр.* 1836 г.; в

остальных — другой вариант: «В душном воздухе молчанье...», что делает образ более неясным, как бы отчужденным от природы: чье-то молчанье в воздухе. В поэтической системе Тютчева повторяются и слово «молчанье» и самый образ молчащей природы и человека, погруженного в молчание («Silentium!», «Но твой, природа, мир о днях былых молчит...» — «Через Ливонские я проезжал поля...», «Есть некий час в ночи всемирного молчанья...» — «Видение», «Кто без тоски внимал из нас, / Среди всемирного молчанья...» — «Бессонница», «Затих повсюду шум и гам, / И воцарилося молчанье...» — «Еще шумел веселый день...» и т. д.). 4-я строка в изданиях XIX в. — «Звонче голос стрекозы», но в изд. *Чулков I* — вариант по автографу («Резче голос стрекозы»), в *Лирике I* — «Звонче голос стрекозы», в *Изд. 1987* г. — «Резче». 5-я строка в пушкинском *Совр.* — «Чу! за белой, дымной тучей»; в других указанных изданиях XIX в. — «Чу! за белой, душной тучей», но в *Изд. 1900* — «за дымной», в *Изд. Маркса* — «душной», в *Лирике I* — «дымной». 6-я строка в пушкинском *Совр.* — «Глухо прокатился гром», но в следующих изд. XIX в. — «Прокатился глухо гром», однако в *Изд. 1900* — вариант автографа («Глухо прокатился гром»), в дальнейшем — так же. 8-я строка в изд. XIX в. — «Жизни некий преизбыток», но в *Изд. 1900* — «Некий жизни преизбыток» (вариант автографа), так и в изд. *Чулков I* и в *Изд. 1987*, но в *Лирике I* — «Жизни некий преизбыток». Варианты автографа самобытны, но варианты пушкинского *Совр.* художественнее и в то же время ближе к автографу, нежели другие издания.

Датируется 1830-ми гг.; в начале мая 1836 г. было послано Тютчевым И.С. Гагарину.

Н.А. Некрасов увидел в этом стихотворении «смешанное содержание», как и в других — «Через ливонские я проезжал поля», «О чем ты воешь, ветр ночной», «Душа хотела б быть звездой», «Так здесь-то суждено нам было...» (*Некрасов*. С. 218). Он обобщил свое мнение о них: «Во всех этих стихотворениях есть или удачная мысль, или чувство, или картина, и все они выражены поэтически, как умеют выражаться только люди даровитые» (с. 220). В.Я. Брюсов (см. *Изд. Маркса*. С. XLIV) считал стихотворение образцом тютчевского проведения полной параллели между явлениями природы и состояниями души: «В стихах Тютчева граница между тем и другим как бы стирается, исчезает, одно неприметно переходит в другое. Нигде не сказалось это так ясно, как в стихотворении «В душном воздухе молчанье», где предчувствие грозы, томление природы, насыщенной электричеством, так странно гармонирует с непонятным волнением девы, у которой «мутнится и тоскует» «влажный блеск очей». Брюсов находит подобное использование приема в

стих. «Слезы людские, о, слезы людские», «Дума за думой, волна за волной...» и менее тонко, более резко проведена параллель, с его точки зрения, в стихотворении «Фонтан». Близкую мысль высказывает и С.Л. Франк. Философ процитировал фрагмент последней строфы для доказательства идеи «космизации души», увиденной поэтом: «Страстное томление девушки есть рождающееся в ней сгущение атмосферы перед грозой, и слезы, выступившие на ее ресницы — «капли дождевые зачинающей грозы» (*Франк*. С. 10. См. также *коммент*. к стих. «Не то, что мните вы, природа...». С. 448).

Развивая мысли Брюсова и Франка, следует отметить, что проведение параллели между природой и человеком, замеченный поэтом процесс «космизации души» осуществляется при создании женского образа, что придает особый оттенок поэтической и философской мысли поэта. По этой линии стихотворение включается в ряд таких, как «Cache-cache», «Сей день, я помню, для меня...», «Двум сестрам», «Весенние воды», «Осенний вечер», «Что ты клонишь над водами...», «Я помню время золотое...»; в них женский, девичий образ сливается как бы с самой природой, несет в себе свойства то раннего утра, то весны, то кроткой осени, и поэт навевает мысль о женственной первооснове мира, то, что увидел в стихах Тютчева А.А. Блок. В дневниковых записях 1902 г. он цитировал фрагменты этого стихотворения (17-ю и 18-ю строки и 6-ю строфу целиком), говоря об особом компоненте поэзии Тютчева — «женской душе» его стихов. В связи с цитируемым стихотворением он заметил: «Вот она, опять страстная, но уже всюду царящая, — она объемлет и деву и природу» (*Блок*. Т. 7. С. 33).

«ЧТО ТЫ КЛОНИШЬ НАД ВОДАМИ...»

(с. 136)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 2.

Первая публикация — *Совр*. 1836. Т. IV. С. 34 под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии», под номером XVII, с общей подписью «Ф. Т.». Затем — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 5–6; *Изд. 1854*. С. 7; *Изд. 1868*. С. 10; *Изд. СПб., 1886*. С. 102; *Изд. 1900*. С. 102.

Печатается по автографу.

Записано в автографе под цифрой 2; под цифрой 1 — «В душном воздуха молчанье...» (см. *коммент*. С. 401). Характерная особенность синтаксического оформления текста — частое использование многоточий; 2-я строка заканчивается восклицательным знаком и дополнительной точкой, как бы незавершенным многоточием; 5-я —

вопросительным знаком и многоточием (четырьмя точками), 7-я — многоточием (здесь снова четыре точки), 10-я — многоточием (пятью точками). Это обилие точек в конце строк могло ассоциироваться в поэтическом сознании автора с бегущей струей, движением поэтической эмоции; это и знак недосказанности, широкого внетекста, простора для читательского воображения. В написании стихотворения заметно стремление начинать с прописной буквы слова «Макушку», «Струю», «Струей», «Солнце», «Смеется». Прописные буквы в словах, обозначивших главных персонажей сценки, намекают на аллегорический подтекст образов (мотив девичьей обиды), создают мифологическую подоснову картинки.

В списке *Муран. альбома* (с. 6) многоточия не воспроизведены, в конце 2-й строки — запятая, в 5-й — только вопросительный знак, в 7-й — запятая, в 10-й — точка. Прописных букв нет.

История публикаций свидетельствует о стремлении приблизиться к автографу в передаче знаков препинания, отражающих движение тютчевского поэтического чувства. Ближе всего к автографу в этом отношении *Лирика I*.

Датируется, как и стих. «В душном воздуха молчанье...», 1830-ми гг.

Н.А. Некрасов отмечал: «Ничего не прибавляем в похвалу этому стихотворению. Заметим только одно, что, несмотря на всю разность содержания, оно напомнило нам стихотворение Лермонтова «Белеет парус одинокий», которому оно, по нашему мнению, нисколько не уступает по своему достоинству» (*Некрасов*. С. 208). Он обратил внимание на чувство неудовлетворенности, стремление к чему-то, поиск, связанный с образом движущейся воды. Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквами «К. Т.» (Красота. Тютчев) (*ТЕ*. С. 145).

«ВЕЧЕР МГЛИСТЫЙ И НЕНАСТНЫЙ...»

(с. 137)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 2 об.

Первая публикация — *Совр*. 1836. Т. IV. С. 35, под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии», под № XVIII и подписью «Ф.Т.». Затем — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 25–26; *Изд. 1854*. С. 50; *Изд. 1868*. С. 57; *Изд. СПб., 1886*. С. 72; *Изд. 1900*. С. 109.

Печатается по автографу.

Входит в «цикл», пронумерованный поэтом (см. *коммент*. к стих. «В душном воздуха молчанье...». С. 401), под номером 3. В синтаксическом оформлении особенность, характерная для Тютчева, — повтор многоточий в конце строк (1, 2, 8-й). С пропис-

ной буквы написаны слова «Жаворонка», «Глас», «Утра», «Смех». В оформлении заметны оттенки тютчевской эстетической эмоции. Многоточия — это паузы, остановки-прислушивания, это бессловесная тишина, позволяющая уловить странности в природе, в ее звуках. В то же время многоточия в конце строк — обычный для Тютчева эффект недоговоренности, недовыраженности душевного потрясения. Прописные буквы в некоторых существительных намекают на символико-аллегорический подтекст зарисовки — как бы увеличение смысла происходящего, его, может быть, мифологической природы.

В списке *Муран. альбома* (с. 79) изменен характерный синтаксис: многоточия отсутствуют, в конце 2, 4, 6-й строк — вопросительный знак, в конце — восклицание. В названных выше словах прописные буквы заменены на строчные.

Датируется 1830-ми гг.; послано Тютчевым И.С. Гагарину в начале мая 1836 г.

Различия в печатном оформлении: во второй строке «Чу,» — в первых трех изданиях, но в последующих другой вариант — «Чу!». 4-я строка заканчивается запятой в *Изд.* 1854, но вопросительным знаком в первом издании, в *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886, Изд. 1900.* Как правило, стихотворение не разделено на строфы, но в *Изд. СПб., 1886* это проделано. В современных изданиях деления на строфы нет, тютчевские многоточия сохраняются.

Стихотворение можно сближать с «Безумием», обнаруживая в том и другом поэтическое переживание природных аномалий: «улыбка» безумия и «смех» жаворонка в ненастный вечер пугают своей ненормальностью. Знаки «безумия» в природе, видимо, какие-то особые вторжения хаоса в космос.

«И ГРОБ ОПУЩЕН УЖ В МОГИЛУ...»

(с. 138)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 3–3 об.

Первая публикация — *Совр.* 1836. Т. IV. С. 36, под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии», № XIX, с общей подписью — «Ф.Т.». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 10–11; *Изд. 1854.* С. 18; *Изд. 1868.* С. 21; *Изд. СПб., 1886.* С. 120; *Изд. 1900.* С. 105.

Печатается по автографу.

В группе стихотворений, пронумерованных в автографе (см. *коммент.* к стих. «В душном воздуха молчанье...». С. 401), обозначено цифрой 4. Написано на маленьких листах бумаги, как и все эти стихотворения: по две строфы на странице. Многоточия состоят из

четырех, пяти и даже шести точек. Художественная эмоция не прерывается, и паузы-многоточия открывают перспективу в недосказанное, которое касается как внешних обстоятельств человеческого и природного бытия (строки 2, 12, 14, 16-я), так и внутренних — духовной жизни (строки 4, 8, 10-я), хотя, конечно, внешнее и внутреннее не строго разделены.

Датируется 1830-ми гг.; послано Тютчевым И.С. Гагарину в начале мая 1836 г.

В *Сушк. тетради* (с. 14–15) и в *Муран. альбоме* (с. 15–16) — списки. Нумерация стихотворений автографа здесь не соблюдается. Стихотворению предшествует «С какою негою, с какой тоской влюбленной...», а последующим оказывается «Итальянская Вилла». В *Совр.* 1854 г. и в следующих прижизненных изданиях, а также в *Изд. СПб., 1886* в 7-й строке — «ученый пастырь», но в первом изд. и в *Изд. 1900* и в последующих — «ученый пастор».

Первый печатный отзыв о стихотворении — Н.А. Некрасова; он выделил стих. «И гроб опущен уж в могилу...», «Итальянская villa» в особый раздел, отличительным признаком которого является «едва заметный оттенок иронии», напоминающий поэзию Гейне (*Некрасов*. С. 213–215). Критик заключил рассмотрение словами: «Поэтическое достоинство приведенных нами стихотворений несомненно: оно не утратилось в десять с лишком лет — это лучшая похвала им». Но у рецензента из *Отеч. зап.* (с. 61) в отличие от Некрасова, указавшего на иронический оттенок, другой ракурс восприятия текста: «Самая мысль о смерти не возмущает ясности взгляда и разрешает гармонию». Критический аспект восприятия у рецензента из *Пантеона*. Отказываясь от общей оценки, он лишь указал на стилистическую, как ему кажется, неудачу: «Вещает бренность человечью» (*Пантеон*. С. 6). Л.Н. Толстой отметил это стихотворение буквами «Т.К.» (Тютчев. Красота) (*ТЕ*. С. 145). В.И. Алексеев вспоминал о пристрастии Толстого к этому стихотворению, выделенному в сборнике произведений Тютчева: «Особенно хвалил и часто декламировал два из них — «И гроб опущен уж в могилу...» и «Silentium!» (*Толстой в восп.* Т. 1. С. 229). С.Л. Франк так прокомментировал стихотворение: «Нетленно-чистое небо», которое в стих. «И гроб опущен уж в могилу...» противопоставляется и бренной жизни, и столь же бренным умным речам о религии, есть *тоже* природа, и именно чистейшая природа. В силу этого единства, небесная, горняя стихия, удаленная от земли и противоположная ей, есть все же не какое-либо обособленное от бытия начало, а именно стихия, органически проникающая собою все бытие, а следовательно, *доступная и на земле*» (*Франк*. С. 24). Стихотворение рассмотрено в

связи с «Над виноградными холмами...» (см. *коммент.* С. 415). Франк выделил в этих произведениях идею восхождения к небу как к святому храму.

«ВОСТОК БЕЛЕЛ... ЛАДЬЯ КАТИЛАСЬ...»

(с. 139)

Автографы (3) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1. Ед. хр. 20. Л. 4–4 об. и в РНБ (*Собр. М.П. Погодина.* № 463).

Первая публикация — *Совр.* 1836. Т. IV. С. 37, № XX, под общим заголовком «Стихотворения, присланные из Германии», с подписью «Ф.Т.». Затем — *Москв.* 1850. Ч. IV. № 13. С. 5; *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 19; *Изд. 1854.* С. 36; *Изд. 1868.* С. 41; *Изд. СПб., 1886.* С. 48; *Изд. 1900.* С. 98.

Печатается по второму автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 245.

В первом автографе зачин строф первоначально не содержал строго последовательного нарастания красок: «Восток светлел...»; «Восток горел...»; «Вдруг вспыхнул день...»; впоследствии Тютчев усилил живописный момент зарисовки. Главный синтаксический знак, с помощью которого поэт оформляет стихотворение, — тире. Оно стоит в середине каждой первой строки в строфе (1, 5, 9-й), а также в конце 2, 4, 6, 8, 9-й; в конце стихотворения, от последней буквы слова «огневые» идет длинная черта, как бы удлиненное тире. Точек в стихотворении нет.

Но в другом автографе — более строгий ритм красок в зачинах: «Восток белел...»; «Восток алел...»; «Восток вспылал...». Оформлено с помощью заменяющих тире многоточий, которые стоят в середине 1, 5, 9-й строк, а также в конце 2, 4, 8, 9, 12-й строк. Точек и здесь нет, вместо них — многоточия, запятые и тире.

В *Сушк. тетради* (с. 79) и в *Муран. альбоме* (с. 89) — списки. Здесь первая строка — «Восток белел...», 5-я — «Восток алел...»; 9-я «Восток вспылал...». В 8-й строке — «Во взоре» (единственное число); тютчевские знаки не сохраняются.

Во всех указанных изданиях 6-я строка — «С кудрей откинув покрывало», также и в изд. *Чулков I.* Но в *Лирике I* — вариант погодинского автографа — «С чела откинув покрывало». В пушкинском *Совр.* 8-я строка — «Во взоре небо ликовало», в других изданиях здесь множественное число — «Во взорах». Во всех изданиях XIX в. многоточием заканчиваются первые предложения каждой из трех строф: «Восток белел...», «Восток алел...», «Восток вспылал...», а также 8-я и 12-я строки: «Во взорах небо ликовало...», «Струились капли огневые...»

Судя по почерку, стих. можно датировать 1830-ми гг.; оно было послано И.С. Гагарину в начале мая 1836 г.

Развивая мысль о связях поэтического опыта Тютчева с романтической поэзией начала XIX в., С.С. Дудышкин отмечал: «Это было тогда какое-то общее гармоническое настроение в литературе, от которого доносятся до нас разве из старого времени некоторые затерявшиеся звуки, вроде следующих (здесь полное цитирование стих. – *В.К.*) <...> Потревожьте немного память своего слуха, и вы почувствуете, что поэт возобновляет вам даже знакомые образы и соединенную с ними прелесть. Как там (в стих. «Над виноградными холмами...». – *В.К.*) видели вы взор, подъемлющийся с долины и постепенно восходящий к высотам до горнего жилища, где слышна лишь жизнь природы, так здесь встречаете вы, может быть, еще более знакомое вам «ветрило», откинутое с кудрей «покрывало», «алеющий восток», «ликующее небо», и еще многое за ними, что не совсем легко сказывается словом, но что лучше узнается памятью чувства» (*Отеч. зап.* С. 59). В словах рецензента можно видеть напоминания уже не только образов поэзии В.А. Жуковского, но и А.С. Пушкина, К.Н. Батюшкова, то есть лучших поэтов первой трети XIX в., к художественному опыту которых рецензент возводит стихи Тютчева. Критически настроенный к стихам Тютчева рецензент из *Пантеона* (с. 6) в числе неудачных образов называет – «во взорах *небо ликовало*». Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 37), видимо, также неудовлетворенный смелой метафоричностью образов Тютчева, одобрил «кем-то» сделанные карандашные поправки в тексте стихов: «шея» вместо «выя», «брызги, пламенея» вместо «капли огневые». С.Л. Франку очень нравилось это стихотворение: «С особой яркостью безмятежность, «небесность» утра противопоставляется пламенной мятежности дня в изумительном стихотворении «Восток белел», и философ полностью процитировал его, выделив слова «весело», «небо», «алел», «молилась», «вспылал», «поникла», «огневые». Отзыв об этом стихотворении привел философа к посланию «N. N.», к мыслям о страстной и порочной любви (*Франк*. С. 25).

Рецензент из *Отеч. зап.* (С.С. Дудышкин) выделил внешние приметы образа девы и общий природный фон стихотворения; такие, все же поверхностные наблюдения над тютчевским образом могли вести критика к поэзии конца XVIII – начала XIX в. Но той поэзии, сентиментально-романтической, не была свойственна столь резко выраженная «космизация» человеческой души, отмеченная Франком: в этом стихотворении он усмотрел не столько идею слияния девичьей души с природой, сколько противопоставление невинности утра и знойной страстности дня. Однако здесь скорее тенденция к этой антиномии, нежели ее очевидность. И образ

молящейся женщины с очами, устремленными к небу, значительно отличается от N.N. упомянутого стихотворения. Рассматриваемое произведение продолжило серию стихов о светлом небе, об утре, о пробуждении новых чувств — «Проблеск», «Утро в горах», «Сей день, я помню, для меня...», «Еще земли печален вид...».

«КАК ПТИЧКА, РАННЕЮ ЗАРЕЙ...»

(с. 140)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 5–5 об.

Первая публикация — *Совр.* 1836. Т. IV. С. 38–39, № XXI. Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 12–13; *Изд. 1854.* С. 22; *Изд. 1868.* С. 25; *Изд. СПб., 1886.* С. 64–65; *Изд. 1900.* С. 36–37.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 245.

В автографе первая строчка — «Как птичка, с раннею зарей», в 11-й строке — слово «крики» написано ясно и четко, в 15-й строке — «О ночь, ночь, где твои покровы» (слова и выражения, по-разному прочитываемые издателями). Строфы отчеркнуты, каждая из них заканчивается восклицательным знаком с многоточием, что передает обычную для поэта взволнованность и невозможность договоренности и полного самовыражения. Восклицательные знаки в автографе стоят и внутри строф в конце 8, 14, 16, 20, 24-й строк, а в конце 2, 4, 12-й — многоточия. Эти знаки автографа восстановлены. Но строчка «Сон благодатный не коснулся» заканчивается в автографе многоточием без восклицательного знака, здесь скорее приглушенное огорчение и недосказанность о содержании бессонницы. Также и в 12-й строке скорее раздумье, длительность отрицательного переживания, переданные многоточием, но не подъем эмоции в восклицании. И в конце 18-й строки в автографе стоит запятая, означающая причастный оборот, относящийся к обращению, но не конец предложения, который в 20-й строке. Эти знаки автографа также восстановлены.

Датируется 1830-ми гг.; было послано Тютчевым И.С. Гагарину в начале мая 1836 г.,

В *Муран. альбоме* (с. 19–20) 1-я строка — «Как птичка, раннею зарей», в 11-й — слово «клики», 15-я — «О ночь, ночь, где твои покровы». Стихотворению предшествует «Silentium!», последует «Как над горячею золой...».

Во всех приведенных изданиях, кроме пушкинского *Совр.*, 11-я строка — «Сей шум, движенье, говор, клики», 15-я — «Ночь, ночь! о, где твои покровы». Остальные издания отличаются лишь характером прочтения второй строфы: в изданиях 1850-х гг. здесь отмечена

восклицательная интонация и поставлен в конце строфы восклицательный знак, в *Изд. 1868; Изд. СПб., 1886; Изд. 1900* стоит знак вопроса и многоточие.

Н.А. Некрасов, отозвавшись о стих. «Итальянская villa» и «Silentium!», отдал предпочтение рассматриваемому: «По глубине мысли и прекрасному ее изложению, лучше двух предыдущих. <...> Грустная мысль, составляющая ее содержание, к сожалению, сознается не всеми «пережившими свой век» с таким благородным самоотвержением...» (*Некрасов*. С. 216). Нечто подобное он усмотрел лишь в некоторых стихах П.А. Вяземского. С.С. Дудышкин отмечал, что Тютчев — «поэт вполне современный нам, хотя и кажется запоздалым гостем в литературе. Между занимающими его мыслями есть много таких, которые могут прийти в голову только современному человеку» (*Отеч. зап*. С. 70–71). Рецензент полагал, что если сама мысль не нова, но поэтически она выражена впервые, притом «метко» и «оригинально». Цитируя полностью стихотворение, Дудышкин выделил строки, особенно понравившиеся ему: «Ночь, ночь! о, где твои покровы, / Твой тихий сумрак и роса!..» и еще: «С изнеможением в кости, / Навстречу солнцу и движенью / За новым племенем брести!». Рецензент уточнил при этом: «Мы отличаем среди хорошего то, что как бы прямо отрывается от сердца или в чем всего слышнее звучит поэтическая струна, попавшая на истинный тон... Не знаем, как кому, но для нас это слово «идти навстречу солнцу и движенью с изнеможением в кости» принадлежит к числу самых метких слов, какие когда-либо говорила наша поэзия: оно не умрет в ней, пока сохранится любовь к изящному и истинный вкус». Но критик из *Пантеона* (с. 6) не одобрил выражения «изнеможение *в кости*» и отнес его к неудачам поэта.

С иных позиций рассмотрел стихотворение Д.С. Мережковский. Его интересует личность поэта и некоторые особенности его онтологических взглядов; он находит в стихотворении отражение и внешних портретных деталей («Хоть свежесть утренняя веет / В моих всклокоченных власах...» (*Мережковский*. С. 65), и внутренних: «Как будто родился стариком и никогда не был молод» (там же. С. 67). Он усмотрел в настроениях, выраженных и в этом стихотворении, «русское барство» Тютчева и «растлевающую негу рабства». Критик выводит глубинно-программные идеи из неприязненных восклицаний поэта: «О, как лучи его багровы, / Как жгут они мои глаза!» и отмечает, что у Тютчева «светобоязнь», так как «в свете все тайное делается явным. Но этого-то он и боится. Свет славы жжет ему глаза» (с. 69). С.Л. Франк дал иное объяснение этого стихотворения (*Франк*. С. 22). Анализируя «дуалистический пантеизм» Тютчева, он замечает у него «сближение» противоположнос-

тей или даже «смену мест»: день приобретает как бы свойства ночи — «злые», «мятежные», «страшные», не ясные, а какие-то «мглистые». Наибольшей остроты это чувство достигает в строках: «О, как пронзительны и дики...». Далее процитирована вся строфа. Франк считает созданный здесь образ лишь мнимо противоречащим прежнему (в стихотворениях «Весна», «День и ночь») образу дня. Исследователь Тютчева находит в процитированной строфе новое направление космического чувства, идущего по другому направлению. Основными символами этой новой двойственности служат уже вообще не день и ночь, а «тишина, успокоение, прохлада» и «зной, шум, мятежность». Однако можно заметить еще одно направление поэтического чувства Тютчева — противопоставление «вчера» и «сегодня», сегодняшнего раннего утра и вчерашнего «праха», которые получают социальные ассоциации — со старым и молодым поколениями. Не то тягостно, что приходится «брести» «навстречу солнцу и движенью», а то, что человек ощущает себя «полусонной тенью», «обломком старых поколений»; здесь скорее поэтическая самокритика, столь свойственная Тютчеву.

К***

(«Уста с улыбкою приветной...»)

(с. 141)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Пантеон дружбы*. 1834. С. 246, подписано «Т-въ», цензурная помета — 17 апреля 1833 г. В прижизненные издания не входило.

Печатается по первой публикации.

В *Изд. Маркса* включено с комментарием: «Принадлежность Тютчеву этой пьесы указана составителю этих примечаний Н.В. Гербелем, который, предполагая составить библиографический указатель сочинений Тютчева, сносился с поэтом по поводу этого стихотворения в 1865 году» (с. 617). Существенных различий в изданиях XX в. нет, однако в *Изд. Маркса* (с. 38) и *Чулков I* (с. 205) печатается с выделением строф-четырехстиший, в первом издании и в *Лирике II* (с. 106) было опубликовано как единое стихотворение в виде восьмистишия.

Датируется на основании цензурной пометы — не позднее апреля 1833 г. Г.И. Чулков в помете к нему датировал его началом 1830-х гг.

Женский портрет, нарисованный в стихотворении, характерно тютчевский, составленный из поэтических деталей — изображения особого «взора», «улыбки», «румянца» как выразителей

влюбленности и обещания «наслаждения» (ср. «Твой милый взор, невинной страсти полный...» — «К Н.»; «Сей день, я помню, для меня...»; «Люблю глаза твои, мой друг...»; «Вновь твои я вижу очи...»; «С какою негою, с какой тоской влюбленной...» и *др.*). Однако до сих пор авторство Тютчева не всеми признано (см. *Летопись 1999*. С. 123).

«ДУША МОЯ, ЭЛИЗИУМ ТЕНЕЙ...»

(с. 142)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1 об.

Первая публикация — *Совр.* 1836. Т. IV. С. 41, под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии», под номером XXIII, с подписью «Ф. Т.». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 14–15; *Изд. 1854*. С. 26; *Изд. 1868*. С. 30; *Изд. СПб., 1886*. С. 114; *Изд. 1900*. С. 110.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 246.

В автографе в 1-й и 5-й строках после слов «Душа моя» стоит запятая, в конце второй строки — запятая, в конце 4-й и 6-й — восклицательный знак, 7-й — запятая, в конце стихотворения — вопросительный знак и многоточие. Строфы отделены интервалом, но без отчеркивания. В конце стихотворения — длинная линия, отделившая его от следующего — («из Гейне») «В которую из двух влюбиться...». Слово «Элизиум» написано с прописной буквы, также и некоторые другие существительные и местоимения — «Горю», «Вами», «Призраки». Третья строка — «Ни помыслам годины буйной сей»; в конце 1, 3, 5-й отсутствуют какие-либо знаки; думается, что поэт не завершил синтаксическое оформление. На обороте — «Я помню время золотое...», на следующем листе — «На древе человечества...», «Как дочь родную на закланье...».

Датируется 1830-ми гг.; было послано Тютчевым И.С. Гагарину в начале мая 1836 г.

Во всех указанных изданиях 3-я строка — «Ни замыслам годины буйной сей». Синтаксическая структура первой строфы издателями осознается по-разному: 1-я строчка понята как главное предложение, в котором подлежащее и сказуемое отделены тире («Душа моя — Элизиум теней») — в *Совр.* 1836 г. и 1854 г., в *Изд. 1868, Изд. СПб., 1886*; притом как завершенное предложение, заканчивающееся восклицательным знаком, — в *Изд. 1868* (хотя в первом и втором изданиях *Биогр.* Аксаков здесь поставил запятую) и в *Изд. СПб., 1886*. Но в первых трех изданиях — вся стро-

фа мыслится как одно предложение, где к главному присоединяется развернутое приложение, и тогда первая строка заканчивается запятой (или запятой и тире, как в *Совр.* 1854 г.). В *Изд. 1900* — «Душа моя, Элизиум теней»; здесь вторая часть фразы оформлена как приложение, а все дальнейшее — причастный оборот к слову «теней».

Первая строка второй строфы оформляется обычно аналогично первой строке стихотворения («Душа моя — Элизиум теней»); так в изданиях 1850-х гг. и двух последующих, но в пушкинском *Совр.* и в *Изд. 1900* эта строка фиксирует обращение — «Душа моя, Элизиум теней» и завершается строчка или восклицательным знаком, как в пушкинском *Совр.* и *Изд. 1868*, или запятой, как в *Биогр.* и в *Изд. 1900.* В этом случае предложение заканчивается во второй строке, в конце которой — знак вопроса («Что общего меж жизнью и тобою?»). Но в первых пяти изданиях здесь — запятая. И тогда вторая строфа представляет собой одно сложное предложение, завершающееся вопросительным знаком (в *Изд. СПб., 1886* здесь знак вопроса и тире), в *Совр.* 1836 г. — вопросительным знаком с многоточием.

В изданиях XX в. также постоянные колебания в синтаксическом оформлении. В *Изд. Маркса* 1-я и 5-я строчки оформлены одинаково («Душа моя — элизиум теней»), первая строфа понята как одно предложение, во второй строфе выделены два предложения, включающие по две строки. Г.И. Чулков в Изд. *Чулков I* отказался от тире в середине 1-й и 5-й строк, но в Изд. *Чулков. 1935* (с. 103) в обоих случаях тире восстановлено. В новом издании изменилось понимание в целом второй строфы, которая стала осмысливаться как одно предложение с восклицательным знаком на конце (раньше здесь был знак вопроса и многоточие). В изданиях, подготовленных К.В. Пигаревым, также заметны колебания: в *Лирике I* 1-я и 5-я строки оформлены по-разному: «Душа моя — Элизиум теней» и «Душа моя, Элизиум теней», но в более позднем *Изд. 1984* в обоих случаях здесь стоит запятая между словами «моя» и «Элизиум». Если в раннем издании первая строфа включила в себя одно законченное предложение, то в *Изд. 1984* первая строфа завершается запятой и тире, а предложение заканчивается в конце шестой строки. Написание слова «Элизиум» (с прописной или строчной буквы) все время в изданиях варьируется. Думается, целесообразнее всего максимально приблизиться к знакам автографа, позволяющим все первые шесть строк понимать как взволнованное обращение поэта к душе (отсюда два восклицательных знака).

Н.А. Некрасов так отозвался об этом произведении: «Чрезвычайно нравится нам у г. Ф.Т., между прочим, следующее стихотворе-

ние, странное по содержанию, но производящее на читателя неотразимое впечатление, в котором он долго не может дать себе отчета» (*Некрасов.* С. 218). Он полностью процитировал стихотворение. С.С. Дудышкин в рецензии на *Изд. 1854* выделил тоже его, как произведение, обозначающее своеобразие «души поэта» (*Отеч. зап.* С. 56). Об этом своеобразии пишет И.С. Аксаков. Он процитировал первые шесть строчек в контексте рассуждений о личности поэта: «...его *я* уничтожалось и подавлялось в нем <...> сознанием недосягаемой высоты христианского идеала и своей неспособности к напряжению и усилию. Потому что рядом с его, так сказать *бескорыстною*, безличною жизнью мысли, была другая область, где обретал он самого себя всецело, где он жил только для себя, всею полнотою своей личности. То была жизнь сердца, жизнь чувства, со всеми ее заблуждениями, треволнениями, муками, поэзией, драмою страсти; жизнь, которой, впрочем, он отдавался всякий раз не иначе, как вследствие самого искреннего, внезапно овладевшего им увлечения, — отдавался без умысла и без борьбы. Но она была у него про себя, не была предметом похвальбы и ликования, всегда обращалась для него в источник тоски и скорби и оставляла болезненный след в его душе» (*Биогр.* С. 46). Дальнейшее рассуждение биографа привело его к стих. «О, вещая душа моя...» и выявлению «тягостного раздвоения» в бытии поэта: его ум и совесть разоблачали перед ним противоречие «между признаваемым, сочувственным его душе нравственным идеалом и жизнью, между возвышенными запросами и ответом».

В.Я. Брюсов рассмотрел стихотворение в контексте с «Silentium!» (см. *коммент.* к этому стих. С. 380): «В полном согласии с этим своим учением Тютчев говорил о себе: «Душа моя, элизиум теней! / Что общего меж жизнью и тобою?» Это второй полюс миросозерцания Тютчева. Отправляясь от принятия всех проявлений жизни, от восторженного «пристрастия» к матери-земле, Тютчев кончает как бы полным отрицанием жизни. Прекрасен мир, но истинная сущность его красоты недоступна человеку, который лишь напрасно порывается к ней» (*Изд. Маркса.* С. XLII).

Контекстом стихотворения оказывается «Silentium!», «Сижу задумчив и один...», «Душа хотела б быть звездой...» и, наконец, «О, вещая душа моя...»; они объединяются исповедальным мотивом, противопоставлением духовного бытия и бездуховной толпы, мотивом светлого минувшего, сердечных утрат, тоски о былом, душевной устремленности к светлым «призракам», звездам, а в конечном итоге — христианским идеалам.

Элизиум — местопребывание блаженных душ в царстве теней (*античн. мифол.*)

«НАД ВИНОГРАДНЫМИ ХОЛМАМИ...»

(с. 143)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 2 об.

Первая публикация — *Совр.* 1837. Т. VI. С. 398, под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии», под № XXVII, с общей подписью «Ф.Т.». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 21; *Изд. 1854*. С. 41; *Изд. 1868*. С. 46; *Изд. СПб., 1886*. С. 133 (под названием «Ротенбург»); *Изд. 1900*. С. 113.

Печатается по автографу.

Автограф на обороте листа — прозаическая пейзажная зарисовка: описаны чистое небо, горы, облака, грозы, радуга, блестящая зелень, омытая дождем, солнечный свет — детали пейзажа, входящие в разные стихотворения, в том числе и в стих. «Над виноградными холмами...». Как видно, Тютчеву не чуждо стремление передавать эстетические переживания природы одновременно в стихах и в прозе (см. его письма). Но если пейзаж в прозе более конкретен и чисто созерцателен, хотя и не чужд психолого-эстетических обобщений, то пейзаж в стихах живописнее, богат красками, полон философской мысли, даже своеобразного религиозного переживания. Первая строфа отделена от второй чертой. Слова «Храм» (8-я строка) и «Тишина» (16-я строка) написаны с прописной буквы.

Списки (2) — в *Сушк. тетради* (с. 82) и *Муран. альбоме* (с. 99). В обоих тексты не разделены на строфы.

В прижизненных изданиях и в *Изд. СПб., 1886* печаталось без выделения строф, но в *Изд. М., 1886* и в *Изд. 1900* строфы выделены, как и в дальнейших публикациях.

Датируется 1830-ми гг.; в начале мая 1836 г. послано Тютчевым И.С. Гагарину.

Впервые отозвался о стихотворении С.С. Дудышкин. Он полностью процитировал его и прокомментировал: «Мотив не новый, но он именно потому и дорог нам, что мы знакомы с ним давно, что помним его еще со времени лучшего из наших поэтов. Между тем вы не скажете, конечно, чтоб это было подражание: вы найдете лишь одинаковое чувство, вызванное одинаковым положением» (*Отеч. зап.* С. 59). Рецензент имеет в виду художественный опыт романтика Жуковского с его поэтически-религиозными настроениями. С.Л. Франк, анализируя особое направление космического чувства у поэта — «дольнее» — «горнее», обращается к стихотворению «Над виноградными холмами...»: «То, что влечет нас к горнему, есть тишина, чистота, свет — стихия чистого, незнойного, успокоительного света...» (*Франк.* С. 24). Им процитирована полностью вторая стро-

фа с выделением слов «легче», «пустынно-чище», «немеет», «лишь жизнь природы там слышна», «праздничное», «тишина». В подчеркнутой строке «лишь жизнь природы там слышна» звучит мотив, определяющий своеобразие тютчевского восприятия противоположности между «горним» и «земным»: включение «горнего» также в состав *природы*, более того — обнаружение именно в нем чистейшего, ничем не запятнанного проявления последней сущности «жизни природы». Тихая, пустынно-чистая, легкая, праздничная горняя сфера, в которой уже нет места для смертной жизни, есть именно область, где слышна «жизнь природы». Он связал это стихотворение с другим — «И гроб опущен уж в могилу...».

«Над виноградными холмами...» сочетается со стихотворениями о небе как пристанище света, чистоты, легкости и мира, см.: «И гроб опущен уж в могилу...» («А небо так нетленно-чисто, / Так беспредельно над землей...»), «Весеннее успокоение» («Светло и тихо облака / Плывут надо мною»), «Нет, моего к тебе пристрастья...» («На небе чистом и высоком / Порою облака следить...»), «Фонтан» (небо — «высота заветная»), «Еще земли печален вид...» («блестит лазурь»), а также стихами о горных высях — «Яркий снег сиял в долине...», «С поляны коршун поднялся...», «Там, где горы, убегая...», «Хоть я и свил гнездо в долине...» и др. о небесной и горной высоте, о движении души в высь, туда, где «проходит» «небесных ангелов нога».

Над виноградными холмами... — имеется в виду Ротенбург, город в Баварии.

«НЕТ, МОЕГО К ТЕБЕ ПРИСТРАСТЬЯ...»

(с. 144)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1–1 об.

Первая публикация — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 135, тогда же — *ННС*. С. 41. Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 18; *Изд. 1900*. С. 43.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 246.

Написано на небольшом листке бумаги: первая строфа — с одной стороны, вторая — на обороте. Исправление внесено в 11-ю строку: слово «светлом» исправлено на «чистом». Особенность авторского оформления — вопросительные знаки, которыми заканчиваются первая и вторая строфы. Притом в конце первой строфы к вопросительному знаку присоединено многоточие. Следовательно, на всем протяжении стихотворения сохраняется вопросительная интонация и противопоставление «утехам рая» всего того реального, земного и небесного, что вызывает «пристрастье» поэта. Для по-

эта мысль завершена в конце стихотворения — вопрос задан до конца, и его продолжения нет, вопрос и без того длинный, поэтому отсутствует многоточие в конце стихотворения.

В публикациях заметны колебания в оформлении окончаний строф. В *РА* строфы заканчиваются, как в автографе, вопросами, но без многоточия в конце первой строфы. В *ННС* в первой строфе — знак вопроса (без многоточия), во второй — восклицательный знак и многоточие. В *Изд. СПб., 1886* — вопрос в первой строфе и восклицательный знак без многоточия — во второй. В *Изд. 1900* — вопрос (в первом случае), восклицание с многоточием (во втором). В изд. *Чулков I* — восклицательный знак с многоточием в первой строфе и только многоточие — во второй. В *Лирике I* — вопрос и многоточие в первой строфе и только многоточие — во второй. В *Изд. 1987* первая и вторая строфы завершаются вопросительными знаками с многоточиями. Таким образом, ни в одном из изданий не воспроизведен полностью тютчевский вариант окончания двух строф.

Датируется 1830-ми гг.; в начале мая 1836 г. было послано Тютчевым И.С. Гагарину.

С.Л. Франк процитировал первую строфу, поясняя свою мысль о пантеизме Тютчева, который и в самой природе «видит проявления божественного духа»; в то же время существует «чисто духовное» в «абсолютной противоположности телесному и отрешенности от него; или, по крайней мере, высшей силы, красоты, духовности духовное достигает именно в своем воплощении...» (*Франк*. С. 16). Заключая мысль, Франк усматривает пантеизм в ощущении «явственности всего внутреннего» и «глубинности, таинственности всего явного». Рассматривая тютчевскую антитезу («небесное» — «земное»), он уточняет свою мысль: «...небесная горняя стихия, удаленная от земли и противоположная ей, есть все же не какое-либо обособленное от бытия начало, а именно стихия, органически проникающая собою все бытие, а следовательно, доступная и на земле. В пределах земной жизни ее воплощениями ближайшим образом являются весна и утро, именно в их противоположности лету и дню, как выражениям низшей, мятежной, томительной жизни. Описания весны у Тютчева принадлежат к самым прекрасным страницам мировой лирики» (*Франк*. С. 24). Приведя фрагменты из стих. «Еще в полях белеет снег...», «Весна», Франк процитировал вторую строфу стих. «Нет, моего к тебе пристрастья...». Он выделил слова «бездействии глубоком», «теплый», «чистом и высоком», «без дела» и «без цели», «ненароком, на лету», «свежий», «светлую мечту». Философ подчеркнул, с его точки зрения, главное в стихотворении: весна «несет с собою чистую, свежую, бездеятельную радость» (*Франк*. С. 24). Рассматриваемое стихотворение для него

16 Зак. 6873

оказывается опорным в размышлениях о поэзии Тютчева, здесь находится «характерное религиозное чувство, для которого именно высшие и чистейшие обнаружения небесного начала полнее всего даны не в отрешенности от земли, не в уединенных высотах, а именно как бы в центре земного бытия, со всех сторон окруженном и пропитанном этим небесным началом...». Так философ подошел к рассмотрению стих. «Лебедь» (см. *коммент.* С. 360). Франк справедливо выделил ряд программных для пантеизма Тютчева стихотворений, к названным им еще следует присоединить тоже «весеннее» стих. «Не то, что мните вы, природа...».

«КАК ДОЧЬ РОДНУЮ НА ЗАКЛАНЬЕ...»

(с. 145)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 2 об.

Первая публикация – *РА*. 1879. Вып. 3. С. 385–386 и тогда же – *ННС*. С. 34–35. Затем – *Изд. СПб., 1886*. С. 86–87, как и в предыдущих публикациях с названием «На взятие Варшавы»; *Изд. 1900*. С. 82–83.

Печатается по автографу. Записан на обороте страницы со стих. «(Из Гейне)» и «На древе человечества высоком»... (см. *коммент.* С. 422). Исправление есть лишь в 15-й строке: вписано слово «зверство». Преобладает восклицательная интонация.

Сохранился список (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 53), здесь 20-я строка – «России целость соблюсти» (в автографе – «Державы целость соблюсти»), в 15-й строке – слово «зверство». Восклицательная интонация приглушена в 5-й строфе, она завершена точкой.

В первых изданиях пропущены 9–12-я строки, в которых идет речь о «самодержавии», что было замечено в рецензии (см. *РА*. 1886. Кн. 3. С. 536) и не одобрено: «...пропущено очень веское четверостишие во второй строфе, напечатанное в *РА* и других общедоступных изданиях». В этих изданиях везде принят вариант «Державы целость соблюсти». Есть расхождения с автографом: конец 3-й строфы – «Единомысленную рать» (было: «Единомысленных, как рать»); начало 4-й строфы – «И это высшее сознанье» (было: «Сие-то высшее сознанье»); конец 4-й строфы – «Идет к таинственной мете» (было: «Спешит к таинственной мете»); конец 5-й строфы – «Как Феникс, возродится в нем» (было: «Как феникс, зародится в нем»); ослаблялось политическое звучание стихотворения, идея свободолюбия Польши, приглушалась торжественность архаики, уменьшалась эмоциональная экспрессия в строке «Нет, нас одушевляло к бою»: был убран восклица-

тельный знак после слова «нет». В *Изд. СПб., 1886*, есть дата — «1831», в третьей строфе — опечатка: «Грозой спасительного мера» (вместо «спасительной примера»). В *Изд. 1900* напечатаны строки 9–12-я, но в остальном текст такой же, как в предшествующих названных изданиях, опечатка *Изд. СПб., 1886* исправлена, дата стихотворения сохраняется.

Датируется 1831 г.

Здесь впервые прозвучали идеи и появились образы, которые получат развитие в 1840–1860-х гг. — «знамя Русское», «слово Русского народа», «подвиг просвещенья», «единомысленных, как рать», «Славян родные поколенья / Под знамя русское собрать...», «Весь мир Славянский»; *ср. со стих.* «Знамя и слово»; «К Ганке» (см. «Другие редакции и варианты. С. 253), «От русского, по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича» (см. *коммент.* С. 479), см. также стихотворные обращения к славянам.

Как дочь родную на закланье / Агамемнон богам принес... — царь Микен Агамемнон — один из героев «Илиады», который разгневал богиню Артемиду и должен был принести ей в жертву свою дочь Ифигению: он был готов это сделать, но богиня смилостивилась и сохранила Ифигении жизнь.

Коран — священная книга мусульман.

Не зверство янычар ручное... — янычары — регулярная турецкая пехота, которая комплектовалась, воспитывалась из пленных юношей, а позднее из отобранных у родителей в детском возрасте мальчиков-христиан, обращенных в ислам. Янычары отличались высокой воинской подготовкой, жестокостью.

Феникс — птица, которая в старости сжигала себя на костре, но возрождалась из пепла молодой (*егип.* и *греч.* мифол.). Образ стал символом вечного обновления и возрождения.

«ВСЕ БЕШЕНЕЙ БУРЯ, ВСЕ ЗЛЕЕ И ЗЛЕЙ...»

(с. 147)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 3–3 об.

Впервые опубликовано в *НС*. 1926. С. 45.

Печатается по автографу.

В автографе есть правка в 18-й строке: зачеркнутое слово исправлено на «таинственный». Прямая речь выделена с помощью тире. Синтаксическое оформление говорит о том, что оно написано на высокой эмоциональной волне: восклицания — в конце 4, 8-й строк, в 12-й — вопросительный и восклицательный знаки, восклицательный знак — в конце стихотворения.

Комментаторы полагают, что стихотворение переводное, поскольку Тютчев в своем творчестве не тяготел к балладному жанру, в котором выдержано стихотворение. Однако источник не найден. А.А. Николаев в своих комментариях сослался на статью Лейна, увидевшего первоисточник в одном из эпизодов повести А.А. Бестужева-Марлинского «Фрегат «Надежда» (см. Lane R. / Hunting Tyutchev's literary sources // Festschrift for N.E. Andreyev. London, 1984. P. 51–53). Тем не менее следует учитывать тот факт, что ни тема стихотворения, ни его жанр не чужды Тютчеву. Мотив грешной любви, опасного действия любовных страстей — сердечных гроз весьма свойственен его поэзии: «Все бешеней буря, все злее и злей...» вписывается в контекст таких стих., как «К Н.» (о «ночи греха», «ужасной бездне», жжении «адским пламенем»), «К N. N.» (о женской измене мужу), «Люблю глаза твои, мой друг...» (любовная страсть — «огнь желанья»), «С какою негою, с какой тоской влюбленной...» (образ огня «небесной молнии», которая опаляет, образ женщины, объятой страстью). Подобные психологические ситуации в рассматриваемом стихотворении получили балладную интерпретацию. Этот жанр творчества иногда привлекал поэта, о чем свидетельствуют его переводы из Гёте: «Певец», «Заветный кубок». Дань Тютчева балладе, возможно, связана и с успехом баллад Жуковского, созданных в это же время, на ту же этическую тему — преступления и наказания (см. «Смальгольмский замок, или Иванов вечер»).

Датировать можно 1831–1836 гг., так как на бумаге автографа есть водяной знак — «1831», и оно было послано Тютчевым И.С. Гагарину в начале мая 1836 г.

ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНИЕ
(с. 148)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 6.

Первая публикация — *Телескоп*. 1832. Ч. X. № 15. С. 297–298. Затем — *Совр.* 1854. Т. XLV. С. 8; *Изд. 1854*. С. 124; *Изд. 1868*. С. 119; *Изд. СПб., 1886*. С. 12; *Изд. 1900*. С. 435.

Печатается по первой публикации.

В автографе, в скобках, вместо названия помета — «(Из Уланда)». Написан чернилами, без исправлений, с излюбленными тютчевскими знаками: тире в конце 2-й, 4-й (здесь восклицательный знак и тире), 6-й, 7-й строк, в конце стихотворения восклицательный знак и многоточие. Строфы отделены друг от друга интервалом. На этом же листе, сверху, написано стихотворение «Вы мне жалки, звезды-горемыки!».

Указание на то, что стихотворение представляет собой перевод Уланда «Frühlingsruhe» («Весенний покой» — *нем.*), отсутствует в пяти первых из названных изданий; такого рода помета появилась лишь в *Изд. 1900*. Различия в печатных текстах состоят в том, что эмоциональность, свойственная Тютчеву, как бы приглушается в большей или меньшей степени. В *Телескопе* первая строфа завершалась восклицательным знаком с многоточием, что не сохранялось во всех последующих указанных изданиях. В *Телескопе*, *Совр.* 1854 г. 6-я строка заканчивалась тире, но в последующих изданиях этот знак отсутствует. Во всех изданиях в конце стихотворения стоит точка, но в тексте *Телескопа* — многоточие. В первых изданиях стихотворение не разделено на строфы, они появились только в *Изд. 1900*.

Датируется по дате цензурного разрешения в *Телескопе* (28 августа 1832 г.) — не ранее первых месяцев 1832 г.

В.Я. Брюсов (О Тютчеве // *РА*, 1900. Кн. 1. № 1–4. С. 418) отмечал, что «О, не кладите меня...» в новом издании (имеется в виду *Изд. 1900. – В.К.*) отнесено в отдел переводных: «Действительно, все внешнее содержание его взято из стих. Уланда «Frühlingsruhe», но по тонкости отделки переводом кажутся не стихи Тютчева, а немецкий подлинник». Найдя сближения Тютчева с другими немецкими поэтами — Гёте, Ленау, Эйхендорфом, Брюсов сделал общее заключение: «Но во всех этих случаях Тютчев не только пересказывает, но и пересоздает; более чем кто-либо другой он умел оставаться самим собой и подражая» (с. 410).

С.Л. Франк, указав на то, что Тютчев сделал «весьма точный» перевод стихотворения Уланда, считает поэтическую миниатюру «вполне оригинальным созданием тютчевской лирики» (*Франк*. С. 26). Связав его умонастроение со стих. «Лебедь» («есть на земле как бы жизнь в неземном»), философ продолжал свою мысль: «К этому настроению приближает нас поэт в стихотворении «Весеннее успокоение», в мечте о смерти среди природы... (цитируется полностью. — *В.К.*). В этом же направлении идет мечта души стать звездою, горящей скрытым светом «в эфире чистом и незримом» (см. *коммент.* к стих. «Душа хотела б быть звездой...». с. 365). Стих. «Лебедь», «Весеннее успокоение», «Душа хотела б быть звездой...» Франк относит к тем, в которых «космическое чувство Тютчева достигает своей вершины» (*Франк*. С. 27). В то же время это стихотворение входит в его «весенний ряд» и запечатлевает светлые пантеистические переживания (*В.К.*).

Представляет собой вольный перевод одноименного стихотворения немецкого поэта Уланда. У Тютчева иная поэтическая форма: вместо четырехстопного ямба оригинала использован полимет-

рический размер – хореямб (строки 1, 2, 3, 6, 9-я) переходит в строках 4, 5, 6, 7-й в четырехстопный ямб: изменена система рифмовки: если у Уланда рифма смежная, то у русского поэта – перекрестная; во вторую строфу добавлена пятая строка. По содержанию стихотворение Тютчева достаточно близко к оригиналу, но из-за иной поэтической формы производит иной ритмико-мелодический эффект *(Л.Л., М.М.)*.

«НА ДРЕВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВЫСОКОМ...»

(с. 149)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 2. Воспроизведен в *ЛН*. 1932. Т. 4–6. С. 737.

Первая публикация – *РА*. 1879. Вып. 5. С. 133; тогда же – *ННС*. С. 36. Затем – *Изд. СПб., 1886*. С. 90; *Изд. 1900*. С. 84.

Печатается по автографу.

Автограф находится на одной странице с последней строфой стих. «(Из Гейне)» – «В которую из двух влюбиться...», а на обороте предыдущего листа – «Душа моя, Элизиум теней...» и первые две строфы стих. «(Из Гейне)». Таким образом, следуют одно за другим – «Я помню время золотое», «Душа моя, Элизиум теней...», «(Из Гейне)», «На древе человечества высоком...», «Как дочь родную на закланье...», три из которых обращены к Западной Европе, именно к Германии – брегам Дуная с его замком и «младой феей», влюбленностью поэта, связанной с теми местами, а другие два – к гениям этой страны, Гёте и Гейне. Рассматриваемое стихотворение скорее контрастно второму в этом ряду: здесь идея «созвучия» с человечеством, там – изоляция душевного мира от толпы; видно, для поэта «человечество» и «толпа» совсем не одно и то же, а скорее они противоположны. Последнее стихотворение («Как дочь родную на закланье...») перекликается с ними размышлением о каких-то высших предназначениях и судьбах.

В первых двух изданиях печаталось без названия, но в примечаниях указано: «Вероятно, по поводу смерти Гёте». В *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* появился заголовок «На смерть Гёте», но в *Изд. 1900* эти слова заключены в скобки. Ранние издания не имеют существенных различий, хотя в *Изд. 1900* 9-я строка – «Не поздний вихрь, не буйный ливень летний». Различно определяют время написания: *РА* – 1832 г., *Изд. СПб., 1886* – 1827 г., *Изд. 1900* – 1832 г. Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 35) писал: «Так как поминаемое здесь лицо несомненно есть Гёте (коему Тютчев имел случай представиться и коим был обласкан), то не могло никак быть сочинено в 27-м году, которым помечают его пер-

вое изд. Сочинений, а должно быть, относится, согласно Флоридовской помете, к 1832-му, в каковом году умер Гёте 22(10) марта».

Г.И. Чулков, соглашаясь с Брандтом, указывает на единственный «источник», говорящий о знакомстве Тютчева с Гёте, на который ссылаются и Брандт и В.Я. Брюсов. В статье (*БЛ*) Брюсов пишет: «Утверждают, что Тютчев «был обласкан» великим Гёте». Этот источник – заметка Н. Гербеля в книге «Русские поэты в биографиях и образцах» (СПб., 1880. С. 337). Чулков, приведя все эти сведения, заключает, что «это стихотворение могло быть написано лишь в 1831 г., т. е. вскоре после взятия Варшавы Паскевичем» (*Чулков I*. С. 355). Вместе с тем исследователь предполагает, что стихи были переписаны поэтом после смерти Гёте, что будто бы существовали какие-то первоначальные автографы. К.В. Пигарев (*Лирика I*. С. 356) не подтверждает факта личного знакомства Тютчева с Гёте, говоря об отсутствии каких-либо документов, свидетельствующих об этом. Вместе с тем ученый не сомневается в том, что написание стихотворения вызвано смертью Гёте, которого Тютчев много переводил и к которому был весьма внимателен в 1820-х – начале 1830-х гг. До нас дошли 15 тютчевских переводов стихотворений Гёте, включая фрагменты из «Фауста».

Таким образом, стихотворение можно датировать не ранее конца марта 1832 г.

PROBLÈME

(с. 150)

Автографы (2) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 1; РНБ. Альбом Н.В. Гербеля. Л. 194.

Первая публикация – *РА*. 1879. Вып. 5. С. 134; тогда же – *ННС*. С. 39. Затем – *Изд. СПб., 1886*. С. 92; *Изд. 1900*. С. 87. Везде напечатано без названия с указанием даты – 1833 г., 17 января. Но в *Изд. 1900* – 15 (27) января 1833.

Печатается по второму автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 246.

В первом автографе подчеркнуты слова «Сам» (3-я строка), «мыслящей» (4-я строка); в нем 4-я строка – «Или низвергнут *мыслящей* рукой». В конце стихотворения указана дата – «января 15/27 дня 1833». В конце 2-й и 3-й строк поставлено тире, в конце 4-й – знак вопроса, в конце 5-й – двоеточие, в конце стихотворения – восклицательный знак. Название отсутствует.

Во втором автографе есть название «Problème», и 4-я строка имеет другой вариант: «Иль был низринут волею чужой!». Слово

«чужой» подчеркнуто. Указана другая дата — 2 апреля 1857 г. Второй, более поздний, вариант свидетельствует об акцентировке проблемности стихотворения, о нерешенности поставленного вопроса. Вариант «мыслящей рукой» — малоудачный, хотя и допустимый метанимический образ, заменен более точным в смысловом отношении. В то же время в сопоставлении двух понятий, двух состояний — мысли и воли — поэт отдал предпочтение второй. У него получилось: не мысль, а воля играет созидающую роль; слово «чужой» вносило момент холодной отстраненности в изображенный природный акт.

Даты первой и второй редакций указаны в автографах.

Во всех указанных изданиях XIX в. и в *Изд. 1900* использован первый автограф, и публикации не различаются: во всех нет названия, сохраняется образ «мыслящей руки», везде не воспроизведены особенности тютчевского синтаксиса (отсутствуют тире и восклицательный знак в конце стихотворения). Эти издания оказали влияние на последующих издателей (см. *Чулков I*. С. 210; *Изд. Маркса*. С. 79). Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 36) так определил идею стихотворения: «...мысль этой пьесы (правда, не очень уж удачно выраженная) та, что человечество бесплодно ломает голову над загадками природы». Можно признать, что «Problème» — одно из ранних произведений, запечатлевших скептические колебания поэта в решении онтологических вопросов.

СОН НА МОРЕ

(с. 151)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1.

Первая публикация — *Совр*. 1836. Т. III. С. 20, № XV, с общей подписью под стихотворениями — «Ф.Т.», общий заголовок — «Стихотворения, присланные из Германии». Затем — *Галатея*. 1839. Ч. II. С. 187 (с подписью «Ф. Тютчев»); *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 24–25; *Изд. 1854*. С. 48; *Изд. 1868*. С. 54; *Изд. СПб., 1886*. С. 55–56; *Изд. 1900*. С. 48.

Из списков наиболее интересны те, что помещены в *Сушк. тетради* (с. 87), *Муран. альбоме* (с. 101–102) и среди списков, сделанных Э.Ф. Тютчевой и И.С. Аксаковым (РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 16).

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 246.

Датируется летом 1829 г., между 12 июля и 12 августа, см. *Летопись 1999*. С. 284–285.

В автографе специфически тютчевские знаки препинания. Как обычно, особенно выделяются окончания строк: преобладают тире, которыми завершаются 2, 6, 11, 12, 14, 22-я строки, но и там, где нет тире, а предложение как будто заканчивается, точки не проставлены, строфы отсутствуют. Создается впечатление единого безостановочно льющегося эмоционального потока. И в соответствии с таким эстетическим переживанием в самом конце стихотворения тоже нет точки, вместо нее — удлиненное тире, в результате сохраняется впечатление незавершенности потока чувств, снов, морских валов. В выражении «как бог» второе слово написано со строчной буквы, что вызывало античные, а не христианские ассоциации. Тютчевское тире полностью не удалось сохранить, поскольку некоторые из них не соответствуют современным грамматическим нормам.

Автограф получил впервые наиболее полное отражение в пушкинском *Совр.*, однако в 7-й строке — «летал оглушен» (здесь, возможно, — опечатка) вместо «лежал оглушен», что существенно меняло образ лирического «я», делая его более романтически-фантастическим. В 11-й строке еще опечатка — «В лугах огневых». В 20-й строке — «Лишь слышался», вместо «Мне слышался»; не сохранялись тютчевские тире, они были заменены либо двоеточием (в 11-й строке), либо запятой, точкой; вообще в тексте зафиксированы длинные остановки, расставлены точки, многоточия, точки с запятой. Публикация в *Галатее* во многом близка Списку РГАЛИ, и в том и другом варианте сохранялись тютчевские ритмические перебои (кроме амфибрахия, в стихотворении появились и дактили и анапесты), в обоих вариантах были выделены двустишия и отделены друг от друга значками, что разрушало плавность развития эстетической эмоции. Но есть и отличия, которые позволяют предполагать, что список более позднего происхождения, нежели текст в *Галатее*. В списке появился вариант 1-й строки: «И Буря и море качали наш челн». Получилось как бы упорядочение логики образа: «Буря» (да еще написанная с прописной буквы, будто олицетворенная) взволновала море, а оно укачало человека. Но сам поэт воспринимал ситуацию иначе. Назвав стих. «Сон на море», он именно морю придал первенствующее значение в происшедшем, морская стихия определила характер сна, и само слово «море» выдвинуто на первое место. 13-я и 14-я строки в *Галатее* ближе к автографу и тексту в *Совр.*: «Сады, лавиринфы, чертоги, столпы — / И сонмы кипели безмолвной толпы»; в списке исчезли старинные слова «лавиринфы» (стало — «лабиринты»), «сонмы» (стало — «роились, кипели»). 17 — 18-я строки в *Галатее* дали новый вариант: был исключен образ летающего бога (так в *Совр.*) и появилось сравнение с

«духом» («как дух, я летал»), и сияющий мир уже располагался не «под», а «над» летящим. С ортодоксальной точки зрения такой вариант мог удовлетворять, но в списке осуществлен возврат к *Совр.* — «как Бог, я летал», мир был «подо мною», однако сохранялся исконный образ 7-й строки — «я лежал». 19-я строка в *Галатее* («Я спал и сквозь сон...»), не совпадавшая с автографом («Но все грезы насквозь...»), в списке приобрела новый вариант: «Но все и во сне». Однако начало строки в результате не улучшалось; преимущество автографа — в отсутствии повтора слов («спал», «сон») или сочетания безо́бразных слов («Но все и во»), в оригинальной выразительности словосочетания — «все грезы насквозь». Выражение «вторгалася пена» (22-я строка) того и другого варианта ослабляло экспрессию образа в автографе и *Совр.*, где было: «врывалася пена».

В списке *Сушк. тетради*, а также в прижизненных изданиях и *Изд. СПб., 1886*, и *Изд. 1900* предложен новый вариант стихотворения: все дактили и анапесты превращены в амфибрахии, в результате исчезла особая музыка тютчевского стихотворения, как бы воспроизводящая движение морских волн. Появились образы менее выразительные, чем в оригинале, но, может быть, более «правильные» с точки зрения традиционной стилистики: в автографе было — «окликалися ветры», стало «и ветры свистали», значительно ослаблено олицетворение. Осталась романтизация лирического «я»: «летал оглушен», хотя у Тютчева исходная ситуация более жизненная: «лежал оглушен», тем сильнее выступал контраст с фантастическими сновидениями. 14-я строка приобрела в *Совр.* 1854 г. вид — «И чудился шорох несметной толпы»; тютчевский же образ более приближен к грезам сна: у него толпа «безмолвная» (без шороха); в сочетании со словом «кипели» усиливается странность картины — «И сонмы кипели безмолвной толпы». Слово «сонмы» вызывало античные ассоциации, особенно в соседстве со словами «лавиринфы» и «чертоги». И весь этот эффект исчез в новом варианте. 17-я строка там же продолжила традицию текста *Галатеи* — отказа от сравнения с богом, и получился бледный по сравнению с автографом вариант: «По высям творенья я гордо шагал», а в 18-й выражение «недвижно сиял» семантически неудачно, в автографе слово «недвижный» было определением мира — «И мир подо мною недвижный сиял». Новый вариант начала 19-й строки, более простой и обычный («сквозь грезы»), также ослаблял специфическую тютчевскую выразительность, хотя и мог казаться более «правильным», чем — «все грезы насквозь».

В *Муран. альбоме* текст в целом такой, как в *Сушк. тетради*, но в 13-й строке вместо «Сады-лавиринфы» стало — «Сады, лабиринты», в 17-й строке — возврат к автографу: «по высям творенья, как

Бог, я шагал» (и в *Сушк. тетради* и в *Муран. альбоме* слово Бог — с прописной буквы, чего не было в автографе). Вообще можно признать, что античные реминисценции переписчики, а особенно издатели, недооценивали и ослабляли их. Стихотворение не было разделено на строфы-двустишия. Метр стихотворения «выправлен», и последовательно во всех строках дан амфибрахий.

В *Отеч. зап.* (с. 56) стихотворение было перепечатано полностью. Рецензент — С.С. Дудышкин — увидел в нем выражение сокровенного: «Узнаете ли поэта? видите ли, что он живет двойною жизнью — одною, которая у него общая со всеми нами, и другою, таинственною, которая принадлежит ему одному? Послушайте его, поговорите с ним, и вы опять поверите волшебной силе поэтических снов и видений. И видится ему часто в Божием мире совсем не то, что видим мы в нем нашими простыми глазами, и часто чуется ему в нем нечто такое, о чем мы и не подозревали». Рецензент *Пантеона* (с. 5) полемизировал с Дудышкиным, порицая непонятность образов этого стихотворения: «Хороша поэзия, в которой надобно еще добиваться смысла, которую еще надобно разгадывать!» И.С. Тургеневу, напротив, понравилась необычность образов «Сна на море», состоящих из определений, совмещающих разнородные, взятые из разных сфер признаки, и он цитировал: «Болезненно-яркий (сон) — волшебно-немой, / Он веял легко над гремящею тьмой...» (*Тургенев.* Т. 11. С. 108). Философско-эстетическое истолкование стихотворения предложил К.Д. Бальмонт (*Бальмонт.* С. 86–87). Он полностью перепечатал стихотворение, вычленив в нем идею Хаоса: «Идея Хаоса, как первобытной основы, на которой вытканы узоры, созерцаемые нашим сознанием, проходит через все творчество Тютчева, обособляя его среди поэтов. Кто умеет смотреть на Природу пристальным взглядом, тому она внушает особые сочетания звуков, неведомые другим. Эти звуки сплетаются в лучистую ткань, вы смотрите и видите за переменчивыми красками и за очевидными чертами еще что-то другое, красоту полураскрытую, целый мир намеков, понятных сердцу, но почти всецело убегающих от возможности быть выраженными в словах». Таким путем Бальмонт связал «Сон на море» со стих. «Как дымный столп светлеет в вышине...». В.Я. Брюсов (см. *Изд. Маркса.* С. XLII) выделил в аналитическом отзыве гносеологический аспект: «В замечательном стихотворении «Сон на море» Тютчев рисует новый мир, открывающийся в сновидениях: сады, лабиринты, чертоги, столпы, неведомые лица, волшебные твари, таинственные птицы...». В стихотворении ученый усматривает вариант идеи значимости «нерассудочных форм постижения мира» (см. *коммент.* к стих. «Как океан объемлет шар земной». С. 361).

С.Л. Франк, раскрывая указанное в названии своеобразие Тютчева как поэта, говорит о художественных деталях, которые выявляют «вечную сторону жизни»: «...нам дается прямо почувствовать вечный, стихийный характер этой картины, или когда картина грозы тотчас же изъясняется как проявление великих демонических сил природы; либо же к тому же результату приводят смелые, загадочные связи, с помощью которых разнородные частные явления объединяются в целостные группы, в которых мы опять-таки ощущаем вечные идеи, великие общие стороны космического бытия. Такие комбинации эпитетов, как «румяное восклицание утренних лучей», «поющие деревья», «гремящая тьма», «звучные волны ночи», «сны, играющие на просторе под магической луной» и т. п., суть у Тютчева не символические средства для выражения мгновенных, импрессионистически воспринятых впечатлений, а приемы классификации явлений, превращения разрозненных, как бы лишь случайно встретившихся моментов в необходимые, внутренне согласованные обнаружения общих и вечных начал» (*Франк.* С. 13). Частности объединяются, по мысли философа, «в широкие стихийные единства». Снова обратился Франк к этому стихотворению, процитировав строки, раскрывающие содержание сна, для указания на «дуалистический пантеизм» поэта: «В грандиозной форме эти две стихии — «две беспредельности», как выражается Тютчев — изображены в великолепном, истинно-симфоническом «Сне на море» (там же. С. 23).

«ПРИШЛОСЯ КОНЧИТЬ ЖИЗНЬ В ОВРАГЕ...»

<И з Б е р а н ж е>

(с. 152)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1–1 об.

Первая публикация — *НС.* 1926. С. 93–94.

Автограф — карандашный, хотя во многом синтаксически оформленный. Исправления внесены в строки 20, 44, 45–46-ю (см. «Другие редакции и варианты». С. 249). К.В. Пигарев (*Лирика II.* С. 356) полагал, что в 46-й строке — описка и вместо слова «дней» должно быть слово «лет», которое рифмуется со словом «клянет». Строфы отделены интервалами.

Датируется 1833–1836 гг. Написано не ранее 1833 г. (в этом году появился французский подлинник — песня Беранже «Le vieux

vagabond» («Старый бродяга» — *фр.*) и не позднее апреля 1836 г., так как в начале мая автограф перевода был послан Тютчевым И.С. Гагарину.

В *НС* напечатано с указанием непрочитанных слов и тех, в правильности которых Г.И. Чулков сомневался; сохранена в основном тютчевская пунктуация. Современное оформление и обновленное прочтение спорных мест — в издании, подготовленном Чулковым (*Чулков II.* С. 259–260). В изданиях с текстологической работой К.В. Пигарева принято прочтение стихотворения прежним исследователем текста. Чулков прочитал и полустертый текст 6-й строфы и привел его в комментариях (см. Указ. соч. С. 47); он пришел к выводу о том, что текст стихотворения представляет собой незаконченный и черновой набросок.

Стихотворение стоит особняком по своему стилю, образам, тональности среди произведений Тютчева 1820–1830-х гг., хотя сочетается в мотивах страданий бедноты с его переводами из «Вильгельма Мейстера» Гёте («Кто с хлебом слез своих не ел...», «Кто хочет миру чуждым быть...», «Как крадется к милой любовник тайком...») и отчасти переводами из Шекспира («Песня» — «Заревел голодный лев...»). Мотив обездоленности бедноты, связанный первоначально с мотивами западноевропейской жизни, в 1850-х гг. стал входить в его собственную поэзию, обращенную к русской жизни, — «Пошли, Господь, свою отраду...», «Эти бедные селенья...», «Над этой темною толпой...» и еще раньше — «Слезы людские, о слезы людские...».

Ир убогий — персонаж «Одиссеи» Гомера, Ир — бродяга.

(ИЗ ГЕЙНЕ)

(«В которую из двух влюбиться...»)

(с. 154)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1 об. — 2.

Первая публикация — *Изд. 1900.* С. 433.

Печатается по автографу.

В автографе в скобках вместо заглавия — помета «(Из Гейне)».

Начало стихотворения написано на одной странице с стих. «Душа моя, Элизиум теней...», а последняя строфа — на другом листе и предшествует стих. «На древе человечества высоком...». На первой странице — «Я помню время золотое...»; на обороте второго листа — «Как дочь родную на закланье...». Таков кон-

текст стихотворения — в нем какие-то германские культурные ассоциации: Гейне и Гёте, Рейн и свидание с «младой феей» на его берегу, а «Как дочь родную на закланье...» поэт написал в связи с развернувшейся в баварской печати антирусской кампанией (см. *Лирика II*. С. 355); мотив «прекрасных теней» объединяет стих. «Душа моя, Элизиум теней...» и «Я помню время золотое...».

К.В. Пигарев полагал, что написано стихотворение не ранее 1834 г., когда появился немецкий подлинник — стих. Гейне «In welche soll'ich mich verlieben...» (Neue Gedichte. Verschiedene. Yolante und Marie. — Иоланта и Мария) и не позднее апреля 1836 г.: перевод был среди рукописей, посланных И.С. Гагарину в начале мая этого года (*В.К.*).

Представляет собой перевод одной из многих частей шутливого эротичного стих. Гейне «Иоланта и Мария». В части, предшествующей переводу, немецкий поэт описывает обед, который дали «ему и его гению» две дамы, знающие, «как уважить поэта». Поэт упоминает великолепный суп, бодрящее вино, божественную дичь и шпигованного зайца. «Говорили, кажись, о поэзии». Ту часть, которую перевел Тютчев, Гейне начинает вопросом: в которую из двух дам ему влюбиться, поскольку каждая из них любезна — достойна любви (здесь поэт употребляет слово, имеющее оба эти значения; игра слов непереводима). У одной «белые, неопытные члены», у другой «гениальные глаза, понимающие нашу нежность» (у Тютчева — «гениальных взоров прелесть»).

Тютчев точно воспроизвел музыку гейневского стиха, сохранив метрическую схему (чистый четырехстопный ямб с наращением одного безударного слога в нечетных строках) и принцип рифмовки (перекрестная мужская рифма в четных строках; в нечетных строках рифма отсутствует). Достаточно точный сам по себе перевод Тютчева, освобожденный, однако, от того контекста, в обрамлении которого находится вторая часть гейневского стихотворения, превратился в произведение иного, скорее лирического плана, в отличие от шутливо-иронического, в котором написан оригинал.

С одной стороны, тютчевские стихи достаточно близки к оригиналу как по форме, так и по содержанию, и это, казалось бы, дает основание отнести их к разряду адекватных переводов; с другой стороны, будучи вырванной из достаточно фривольного контекста стихотворения Гейне, тютчевская вариация приобретает совсем иное звучание — чисто лирического стихотворения. По-видимому, самым правильным будет рассматривать стихотворение Тютчева как вариацию на тему, заданную Гейне (*Л.Л.*, *М.М.*).

АРФА СКАЛЬДА

(с. 155)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Совр.* 1838. Т. XII. С. 91, где есть подпись — Ф. Т-въ. Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 22; *Изд. 1854.* С. 43; *Изд. 1868.* С. 48; *Изд. СПб., 1886.* С. 49; *Изд. 1900.* С. 122. К. В. Пигарев (*Лирика I.* С. 358) ссылался на рукопись, не решая вопроса о том, автограф это или список, хранящуюся в Славянской библиотеке в Париже, в которой указана дата — 21 апреля 1834 г.; эту рукопись имел в виду Д. Стремоухов (см.: Strémoukhoff Д. La poésie et l'idéologie de Tiouttchev. Paris, 1937. P. 73 — «Поэзия и идеология Тютчева», Париж — *фр.*).

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 249.

Во всех указанных изданиях, за исключением первой публикации, во 2-й строке выражение «в пыли» было заменено на — «в тиши», видимо, слово «пыль» казалось недостаточно поэтичным, хотя Тютчев употреблял его неоднократно: «Как пляшут пылинки в полдневных лучах / Как искры живые в радушном огне...» («Cache-cache»), «Вихрем пыль летит с полей...» («Неохотно и несмело»), «И снова пылью огнецветной / Ниспасть на землю осужден...» («Фонтан»), а также синонимичное слово — «прах» — «Вчерашний зной, вчерашний прах!..» («Как птичка, раннею зарей...»), «Как с ней сроднился Рима вечный прах!..» («Рим ночью»). Слова «пыль», «прах» сохраняли в стихах Тютчева высокий поэтический смысл, или же ассоциируясь со стариной, останками, тенями былого, или обозначая первоэлементы, мельчайшие частицы земной стихии и оказываясь в одном ряду с «искрами» и «брызгами», подменяя друг друга в поэтических картинах. Также и отличный от первого издания вариант 12-й строки («Их легких ног скользит незримый шаг?»), обращение к настоящему моменту, разрушало общее течение художественного времени в стихотворении, в котором все глаголы даны в прошедшем времени, и, таким образом, все случившееся отодвинуто от настоящего момента и приобрело поэтическую глубину. Вариант первого издания напечатали Г.И. Чулков (*Чулков I.* С. 251) и Пигарев (*Лирика I.* С. 52).

Список в *Сушк. тетради* (с. 83) такой же, как в первом издании (2-я строка — «В тени, в пыли забытого угла», 12-я — «Их легких ног скользил незримый шаг»). Стихотворению предшествует в тетради «Смотри, как запад разгорелся...», после «Арфы скальда» переписан «Лебедь». Список в *Муран. альбоме* (с. 95–96) отличается от

помещенного в *Сушк. тетради* 12-й строкой: здесь слово «скользит» дано в настоящем времени. Стихотворный контекст — тот же.

Арфа — щипковый музыкальный инструмент, известный с античных времен; образ арфы широко использовался в романтической поэзии, см. «Эолова арфа» В.А. Жуковского и другие его произведения.

Скальд — древнескандинавский поэт-певец в дружинах викингов; обращение к образу скальда — сигнал предромантизма и романтизма.

«Я ЛЮТЕРАН ЛЮБЛЮ БОГОСЛУЖЕНЬЕ...»

(с. 156)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 2 (воспроизведен в изд. *Чулков I*, на вклейке между с. 256 и с. 257). Названия нет, но в конце указано: «Тегернзе. 16/28 сентября 1834».

Первая публикация с неточным чтением 5-го стиха — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 135, тогда же — *ННС*. С. 42. Под названием «Тегернзе» — *Изд. СПб., 1886*. С. 95; без этого названия — *Изд. 1900*. С. 89. В первых двух изданиях после текста помета «Тегернзе, 15 сентября 1834», в *Изд. СПб., 1886* только — «1834», в *Изд. 1900* — 16(28) сентября 1834 «Тегернзе».

Печатается по автографу.

Автограф отличается от печатных изданий только синтаксическим оформлением. Как часто у Тютчева, точек в стихотворении нет; в нем запечатлен как бы единый художнический порыв. Прописные буквы появились в словах «Вера» и «Богу». В печатных изданиях тютчевские тире обычно заменяли точкой или точкой с запятой, в 12-й строке — многоточием. В передаче тютчевского синтаксиса ближе всего к автографу изд. *Чулков I*. С. 221 и *Лирика I*. С. 53.

Датируется 1834 г.

Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 36) так определил смысл стихотворения: «По мысли, это стихотворение есть апология обрядности». В.Я. Брюсов (*Изд. Маркса*. С. XXV) отметил: «Есть у Тютчева и два-три стихотворения, которые — как это обычно у французских поэтов XVIII века — держатся исключительно на остроумии, и среди них такое значительное, как «Я лютеран люблю богослуженье...». Г.И. Чулков обратил внимание на оценку Тютчевым протестантства в статье «Папство и римский вопрос»: «Протестантство с его многочисленными разветвлениями, которого едва хватило на три века, умирает от истощения во всех странах, где оно до сих пор господствовало...» (*Чулков 1935*. С. 366). Однако следует учитывать также разницу во времени написания стихотворения (1834 г.) и статьи (1849 г.), а так-

же выраженное и в статье признание того, что движение реформы было «христианское в своем начале» и единственной причиной, которая привела к тому, что протестантство «сбилось с пути» подлинной христианской веры, было то, что оно апеллировало «к суду личной совести, то есть сотворили себя судьями в своем собственном деле...». Тютчевское заявление «Я лютеран люблю богослуженье» и весь положительный пафос первой строфы, контрастный с поэтическим заявлением следующих строф, связаны с его выделением в протестантстве двух начал — исходного, христианского, и религиозной несостоятельности, вызванной отрицанием церкви.

Сих голых стен, сей храмины пустой... — лютеранство, являясь одним из ответвлений протестантизма, ограничивало роль церкви и не признавало никаких посредников между верующими и Богом, кроме Христа; оно не признавало икон, почитания святых мощей, поэтому их храмы поэт воспринимает как «пустые» с голыми стенами (*В.К.*).

Тегернзее — курортное местечко неподалеку от Мюнхена, названное по озеру, на котором расположено. Излюбленное место отдыха европейской знати. Тютчев, скорее всего, посещал лютеранскую церковь вместе с женой Элеонорой Федоровной, исповедовавшей эту религию (*Г.Ч.*).

«ИЗ КРАЯ В КРАЙ, ИЗ ГРАДА В ГРАД...»

(с. 157)

Автограф неизвестен. Список И.С. Гагарина — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 3–3 об.

Первая публикация — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 135–136, тогда же — *ННС*. С. 43–44. Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 24–25; *Изд. 1900*. С. 90–91. Существенных разночтений в изданиях нет.

Печатается по списку И.С. Гагарина.

В списке Гагарина сохраняются излюбленные тютчевские знаки, отражающие движение его поэтической эмоции, обилие многоточий, подчеркивается открытость высказывания, динамика чувств, бег времени и самого человеческого бытия.

К.В. Пигарев полагал, что стихотворение написано не ранее 1834 г., так как является вариацией на тему стих. Гейне «Es treibt dich fort / Von Ort zu Ort...», («Тебя влечет с места на место...» — *нем.*), впервые напечатанного в 1-й части «Salon» (1834), и не позднее апреля 1836 г., так как в начале мая было послано поэтом Гагарину (см. *Лирика I*. С. 359).

Хотя «Из края в край, из града...» связано со стих. Гейне, тем не менее по своим настроениям, образному рисунку оно глубоко тютчев-

ское и перекликается с такими, как «Сижу задумчив и один...» (мотив безостановочного бега времени, порождающего грусть), а также с «дорожными» стихотворениями, где изображено перемещение и в пространстве, и во времени («Песок сыпучий по колени... / Мы едем — поздно — меркнет день»), «Через ливонские я проезжал поля...» и подобные, но и «Как дымный столп светлеет в вышине...» (жизнь человека — «тень, бегущая от дыма»), «Русской женщине» (мотив «мелькания» лет), «Смотри, как на речном просторе...», «Успокоение» («Когда, что звали мы своим...»), «На возвратном пути», «Брат, столько лет сопутствовавший мне...» — стихотворениями разных лет, запечатлевшими раздумья и переживания, вызванные неумолимым бегом времени, человеческой жизни, неизбежностью утра (*В.К.*).

Оригинал содержит 3 строфы, в то время как у Тютчева их семь.

Приводим подстрочник оригинала:

Тебя влечет с места на место,
И ты даже не знаешь почему;
На ветру звучит нежное слово:
И ты удивленно оборачиваешься.

Любовь, что осталась позади,
Нежно зовет тебя назад!
О вернись, я тебя люблю,
Ты мое единственное счастье!

Но ты идешь все дальше, дальше без отдыха,
Тебе не дано остановиться;
То, что ты так любил,
Тебе не суждено увидеть вновь.

Оригинал и перевод близки по форме. Оба сложены по системе двойной перекрестной рифмовки. В немецком тексте четырехстопный ямб (нечетные строки) перемежается с трехстопным ямбом (четные строки). Поэтому правый край стихотворения «изрезан» и звучание стихотворения не монотонно. Тютчевский вариант написан четырехстопным ямбом. Каждая строка содержит равное количество слогов — по восемь (*Л.Л.*, *М.М.*).

«КАК СЛАДКО ДРЕМЛЕТ САД ТЕМНОЗЕЛЕНЫЙ...»

(с. 158)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 7 и 6.

Первая публикация — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 134; тогда же — *ННС*. С. 40. Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 14; *Изд. 1900*. С. 86.

Печатается по второму автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 250.

В первом автографе есть название стихотворения — «Ночные голоса». 7-я строка здесь — «Музыки дальной слышны восклицанья», 8-я — «В саду фонтан, смеяся, говорит», 15-я — «Рой бестелесный, слышный, но незримый».

Во втором — название отсутствует, имеются разночтения по сравнению с первой: в 7-й строке — первая буква второго слова напоминает тютчевское «з», и тогда получается слово «зальной», а не «дальной» (ср. с написанием «з» в словах «сквозь», «музыки», «завеса», «изнемогло»), в первом автографе здесь было очевидное «д» и получалось слово «дальной». В 8-й строке второго автографа — «Соседний ключ слышнее говорит», в 15-й — «Мир бестелесный, слышный, но незримый». Все строфы и здесь отчеркнуты. Знаки препинания несколько изменены. Складывается впечатление, будто поэт первоначально не дифференцирует знаки препинания, а обозначает какие-либо остановки, смысловые и интонационные, знаком тире. Все стихотворение как бы строится на эффекте недоговоренности: и восклицания, и вопросы, и утверждения не выражают всего, что можно бы сказать; к тому же тютчевские многоточия здесь не короткие, а длинные: после слова «говорит» стоит пять точек, после «уснул» — четыре, после «гул» (12-я строка) — восемь, до самого края страницы поставлены точки, больше они здесь и не вмещаются; после слова «непостижимый» стоят четыре точки (тоже до самого края страницы), после слов «в хаосе ночном» — пять точек, и опять до самого края. Поэт эстетически переживает мир непознанного, не подлежащего словесному выражению, но он существует, и многоточия о нем напоминают.

Печаталось везде под названием «Ночные голоса», что соответствовало лишь раннему автографу. В первых трех изданиях 7-я строка — «Музыки бальной слышны восклицанья». Но уже в *Изд. 1900* — «Музыки дальной слышны восклицанья». Однако в *Изд. Маркса* снова — «Музыки бальной слышны восклицанья», но в изд. *Чулков I* и в *Лирике I* — «Музыки дальной».

Датируется 1830-ми гг.; в начале мая 1836 г. было послано Тютчевым И.С. Гагарину.

«Как сладко дремлет сад темнозеленый...» — это шестое стихотворение с образом хаоса: «Видение», «Последний катаклизм», «Как океан объемлет шар земной...», «О чем ты воешь, ветр ночной?..», «Сон на море» — во всех, кроме второго и третьего в этом перечне, употреблено и самое слово «хаос». Если в прежних стихотворениях о хаосе были акцентированы чувства тревоги, страха, распада сознания, то в рассматриваемом — выделены идеи и переживания таинственности, непостижимости хаоса, поддерживается мысль о его бесте-

лесности и иррациональности. Впервые именно в этом стихотворении появился характерный для Тютчева образ «завесы»; ею оказывается ночь, опускающаяся на дневной мир как занавес.

«ТЕНИ СИЗЫЕ СМЕСИЛИСЬ...»

(с. 159)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1 об.

Первая публикация – *РА*. 1879. Вып. 5. С. 125; тогда же – *ННС*. С. 15. Затем – *Изд. СПб., 1886*. С. 61; *Изд. 1900*. С. 29.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 250.

Написано на обороте листа, на котором — «Восток светлел — ладья катилась...», на втором листе — «Какое дикое ущелье!..», затем — «С поляны коршун поднялся...»; таков контекст автографов стихотворения. Правка внесена поэтом в 5-ю и 6-ю строки: «Лишь мотыль снует незримый / Слепо в воздухе ночном...»; сверху, частично на полях и над стихотворными строчками написан мелким почерком новый вариант двух строк: «Мотылька полет незримый / Слышен в воздухе ночном...». Строфы отделены друг от друга чертой. В синтаксическом оформлении преобладают многоточия, а также восклицательные знаки с многоточиями. Они обозначили открытость, незавершенность эстетической эмоции, постоянные остановки от переполненности плохо поддающимися выражению чувствами; получается как бы переключение индивидуальной духовности в большой и бескрайний внеличностный мир, скрытого, не выраженного в словах, но подразумеваемого влечения к нему.

Печаталось везде под названием «Сумерки». Основное отличие оформления текста состояло в том, что от издания к иэданию приглушался эмоциональный подъем автора, его восклицания постепенно превращались в утверждения. В *РА* строки 7, 8, 14-я заканчивались восклицательными знаками, в *ННС* остались лишь два восклицания (в 7-й и 8-й строках), также и в *Изд. СПб., 1886*, а в *Изд. 1900* – один восклицательный знак, лишь в 7-й строке. В *Лирике I* воспроизведен интонационный рисунок стихотворения.

Датируется 1830-ми гг.; в начале мая 1836 г. было послано Тютчевым И.С. Гагарину.

У Л.Н. Толстого это стихотворение было одним из самых любимых. Он отметил его буквой «Т!» (Тютчев) (*ТЕ*. С. 145). А.Б. Гольденвейзер рассказывает и по памяти цитирует (см. дневн. запись 7 декабря 1899 г.) писателя: «На столике у него лежал том Тютчева... Заговорили о Тютчеве. На днях Льву Николаевичу попалось в «Но-

вом времени» его стихотворение «Сумерки». Он достал по этому поводу их все и читал больной. Лев Николаевич сказал мне: «Я всегда говорю, что произведение искусства или так хорошо, что меры для определения его достоинств нет — это истинное искусство. Или же оно совсем скверно. Вот я счастлив, что нашел истинное произведение искусства. Я не могу читать без слез. Я его запомнил. Постойте, я вам сейчас его скажу...». Лев Николаевич прочел тютчевское «Сумерки» тихим, прерывающимся голосом, почти шепотом, задыхаясь и обливаясь слезами. Он менее всего «декламировал», но и не произносил стихи как прозу; чтение было мерным, и ритм стиха, несмотря на прерывистость, ясно ощущался» (Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 56–57).

К.Д. Бальмонт тоже восхищался стихотворением: «Как тонко угаданы Тютчевым различные состояния в жизни Природы — буря на море, ночь, утро в горах, зарницы и сумерки (процитировано стихотворение. — *В.К.*). В этом стихотворении, полном тонкого художественного импрессионизма и музыкальном, как колыбельная песня, мысли и чувства угасают, как гаснут облака на вечернем небе. И под этот тихий ритм душа проникается той тихой печалью, с которой травы наклоняются к поверхности пруда, где отразилось последнее мерцание сумерек» (*Бальмонт*. С. 85–86). Таков эстетический комментарий поэта к тютчевскому стихотворению. В.Ф. Саводник (Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911. С. 186) заметил: «Здесь метафизический порыв личности — выйти из пределов своего «я», страстная жажда слияния с мировой жизнью, не находят в себе осуществления, не разрешаются в гармоническом чувстве. Отсюда — состояние душевной неудовлетворенности, «тоски невыразимой», — составляющее такой резкий контраст с бесстрастным, самоудовлетворенным спокойствием природы». С. Адрианов (Вестник Европы, 1912. №. 10. С. 407–408) дал психологический комментарий: «А когда он молился сумеркам (цитирует вторую строфу — *В.К.*), то ведь тут ясно звучит жалоба усталого человека, надорвавшегося и замучившегося. Это не верховная мудрость, а крик отчаяния. Непосильным показалось душе бремя, на нее возложенное, и возопила она: «О, лучше не жить!»

Философское истолкование стихотворения предложил С.Л. Франк. Он процитировал первую строфу, найдя в ней изображение «самого процесса слияния с всеединым», что, по мнению философа, является важнейшим выражением тютчевского пантеизма. Он выделил в строфе последние две строчки и задался вопросом: «Каким образом слияние с всеединством, которое смывает эфирной струей всю тоску одинокой человеческой души, может само быть “часом невыразимой тоски“?» (*Франк*. С. 18). Франк рассмотрел «Сумерки» в

контексте со стих. «О чем ты воешь, ветр ночной...», «День и ночь» и ответил на поставленный вопрос: «Очевидно во всеедином таятся две коренным образом различные стихии — светлая и темная...» Вторую строфу стихотворения Франк также процитировал и снабдил философским комментарием: «Невыразимо-тоскливый час слияния в сумерках души с миром завершается гармонией более полной и сильной, чем та, которую дает погружение в животворный океан светлого эфирного мира... Вдумываясь в эти настроения и символы, мы начинаем угадывать подлинное значение темного, ночного начала: это есть начало уничтожения, бездны, хаоса, сквозь которые необходимо пройти для достижения полного, подлинного слияния с беспредельным; «невыразимая тоска» и ужас, охватывающие душу при встрече с этим началом, суть тоска и ужас смерти, уничтожения. Но в них и через них человек достигает и блаженства самоуничтожения и самоотречения; вот почему эта стихия обладает «ужасным обаянием», вот почему она манит нас больше, чем светлое начало» (там же. С. 20). Теперь философ напомнил о стих. «Близнецы».

В.Я. Брюсов выводил из рассматриваемого произведения своеобразие пантеистического миросозерцания Тютчева: «В этом стихотворении особенно ярко выразилось то миросозерцание, которое называют пантеизм: сознание единства всего мира и сознание самого себя, своей личности, как неотделимой, необходимой частицей этого вселенского целого» (Тютчев Ф.И. Стихотворения. М., 1919. С. 24).

Оба последних ценителя стихотворного шедевра выводили из него суть тютчевского пантеизма. Франк нашел созвучные по темам и образам стихотворения, однако им не был учтен тот реальный контекст, в который включил «Сумерки» сам поэт; всеединство — глубинное совпадение природного и человеческого — представлено и в стих. «Восток белел... Ладья катилась...». Что касается двух других стихотворений, сопутствующих «Сумеркам», то они значительно дополняют тютчевские пантеистические представления: уже на этом этапе развития философско-художественного миросозерцания у поэта появляется мысль о разладе человека и природы, главной идее стих. «Певучесть есть в морских волнах...». В стихотворениях-спутниках «Сумерек» — «Какое дикое ущелье!..» и «С поляны коршун поднялся...» поэт также показал контрасты жизни человека и явлений природы.

«КАКОЕ ДИКОЕ УЩЕЛЬЕ!..»

(с. 160)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 2.

Первая публикация — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 125; тогда же — *ННС*. С. 16. Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 28; *Изд. 1900*. С. 59.

Печатается по автографу.

В автографе выделены две строфы, в конце стихотворения — черта, обозначившая его завершенность. Своеобразные авторские знаки: тире — в конце 2-й, по-видимому, в конце и 3-й, а также 4, 6-й строк, возможно, и в конце 7-й (но здесь последнее слово упирается в край страницы). В 3-й строке — слово «долъ», но так как буква «ъ» написана очень бегло, одной черточкой, то получилось как бы слово «дом», однако по грамматическим правилам той поры здесь оказалась бы ошибка (в то время писали «домъ», а такого длинного конца слова нет в автографе). Тютчевские тире в этом стихотворении обозначили какие-то параллели и противопоставления человека и явления природы, разлад в их существовании (см. *коммент.* к стих. «Тени сизые смесились...». С. 436). Точки отсутствуют в стихотворении, в нем запечатлены движущиеся линии странных взаимоотношений человека и явления природы.

В *РА* два стих. — «Какое дикое ущелье!..» и «С поляны коршун поднялся...» напечатаны слитно, как одно произведение. В первых трех изданиях 3-я строка — «Он в дом спешит на новоселье...», в *Изд. 1900* вместо слова «дом» поставлено «дол», в дальнейших изданиях — «дол».

Датируется 1830-ми гг.; в начале мая 1836 г. было послано Тютчевым И.С. Гагарину.

С.Л. Франк (*Франк*. С. 23), найдя «новое измерение» мироздания в поэзии Тютчева — противопоставление «дольнему» «горнего», сблизил три стих.: «Яркий снег сиял в долине...», «Какое дикое ущелье!..» и «С поляны коршун поднялся...»; философ предложил такой комментарий к ним: «Только горные вершины, таким образом — царство непреходящего, вечного света и цвета. Поэт грустит, что он, царь земли, «в поте и пыли прирос к земли». Взобравшись на вершину горы, «радостен и тих», он говорит ключу, спешащему в долину к людям: «Попробуй, каково у них!»

«С ПОЛЯНЫ КОРШУН ПОДНЯЛСЯ...»

(с. 161)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 2. об.

Первая публикация — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 125; тогда же — *ННС*. С. 17. Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 8; *Изд. 1900*. С. 60.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 250.

Автограф помещен на обороте листа, на лицевой стороне которого стих. «Какое дикое ущелье!..». Есть исправления в 1-й строке:

«Вот коршун с поля поднялся», после зачеркиваний и вставки слов «с поляны», вместо «вот», получилась строка: «С поляны коршун поднялся». Поэт отчеркнул строфы, но синтаксически стихотворение почти не оформлено, представлен какой-то единый речевой поток в первой и второй строфах.

В *РА* напечатано слитно со стих. «Какое дикое ущелье!..», будто это одно стихотворение, состоящее из четырех строф. Но в *ННС* они разъединены и у них разные номера: «V» и «VI».

К.В. Пигарев (*Лирика I*. С. 367) отметил, что «тема, композиция и образы этого стихотворения близки стихам А.Д. Илличевского «Орел и человек», напечатанным в альманахе *Северные цветы* (1827. С. 291). Ученый высказал предположение, что оба стихотворения, Тютчева и Илличевского, «восходят к какому-то общему первоисточнику».

Датируется так же, как и «Какое дикое ущелье!..», 1830-ми гг.

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «Г» (Глубина), отчеркнул его и выделил последнюю строку (*ТЕ*. С. 145). В.Я. Брюсов (см. *Изд. Маркса*. С. XXXV) писал о стихотворении: «Только с горькой насмешкой называет Тютчев человека «царем земли» («С поляны коршун поднялся...»). Скорее он склонен видеть в человеке случайное порождение природы, ничем не отличавшееся от существ, сознанием не одаренных. «Мыслящий тростник» — вот как определяет человека Тютчев в одном стихотворении». Брюсов напоминает и другое тютчевское определение человека — «злак земной», приходя к выводу о том, что Тютчев усматривает подлинную свободу только в жизни природы, а в человеческой жизни видит лишь «призрачную свободу». С.Л. Франк процитировал фрагмент этого стихотворения, рассмотрев его в контексте с такими, как «Яркий снег сиял в долине...», «Какое дикое ущелье!..» (*Франк*. С. 23. См. *коммент.* к этим стих. С. 447, 438).

«Я ПОМНЮ ВРЕМЯ ЗОЛОТОЕ...»

(с. 162)

Автограф ранней редакции — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1.

Первая публикация — *Совр.* 1836. Т. III. С. 11–12, под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии», с общей подписью «Ф.Т.», под номером «VII». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 89; *Изд. 1854*. С. 8–9; *Изд. 1868*. С. 16; *Изд. СПб., 1886*. С. 44–45; *Изд. 1900*. С. 26–27.

Печатается по первой публикации с исправлением опечатки в 13-й строке в слове «ветер». См. «Другие редакции и варианты». С. 250.

В автографе — иной вариант 6-й, 9–10-й строк. Вариант первичный — «Руина с крутизны глядит», живописный, рисующий больше какую-то возвышенность, холм, нежели замок: что за «руина» — остается без объяснения. В 10-й строке этот образ возвышенности дополняется зарисовкой «Громады камней вековой»; упоминание о замке появилось лишь в 12-й строке.

В печатных изданиях усилена романтизация картины, и образ замка уже в 6-й строке — «Руина замка в даль глядит», притом он приобрел одухотворенный вид («глядит») и романтическую многозначность — «в даль» пространственную и временную. В 10-й строке образ замка дополняется — «Обломков груды вековой»; так подтвержден образ руины. Потеснена картина природы, запечатленная в раннем автографе, но усилены исторические, средневековые реминисценции.

Изд. *Совр.* 1836 г. и *Изд. 1854* идентичны. В них допущена опечатка в 13-й строке («И вечер тихий мимолетом»), затем опечатка исправлена, и «вечер» превращен в «ветер». В этих изданиях слово «Фея» напечатано с прописной буквы, в дальнейших — со строчной. В изд. *Совр.* 1836 г. многоточием заканчивается только 17-я строка, в *Изд. 1854* — также и 22-я; в *Изд. 1868* — также и 10-я, в *Изд. СПб., 1886* — еще и 2-я строка; то же самое и в *Изд. 1900*. В *Изд. СПб., 1886* указан в конце год — «1827». В *Альбоме Тютчевой* — «1829».

Датировать скорее всего возможно не ранее 1834 г., так как первоначальная редакция — на одном листе с автографом перевода из Гейне «В которую из двух влюбиться...», и не позднее апреля 1836 г., так как в мае этого года окончательная редакция была послана Тютчевым И.С. Гагарину.

Посвящено баронессе Амалии Максимилиановне Крюденер (1808–1888), внебрачной дочери графа Максимилиана Лерхенфельда и княгини Турн-Таксис, родственницы русской императрицы. Увлечение ею относится к первым годам пребывания поэта в Баварии (см. *Биогр.* С. 18). Поэту было отказано в ее руке. В 1825 г. А.М. Лерхенфельд вышла замуж за сослуживца Тютчева в Мюнхене бар. А.С. Крюденера. Добрые отношения между поэтом и Крюденерами сохранялись; он нередко говорит о них в письмах. В 1836 г. Тютчев с ними отправил свои стихотворения в Петербург для И.С. Гагарина. А.М. Крюденер (во втором браке гр. Адлерберг) посвящено также стих. «Я встретил вас — и все былое...» (1870).

Н.А. Некрасов, восхищаясь, процитировал стихотворение полностью и сопроводил такой оценкой: «...стихотворение... принадлежит к лучшим произведениям г. Ф.Т., да и вообще всей русской поэзии... от такого стихотворения не отказался бы и Пушкин» (*Некрасов.* С. 212). И.С. Аксаков упомянул об «известном грациоз-

ном стихотворении Тютчева», посвященном шестнадцатилетней великосветской красавице, по поводу которой дядька поэта Н.А. Хлопов сердито писал матери своего барина, сообщая о том, что влюбленный Федор Иванович обменялся с ней часовыми шейными цепочками и вместо своей золотой получил только шелковую...» (*Биогр.* С. 19). Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «К» (Красота); отчеркнул он и первые 12 стихов (*ТЕ.* С. 145).

«ТАМ, ГДЕ ГОРЫ, УБЕГАЯ...»

(с. 163)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 5–5 об.

Первая публикация — *Совр.* 1837. Т. VI. С. 393–394, под общим названием «Стихотворения, присланные из Германии», под № XXIV, с общей подписью «Ф.Т.». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 20–21; *Изд. 1854.* С. 39; *Изд. 1868.* С. 44; *Изд. СПб., 1886.* С. 93; *Изд. 1900.* С. 114.

Печатается по первому изданию. См. «Другие редакции и варианты». С. 251.

В автографе записано чернилами под римской цифрой «V»; «VI» помечено стих. «Сижу задумчив и один...». Оба написаны одним почерком, на однотипной бумаге. В стих. «Там, где горы, убегая...» 6-я строка — «По лазоревым ночам»; 25-я — «И лишь дремой забывался...»; 32-я — «Нынче ходят по тебе». Авторские знаки: тире в конце 2, 8, 12, 16, 29-й строк; многоточия (три-четыре точки) в конце 4, 9, 18, 20, 24, 26, 28-й строк. И хотя тире иногда тяготеют к точке, все же чаще оба знака говорят о незавершенности впечатления и высказывания. Как обычно у Тютчева, и здесь «открытость» высказывания, романтические недоговоренности: чувства бегут скорее, чем слова, которые не поспевают за эстетической эмоцией, поэтому автору приходится обрывать высказывание и ставить многоточие или тире. Последняя строфа («Все прошло, все взяли годы...») отделена чертой от предыдущих, получилось в автографе выделение заключения. Печатные издания не воспроизводят тютчевских субъективных знаков препинания. Как правило, многоточия превращаются в точки.

В *Муран. альбоме* (с. 91–93) есть правка рукою Тютчева (такая же по почерку и чернилам, как в стих. «Рассвет»): в последней строке слово «ходят» зачеркнуто и сверху синими чернилами написано «рыщут»; 5-я строка в этом списке — «Там-то, бают...»; 6-я — «По лазуревым...»; 25-я — «Чуть дремотой забывался»; последняя строфа не отделена от предыдущих. Тире — в конце 4, 25, 29-й строк, много-

точий вообще нет. Предшествует стихотворению «Яркий снег сиял в долине...», последует «Над виноградными холмами...», а следующее стихотворение в альбоме — «Смотри, как запад разгорелся...». Таким образом, собраны вместе стихотворения о горных высях и далях.

В изданиях XIX в. (но не в первом), а также в *Изд. 1900* и в *Изд. Маркса* 5-я строка — «Там-то, молвят, в стары годы», то есть убрано народное слово «бают».

Датируется 1830-ми гг.; в начале мая 1836 г. было послано Тютчевым И.С. Гагарину.

«Там, где горы, убегая...» включается в своеобразный ряд тютчевских стихотворений о реках: два — с образом Дуная («Я помню время золотое...», «Там, где горы, убегая...»), три о Неве («Глядел я, стоя над Невой...», «На Неве», «Опять стою я над Невой...»). Обе реки поэт включал в число семи «великих рек» (Нил, Нева, Эльба, Волга, Евфрат, Ганг, Дунай, см. «Русская география». С. 200); есть стихотворный разговор с Неманом («Ты ль это, Неман величавый..»); или просто поэт любовался речными водами и размышлял («Смотри, как на речном просторе...», «В небе тают облака...»). Вечно бегущие речные воды наводили на мысли о вечности, о сохранении «памяти» обо всем минувшем, что было и прошло на берегах, и тогда река выступала в образе «свидетеля» и становилась возможной беседа с ней; в то же время ее воды, ледоход на ней заставляли думать о судьбе человеческой индивидуальности, о неизбежности растворения в бесконечности вселенной.

«СИЖУ ЗАДУМЧИВ И ОДИН...»

(с. 165)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 4–4 об.

Первая публикация — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 132; тогда же — *ННС*. С. 32–33. Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 26–27; *Изд. 1900*. С. 52–53.

Печатается по автографу.

В автографе помечено римской цифрой «VI», а под номером «V» — «Там, где горы, убегая...» (см. *коммент*. С. 442). Все строфы слегка отчеркнуты. Авторские знаки: многоточия по три, четыре точки. Художественный эффект авторских знаков — романтическая «открытость» высказывания, наличие «невыразимого» в подтексте: поэт чувствует больше, чем выражает в словах. Отсюда обилие многоточий и тире.

Тексты изданий не различаются, однако в *Изд. 1900* отсутствует деление на строфы, что было в предыдущих публикациях, несколько изменены знаки препинания: в конце 9-й строки поставлен восклица-

тельный знак («Оно пройдет!») вместо запятой; в конце 15-й поставлен знак вопроса («Что ж негодует человек, / Сей злак земной?..»), вместо восклицательного знака с многоточием, как в предыдущих изданиях; в конце 22-й — тире, вместо запятой, как было раньше.

Датируется так же, как «Там, где горы, убегая...», «Сижу задумчив и один...» — 1830-ми гг. В начале мая 1836 г. было послано Тютчевым И.С. Гагарину.

Стихотворения, поставленные рядом, действительно связаны некоторыми содержательными и музыкальными моментами: динамичным четырехстопным размером (в последнем — чередование с двухстопным), тяготением к энергичной мужской рифме (особенно в последнем), идеей бега времени. В стих. «V» — ассоциация движения времени с бегущими струями реки, в «VI» — ассоциация тоже бега времени с цветением и увяданием растений. Оба стихотворения окрашены по этому поводу настроением меланхолической грусти.

«ЗИМА НЕДАРОМ ЗЛИТСЯ...»

(с. 166)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп.1. Ед. хр. 19. Л. 5.

Первая публикация — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 124; тогда же — *ННС*. С. 14, под названием «Весна». Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 36–37; *Изд. 1900*. С. 34–35.

Печатается по автографу.

В автографе в конце 10-й строки — двоеточие, редко встречающееся у Тютчева. Так как стихотворение строится по принципам станса (строфа включает одно предложение), поэт связал две части третьей строфы, подчеркнув пояснительную подчиненность второй части, ее несамостоятельность. В каждой строфе — параллелизм образов Зимы и Весны, эти слова пишутся с прописной буквы.

Датируется первой половиной 1830-х гг.; в начале мая 1836 г. было послано Тютчевым И.С. Гагарину.

Стихотворение, хоть и не вызвало откликов со стороны знаменитых ценителей, но получило явное признание читателей, оно давно и прочно вошло в школьные хрестоматии, в детское чтение. Примечательно и заметно выделяется оно среди других образцов пейзажной лирики Тютчева народным колоритом: Зима и Весна изображены как враждующие соседки, а место их действия — «двор», одна к другой «в окно стучится» по крестьянскому обыкновению, и их поведение и внутренние реакции по-простонародному обозначены: «хлопочет», «ворчит», «взбесилась», «в глаза хохочет», и все окружение — тоже в народном ореоле: «все засуетилось», «подняли трезвон».

ФОНТАН

(с. 167)

Автограф неизвестен. Список — *Муран. альбом*. С. 87–88.

Первая публикация — *Совр*., 1836. Т. III. С. 9, под номером V, с общим названием «Стихотворения, присланные из Германии» с общей подписью «Ф.Т.». Затем — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 18; *Изд. 1854*. С. 34; *Изд. 1868*. С. 39; *Изд. СПб., 1886*. С. 105; *Изд. 1900*. С. 108.

Печатается по первому изданию.

В списке *Муран. альбома* допущена ошибка в 3-й строке: «...как глубится». Г.И. Чулков утверждает, что «авторитетных рукописных источников нет» для этого стихотворения (см. *Чулков I*. С. 374). В первых пяти изданиях сохраняются излюбленные тютчевские знаки: тире в конце 6-й строки, многоточие в конце 16-й, а в пушкинском *Совр*. и в конце 13-й строки — восклицательный знак и многоточие. Но в *Изд. 1900* тире и многоточия убраны, что несколько сокращает динамику тютчевской художественной эмоции. Изд. *Чулков I* печатает стихотворение без выделения строф и без многоточия в конце. К.В. Пигарев в *Лирике I* — также без этого многоточия.

Датируется первой половиной 1830-х гг.; в начале мая 1836 г. было послано Тютчевым И.С. Гагарину.

«Фонтан» привлек внимание критиков и читателей. С.С. Дудышкин увидел выражение общего художественного принципа в стих. «Поток сгустился и тускнеет...» (см. *коммент*. С. 395) и «Фонтан», но в последнем, по мнению рецензента, «образ еще ярче и еще больше богатства в красках, но мысль сильнее пробивается сквозь их разноцветный покров, нося, впрочем, на себе яркие следы той среды, через которую прошла в поэтическом процессе. Воображайте себе, если угодно, судьбу человеческой мысли, которая, как ни рвется в высоту, все падает вниз, достигая лишь известного предела — она все будет представляться вам в виде неистощимого водомета, который поднимается лучом к небу и снова падает на землю огнецветной пылью» (*Отеч. зап*. С. 70). Критик *Пантеона* (с. 6) не одобрил образное выражение «какой закон тебя *мятет*», однако он урезал фразу Тютчева, выбросив промежуточные слова, стоящие между «закон» и «мятет», и тем примитизировал мысль-образ Тютчева: «Какой закон непостижимый / Тебя стремит, тебя мятет?» Л.Н. Толстой отметил «Фонтан» буквой «Г» (Глубина) (*ТЕ*. С. 145).

В стихотворении усматривали мысль Тютчева об ограниченности возможностей поэзии; Н. Овсянников (Московские ведомости. 1899. № 212. С. 4) в рецензии на сб. стих. Тютчева говорил: «Брызжущий фонтан, украшающий южную природу, Тютчев сравнивает

с поэтом: у поэта смертной мысли водомет тоже рвется к небу, а чья-то роковая длань свергает его в брызгах с высоты».

Вяч. Иванов (Символика эстетических начал. По звездам. Статьи и афоризмы. СПб., 1909. С. 25–26) процитировал «Фонтан» в целях уяснения сущности красоты. Для него «восхождение» может быть символом трагического, рожденного отъединением, личным обособлением, которое оказывается жертвенным; это эстетическое переживание он обнаружил в тютчевском образе радуги («в высоте — изнемогла»), но, согласно этому автору, «склонение вознесшейся линии впервые низводит на нас очарование прекрасного <...> Нас пленяет зрелище подъема, разрешающегося в нисхождение <...> гармоничен треугольный тимпан — «орел» (ἀέτωμα) греческого портика и пирамидальные группы Рафаэля. Солнечными игристыми брызгами ниспадают, разрешившись в искристых scherzi, на землю звездные adagio Бетховена. Волнистыми колебаниями восклонов и падений пьянят хороводы Наяд и ритмы Муз». Вяч. Иванов нашел параллели к тютчевскому образу в других искусствах, таким путем вычленив именно эстетическую суть художественной картины. Дальнейший ход мысли теоретика привел его к древним религиозным представлениям: «нисхождение — символ — символ дара. Прекрасен нисходящий с высоты дароносец небесной влаги; таким среди античных мраморов предстоит нам брадатый Дионис, в широкой столе, возносящий рукой плоскую чашу, — влажный бог, одождяющий и животворящий землю амбросийским хмелем, веселящий вином сердца людей... И только дар мил. Только для дара стоит жить...». Уясняя сокровенный символический смысл образа, Вяч. Иванов утверждает, что «восхождение — Нет Земле; нисхождение — кроткий луч таинственного Да». Восприятие прекрасного, сосредоточенного в тютчевском стихотворении, Вяч. Иванов находит в окрыленном преодолении земной косности и в новом обращении к лону Земли; это как бы дыхание «самой Матери», ее «вздохи», «вдыхания»; красота всякий раз снова нисходит на землю с дарами Неба. Исследователь тютчевского текста открыл его новый смысл, не скептический («ниспасть на землю осужден»), а возвышенно-таинственный, связанный в конечном итоге с религиозным верованием — даром Неба Земле, и тогда ассоциация ведет к стих. «Эти бедные селенья...» и образу Христа. У Вяч. Иванова не столько анализ стихотворения, сколько субъективное философско-религиозное прозрение, приобретшее универсальный характер, прозрение, которое служит свободным комментарием к «Фонтану».

Однако В.Я. Брюсов (см. *Изд. Маркса*. С. XLI) не воспринял глубоких и оригинальных идей Вяч. Иванова, он увидел лишь грустно-скептическую идею: «...мир для человека непостижим. Поэтическое

выражение этой мысли Тютчев нашел в сравнении «смертной мысли» с фонтаном. Струя водомета может достигнуть лишь определенной, «заветной» высоты, после чего осуждена «пылью огнецветной ниспасть на землю». То же и человеческая мысль: «Как жадно к небу рвешься ты / Но длань незримо-роковая / Твой луч упорный преломляя / Свергает в брызгах с высоты». Отсюда был уже один шаг до последнего вывода: «Мысль изреченная есть ложь!» Тютчев этот вывод сделал...».

«ЯРКИЙ СНЕГ СИЯЛ В ДОЛИНЕ...»

(с. 168)

Автограф неизвестен.

Списки — *Сушк. тетрадь* (с. 80), *Муран. альбом* (с. 90–91), в *Альбоме Тютчевой* (с. 11).

Первая публикация — *Совр*. 1836. Т. III. С. 17 (входит под номером XII в подборку «Стихотворений, присланных иэ Германии», имеющую общую подпись «Ф.Т.»). Затем, уже с указанием фамилии поэта, напечатано в *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 20; в *Изд. 1854*. С. 38; *Изд. 1868*. С. 43; *Изд. СПб., 1886*. С. 13; *Изд. 1900*. С. 92.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 251.

Первая публикация отличается от последующих. В ней 3-я строка — «Вешний злак блестит в долине», во всех следующих указанных изданиях — «Вешний злак блестит в равнине». В первом издании 5-я строка — «Но который век белеет», дальнейших — «А который век белеет». Отступления от текста первого издания приводили к стилевому и смысловому изменению произведения. Устранялся повтор одного и того же слова в рифме (долине — долине), смягчалось противопоставление (союз «а» вместо «но»). В результате тютчевская мысль сглаживалась: поэт заявил о тождестве места действия — только «долина» (без всяких вариантов), а в ней все изменчиво; союз «но» заострял контраст долины (или — «дольней жизни») с горными вершинами как пристанищем вековечного.

Списки связаны с первым изданием и в тексте и в его синтаксическом оформлении. В списке *Муран. альбома* есть исправление ошибки в слове «злак»: первоначально поставленная после «з» буква «н» исправлена на «л». Правка сделана теми же синими чернилами, что и тютчевские исправления в стих. «Рассвет» (см. *коммент*. С. 507), теми же, которыми вписано заглавие «Пророчество» («Уж третий год беснуются языки...»). Рассматриваемое стихотворение

отделено от последующего «Там, где горы, убегая...» — тоже чертой синими чернилами. Все это позволяет предположить, что список в *Муран. альбоме* был прочитан Тютчевым.

Датируется 1830-ми гг.; в начале мая 1836 г. было послано Тютчевым И.С. Гагарину.

Стихотворение прокомментировал С. Л. Франк. Философ изучает «дуалистический пантеизм» Тютчева, находит новое измерение мироздания в его поэзии: теперь уже не противопоставление ночи и дня — измерение временное, а пространственное: «Точнее, адекватнее всего эта двойственность олицетворена в противоположности «дольним» и «горним». Автор статьи процитировал стихотворение и отметил: «Только горные вершины, таким образом, — царство непреходящего, вечного света и цвета» (*Франк*. С. 23).

«НЕ ТО, ЧТО МНИТЕ ВЫ, ПРИРОДА...»

(с. 169)

Автограф неизвестен. Авторизованный список — *Сушк. тетрадь*. С. 12–13. Список — *Муран. альбом*. С. 13–14.

Первая публикация — *Совр*. 1836. Т. III. С. 21–22, под номером XVI, в общей подборке, имеющей название «Стихотворения, присланные из Германии» с подписью «Ф.Т.». Перепечатано — *Некрасов*. С. 65–66; *Совр*. 1850. Т. XIX. № 1. С. 65–66. Затем — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 9–10; *Изд. 1854*. С. 15; *Изд. 1868*. С. 18; *Изд. СПб., 1886*. С. 73; *Изд. 1900*. С. 106–107.

Печатается по авторизованному списку *Сушк. тетради*. См. «Другие редакции и варианты». С. 251.

Список *Сушк. тетради* содержит поправки Тютчева: вписаны 3-я и 4-я строки карандашом — «В ней есть душа, в ней есть свобода / В ней есть любовь, в ней есть язык...». В 12-й строке стояло слово «чудных» (оно воспроизведено в первом издании), которое исправлено на «чуждых». В 19-й строке было слово «солнце», исправлено на «солнцы», «дышет» исправлено на «дышат». В конце 20-й строки поставлен вместо точки восклицательный знак, в конце 2-й строки — многоточие. Отточиями обозначены пропущенные 2-я и 4-я строфы.

В списке *Муран. альбома* тютчевская правка текста *Сушк. тетради* не учтена, 19-я строка дана в прежнем варианте: «Для них и солнце, знать, не дышет». Тютчевский космизм мышления (поэт обозревает многие «солнцы» и чувствует их, многих, дыхание) здесь устранен. Последняя строфа представлена в каком-то компилятивном виде: 1-я строка — как в *Совр*. 1836 г. («Не их вина: пойми, коль можешь»), но 3-я строка — отчасти как в *Совр*. 1854 г.: «Увы! Души

в нем не встревожишь», хотя окончание во втором лице плохо согласуется с 4-й строкой этой строфы.

Первое издание было подвергнуто цензурному исправлению — исключены строфы, как полагают исследователи, неприемлемые с ортодоксальной точки зрения. Но Пушкин сохранил след от пропущенных строф, заменив их точками (см. об этом: «Временник Пушкинского Дома». Пг., 1914. С. 14; Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 16. С. 144; Рыскин *Е.* Из истории пушкинского «Современника» // Русская литература. 1961. № 2. С. 199; *Лирика I.* С. 369–370).

Н.А. Некрасов перепечатал стихотворение, не воспроизводя поставленных в пушкинском издании точек, заменяющих пропущенные строфы. В дальнейшем печаталось так же. Разночтения коснулись последней строфы. В пушкинском *Совр.* она имела такой вид: «Не их вина: пойми, коль можешь, / Органа жизнь, глухонемой! / Души его, ах, не встревожит / И голос матери самой!..». Такой вариант строфы принял Г.И. Чулков (*Чулков I.* С. 246), считая, что Тютчев не очень дорожил рифмою, и консонанс (можешь — встревожит) «вовсе не оскорбителен для слуха» поэта (с. 384). Однако в некрасовском *Совр.* строфа была иной: «Не их вина: пойми, коль может, / Органа жизнь глухонемой! / Увы! души в нем не встревожит / И голос матери самой!» В дальнейших указанных изданиях печатался этот вариант. В *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* текст стихотворения печатался таким, как в прижизненных изданиях 1850–1860-х гг., но приглушены восклицательные интонации. В *Изд. СПб., 1886* появилась дата — «1829», но в *Изд. 1900* она снята.

Датируется 1830-ми гг.; в начале мая 1836 г. было послано Тютчевым И.С. Гагарину.

Некрасов замечал в связи с этим стихотворением: «Любовь к природе, сочувствие к ней, полное понимание ее и уменье мастерски воспроизводить ее многообразные явления — вот главные черты таланта Ф.Т. Он с полным правом и с полным сознанием мог обратиться к непонимающим и неумеющим ценить природы с следующими энергичными стихами (здесь полное цитирование. — *В.К.*). Да, мы верим, что автору этого стихотворения понятен и смысл, и язык природы...» (*Некрасов.* С. 213). В *Отеч. зап.* С.С. Дудышкин дал эстетико-психологический комментарий: «Поэт ищет жизни в природе, и на его призывный голос она отзывается как истинно живой организм, полный смысла и чувства. Этому представлению природы поэт посвятил целое стихотворение, замечательное особенно по своей оригинальной форме. С первого взгляда подумаешь, что он говорит не о том, что так сильно занимает его самого, а о том, что вовсе не занимает других... (здесь полное цитирование. — *В.К.*) <...> Кроме вто-

рого куплета, не совсем поэтического, который мы отсылаем назад к автору для необходимого пересмотра, остальные стихи, все до единого, навсегда удержатся в литературе наравне со многими другими выражениями оригинального поэтического чувства. Этот немного жесткий, по-видимому, упрек поэта непоэтическим душам, в сущности, исполнен такой любви к природе и к людям! Как хотелось бы автору разделить наполняющее его чувство с другими, которые своею невнимательностью лишают себя одного из самых чистых наслаждений!..» (*Отеч. зап.* С. 66–67). Рецензент из *Пантеона* (с. 6) не принимает выражения «для них и солнцы, знать, не дышат».

Рецензент из ж. «Всемирная иллюстрация» (1869. Т. I. № 5. С. 75) сделал заключение о том, что «Тютчев, по преимуществу, поэт природы, пантеистический (не в смысле философском, но в смысле поэтического воззрения) взгляд на природу обнаружился в нем с самого вступления его на поэтическое поприще:

Не то, что мните вы, природа —
Не слепок, не бездушный лик:
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Эти четыре стиха лучше всяких толкований объясняют *суть* поэтического склада Тютчева». Впервые в этой короткой заметке употреблено понятие «пантеизм» применительно к мировоззренческой позиции поэта.

Н. Овсянников (Московские ведомости. 1899. № 212, 4 авг. С. 4) отозвался в целом о лирике природы Тютчева: «На природу Тютчев смотрит также своеобразно. Что сказал Баратынский о Гёте, то самое может сказать о Тютчеве по отношению его к природе: оба поэта разумели ручья лепетанье и говор древесных листьев, для них обоих открыта была звездная книга, с ними говорила морская волна. Природа для Тютчева была не слепок, не бездушный лик, в ней, — говорил он, — есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык». В.С. Соловьев отметил особое отношение поэта к природе: «Но у Тютчева, как я уже заметил, важно и дорого то, что он не только чувствовал, а и мыслил как поэт — что он был убежден в объективной истине поэтического воззрения на природу. Как бы прямым ответом на шиллеровский похоронный гимн мнимо-умершей природе служит стихотворение Тютчева «Не то, что мните вы, природа» (философ процитировал первую строфу. — *В.К.*) (*Соловьев. Поэзия.* С. 468). Вовсе не высшее знание, а только собственная слепота и глухота заставляют людей отрицать внутреннюю жизнь природы: «Они не видят и не слышат...» (процитированы еще три строфы. — *В.К.*) (там же).

К.Д. Бальмонт подтвердил мысль Соловьева о том, что Тютчев верит в одухотворение природы, а не механически использует традиционный поэтический прием. «Никогда этого не может случиться с истинным поэтом-пантеистом. У Гёте, у Шелли, у Тютчева убеждение в том, что Природа есть сущность одухотворенная, гармонически сливается с поэтическим их творчеством, рисующим Природу живой. Тютчев искренно верит, более того он *знает*, что Природа не бездушный слепок, а великая живая цельность. С ним явственно говорят звезды, он чувствует жизнь морских волн, и буря, волнуя реки и леса, ведет с ним тайный разговор. Тех, кто не понимает голосов Природы, он справедливо называет глухонемыми, которых не тронет голос родной матери. К сожалению, число этих глухонемых чрезмерно велико. Лишь немногим эпохам и немногим личностям свойственно это тонкое проникновение в жизнь Природы и религиозное слияние с ней. То, что является совершенно простым, легко достижимым, даже неизбежным, в эпохи создания космогоний и легенд, становится почти невозможным для современного ума, полного религиозных предрассудков или заблуждений позитивной философии. Природа превратилась для людей в бездушную машину, служащую для утилитарных целей, в нечто второстепенное, подчиненное, придаточное» (*Бальмонт*. С. 84–85). Характерным выражением этого отношения к природе Бальмонт считает тургеневского Базарова. В дальнейшем изложении своих идей автор ведет к мыслям Тютчева о природе как «самодовлеющем царстве» («Природа знать не знает о былом, / Ей чужды наши призрачные годы...»).

В.Я. Брюсов (см. *Изд. Маркса*. С. XXXIII) видит в стихотворении выражение тютчевского пантеизма и связывает его таким образом с программным, по мнению исследователя, «По дороге во Вщиж» («От жизни той, что бушевала здесь...»): «Вполне понятно, что такое миросозерцание прежде всего приводит к благоговейному преклонению перед жизнью природы: «В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык! — говорит Тютчев о природе. Эту душу природы, этот язык и эту ее свободу Тютчев стремится уловить, понять и объяснить во всех ее проявлениях» (с. 26). С.Л. Франк: «Его (Тютчева. — *В.К.*) интересует только объект, природа, мир; вся жизнь воспринимается им в категориях объективного, космического порядка. Природа есть для него сама по себе комплекс живых сил, страстей и чувств («Не то, что мните вы, природа, не слепок, не бездушный лик — в ней есть любовь, в ней есть свобода, в ней есть душа, в ней есть язык»), а отнюдь не мертвый материал, который повинуется воле художника и в его руках служит послушным средством выраже-

ния его собственных чувств. И, с другой стороны, сама душевная жизнь человека ощущается им как область, входящая в порядок объективного бытия и подчинения космическим силам <...> Про душевно-мертвых людей говорится: «лучи к ним в душу не сходили, весна в груди их не цвела» <...> Все это у Тютчева не «образы», не символические приемы выражения душевных настроений, а восприятие их подлинной космической природы». Франк полагает, «что Тютчев-поэт с самого начала, искони живет в душе мира и себя самого сознает лишь звеном и проявлением этой объективной духовной жизни...», ученый обнаруживает в стихах поэта «космизацию души» (*Франк*. С. 10).

«ЕЩЕ ЗЕМЛИ ПЕЧАЛЕН ВИД...»

(с. 171)

Автограф неизвестен.

Список И.С. Гагарина — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 1.

Первая публикация — *РА*. 1879. Вып. 5. С. 126; тогда же — *ННС*. С. 19. Затем — *Изд. СПб., 1886*. С. 59; *Изд. 1900*. С. 24.

Печатается по списку И.С. Гагарина.

Во всех указанных изданиях выделены четырехстишия, и получилось четырехстрофное стихотворение. Однако в списке Гагарина стихотворение имеет две строфы, что соответствует внутренней, лирической композиции стихотворения, излюбленному приему поэта — психологическому параллелизму. *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* повторили аксаковское, однако в 7-й строке *Изд. 1900* допущена опечатка: «прослышала» вместо «послышала».

В *Альбоме Тютчевой* (с. 21), стихотворение разделено на четырехстишия, каждое отчеркнуто, 7-я строка — «Весну прослышала она». Воспроизведены длинные тютчевские многоточия (четырепять точек). Список в *Тетради* (с. 12) тождествен другим спискам.

Датируется 1830–ми гг.; в начале мая 1836 г. было отправлено Тютчевым И.С. Гагарину. В *Изд. 1900* оно помещено среди стих. 1820-х гг. Р.Ф. Брандт также относит его к этому периоду — «Слезы» («Люблю, друзья, ласкать очами...») и «В толпе людей, в нескромном шуме дня...» (*Материалы*. С. 24). В *Изд. Маркса* (с. 26) оно также помещено среди стих. 1820-х гг. — «Я помню время золотое...» и «В толпе людей, в нескромном шуме дня...». Действительно, по своему весеннему тону стихотворение ближе не поэтическим созданиям Тютчева 1830-х гг., более сложным по настроению, противоречивому, окрашенному нередко драматизмом, а пьесам поэта 1820-х гг. — «Люблю грозу в начале мая...», «Еще в полях белеет снег...», «Утро в горах», собственно к ним примыкает и «Не то, что мните вы, природа...».

«И ЧУВСТВА НЕТ В ТВОИХ ОЧАХ...»

(с. 172)

Автограф неизвестен.

Список И.С. Гагарина – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 4.

Первая публикация – *РА*. 1879. Вып. 5. С. 126. В предисловии к подборке тютчевских стихотворений И.С. Аксаков сообщал, что все они «печатаются с подлинников, писанных рукою самого поэта на разных клочках бумаги и сохранившихся у его товарища по заграничной службе, Ивана Сергеевича Гагарина...» (с. 118). Однако Аксаков не включил стихотворение в *ННС*, не вошло оно и в *Изд. СПб., 1886*, хотя напечатано в *Изд. М., 1886*. С. 129 и в *Изд. 1899*. С. 170; вошло оно и в *Изд. 1900*. С. 238.

Печатается по списку И.С. Гагарина.

В первом издании стихотворение представлено как однострофное, так и в *Изд. М., 1886* и в *Изд. 1900*, но в *Изд. 1899* выделены две строфы — два трехстишия. В *Изд. Маркса*. С. 194 печатается как однострофное, так и в изд. *Чулков I*. С. 244. К.В. Пигарев (*Лирика I*) выделил два трехстишия.

В определении времени написания и адресата имеются существенные расхождения во мнениях. Аксаков включил его в число стихотворений первого периода творчества, 1823–1836 гг. А.А. Флоридов (*Изд. 1900*) отнес его к 1860-м гг., примерно то же сделали Брандт (*Материалы*. С. 62) и П.В. Быков (*Изд. Маркса*. С. 631). В комментариях Быков отметил: «По имеющимся у нас сведениям, стихотворение написано к Акинфиевой» (там же. С. 395). Чулков (*Чулков I*. С. 382–383), рассматривая эти разногласия, полагает, что поздняя дата и определение адресата (Надежде Сергеевне Акинфиевой, урожденной Анненковой, внучатой племяннице канцлера кн. А.М. Горчакова) не подтверждаются документально и не соответствуют тому отношению к этой женщине, которое выражено в других стихах поэта («Как летней иногда порою...», «И самый дом наш будто ожил...»), такое же любование Акинфиевой и в стих. «Как ни бесилося злоречье...». Таким образом, следует признать, что адресат неизвестен.

В списках стихотворение связывают с другим, тоже об очах, «Люблю глаза твои, мой друг...», по смыслу контрастным первому (см. *Тетрадь*).

Датируется так же, как вся подборка стихотворений первого периода творчества — 1823–1836 гг.

«ЛЮБЛЮ ГЛАЗА ТВОИ, МОЙ ДРУГ...»

(с. 173)

Автограф неизвестен.

Список И.С. Гагарина — *Мураново.*

Первая публикация — *РА.* 1879. Вып. 5. С. 126; тогда же — *ННС.* С. 18. В этих изданиях, а также в *Изд. 1899* допущена опечатка в 7-й строке: вместо слова «ниц» появилось «лиц». Но в *Изд. СПб., 1886.* С. 91; *Изд. 1900.* С. 42 эта погрешность отсутствует.

Печатается по списку И.С. Гагарина.

Датируется не позднее апреля 1836 г. (на основании указания И.С. Аксакова в предисловии к публикации в *РА*). С.А. Долгополова полагает, что стихотворение адресовано Эрнестине Дернберг (будущей жене поэта) и, вероятно, написано после их июньской встречи в 1835 г. в Эглофсгейме (*Летопись 1999.* С. 294).

Л.Н. Толстой выделил стихотворение пометой «К» (Красота) и подчеркнул слова «угрюмый, тусклый» (*ТЕ.* С. 145). К.Д. Бальмонт (*Бальмонт.* Кн. 1. С. 67) сравнил стихотворения о любви Пушкина, Лермонтова и Тютчева; у первых двух любовь выступает в конкретных чертах и непосредственной очаровательной простоте и ясности. «Но разве любовь так ясна? Тютчев отвечает отрицательно...». В подтверждение автор процитировал «Люблю глаза твои, мой друг...». С.Л. Франк (*Франк.* С. 19–20) цитирует отдельные фрагменты стихотворения (игра глаз — «пламенно-чудесная», но «сильней очарованья» — «угрюмый, тусклый огнь желанья», «обаянье ужасное»). Вывод философа: «Путь, ведущий к слиянию с беспредельным, есть путь *трагический*: он идет через страсть и тьму, через искушения и «ужасные обаяния» <...> Этот мотив, столь характерный для поэзии Тютчева, выражает в космической форме глубокую морально-метафизическую идею — мысль, что зло и грех суть не противоположности добра и святости, а ступени к ним, что в основе обоих начал лежит одна и та же сущность — страсть, разрывающая призрачные, стеснительные пути ограниченного, чисто-личного, замкнутого существования» (с. 21). Пантеизм Тютчева Франк рассматривает как «дуалистический» (см. *коммент.* к стих. «Весна», «Тени сизые смесились...», «День и ночь», «О чем ты воешь, ветр ночной?», «Альпы»).

«ВЧЕРА, В МЕЧТАХ ОБВОРОЖЕННЫХ...»

(с. 174)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 4–4 об.

Первая публикация — *РА.* 1879. № 5. С. 133–134; тогда же — *ННС.* С. 37. Затем — *Изд. СПб., 1886.* С. 19–20; *Изд. 1900.* С. 30–31.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 251.

В автографе есть исправления: во 2-й строке оборот «С последним месячным лучом» исправлен на более семантически верный и точный образ — «С последним месяца лучом». В 6-й строке первоначально было слово «надвинулась», которое поэт заменил более образным и одухотворенным: «нахмурилась» («тень нахмурилась»). В 9-й строке правка связана с восстановлением грамматической правильности: «сквозь воздушный завес окон», а не «воздушных завес»; Тютчев предпочел винительный падеж (сквозь что?), а не родительный (сквозь чего?), несколько искажающий норму русского языка. К тому же слово «воздушных» могло сочетаться со словом «окон», что вело к бессмыслице. В 18-й строке поэт заменил слово «тихо» («По тихо брезжущим коврам») на «темно», раньше слово «тихо» уже дважды повторялось. Поэт отдал первенство зрительному образу, больше соответствующему общей поэтической картине стихотворения, в котором показано столкновение тьмы со светом и победа последнего. В результате исправлений в 26-й и 28-й строках получился новый вариант последней строфы (см. «Другие редакции и варианты». С. 251). Поэт не зачеркнул первый вариант строфы, в котором 26-я строка — «Коснувшись девственных грудей», а 28-я — «Раскрыло шелк твоих очей!», а написал здесь же второй вариант, присоединив его к стихотворению словом «или», что свидетельствует о каких-то его колебаниях в выборе варианта последней строфы. Но следует признать, что второй — более изящен и точен.

Издания в основном воспроизводят автограф с учетом исправлений. Но в первых трех публикациях в 11-й строке — «И твой взвевая сонный локон», хотя в автографе ясно написано «взвиваясь». Однако в *Изд. 1900* — «взвеваясь», вариант, принятый и в последующих изданиях.

Датируется так же, как и вся подборка, опубликованная И.С. Аксаковым в *РА*. Но К.В. Пигарев уточняет время написания стихотворения, отнеся его к первым месяцам 1836 г. Он обратил внимание на письмо Тютчева к И.С. Гагарину от 3 мая 1836 г., в котором поэт благодарил своего сослуживца за сб. стих. Бенедиктова. В него вошло стихотворение, внешне, по образным ситуациям, а иногда и по фразеологии, близкое тютчевскому (см. *Лирика I*. С. 371–372). Бенедиктов мог подсказать Тютчеву лирическую тему пробуждения женщины под воздействием утреннего солнечного луча; Тютчев развернул эту тему по-своему.

С.Л. Франк (*Франк*. С. 13) заметил выражение «румяное восклицание» утренних лучей и указал на то, что поэту свойственно ощуще-

ние «великих общих сторон космического бытия» (см. *коммент.* к стих. «Сон на море». С. 424). Он процитировал четвертую строфу, связав ее со стихотворениями об утре и юности. «Таким же настроением чистоты, легкости, тишины обвеяны тютчевские описания утра», — отметил философ.

29-ое ЯНВАРЯ 1837

(с. 175)

Автограф — ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 32. Ед. хр. 51.

Первая публикация — *Гражданин.* 1875. № 2, 13 января. С. 38, с пометой «Мюнхен»; *РА.* 1879. Вып. 5. С. 138; *ННС.* С. 47–48; затем — *Изд. СПб., 1886.* С. 109; *Изд. 1900.* С. 111–112.

Печатается по *Лирике I.* С. 88.

В первых четырех изданиях было напечатано под названием «На смерть Пушкина»; в первых трех изданиях в скобках указано — «29 января 1837». Однако в *Изд. СПб., 1886* дата помещена в конце стихотворения, что создавало видимость — на это обратили внимание П.И. Бартенев (*РА.* 1886. Вып. 3. С. 536), Р.Ф. Брандт (*Материалы.* С. 40), Г.И. Чулков (*Чулков I.* С. 248–249), — будто произведение написано в день кончины поэта. В *Изд. 1900* эта дата внесена в название; в *Изд. Маркса* название — «На кончину Пушкина», в подзаголовке — дата.

Есть в публикациях варианты строк: 9-я — «А ты, в безвременную тьму» (в первых четырех публикациях и в *Изд. Маркса*), «Но ты в безвременную тьму» (*Изд. 1900* и в дальнейших); 14-я — «Велик и свят был голос твой» (*Гражданин*), «Велик и свят был жребий твой» (в дальнейших изданиях); 21-я — «Вражду твою пусть Бог рассудит» (*Гражданин. РА, ННС, Изд. СПб., 1886*), «Вражду твою пусть Тот рассудит» (*Изд. 1900* и дальнейшие).

К.В. Пигарев считал, что стихотворение было написано Тютчевым не в Мюнхене, а во время его пребывания в Петербурге в мае–июле 1837 г. «под впечатлением светских пересудов о дуэли и смерти поэта» (*Лирика I.* С. 372).

«29-ое января 1837» — второе тютчевское стихотворение, посвященное А.С. Пушкину, первое — «К оде Пушкина на Вольность» (1820) (см. *коммент.* С. 286). В письме к И.С. Гагарину из Мюнхена 7/19 июля 1836 г. Тютчев, сравнив Пушкина с увлекающимися риторикой французскими поэтами, дал ему чрезвычайно высокую оценку: «Вот отчего Пушкин так высоко стоит над всеми современными французскими поэтами...».

1-ое ДЕКАБРЯ 1837

(с. 176)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 6.

Первая публикация — *Совр.* 1838. Т. IX. С. 138, с ошибкой в заглавии «1-ое декабря 1827», вместо «1837», с подписью «Ф.Т.–въ» и пометой «Генуя». Затем без заглавия — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 16; *Изд. 1854.* С. 30; *Изд. 1868.* С. 35; *Изд. СПб., 1886.* С. 113; *Изд. 1900.* С. 116.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 252.

В автографе — под номером «3» и заглавием «1-ое декабря 1837», хотя тютчевское «3» очень похоже на «2». После текста указано: «Genoa» (Генуя). Написано нервным, более крупным, чем обычно у Тютчева, почерком с причудливо удлиненными линиями букв. Строфы отчеркнуты. Без ровной линии слева: отдельные строки были отодвинуты то вправо, то влево. Своеобразие синтаксического оформления — преобладание тире в конце строк, стихотворение даже заканчивалось не точкой, а тире — подчеркнутой недосказанностью, открытой эмоцией.

В изданиях, начиная с 1854 г., 4-я строка отличается от варианта автографа; здесь — «Что жизнь убив, ее испепелило». Исключение слова «твою» лишило строку конкретности, а вместе и эмоциональной остроты и силы (вероятно, редакционная правка, чтобы избежать повтора: «Жизнь твою» и «В твоей...»). В тех же публикациях 9-я строка — «Где вечный блеск и ранний цвет», но в автографе — «долгий цвет»; эпитет автографа более соответствует общему настроению и смыслу стихотворения: в нем запечатлен момент не ранней любви, а скорее «долгого цветения» человеческого сердца. Ассоциативный ряд (психологический параллелизм) вел не к ранним розам, а к их позднему цветению. Эта эмоция закреплена и в первом образе (этой строки) — «вечный блеск». Поэт чувствует продолжительность или даже «вечность» власти красоты, а значит, и любви. В *Совр.* 1838 место («Генуя») указано лишь в конце стихотворения, а дата отсутствует. В дальнейших прижизненных изданиях отсутствуют и то и другое. Но в *Изд. СПб., 1886* есть помета — «дек. 1837», в *Изд. 1900* указано: «1 декабря 1837». Во всех изданиях, кроме *Изд. 1900*, в стихотворении выделены две строфы.

В списке *Муран. альбома* (с. 27) слово «прости» во второй строке выделено нажимом пера, дата указана «1 декабря 1837», притом в дате есть исправление синими чернилами, которыми сам поэт правил стихи в этом альбоме, именно ими написано «3». Г.И. Чулков

также предполагал, что правка сделана Тютчевым (*Чулков I*. С. 387). Название стих. — «1-ое декабря 1837» — по-видимому, является и временем его написания. Связано со свиданием Тютчева с Эрнестиной Дернберг в Генуе. С.А. Долгополова полагает, что то был день их расставания (*Летопись 1999*. С. 296). При расставании Тютчев не предполагал, что вступит с ней в брак уже в июле 1839 г., ему казалось, что он прощается с ней навсегда. Р.Ф. Брандт высказывал сомнение: «А ведь маловероятно, чтобы стихотворение столь интимного характера было напечатано уже через год после написания» (*Материалы*. С. 40). И даже меньше чем через год, Чулков сохранял некоторую неуверенность в определении адресата (*Чулков I*. С. 387).

Стихотворение следует рассматривать в контексте лирики поэта, посвященной встречам и расставаниям с любимыми. Но здесь впервые любовь предстала в остром драматическом переживании, которое усиливается эстетизмом восприятия самого места расставания: «здесь-то», в Генуе, «вечный блеск», «роз дыханье», «долгий цвет» — любовь и красота (два высших блага для поэта) слиты, и они утрачиваются. Художественное время (день свидания, 1 декабря) и художественное пространство (прекрасное «здесь») объединились и ушли в прошлое, оставшись лишь в болезненном воспоминании. Подобное развитие лирической темы душевных утрат — в стих. «Из края в край, из града в град...»: «За нами много, много слез, / Туман, безвестность впереди...».

«С КАКОЮ НЕГОЮ, С КАКОЙ ТОСКОЙ ВЛЮБЛЕННОЙ...»

(с. 177)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Совр*. 1840. Т. XX. С. 299, с подписью «Ф. Т-въ», заглавием «С какою негою, с какой тоской влюбленной...». Затем — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 10; *Изд. 1854*. С. 17; *Изд. 1868*. С. 20; *Изд. СПб., 1886*. С. 101; *Изд. 1900*. С. 132.

Печатается по первой публикации, но без сохранения заглавия. См. «другие редакции и варианты». С. 252.

В изданиях варьировалась первая строка: если в первой публикации и у Н.А. Некрасова (см. *Некрасов*. С. 214) последнее слово было отнесено к слову «тоска» и имело соответствующее окончание («тоской влюбленной»), то в *Совр*. 1854 г. и трех последующих эпитет был отнесен к слову «взор», и получился вариант: «С какою негою, с какой тоской влюбленный / Твой взор...» Однако в *Изд. 1899* и *Изд. 1900* был осуществлен возврат к первому изданию; ему действительно следует отдать предпочтение как по оригинальности психологи-

ческой — «тоской влюбленной» (вместо «влюбленный взор»), так и по музыкальности, появившейся во внутренней рифме — «тоской влюбленной». 3-я и 4-я строки напечатаны в первом издании и всех последующих — в таком варианте: «Бессмысленно-нема... нема, как опаленный / Небесной молнии огнем!» Сочетание «нема, как опаленный» воспринималось как ошибка, которая «исправлялась» в *Изд. 1899* и *Изд. 1900* — «Бессмысленно-немой, немой, как опаленный / Небесной молнии огнем». Все это относилось к «ее взору», а не к ней самой, что хотя и соответствует обычным тютчевским психологическим наблюдениям: путем описания «взора», «глаз», «очей» проникать в жизнь сердца — здесь, видимо, не имеет места. Есть изменения и в 9-й строке: в первых изданиях употреблялось во мн. числе слово «руки», но в *Изд. 1899* и *Изд. 1900* — «И на руку к нему глава твоя склонялась». Такое печатание первой строфы было принято в *Изд. Маркса*. С. 623; П.В. Быков сообщал, что А.А. Флоридов (*Изд. 1900*) имел в распоряжении рукопись и печатал стихотворение по ней. Г.И. Чулков также принял этот вариант (см. *Чулков I*. С. 263). В 14-й строке — «Что будущность для нас обоих берегла...» — Бартенев (в *Изд. М. 1886*, т. III. С. 536) исправил «нас» на «вас», считая, что в этом месте — опечатка. Однако Р.Ф. Брандт не соглашался: «...мне думается, что поэт, назвав сперва себя «им», с точки зрения выводимой женщины, потом сбивается на собственную точку зрения» (*Материалы*. С. 43). Синтаксис лишь слегка различался от издания к изданию. Разнится графическое оформление: в первом издании и в статье Некрасова были выделены строфы — четырехстишия, но в *Совр*. 1854 г. и в последующих печатается как единый текст (без строф). В *Изд. 1868* с красной строки напечатаны 4, 8, 12, 16-я строки, то же в *Изд. СПб., 1886*, но в *Совр*. 1854 г., в *Изд. 1900* отсутствует и это, хотя в *Изд. 1900* выделена 4-я строка как красная.

Имеются списки в *Сушк. тетради* (с. 13–14), текст совпадает с первым изданием, также и в *Муран. альбоме* (с. 14–15). 1-я строка — «С какою негою, с какой тоской влюбленный / Твой взор...», а 3-я строка — «Бессмысленно нема... нема как опаленный», 9-я — «И на руки к нему глава твоя склонялась».

Чулков датировал стихотворение «гадательно» 1831–1840 гг. (см. *Чулков I*. С. 395), К.В. Пигарев высказывал предположение, что оно обращено к Эрнестине Дернберг и написано после разлуки с нею в Генуе, в конце 1837 г. (см. *Лирика I*. С. 374). В этом случае стихотворение биографически, эмоционально совпадает с другим, прощальным — «1-ое декабря 1837». С.А. Долгополова, связывая это стихотворение с записью в альбоме-гербарии Эрнестины Федоровны Тютчевой — «Воспоминание о моем отъезде из

Мюнхена!! Понедельник 18 июля 1836 г.» — возводит стихотворение к событиям весны — лета 1836 г. (см. *Летопись 1999*. С. 295); эта гипотеза представляется правдоподобной.

Некрасов выделил в особый «род» стих. «С какою негою, с какой тоской влюбленной...», «И гроб опущен уж в могилу...», «Итальянская villa», найдя в них «легкий, едва заметный оттенок иронии, напоминающий — сказали бы мы — Гейне...». А заключил перепечатку их словами: «Поэтическое достоинство приведенных нами стихотворений несомненно: оно не утратилось в десять с лишком лет — это лучшая похвала им» (*Некрасов*. С. 213–215). В рецензии на *Изд. СПб., 1886* отмечено: «На стр. 101-й простая опечатка *нас* вместо *вас* изменяет смысл удивительного стихотворения, в котором неверно напечатан и 3-й стих» («Бессмысленно-нема, нема как опаленный». — *В.К.*) (*РА*. 1886. Кн. 3. С. 536).

«ДАВНО ЛЬ, ДАВНО ЛЬ, О ЮГ БЛАЖЕННЫЙ...»

(с. 178)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 4–4 об.

Первая публикация — *Совр*. 1838. Т. IX. С. 131–132, с подписью «Ф.Т.-въ». Затем — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 7; *Изд. 1854*. С. 10; *Изд. 1868*. С. 13–14; *Изд. СПб., 1886*. С. 118–119; *Изд. 1900*. С. 117–118.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 252.

Автограф — на сдвоенном листе бумаги, под цифрой «I» записано «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...», под цифрой «II» — «Итальянская villa». Написано крупными буквами, с большим нажимом, особенно выделились в этом отношении строчки: «Великих Средиземных Волн», «Киприда Светлая всплыла», «Святые Призраки Скользят», каждое слово пишется с прописной буквы.

В печатных изданиях есть варианты отдельных строк. 3-я строка печатается — «И как Эдем ты растворенный» (в 1-м изд. и следующих), 7-я строка в первом издании соответствовала автографу, в следующих — «Я там заслушивался пенья», но в *Изд. 1900* — возврат к варианту автографа и первого издания. В первом издании в 9-й строке выделены курсивом слова «время оно» (как в автографе), что не сохранилось в дальнейших публикациях XIX в. 15-я строка в первом издании — «По их лазуревой равнине», но в дальнейших изданиях XIX в. — «лазоревой равнине». 16-я строка также подверглась изменениям: слово «святые» заменяется словом «род-

ные». В 24-й строке слово «царствует» заменялось на — «господствует». Лишь в XX в. в изданиях, подготовленных Г.И. Чулковым и К.В. Пигаревым, был осуществлен возврат к автографу, однако у Чулкова (*Чулков I*. С. 255) 3-я строка печаталась — «И как Эдем ты растворенный...». По-видимому, в изданиях XIX в. была осуществлена «конъюнктурная» правка: слова «Бог», «святые», «царствуют» Тютчев употреблял слишком свободно с привычно-официальной точки зрения.

В *Изд. СПб., 1886* указана дата — «1840». Однако эта дата не принята другими издателями. Чулков датирует концом 1837 — началом 1838 г.; Пигарев справедливо уточнил эту дату, полагая, что оно написано в декабре 1837 г. после возвращения Тютчева из Генуи в Северную Италию, в Турин. Стихотворение написано на одном листе бумаги со стих. «Итальянская villa», а его дата указана в альбоме Э.Ф. Тютчевой — декабрь 1837 г., и если принять нумерацию поэта за последовательность написания стихотворений, то «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...» предшествовало стих. «Итальянская villa». Однако Т.Г. Динесман, ссылаясь на 3-ю строфу стихотворения, утверждает, что нарисованный в ней пейзаж больше соответствует виду не предгорий Альп, а самому «зимнему высокогорному пейзажу» этих гор, и приходит к выводу о том, что стихотворение написано по пути Тютчева из Турина в Мюнхен или сразу по приезде в этот город в январе 1838 г. (*см. Летопись 1999*. С. 288).

Пронумерованные поэтом два стих. («Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...» и «Итальянская villa») действительно связаны между собой несколькими художественными мотивами: «блаженного Юга», «небесной лазури», «благосклонной» к земле, гармонии природного бытия, но с контрастными образами: разрушения гармонии, изображением человека — «пришлеца», переходящего какие-то «пороги», «рубежи земли», попадающего в контрастные сферы и прислушивающегося к своим «новым» чувствам; в обоих стихотворениях — мотивы сновидений, призраков, отголосков прошлой жизни, прощания. В нумерации поэта как бы обозначено движение художественной мысли: мотив Юга блаженного разрастается, мотив Севера исчезает, а частная картина итальянского бытия обогащается внутренними диссонансами отношений человека с природой.

Н.А. Некрасов полностью процитировал стихотворение и по типу художественной образности сблизил его с «Весной», увидев в них сочетание изобразительного начала, картины, и мысли, и чувства, и воспоминания. (*Некрасов*. С. 21.); С.С. Дудышкин также полностью привел стихотворение в своей рецензии на тютч. сб., заметив при этом: «Между поэтом и югом, как видно, образовалась та тесная связь, которая переходит в самую кровь. Их не различишь, они все-

гда останутся свои друг другу. Это чувствуется по всему, всего же более по задушевности мотива в обращении поэта к дорогому для него югу, задушевности, какую мы запомним только у Пушкина. Как будто юг звучал для них одною музыкою: в их воспоминаниях о нем слышатся те же самые тоны» (*Отеч. зап.* С. 66).

ИТАЛЬЯНСКАЯ VILLA

(с. 180)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 4–4 об.

Первая публикация — *Совр.* 1838. Т. X. С. 184–185, с подписью «Ф.Т-ъ», цензурная помета — «28 июня 1838». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 11–12; *Изд. 1854.* С. 19; *Изд. 1868.* С. 22; *Изд. СПб., 1886.* С. III; *Изд. 1900.* С. 119 (во всех этих изданиях, за исключением *Совр.* 1838, в названии — русское слово «вилла»).

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 253.

В автографе записано под цифрой «II», а под «I» значится: «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...» Строфы отчеркнуты, а последние две отделены от предыдущих точками, протянувшимися по всей длине строки. Четвертая строка сдвинута вправо, только одна эта строка. Специфика синтаксиса — повтор тире и многоточий, не все из них сохранены. Если тире часто заменяют точки и запятые и означают завершение высказывания, конец смысловой единицы, то многоточия явно указывают на смысловую и эмоциональную протяженность речи, авторскую недоговоренность. В эмоциональном рисунке речи, выразившемся в поставленных поэтом знаках препинания, своеобразное сочетание «тишины» (затухание эмоций в многоточиях) и взволнованности, напряжения чувств — отсюда повторы восклицаний и их соединение с многоточиями или вопросом, оставшимся без ответа (в конце стихотворения).

В печатных изданиях варьируется 5-я строка: в *Совр.* 1838 г. — вариант автографа, но в следующих прижизненных и в *Изд. СПб., 1886* — «И вот тому уж века два иль боле», так и в *Сушк. тетради* (с. 15–17), списке *Муран. альбома* (с. 16–18). Конечно, приближение слов, обозначающих время («века два», «боле»), делает фразу логически более строгой. Но эта перестановка меняет смысловые акценты высказывания. Выставляется в начало фразы критерий времени — «века два», а бесцветное слово «тому» отодвигается, так мыслит поэт, такова его воля художника слова. В *Изд. 1900* — возврат к первому изданию. 11-я строка в прижизненных изданиях и в *Изд. СПб., 1886* — «Провеяло над нею полусонной», что отчасти раз-

рушало рифму (благосклонно — полусонной), но в первом издании и в *Изд. 1900* верно: «Провеяло над нею полусонно». Варьировалась и 13-я строка. Если в первом издании был принят вариант автографа («По-прежнему в углу фонтан лепечет»), то в дальнейших прижизненных изданиях и первых последующих (как и в *Муран. альбоме*) появился другой вариант — «По-прежнему фонтан в углу лепечет». И в этом случае перестановка слов неоправданна; поэт сосредоточился на двух художественных компонентах — пространственных изменениях и временных, у Тютчева выделены слова: «villa», «угол», «потолок», а чем заполнено пространство виллы — для поэта менее значимо, отсюда непоэтичный «угол» (по сравнению с «фонтаном») вышел на первое место, как и «потолок» в следующей строке. Во всех указанных изданиях последние две строфы не были отделены точками.

Датируется декабрем 1837 г. в соответствии со списком *Альбома Тютчевой* (с. 78–78 об.).

Н.А. Некрасов выделил в особый разряд стих. «И гроб опущен уж в могилу...», «Итальянская villa», «С какою негою, с какой тоской влюбленной...». Их отличительный признак, по его мнению, — «едва заметный оттенок иронии», напоминающий и поэзию Гейне. «Иронией» он назвал конфликтную основу стихотворений, чувство разлада, выраженное особенно очевидно в финальных строфах стихотворений, и во всем стих. «И гроб опущен уж в могилу...». Отмечено «поэтическое достоинство» стихотворений (см. *коммент.* С. 405). Напротив, С.С. Дудышкин склонен был усматривать в стихотворении недоконченность рисунка и вытекающую отсюда неясность мысли. Подобное он нашел уже в «Видении». Перепечатав полностью стих. «Итальянская villa», критик размышляет: «Какая прелесть! » — невольно вырвется у каждого читателя под очарованием этой несравненной фантазии. И в самом деле она уносит вас так далеко, она окружает вас такими чарами, что нет сил противиться ее обаянию. Но пусть попробует читатель дать себе отчет в ее заключении, пусть отыщет ключ к объяснению последней загадки. Кому, во-первых, принадлежит этот «чудный лепет» и что за таинственный смысл его? Далее, что это за «злая жизнь» с ее мятежным жаром? Кого и как могла возмутить она? Если под нею разуметь прошедшую жизнь виллы, то почему ж она злая? и т. п. Не сомневаемся, что сам автор знает свою мысль, но не видим, чтоб он нашел соответствующий ей образ. Или он не совсем овладел ее выражением, или недосказал нам чего-то: во всяком случае, здесь чего-то недостает для полного удовлетворения» (*Отеч. зап.* С. 74). Критик не постигает глубинного смысла стихотворения, впадая в поверхностно-позитивистское его истолкование.

А.А. Фет (Русское слово. 1859, февраль. Отд. II. С. 80) выразил не-

которое неудовлетворение стихотворением, он полагает, что «художественная прелесть» его «погибла от избытка содержания; конец получил вид придуманности <...> новая мысль неожиданно всплывает на первый план». Содержание стихотворения обращало на себя внимание читателей и критиков, но с трудом поддавалось объяснению. Рецензент из «Всемирной иллюстрации» (1869. Т. I. № 5. С. 75) отнес стих. «Итальянская villa» к характернейшим для Тютчева и сделал попытку уяснить его смысл: «Настоящая тревожная жизнь, врывающаяся в какой-нибудь замерший уголок, составляет также один из мотивов его стихотворений (*напр.*, «Итальянская вилла»). Но поэт природы не прятался вовсе от бурливого настоящего; нет, он чувствовал его, он страдал с ним вместе и выносил на себе всю тяжесть борьбы между верой и скептицизмом, всю тоску, происходящую от разрыва между дорогим прошлым и неизбежным настоящим».

В.С. Соловьев, развивая мысль о сочетании в человеке идеального начала с демоническим началом хаоса, обратился к стих. «Итальянская villa». Философ подчеркнул, что «жизнь души, сосредоточенная в любви, есть по основе своей *злая* жизнь, смущающая мир прекрасной природы» (*Соловьев. Поэзия*. С. 477). Здесь Соловьев процитировал последнюю строфу, которую он рассматривал в контексте лирики поэта 1850–1860-х гг., — «Святая ночь на небосклон взошла...», «О, как убийственно мы любим...», «Предопределение», «Ночное небо так угрюмо...». Брюсов (*Изд. Маркса*. С. XXXV) оценивал стихотворение, как и «С поляны коршун поднялся» (см. *коммент*. С. 439), в связи с будущим стихотворением о разладе человека с природой «Певучесть есть в морских волнах». Брюсов объяснил философскую идею Тютчева, не понятую Дудышкиным: «В другом, не менее характерном стихотворении Тютчев изображает старую «Итальянскую виллу», покинутую много веков назад и слившуюся вполне с жизнью природы. Она кажется ему «блаженной тенью, тенью елисейской...». Но едва вступил в нее вновь человек, как сразу «все смутилось», по кипарисам пробежал «судорожный трепет», замолк фонтан, послышался некий невнятный лепет... Тютчев объясняет это тем, что «злая жизнь, с ее мятежным жаром, / через порог заветный перешла». Чтобы победить в себе «злую жизнь», чтобы не вносить в мир природы «разлада», надо с нею слиться, раствориться в ней».

С.Л. Франк обнаружил у поэта сближение противоположностей: «ночь» и «день» иногда как бы вдруг меняются, в символическом смысле, своими местами <...> Мирная темнота «итальянской виллы» внезапно нарушается вторжением в нее «злой жизни с ее мятежным жаром», философ сопоставил эти образы с подобными в стихотворениях «Полдень», «Снежные горы», «Пошли, Господь, свою отраду...» (*Франк*. С. 22).

«СМОТРИ, КАК ЗАПАД РАЗГОРЕЛСЯ...»

(с. 181)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Совр.* 1838. Т. XI. С. 181, с подписью «Ф. Т-въ» и с заглавием, которым служит первая строчка стихотворения; в нашем издании печатается без заглавия. Вошло без заглавия в *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 21–22; в *Изд. 1854.* С. 42; *Изд. 1868.* С. 48; *Изд. СПб.*, 1886. С. 259; *Изд. 1900.* С. 121.

Печатается по первой публикации.

В *Изд. 1868*, а затем в *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* в 1-й строке — «Смотри, как запад загорелся», в предыдущих изданиях — «Смотри, как запад разгорелся». П.В. Быков, ссылаясь на рукопись, утверждает, что в ней было слово «загорелся», а не «разгорелся» (*Изд. Маркса.* С. 622). Списки в *Сушк. тетради* (с. 82) и в *Муран. альбоме* (с. 94) без заглавия, 1-я строка — «Смотри, как запад разгорелся».

Датируется первыми месяцами 1838 г., поскольку цензурное разрешение в *Совр.* помечено 1 июля этого года. В *Изд. СПб., 1886* есть дата в конце стих. — «1863», явно ошибочная.

Р.Ф. Брандт (*Материалы.* С. 41) усматривает символический смысл в картине, нарисованной Тютчевым: он видит здесь выражение мысли о «разладе между Западом и Востоком европейским». Г.И. Чулков отверг это мнение. Стихотворение и в *Изд. М., 1886* отнесено в раздел произведений о природе.

«NOUS AVONS PU TOUS DEUX, FATIGUÉS DU VOYAGE...»

(с. 182)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 62; в помете на *фр.* указано: «Lindau. 4 avril 1838» (Линдау. 4 апреля 1838 г. — *фр.*). На этом основании стихотворение и датируется.

Первая публикация — *Тютч. сб.* Пг., 1923. С. 13.

Печатается по автографу.

Стихотворение адресовано барону Аполлонию Петровичу Мальтицу (1795–1870), мужу Клотильды, младшей сестры первой жены Тютчева. Тютчев и Мальтиц были близки и в служебной деятельности. Мальтиц стал после Тютчева первым секретарем русской миссии в Мюнхене. Мальтиц писал стихи, один из первых переводчиков стихотворений Тютчева на немецкий язык. Поэты и их семьи много общались.

В *Лирике II* (с. 412) помещен перевод М.П. Кудинова.

18 Зак 6873

«ВЕСНА»

(«Как ни гнетет рука судьбины...»)
(с. 183)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Совр.* 1839. Т. XIII. С. 169–170, с подписью «Ф. Т-въ». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 6–7; *Изд. 1854.* С. 8–9; *Изд. 1868.* С. 11–12; *Изд. СПб., 1886.* С. 76–78; *Изд. 1900.* С. 123–124.

Печатается по первой публикации.

В первом издании 14-я строка — «В условный час слетает к вам», в изданиях 1854 г. и дальнейших — «В условный час слетает к нам»; 39-я строка в первом издании — «И жизни божеско-всемирной», в изданиях 1854 г. и следующих — «И жизни божески-всемирной». В первых изданиях использованы любимые тютчевские знаки — тире, многоточия, восклицательный знак. Впоследствии эти знаки все больше исчезают. Особенно в *Изд. 1900* приглушены тютчевские эмоции: исчезли все тире в конце строк, многоточие сохранилось лишь в 12-й строке (после слова «на челе»), появились отяжеляющие движение стиха точки с запятой, получилось замедленное, со многими остановками движение мыслей и чувств, что мало было свойственно поэту. В *Изд. СПб., 1886* в конце стихотворения поставлен год — «1829». Список в *Сушк. тетради* (с. 5–6) близок первому изданию: 14-я строка — «В условный час слетает к нам», но карандашом исправлена буква «н» на «в» (получилось «к вам»); 39-я строка — «И жизни божеско-всемирной». В 3-й строке было: «Как ни браздят чела морщины»; на полях написано «чело»; в 28-й строке в слове «аврора» строчная буква. В 29-й строке — «неизбежный», но исправлено на «неизбежной». На полях рядом с 35-й строкой («И ринься, бодрый, самовластный») написано карандашом: «Ради цензуры «неподвластный». Таков факт, говорящий о подозрительном отношении цензуры к стихам Тютчева, с чем приходилось считаться издателям. В списке *Муран. альбома* не учтены карандашные исправления, и 14-я строка — «В условный час слетает к нам».

Г.И. Чулков не принял датировку в *Изд. СПб., 1886* (1829 г.), полагая, что стихотворение было создано в промежутке между 1831–1839 гг. К.В. Пигарев, указав на цензурное разрешение *Совр.* — 21 декабря 1838 г., уточняет верхнюю границу временного отрезка.

Н.А. Некрасов полностью процитировал стихотворение, назвал «превосходным» и определил его место как «переход» поэта к тем произведениям, в которых к мастерски нарисованной картине при-

роды присоединяются «мысль, постороннее чувство, воспоминание» (*Некрасов*. С. 210–211). И.С. Аксаков (*Биогр*. С. 47) процитировал две строки стих.: «Их жизнь, как океан безбрежный, / Вся в настоящем разлита...». Выделив курсивом вторую строку, он, развивая мысль о своеобразии духовной самоотдачи Тютчева, об интеллектуальном и эмоциональном поглощении жизни, которые были ему свойственны, прибавляет: «...ум постоянно голодный, пытливый, серьезный, сосредоточенно проникавший во все вопросы истории, философии, знания; душа, ненасытно жаждущая наслаждений, волнений, рассеяния, страстно отдававшаяся впечатлениям текущего дня, так что к нему можно было бы применить его собственные стихи про творения природы весною», а в дальнейшем повествовании еще прибавил: «Сколько глубокой мысли в его «Весне» (*Биогр*. С. 110).

Л.Н. Толстой отметил это стихотворение буквой «Т» (Тютчев) (*ТЕ*. С. 145), а в письме к А.А. Толстой от 1 мая 1858 г. сообщал: «Я, должен признаться, угорел немножко от весны и в одиночестве. Желаю вам того же от души. Бывают минуты счастия сильнее этих; но нет полнее, гармоничнее этого счастья.

И ринься бодрый, самовластный
В сей животворный океан.

Тютчева «Весна», которую я всегда забываю зимой и весной невольно твержу от строчки до строчки» (*ЛТ*. Т. 60. С. 265).

Уясняя философское содержание пантеизма Тютчева, С.Л. Франк утверждал, что «в мире не существует для него разрыва между только телесным и духовным, между мертвым и живым, поскольку единая божественная жизнь проникает собою без остатка все сущее, и всякая индивидуальная обособленность является лишь призрачной, лишенной метафизической опоры». Он процитировал последнюю строфу и отметил два момента в этом стихотворении: описание «пантеистического слияния личного сознания с всеединым», но также «глубочайшую двойственность, проникающую для Тютчева все мироздание». Таким образом, философ прокомментировал цитируемую строфу: «Причастность, «хотя на миг», божески-всемирной жизни есть для человеческого сознания излечение «страдальческой груди» свежестью и светлостью божественной стихии, возрождение от гнета и тоски к бодрости и ясности весенней природы» (*Франк*. С. 2).

В.Я. Брюсов отмечал: «Таковы его стихи о весне, проникнутые «пантеистическим» <...> стремлением — слиться с общим оживлением, воскресением земли после зимнего сна, таковы пленительные описания ранней осени, грозы, дождя и т. п.» (*Брюсов*. С. 9). В при-

мечании к стих. «Весна» он поясняет понятие пантеизма, художественное воплощение которого он здесь нашел: «Выражение взглядов пантеизма <...> учения, по которому «частная», личная жизнь есть обман, ложь. В действительности существует лишь общая жизнь всей вселенной. Поэт призывает победить в себе самообман личной («индивидуальной») жизни и слиться с миром в весенней радости» (там же. С. 12).

ДЕНЬ И НОЧЬ

(с. 185)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Совр.* 1839. Т. XIV. С. 145, с подписью «Ф. Т-въ». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 23; *Изд. 1854*. С. 45; *Изд. 1868*. С. 50; *Изд. СПб., 1886*. С. 134; *Изд. 1900*. С. 125.

Печатается по первой публикации.

Текст изданий различается лишь в 12-й строке. В 1-м изд. и в изданиях *1854* было: «Сорвав, отбрасывает прочь», в *Изд. 1868*; *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* изменено первое слово: «Собрав, отбрасывает прочь». В *Изд. Маркса*, в изд., подготовленных Г.И. Чулковым и К.В. Пигаревым, возврат к первым изданиям. Значительно по-разному в синтаксическом отношении оформляется текст. Ближе всего к тютчевской манере в этом отношении первое издание, в котором сохранены обычные для Тютчева тире и многоточия. Но в дальнейших изданиях почти все тире опущены (за исключением 5-й строки), исчезло и многоточие, а в *Изд. 1854, Изд. 1868* и *Изд. СПб., 1886* — и восклицательный знак в конце стихотворения. В результате приглушается тютчевская взволнованность, вообще специфика его эстетической эмоции. В списке *Муран. альбома* (с. 96 и 97) 12-я строка — «Сорвав, отбрасывает прочь». Здесь мало сохраняется синтаксическое оформление, которое было в первом издании.

Хотя в *Изд. СПб.*, 1886 поставлена дата «1847», стихотворение датируют 1831–1839 гг. (*Чулков I*. С. 393). Пигарев (*Лирика I*. С. 376) уточнил верхнюю временную границу, указав, что оно написано не позднее начала 1839 г., поскольку цензурное разрешение *Совр.* помечено 23 марта 1839 г.

С.С. Дудышкин предвосхитил истолкование стихотворения В.С. Соловьевым и его единомышленниками из лагеря символистов. «Иногда в воображении нашего поэта природа отражается так оригинально, что это стоит особого наблюдения. Пусть читатель пробежит вместе с нами следующую фантазию — автор называет ее «День и Ночь» (здесь полное цитирование. — *В.К.*) <...> Не правда

ли, мы привыкли (нас приучили к тому другие поэты) представлять себе ночь — покровом, скрывающим от нас землю, а день противоположным явлением, которое снова разоблачает мир перед нами? Если с той же точки зрения вы взглянули и на выписанное нами стихотворение, то неудивительно, что вы в нем ничего не поняли. В нем все наоборот: поэт нашел новый угол зрения, откуда мир представляется ему совсем в ином виде. Не ночь покров, а день, но покров «блистательный», «златотканный», отрадный для смертного взора, потому что он скрывает за собою темную бездну ночи, исполненную мрака и тайных ужасов. Вот отчего, когда снят этот блистательный покров, перед ним открывается бездна, и вот отчего нам ночь страшна! Между многими удивительными свойствами поэтической фантазии есть всегда одно, особенное: она творит новый мир над старым, или так меняет точку зрения, что даже старое, давно знакомое глазу, поражает взор какою-то небывалою новизною. Но это также черта, свидетельствующая об оригинальности поэта» (*Отеч. зап.* С. 67–68).

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквами «Т.Г.К.!» (Тютчев. Глубина. Красота) (*ТЕ.* С. 146). В.С. Соловьев дал следующий философский комментарий: «Наш поэт одинаково чуток к обеим сторонам действительности, он никогда не забывает, что весь этот светлый, дневной облик живой природы, который он так умеет чувствовать и изображать, есть пока лишь «златотканный покров», расцвеченная и позолоченная вершина, а не основа мироздания» (стих. процитировано полностью), и он уточнил свою мысль: «День» и «Ночь», конечно, только видимые символы двух сторон вселенной, которые могут быть обозначены и без метафор. Хотя поэт называет здесь темную основу мироздания «бездной *безымянной*», но ему сказалось и собственное ее имя, когда он прислушивался к напевам ночной бури: «О чем ты воешь, ветр ночной...» (*Соловьев. Поэзия.* С. 474–475). Соловьев связал оба стихотворения, выявив специфическую их тему — ночного хаоса. В таком контексте он определил хаос, нарисованный в стихах Тютчева: «Хаос, т. е. отрицательная беспредельность, зияющая бездна всякого безумия и безобразия, демонические порывы, восстающие против всего положительного и должного — вот глубочайшая сущность мировой души и основа всего мироздания» (там же. С. 475). Но присутствие хаотического, иррационального начала в глубинах бытия, по мнению этого философа, придает природе свободу и силу, без которых не было бы и самой жизни и красоты.

С.Л. Франк, осмысливая философию Тютчева, рассмотрел это стихотворение в контексте с «Весной», «Тени сизые смесились...», «О чем ты воешь, ветр ночной...» (см. *коммент.* к стих. С. 466, 436,

396); философ задался вопросом: «Почему ночь, срывающая покров, который отделяет нас от всеединства мира, «страшна» нам, почему ночью человек стоит, «как сирота бездомный» «пред этой бездной темной», тогда как дневной покров, *отделяющий* человека от «таинственного мира духов», есть «земнородных оживленье, души болящей исцеленье» («День и ночь»)? Каким образом эти чувства ужаса и тоски может навевать тот «животворный океан» всемирно-божеской жизни, который только что описывался как спасение от призрачной отрешенности «частной жизни»?» Ответ, по мнению философа, заключается в том, что в самом всеединстве, с которым сливается личное сознание, «таятся две коренным образом различные стихии — светлая и темная» (*Франк*. С. 18). Продолжая эту мысль, Франк устанавливает ее генезис: «Космическое чувство Тютчева влечет его к метафизическому миропониманию, подобному воззрениям Якова Беме и Шеллинга, усматривавшим хаос, темное, бесформенное, роковое начало в пределах самого Божества; вселенское бытие внутренне двойственно, ибо двойственность принадлежит к самому всеединству, взаимосвязана в нем так, как день и ночь, восток и запад в своей разделенности и враждебности связаны между собою в природе» (там же. С. 20).

В.Я. Брюсов повторил то, что было высказано Дудышкиным и Соловьевым: «Тютчев особенно часто изображал в своих стихах ночь, и у него был крайне своеобразный взгляд на нее. Другие поэты не раз сравнивали ночь с каким-то темным покровом, плащом, который скрывает от взоров дневную яркость картин. Тютчев, наоборот, представляет покровом — день: под дневной яркостью, говорит он, становится невидимой подлинная сущность природы; мы ощущаем ее только ночью, когда между нею и нами нет «преграды» в виде солнечных лучей. Эту сущность природы Тютчев называет хаосом и бездной, т.е. борьбой, смешением первоначальных («стихийных») сил. При свете мы видим только ту часть мира, которая постепенно, и в течение миллиардов веков (как учит наука), пришла в некоторую стройность («гармонию»). Но остается еще безмерно большая часть вселенной, поныне находящаяся в состоянии устроения» (*Брюсов*. С. 22). Раньше Брюсов высказывал эти мысли в предисловии к изданию Маркса. Тогда возражал С. Адрианов («Вестник Европы». 1912. № 10. С. 407), который не соглашался приравнивать тютчевский пантеизм к буддийскому культу нирваны. Адрианов полагает, что для Тютчева приближение к хаосу не желанно, а страшно, потому что оно означает приближение к врагу: «Ясно, значит, что ночь, хаос есть нечто враждебное натуре Тютчева. Где же его друг? Он нам сам это сказал: «*День*, земнородных оживленье, / Души болящей исцеленье, / *Друг человеков* и богов!»

Именно при встрече с днем, при созерцании того «покрова златотканного», который он набрасывает на «безымянную бездну», на бездну хаоса, восторгом воспламеняется душа Тютчева, и радостными гимнами в честь мироздания гремит он. Тут его осанна истинному богу его».

«НЕ ВЕРЬ, НЕ ВЕРЬ ПОЭТУ, ДЕВА...»

(с. 186)

Автограф неизвестен.

Первая публикация — *Совр.* 1839. Т. XIV. С. 154–155, с подписью «Ф. Т-въ», под заглавием «Не верь, не верь поэту» (в нашем издании заглавие не сохраняется). Вошло в *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 23 (с тем же названием, но с добавлением восклицательного знака в конце); так же печаталось в *Изд. 1854*. С. 46; *Изд. 1868*. С. 51–52; *Изд. СПб., 1886*. С. 33–34; но в *Изд. 1900*. С. 126–127 — без названия.

Печатается по первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 253.

Издания различаются 14-й строкой: в первом — «Его бессмысленный народ», в следующих указанных — «Поэта — суетный народ» (в *Изд. 1900* тире отсутствует). Видимо, И.С. Тургенев, готовивший *Изд. 1854*, счел слово «бессмысленный» слишком грубым и несправедливым определением народа. Определение смягчено, что было принято и другими издателями. Г.И. Чулков и К.В. Пигарев восстановили вариант первого издания. Отличаются издания и по синтаксическому оформлению текста. Первое издание было ближе всего тютчевской манере. В списке *Муран. альбома* (с. 97–98) в 14-й строке — «Его бессмысленный народ»; название сохраняется, но без восклицательного знака, слово «Поэту» с прописной буквы лишь в названии. Пунктуация близка первому изданию.

Чулков датирует стихотворение 1831–1839 гг. (см. *Чулков I*. С. 893), Пигарев справедливо считает, что оно, как «День и ночь» (см. *коммент.* С. 468), написано не позднее начала 1839 г. (цензурное разрешение *Совр.* — 23 марта 1839 г.).

Характеризуя мотивы любви в лирике поэта, И.С. Аксаков, одним из первых цитируя стихотворение, писал: «Прежде всего, что бросается в глаза в поэзии Тютчева и резко отличает ее от поэзии ее современников в России — это совершенное отсутствие грубого эротического содержания <...> Мы уже знаем, какое важное значение в его судьбе, параллельно с жизнью ума и высшими призывами души, должно быть отведено внутренней жизни сердца, и эта жизнь не могла не отразиться в его стихах. Но она отразилась в них толь-

ко тою стороною, которая одна и имела для него цену, — стороною чувства, всегда искреннего, со всеми своими последствиями: заблуждением, борьбой, скорбью, раскаянием, душевною мукою. Ни тени цинического ликования, нескромного торжества, ветреной радости: что-то глубоко задушевное, тоскливо-немощное звучит в этом отделе его поэзии» (*Биогр.* С. 104). К.Д. Бальмонт сопоставляет стихотворение с однотемными — Пушкина и Лермонтова, но отдает предпочтение Тютчеву: «Натура поэта, по существу своему вольная и независимая от временных обстоятельств, не угадана здесь самими поэтами. Несколько красноречивее в смысле тонкости понимания стихи Тютчева (цитирует стих. «Не верь, не верь поэту, дева» и «Поэтам» Фета — *В.К.*). <...> У Тютчева и Фета мы видим психологию художественной натуры, черты интимной внутренней жизни. Художник свободен не потому, что он царь, а потому, что он стихия. Художественное творчество независимо от жизни, потому что из мертвых листьев оно умеет делать золотые узоры» (*Бальмонт.* С. 64–65).

«ЖИВЫМ СОЧУВСТВИЕМ ПРИВЕТА...»

(с. 187)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 1–2.

Первая публикация — *РБ*. 1858. Ч. II. Кн. 10. С. 5–6, с подписью «Ф. Тютчев». Затем — в *Изд. 1868*. С. 85–86; *Изд. СПб., 1886*. С. 115–116; *Изд. 1900*. С. 130–131.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 253.

В автографе тщательно переписано на трех страницах — по две строфы на каждой, строфы отчеркнуты. Как обычно у поэта, в конце строк часты тире и многоточия, по пяти, шести и более точек. Тире, а особенно многоточия многозначительны, они как бы дорисовывают образ поэта, внутренний мир которого лишь слегка приоткрывается, но полностью не раскрыт: его «мечты», гордая боязливость, способность «боготворить» обладают таинственной недоговоренностью. В конце стихотворения указано: «(Мюнхен. 1840)».

В *РБ*, *Изд. 1868*, *Изд. СПб., 1868* и *Изд. 1900* — вариант автографа 3-й строки («О, не смущай, молю, поэта»), но в списке ГАРФ (Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 2319. Л. 6 — 6 об.) — «О не тревожь души поэта». В 16-й строке в указанных изданиях, кроме *РБ* (здесь, как в автографе), — «Вся прелесть женщины мелькнет», в списке ГАРФ — как в автографе («Вся прелесть женщины блеснет»); 23-я строка в тех же изданиях — «Пускай служить он не умеет», но в автографе —

«Пускай любить он не умеет». Дата и место написания стихотворения в изданиях указываются (кроме *РБ*). Отступления от автографа заметно меняют мысль автора. Слово «смущай» (в 3-й строке) больше соответствует нарисованному образу «гордо-боязливого» поэта, а слова «не тревожь» в данном контексте — более нейтральные, не характеризующие личность. В 16-й строке слова «блеснет» и «мелькнет» по отношению к женской «прелести» правомерны оба, и у Тютчева есть образ — «Мелькнут твои младые годы» («Русской женщине»), но в стихотворении более позднем поэт говорит о «мелькании» лет жизни женщины, о трагизме ее скоротечной судьбы. В этом же стихотворении он скорее славит женскую красоту — ее «прелесть», исполненную блеска; в стихотворении представлено не затухание женской красоты, а ее расцвет, и слово «блеснет» (как в автографе) больше соответствует мысли поэта. Особенно она изменена в последней строфе, когда вместо слова «любить» (автографа) печатают слово «служить». Поэт говорил о другом — не о «службе» (угождении, прислуживании), а о «любви»; по мысли автора, поэт не «любит» в обычном смысле слова, а больше чем любит — «Боготворить умеет он».

Адресовано Великой княгине Марии Николаевне (1819–1876), дочери Николая I, к которой поэт относился с уважением и симпатией; в письме к своим родителям, написанном в октябре 1840 г., он говорил о коронованных особах, которые находились в Тегернзее (вблизи Мюнхена), и заметил: «Великая княгиня Мария в самом деле очаровательна». Он не мог сказать ей о том, что отказывается служить ей. Поэт выразил максимальное признание женщины, сказав и о блеске ее красоты и о своей способности ее не любить, а «боготворить» ее. Дошел отзыв В. кн. Марии Николаевны об этих стихах Тютчева (см. «Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым». СПб., 1896. Т. I. С. 183). Г.И. Чулков пишет: «А.Д. Скалдин сообщал нам, что у покойного Н.В. Недоброво были документы, на основании коих он строил предположение, что у Тютчева был роман с какой-то великой княгиней. Семейное предание Тютчевых не подтверждает подобного домысла. Бумаги Н.В. Недоброво, материалы и заметки, собранные им для работы о Тютчеве, находятся в Рукопис<ном> отд<еле> б<ывшего> Пушкинского Дома в Ленинграде. В этих бумагах мы также не нашли документов, подтверждающих домысел Н.В. Недоброво. С другой стороны, Д.Д. Благой сообщил нам, что оригинал тютчевского стихотворения, находившийся в архиве Зимнего дворца, был помещен в пачке рукописей, принадлежавших императрице, жене Николая I, что, впрочем, не доказывает еще, что пьеса Тютчева относилась к императрице» (*Чулков I*. С. 396). См. отзыв о Великой княгине в дневнике и мемуарах А.Ф. Тютчевой (см.:

Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1882. Тула, 1990. С. 150, 152–153).

Датируется предположительно октябрем 1840 г.

На это стихотворение отозвался В.Я. Брюсов (см. *Изд. Маркса.* С. XX–XXI). Считая, что оно адресовано В. кн. Марии Николаевне, он полагает, что Тютчев рассчитывал на ее поддержку в своих служебных делах — поэт хотел возвратиться на службу, и в последней строфе стихотворения Брюсов видел намек на личную судьбу Тютчева: «Пускай служить он не умеет / Боготворить умеет он...) (*В.К.*).

Действительно, обоюдная приязнь с оттенком дружбы сохранилась между поэтом и дочерью русского императора и в дальнейшем. Упоминание о Марии Николаевне в письмах Тютчева среди имен представителей двора и высшего света встречается неоднократно. Известно, что при поступлении дочерей поэта Дарьи и Екатерины в Смольный институт в Петербурге одна из них стала пансионеркой цесаревны, а другая — В. кн. Марии Николаевны. С просьбами к ней Федор Иванович обращался и в дальнейшем, считая это для себя не слишком зазорным и объясняя, что это не стоит ему особенного труда, ибо он обращается к женщине (письмо Ф.И. Тютчева к Эрн.Ф. Тютчевой от 3.IX.1852. *ЛН.* Т. 97. Кн. 1. С. 521). Мария Николаевна способствовала и определению старшей дочери Тютчева Анны во фрейлины (см. письмо Тютчева к В. кн. Марии Николаевне от 31 августа 1852 г.).

К ГАНКЕ

(с. 188)

Автографы (2) — Национальный музей в Праге и РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 7–8 об. «Приписка» там же. Л. 9–9 об.

Первая публикация — Русская беседа. Собр. произв. рус. литераторов. Изд. в пользу А.Ф. Смирдина. СПб., 1841. Т. 2. С. 4–5, с подписью «Ф.Т.» (вошло только в отдельные экземпляры сборника, шифр РГБ Е24/43); напечатано также — *РБ.* 1858. Ч. IV. Кн. 12. С. 1–2; «Братьям-славянам». Стихотворения Аксакова, Берга, кн. Вяземского, Тютчева и Хомякова. М., май 1867. С. 5–7; *Изд. 1868.* С. 87–89; *Изд. СПб., 1886.* С. 121–124; *Изд. 1900.* С. 135–137.

Печатается по пражскому автографу, а «Приписка» — по второму автографу, беловому варианту. См. «Другие редакции и варианты». С. 253.

Первый автограф направлялся В. Ганке; перед текстом стихотворения было помечено: «Прага. 26 августа / 6 сентября 1841». А после текста следовала приписка: «Вам, Милостивый государь, душев-

но преданный и за радушный прием Вам признательный Ф. Тютчев». Все строфы были отчеркнуты, записано старательно, тщательно выведены все слова, передано ощущение важности всего сказанного и в то же время выражено желание быть понятным нерусскому человеку. Обилие многоточий (по шести, а то и семь знаков) свидетельствует о многочисленных недоговоренностях, понятных из контекста: последствия вражды и разъединения славян не поддаются точному перечислению, так они обильны, но и последствия объединения «Славянской земли» также теряются в светлых перспективах. Эта недоговоренность, многозначность обещаний, мрачных — в первых строфах, и радужных — в последних, преобладает над эмоциональными всплесками вопросов и восклицаний (три вопросительных знака в первой строфе, два восклицательных знака с многоточиями в седьмой строфе).

Второй автограф имеет как бы заголовок «(В альбом В.В. Ганки. 1841)», а также название «Славянам»; оно подчеркнуто. Кроме того, имеется «Приписка», помеченная 1867 г. Текст стихотворения значительно изменился и принял иной вид (см. «Другие редакции и варианты». С. 253). Датируя вторую редакцию 1867 г. (первая — 1841г.), следует отметить, что она говорит, во-первых, об освобождении языка от несколько архаично-торжественных слов («простерть» — «подать», 3-я строка; «облистал» — «осиял», 30-я строка; «сей» — «этой», 21-я строка); подобного рода архаика была уместна в «Письме к Ганке» (от 6/29 апреля, 1849 г.), любителя старинного славянского языка, и оправдана значительностью темы, ее вековечной важностью. Слово «иноверец» оказалось замененным на «инородец»; замену нельзя признать удачной: и с точки зрения поэта, вера больше разъединяет людей, нежели «род» (национальность). В 22-й строке слово «Здесь» теперь заменено на «Там»: все изображаемое отодвинулось от поэта и во времени и в пространстве, стало от него более далеким. 32-я строка, «От Карпатов по Урал», приобрела вид — «От Молдавы за Урал», во второй редакции поэт уточнил географию «Славянского мира». Особенно резко изменилась 33-я строка: было — «Рассветает над Варшавой», стало — «Русь покончила с Варшавой». По-видимому, изменение вызвано политической ситуацией 1860-х гг.: восстание в Польше было подавлено царским правительством. Тютчев эту ситуацию не мог приветствовать стихом «Рассветает над Варшавой». В печать вариант второго автографа не прошел. Свободомыслие Тютчева 1867 г. особенно очевидно предстает в его письмах этого года к И.С. Аксакову, А.Ф. Аксаковой (дочери поэта), Е.Э. Трубецкой, Ю.Ф. Самарину.

Последняя строфа в первой редакции звучала более сильно и по-тютчевски — «И родного Слова звуки / Вновь понятны стали

нам». Подчеркнута идея «родства» славян, а «Слово» относится к излюбленным у поэта показателям духовности, ее своеобразия. Во второй редакции — «И наречий братских звуки / Уж не чужды стали нам». Вместо утверждения родства осторожное — «не чужды»; вместо единого, общего «Слова» появились «наречия». Конечно, во второй редакции поэт мыслит более реалистически, не столь восторженно-романтически, как в первой. «Приписка» ко второму автографу имеет два варианта — черновой, карандашный и беловой. В черновом, синтаксически не оформленном, варианте целый ряд исправлений: заключенные в скобки слова (см. «Другие редакции и варианты». С. 253) были зачеркнуты, а сверху написан новый вариант. Последняя строка подчеркнута, слово «Всеславянства» выделено. Беловой вариант «Приписки» воспроизведен в разделе «Стихотворения» «К Ганке» (приписка) (с. 189). Главные направления доработки текста: поэтический язык становится более торжественным и выразительно-индивидуальным («гласил я» вместо «просил я», «назойливее Зло» вместо «безвыходнее Зло»). Прямолинейность утверждений заменялась художественной перифразой или многозначной неопределенностью (см. правку 2-й строфы). А в третьей строфе поэт дважды указал на воздаяние Ганке («твое», «тебе») за его заслуги перед славянским миром.

В списке *Муран. альбома* (с. 110–111) указана вновь дата написания — «6-го сентября 1841» и год подчеркнут. Воспроизведен текст по пражскому автографу, лишь в строке 32-й дан вариант — «От Карпатов за Урал», причем буква «з» четко выведена (в автографе было — «по Урал», что воспринималось как описка автора). В нашем издании авторское «по» также расценивается как описка, и мы принимаем вариант «за Урал».

В первом издании напечатано, как в пражском автографе, за исключением 3–4-й строк, которые уподобили последним в стихотворении («Не увидят ли хоть внуки / То, что снилося отцам?»), в конце — пометка: «Прага 26-го августа / 5 сентября 1841» и инициалы «Ф.Т.»; стихотворение имеет название «Славяне» (В альбоме г-ну Ганке)». В *РБ* более точно воспроизведен первый автограф, хотя 3-я строка — «И подать друг другу руки» (как во втором автографе), текст имеет название «В альбом В.В. Ганке», в конце указано место — «Прага» и полная фамилия поэта — «Ф. Тютчев». В сб. «Братьям-славянам» — тот же текст, 3-я строка — «И подать друг другу руки», 22-я — «Там на Пражских высотах», напечатано без названия, с полной подписью. Р.Ф. Брандт полагал, что в этот сборник не вошла «Приписка» 1867 г., возможно, не потому, что сборник был уже отпечатан, когда поэт написал свое дополнение, а из-за «слишком личного характера», — подоб-

но тому, как опустили бывшее в *РБ* заглавие «В альбом В.В. Ганке» (*Материалы*. С. 45). В дальнейших изданиях – контаминация из двух автографов. В *Изд. 1868*, *Изд. СПб.*, *1886*, *Изд. 1900* в 17-й строке «Иноверец, иноземец» (вариант первого автографа), 21–22-я строки – «Вот среди сей ночи темной / Здесь на пражских высотах» (вариант первого автографа), 30-я строка – «День чудесный осиял» (второй автограф), 32-я строка – «От Карпатов за Урал» (контаминация первого и второго автографов); 33-я строка – «Рассветает над Варшавой» (первый автограф); 37–38-я строки – «И наречий братских звуки / Вновь понятны стали нам» (второй автограф). Во всех изданиях указана дата – «1841», а в «Приписке» – «1867», и отмечено, что она сделана во время Славянского съезда в России в 1867 г.

Рецензия на *Изд. 1868* принадлежала П.К. Щебальскому. Указывая на относительность строгого выделения в литературе «реализма» и «идеализма» (см. *коммент.* к стих. «Весенние воды» и «Осенний вечер». С. 399, 389), рецензент склонен усматривать реалистические устремления поэта, вызванные зрелостью его восприятия действительности, в стих. «К Ганке». «Подобно Пушкину, подобно всем поэтам, г. Тютчев переживал лирический период своей поэзии и вращался в сфере идеалов. Но вот он встречается с идеей, которая поразила его своим величием, и с человеком, который всю жизнь свою посвятил служению ей. Эта идея – панславизм, этот человек – Ганка, и наш поэт вступает в сферу новых, осязательных, практических, хотя и не материальных интересов. Вот стихотворение, которое обозначает этот новый фазис в его деятельности (здесь полное цитирование. – *В.К.*) <...> Самое возвышенное, самое благородное, самое богатое будущностию, самое славное и полезное для России из всех политических соображений становится отныне источником вдохновений Тютчева: возвращение к самобытной жизни миллионов попранных наших братий и участие в этом столько же политическом, сколько и христианском подвиге – вот идея, на высоту которой он поднялся, вступив в область реальности. Он не перестает служить идеалу, но более прежнего всматривается в действительность; скорби обыденной жизни не ускользают от его внимания, но он приурочивает их к идеальным стремлениям своего духа» (*Русский вестник*. 1868. Т. 77. № 9. С. 362–363). Рассуждение Щебальского, рожденное идейным размежеванием 1860-х гг., действительно показало условность терминов «реальная» и «идеальная» поэзия в применении к стихотворениям Тютчева. В стилистике послания «К Ганке» реализма ничуть не больше, нежели в «Весенних водах» и «Осеннем вечере». Рецензент одобрил общественную позицию поэта, считая ее «реальной» и назвав словом «пансла-

визм». Более точно определил идейную позицию автора стихотворения В.Я. Брюсов, который писал: «В 1841 г. Тютчев совершил поездку в Прагу, и там были им написаны его стихи к Ганке, в которых нашли себе выражение его славянофильские взгляды» (см. *Изд. Маркса*. С. XX).

Р.Ф. Брандт, познакомившийся в Праге с альбомом Ганки, подтвердил наличие в нем тютчевского стихотворения с датой и обращением к чешскому деятелю. Указав ошибочно на то, что стихотворение якобы было впервые напечатано через 17 лет, Брандт свидетельствовал, что оно распространялось в списках: «16 января 1843 года Александр Иванович Тургенев писал к кн. Петру Андреевичу Вяземскому: «Пришли стишки Тютчева в album прежнего славянофила Ганки» <...> Список этих стихов (без заглавия) дейсвительно нашелся в бумагах А. Тургенева и был мне сообщен Вас. Мих. Истриным. Список представляет некоторые ошибки, исправленные другою рукой (однако не Вяземского), причем иные остались не исправленными» (*Материалы*. С. 44–45).

«Приписка» отразила ситуацию встречи славянских гостей в связи с открытием в апреле 1867 г. Всероссийской этнографической выставки с ее славянским отделом. Славянский съезд собрал 81 представителя многих славянских народностей; празднества продолжались с 8 по 15 мая в Петербурге, с 16 по 27 мая в Москве. Тютчев придавал большое значение этим встречам и приветствовал гостей стихами (см. *коммент.* во II томе наст. изд. к его политической лирике 1867 г.). Этот Славянский съезд Тютчев и назвал в «Приписке» «первым праздником Всеславянства».

Ганка Вацлав (1791–1861) — чешский общественный деятель, филолог, фольклорист, поэт, большой любитель славянской старины. Его «Краледворская рукопись» была известна Тютчеву и вызвала его одобрение. С Ганкой Тютчев познакомился в 1841 г., когда побывал в Праге и направил чешскому поэту-славянофилу свое стихотворение. Отношения между ними раскрываются и в письме Тютчева к Ганке от 16/28 апреля 1843 г.

ЗНАМЯ И СЛОВО

(с. 190)

Автограф — Берлинская государственная библиотека, после текста помета: «Киссинген. 25 июня / 7 июля 1842».

Первая публикация по автографу — Zeitschrift für Slavische Philologie, 1929. Bd V. S. 408 (см. *Лирика II*. С. 358).

Печатается по *Лирике II*.

Датируется 1842 г., согласно помете в автографе.

Стихотворение обозначило ту тенденцию в социально-политической лирике Тютчева, на которую указал В.Я. Брюсов (см. *коммент.* к стих. «Море и утес», «Рассвет». С. 484, 507), — обращение к символам. Особенно значимым для поэта было «Слово» как символ национального самосознания (см. его стих. «Как дочь родную на закланье...» («Верь слову русского народа»), «Теперь тебе не до стихов, / О слово русское, родное...», «К Ганке» («И родного Слова звуки / Вновь понятны стали нам...»), «Недаром русские ты с детства помнил звуки» (стих. адресовано немецкому журналисту Вольфсону), «А.Ф. Гильфердингу» («Что русским словом столько лет / Вы славно служите России»); вариант образа — «Родная Речь уж на просторе...» («Он, умирая, сомневался», стих., посвященное М.В. Ломоносову). Поэт воздавал заслуженную похвалу и русским людям и тем нерусским по своему происхождению, кто послужил на благо русскому «Слову»; расширяя смысл понятия, поэт говорил о русском Просвещении, русском уме, Правде, русской духовности. Обычно эта тема была в его стихах связана со славянофильскими умонастроениями (см. *коммент.* к стих. «От Русского, по прочтении отрывков из лекций Г-на Мицкевича»).

Адресовано Карлу-Августу Фарнгагену фон Энзе (1775–1858), немецкому писателю, переводчику сочинений русских авторов; в молодости он служил в русской армии, участвовал в войнах против Наполеона.

ОТ РУССКОГО, ПО ПРОЧТЕНИИ ОТРЫВКОВ ИЗ ЛЕКЦИЙ Г-НА МИЦКЕВИЧА

(с. 191)

Автограф — Bibliotheque polonaise. № 780.

Первая публикация — «Revue des études slaves». Paris, 1979. Vol. 52/53. Перепечатано — *ЛН-1*. С. 173, а также — *Тютчев Ф.И.* Стихотворения. М., 1986; *Изд. 1987*. С. 149.

Печатается по *ЛН-1*.

Рассматривается как отклик Тютчева на лекции Мицкевича; было послано в Париж из Мюнхена 16/28 сентября 1842 г. Публикация в *ЛН-1* подготовлена Ксенией Костенич (Польша). В послании Тютчев выразил свою идею объединения славянских народов в «Славянскую семью». Стихотворение стало в один ряд с

такими, как «К Ганке», «Знамя и слово», «Тогда лишь в полном торжестве...» (образ «Славянской мировой громады»), «Славянам» (снова образ «Славянской семьи»), «Два единства» (образ «Славянского мира»). Это второе после «К Ганке» большое публицистическое стихотворение, страстно выразившее славянофильскую идею. В то же время все три первых стихотворения этой темы связаны с личностями писателей (Ганкой, Фарнгагеном фон Энзе, Мицкевичем); Тютчев именно мастеров художественного слова считал духовными «маяками» (Ср. с образом «фароса» в «Урании»), способными формировать национальное самосознание. Славянофильская идея в его стихах срослась с апологией русского Слова или родной Речи (см. *коммент.* к стих. «Знамя и Слово». С. 478).

«QUE L'HOMME EST PEU RÉEL QU'AISÉMENT IL S'EFFACE!..»

(с. 192)

Автограф — РГБ. Ф. 308. Карт. 1. Ед. хр. 17. Л. 21.

Первая публикация — *Старина и новизна*. 1914. Кн. 18. С. 3.

Печатается по автографу.

Автограф на клочке бумаги среди писем Тютчева 1842 г. к жене Эрнестине Федоровне; после письма от 14 октября 1842 г. Воспроизведен в *Старине и новизне*. Автограф беловой, синтаксически оформленный, тщательно выведены стихотворные строчки, первая, особенно длинная, не вместилась на странице, и последнее слово написано под строкой. В оформлении много линий: не только тире в конце строк, но и жирное подчеркивание в конце, и еще есть линии сбоку и внизу.

Датируется началом 1840-х гг., предположительно 1842 г., см. *Лирика II*. С. 442; *Летопись 1999*. С. 254.

Философская миниатюра Тютчева стоит в одном ряду со стихотворениями, в которых выражены скептические представления поэта о человеке и его участи (см. «Бессонница», «Смотри, как на речном просторе...», «Волна и дума», «В разлуке есть высокое значенье...»); отметим, что последнее стихотворение так же (как, возможно, и французское) адресовано жене, Эрнестине Федоровне, см. об этом в статье С.А. Долгополовой «Стихи к Эрнестине Дернберг». 1834–1838 (*Летопись 1999*. С. 296).

В *Лирике II* (с. 413) помещен перевод М.П. Кудинова.

«ГЛЯДЕЛ Я, СТОЯ НАД НЕВОЙ...»

(с. 193)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1–1 об. Тексту предшествует помета на фр. «С.-Петербург, 21 ноября 1844»; воспроизведен – *Красная нива*. 1924, № 34. С. 826.

Первая публикация – *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 26–27, с неверной датой «12 ноября 1844 года» в заглавии. Вошло в *Изд. 1854*. С. 52; *Изд. 1868*. С. 91, с этой же неверной датой. В *Изд. СПб., 1886*. С. 129 и в *Изд. 1900*. С. 139, дата, указанная в конце стихотворения, – 21 ноября 1844 г.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 254.

Автограф – на маленьком листке бумаги с двух сторон; две строфы – на первой странице, три – на обороте; строфы отчеркнуты. Вместо заглавия – указание места и времени написания. Особенность почерка – длинные линии в буквах «у», в подчеркиваниях верхних или нижних в буквах «т» и «ш»; эти линии захватывают иногда все слово, а то и соседнее, в результате над словами получаются сложные переплетения линий, особенно в 4-й строфе, где рисуется образ Севера-Чародея. Здесь к тому же длинные «хвосты» у буквы «д», сложнейшие изгибы линий в повторяющихся «у»; получился своеобразно красивый «рисунок», сделанный тонко очиненным пером. К тому же буквы «С», «З», «Г», как нередко у Тютчева, выделяются своей величиной; слова «Небо», «Река», «Солнце», «Север-Чародей», «Юг» написаны с прописной буквы. В написании чувствуется не только какая-то нервозность, но и значительность недоговоренностей.

В изданиях имеет место лишь вариант 12-й строки: в первых четырех из указанных – «Роскошный Генуи залив...» (как в автографе), но в *Изд. 1900* и в *Изд. Маркса* – «Роскошной Генуи залив...». Р.Ф. Брандт считал, что, даже если в автографе «роскошной» (через «о», а не «ы»), эпитет нужно относить к заливу, а не к самой Генуе.

В списке *Муран. альбома* (с. 61–62) дан вариант – «Роскошный Генуи залив». Дата написана в виде заглавия: «21 ноября 1844 г.». Этим годом и датируют стихотворение; К.В. Пигарев уточнил, указав на то, что оно «написано по переезде из-за границы в Петербург, куда Тютчев прибыл в конце сентября 1844 г.» (*Лирика I*. С. 377).

И.С. Аксаков (*Биогр*. С. 54–55) объясняет психологические особенности привязанности поэта к загранице, связанные с его

высокими «духовными потребностями, воспитываемыми западною цивилизацией»; его также манили к себе роскошная природа Южной Германии и Италии: «Так, приехав в 1844 году в Петербург на окончательное водворение, он в ноябре же месяце того года, рисуя в стихах картину Невы зимнею ночью, прибавляет к этой картине следующие строфы» (процитированы три последних строфы. — *В.К.*). Вместе с тем Аксаков находил у Тютчева «природное русское чувство».

КОЛУМБ

(с. 194)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 2–2 об.

Впервые опубликовано без разделения на строфы и с названием «Колумб» — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 39. В таком же виде вошло в *Изд. 1854*. С. 79; *Изд. 1868*. С. 116; но в *Изд. СПб., 1886*. С. 128 напечатано без названия с указанием даты в конце стихотворения — «1844», в *Изд. 1900*. С. 138 — снова с названием и указанием даты, в нем стихотворение разделено на строфы.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 254.

В автографе название отсутствует, перед текстом помета — «1844», строфы не выделены, но написаны по одной строфе на каждой странице листа бумаги малого формата. В конце стихотворения жирное подчеркивание, обозначающее конец произведения.

Во всех указанных изданиях 4-я строка — «Судеб неконченное дело», в автографе — «Миросоздания неконченное дело». Слово автографа, пожалуй, сильнее выражает специфику миросозерцания поэта — космизм его мышления (он склонен был созерцать «живую колесницу мирозданья»). Вариант автографа — в *Изд. 1900*. 5-я строка во всех указанных изданиях — «Ты завесу расторг всесильною рукой»; в автографе — «божественной рукой», возможно, вариант вызван цензурными соображениями, могло казаться, что поэт слишком вольно обращается со словами «божественный», «бог» (см. *коммент*. «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...». С. 460). 9-я строка во всех изданиях — «Так связан, съединен от века» (в автографе — «Так связан и сроднен от века»). Вариант автографа более точно выразил идею автора: речь идет не о «механическом» присоединении человека к природе, не просто об их связи, а об их родстве, и эту мысль поэт высказал окончательно в последней строке — «На голос родственный его».

В *Сушк. тетради* (с. 43–44) 4-я строка — «Судеб неконченное дело»; 5-я — «Ты завесу расторг божественной рукой»; 9-я — «Так связан, съединен от века»; 12-я — «С творящей силой естества». В списке *Муран. альбома* (с. 52) есть название стих. — «Колумб», 4-я строка — «Судеб неконченное дело», 5-я — «Ты завесу расторг божественной рукой», 9-я — «Так связан, съединен от века», 12-я — «С живою силой естества». Первые два четверостишия разделены, в результате в стихотворении получились три строфы (третья состоит из 8 строк) (*В.К.*). Последняя строфа является вариацией на тему заключительных строк стих. Ф. Шиллера «Колумбус» о вечном союзе гения с природой, о том, что природа выполняет то, что обещает гений. В стихотворении Тютчева 16 ямбических строк, написанных перекрестной рифмой. Женские и мужские рифмы сменяются симметрично (*М.М.*).

С.С. Дудышкин отозвался о стихотворении, связав его с «Цицероном»: «Та же зрелость мысли, чувствительной ко всем великим явлениям всемирной жизни, прозрение поражает нас в «Колумбе» <...>, напоминающем стихотворение Шиллера под тем же названием» (*Отеч. зап.* С. 72). Р.Ф. Брандт (*Материалы.* С. 45–46) нашел, процитировал и привел перевод строк из стихотворения Шиллера, близких Тютчеву: «Mit dem Genius steht die Natur in ewigem Bunde / Was der eine verspricht, leistet die andre gewiss» («С гением вечный союз сама заключила Природа / что один обещал, сдержит другая всегда» — *нем.*). Л.Н. Толстой отметил стих. Тютчева буквами «Г.Т.!» (Глубина. Тютчев), подчеркнув четыре последних строки (см. *ТЕ.* С. 145–146).

UN RÊVE

(с. 195)

Автограф — *Собр. Пигарева.*

Первая публикация — *Изд. 1900.* С. 3–4.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 255.

Датируется на основании пометы в автографе перед текстом на фр. — «7/19 октября 1847».

В первой публикации в разделе «Краткие примечания» указано, что оно посвящено жене поэта Эрнестине Федоровне. У нее был гербарий, в котором засохшие цветы обозначали какие-либо особые, памятные события ее жизни. В первом издании учтены поправки, имеющие место в автографе.

Стихотворение примечательно не только своей изящно-поэти-

ческой «цветочной» темой, здесь появились связанные с предромантической традицией образы «цветов» вообще, засохших цветов, розы, гвоздики. В поэтическом сюжете засохшего цветка, пробуждающего сладостные воспоминания, поэт сблизился с Пушкиным. Вместе с тем Тютчев усилил романтическое звучание цветочного сюжета, введя мотив «странного таинства», «тайного дива». Поэт поведал о таинственной метаморфозе: увядающий цветок, поднесенный к огню, вновь расцветает. Он раскрыл символический смысл этого явления: когда угасают в сердце воспоминания, смерть заставляет их расцвести. Этим мотивом Тютчев продолжил образы «Mal'aria». В стихотворении можно усмотреть предчувствие новой губительной любовной страсти, и образ розы (символа любви), сожженной в огне, приобрел еще один — символический оттенок.

В *Лирике II* (с. 414) помещен перевод М.П. Кудинова.

МОРЕ И УТЕС

(с. 197)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 3–4.

Первая полная публикация — *Москв.* 1851. № 11. Кн. I. С. 238–239, но последняя строфа была опубликована в *РИ*, уже в 1848, 7 сент. № 197. С. 768. Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 42–43; *Изд. 1854.* С. 84–85; *Изд. 1868.* С. 111–112; *Изд. СПб.*, 1886. С. 138–139; *Изд. 1900.* С. 142–143.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 255.

Автограф — на сдвоенном листе бумаги, строфы отчеркнуты. Написано крупным почерком с выделением первых букв в словах, обычно существительных, длинные «хвосты» в букве «у», сложно, причудливо выводится «ж», длинная изогнутая черта над буквой «й». Есть исправления в 24-й строке, было — «Бурный натиск сокрушив», поэт заменил последнее слово на «преломив», добиваясь большей зрительной выразительности. 25-я строчка имела вид «Вал разбился отраженный», исправлено на «Вал отбрызнул сокрушенный», снова поэт достиг большей живописности образа и усилил эффект силы утеса, который «сокрушает» мятежную волну, а не просто «отражает» ее. В синтаксисе автографа — обычные для Тютчева повторы тире в конце строк, может быть, они ассоциировались для поэта с движением волны; в других стихотворениях о водной поверхности он также повторял тире в конце строк.

Отличия в печатных текстах связаны прежде всего с названием. В журнальной публикации *Москв.* дано более длинное название — «Море и утес. В 1848 году», в *Совр.* «Море и утес 1848 года», то есть аллегорический смысл стихотворения акцентирован и раскрыт. В *Изд. 1854* обозначение года отодвинуто в подзаготовок и заключено в скобки; в *Изд. 1868* — так же. В последующих публикациях в названии осталось лишь «Море и утес», а дата «1848» приписана в конце стихотворения как указание на время написания. Разночтения обнаруживаются во 2-й строке: «Плещет, свищет и ревет» — в первых четырех изданиях; 26-я строка в тех же изданиях — «И клубится мутной пеной», но в *Изд. 1900*, как и в автографе, — «И струится мутной пеной». Вариант автографа больше соответствует мысли поэта о победе утеса над волной, она стала более спокойной — «струится» (а не «клубится»).

Что касается последней строфы в *РИ*, то здесь отличия от автографа существенно не изменили главного смысла, но в варианте автографа тютчевские слова звучат более сильно. Слово «обожди», народное слово, звучит выразительнее, чем «потерпи», а у Тютчева возникала скрытая ассоциация с гласом народа. Вариант *РИ* («Не всегда ж волне гремучей») слабее автографа («Надоест волне гремучей»), здесь мысль выражена более решительно и категорично. Также и 34-я строка в этом варианте — «И без пены и без вою» — также бледнее, чем в автографе — «И без вою, и без бою»; мотив боя вообще очень важен для всей идейной концепции стихотворения. И наконец, перестановка слов в рифме (33-я и 36-я строки) — «волна — она» (*РИ*), «она — волна» (в автографе); автограф предпочтительнее: стихотворение и должно заканчиваться определенным и лейтмотивным словом «волна».

Датируется 1848 г. согласно указаниям в первых изданиях.

И.С. Аксаков свидетельствует: «Пьеса написана в 1848 г. после февральской революции и, очевидно, изображает Россию, ее твердыню, среди разъяренных волн западноевропейских народов, которые вместе с всеобщим мятежом были внезапно объяты и неистовою злобой на Россию. Ничто так не раздражало Тютчева, как угрозы на Русь со стороны иностранцев. Не знаю, обратили ли эти слухи внимание на себя в свое время и были ли поняты в смысле нами объясненном, но трудно сомневаться в их настоящем значении, особенно в виду статьи «Россия и революция». Процитировав стихотворение полностью, Аксаков пишет: «Относительно стремительности, силы, *красивости* стиха и богатства созвучий, у Тютчева нет другого подобного стихотворения. Оно превосходно, но не в тютчевском роде» (*Биогр.* С. 118). Однако Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквами «Т.К.» (Тютчев. Красота) и отчеркнул первую

строфу (см. *ТЕ.* С. 146), то есть писатель усмотрел и в нем тютчевскую специфическую выразительность. Действительно, стихотворение свободно включается в контекст его политической лирики, общим оказывается ораторский пафос, повышенная эмоциональность, «громкое» звучание, аллегоричность картины, а главное — злободневность и патриотический настрой. В.Я. Брюсов (Легенда о Тютчеве // Новый путь, 1903. № 11. С. 28) относил «Море и утес» к лучшим политическим стихотворениям Тютчева, а во вступительной статье к *Изд. Маркса* (С. XXII) писал: «...в образах «моря» и «утеса» Тютчев думал представить бессилие революционных сил перед мощью русского мира. Но мы вправе подставить под это стихотворение иное, более широкое содержание, и стихи не утратят для нас своего очарования». К.В. Пигарев сопоставил «Море и утес» со стих. Жуковского «Русскому великану», найдя в них общую тенденцию и сходный образ, но отдал предпочтение художественной выразительности стихотворения Тютчева (*Лирика I.* С. 378–379).

«НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ЛЕСТНЕЙ ДЛЯ МУДРОСТИ ЛЮДСКОЙ...»

(с. 199)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 3.

Первая публикация — *Былое.* 1922. № 19. С. 75, в статье Г. И. Чулкова «Тютчев и его эпиграммы». Перепечатано в «Тютчевиане» (М., 1922. С. 14), после этого вошло в Изд. *Чулков II.*

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 255.

Автограф — на маленьком листе бумаги, записано только это четырехстишие и подчеркнуто длинной изогнутой линией. Две длинных строки (шестистопного ямба) отодвинуты влево, а две коротких (четырехстопного ямба) сдвинуты вправо; в конце 2-й строки — тире, в конце стихотворения — вопросительный знак и многоточие.

Печатные тексты воспроизводят автограф. В списке *Муран. альбома* (с. 79) 2-я строка — «Иль Вавилонский столп Германского единства».

Датируется 1848 г. Чулков первоначально ошибочно датировал стихотворение 1871 г. на том основании, что в этом году была провозглашена Германская империя, чем якобы была вызвана тютчевская эпиграмма (см. *Былое.* 1922. № 19. С. 75). Но вынужден был согласиться с К.В. Пигаревым, указавшим на то, что эпиграмма

была уже в *Сушк. тетради*, которая готовилась к изданию в 1851–1852 гг., «значит, она не могла быть написана позднее 1852 г., и ее приходится отнести к событиям 1848 года» (*Чулков II*. С. 300).

РУССКАЯ ГЕОГРАФИЯ

(с. 200)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 2.

Первая публикация – *Изд. СПб., 1886*. С. 141; вошло в *Изд. 1900*. С. 144.

Печатается по автографу.

Автограф имеет название «Русская география», которое подчеркнуто. Строфы – пятистишия – отделены и отчеркнуты. Своеобразие синтаксиса – многоточия в конце строк (по пять, шесть точек). Много прописных букв, они не только в собственных именах, названиях городов и рек, но и в других словах.

Первое издание ближе всего к автографу, в нем указан год создания произведения – 1848-й, но в *Изд. 1900* его нет.

Датировать, по-видимому, можно – 1848 или 1849 г.; стихотворение отражает славянофильские настроения поэта конца 1840-х гг. и сближается с его, задуманной в это время политической публицистикой, с его сочинением «Россия и Запад».

В.Я. Брюсов (см. *Изд. Маркса*. С. XXIII) отнес это стихотворение к созданным в 1848–1849 гг.: кроме «Русской географии», также «Рассвет», «Пророчество», «Тогда лишь в полном торжестве», «Уж третий год...», «Море и утес». Он сослался на свидетельство П.А. Вяземского, который говорил, что Тютчев был потрясен «февральскими», «мартовскими» и «апрельскими» событиями 1848 г., они «возбудили и подвигли все его нравственное существо», и поэт изнемогал «под тяжестью впечатлений». Брюсов связал этот стихотворный ряд с публицистическими статьями Тютчева «Россия и революция», «Папство и римский вопрос» и с началом труда о политических судьбах Европы.

Град Петров – Рим.

Даниил предрек – библейское пророчество о царстве, которое «вовеки не разрушится» («Книга пророка Даниила». II. 44).

«ЕЩЕ ТОМЛЮСЬ ТОСКОЙ ЖЕЛАНИЙ...»

(с. 201)

Автографы (2) – *Мураново*. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1; *Альбом Тютч.-Бирилевой*. С. 75.

Первая публикация – *Москв*. 1850. № 8. Кн. 2. С. 288, под общим

заголовком «Осемь стихотворений, обещанных в 7 книге «Москвитянина», вместо подписи: «***». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 27–28; *Изд. 1854.* С. 54; *Изд. 1868.* С. 118; *Изд. СПб., 1886.* С. 137; *Изд. 1900.* С. 147.

Печатается по автографу *Альбома Тютч.-Бирилевой.*

Первый автограф — на обратной стороне листа, на котором фрагмент труда «Россия и Запад» на фр., датированный 27 декабря 1848/8 января 1849 г. Во втором автографе карандашом в конце стихотворения проставлено — «1848». К.В. Пигарев полагал, что год поставлен рукой Э.Ф. Тютчевой (*Лирика I.* С. 379).

Печатные издания, по существу, не отличаются, но в первой публикации выделены две строфы-четверостишия. В *Изд. 1900* стихотворение оформлено в виде одного сложного предложения, тютчевские многоточия превращены в запятые. В *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* в конце указана дата — «1848».

Посвящено памяти первой жены поэта Элеоноры Федоровны (6/18 октября 1800 — 28 авг./9 сентября 1838). Такого мнения придерживался И.С. Аксаков, комментируя стихотворение (*Биогр.* С. 24–25) (*В.К.*).

Эмилия Элеонора Тютчева — происходила из графского рода Ботмеров, а по матери из рода Ганштейн. Особенности этой семьи состояли, по словам Брюсова, в «постоянной жажде приключений, в беспокойном стремлении к перемене мест, в какой-то неустойчивости всего душевного склада» (*БЛ.* С. 491). От первого брака с Александром Петерсоном (ум. 1825) у нее было четверо сыновей: Карл, Оттон, Александр и Альфред. Знакомство Элеоноры и Федора Тютчева состоялось вскоре после возвращения поэта в Мюнхен в первой половине января 1826 г. Брак был поначалу гражданский, ибо они были разного вероисповедания (он православного, она лютеранского), и надо было еще получить разрешение церкви помимо родительского благословения. Их юридический брак состоялся 27 января/8 февраля 1829 г. В своих письмах родителям Тютчев пишет о большой любви жены к нему и о своей благодарности ей. «...Скромная гостиная Тютчева в Мюнхене, при общительном характере прелестной хозяйки, стала вскоре сборным местом всех даровитых и вообще замечательных людей в городе», — рассказывает Аксаков (*Биогр.* С. 24). Этот салон посещал Гейне и оставил светлые поэтические воспоминания о жене Тютчева и ее сестре Клотильде. Однако финал семейной жизни поэта был омрачен. Примерно в 1834 г. Элеонора узнала о тайных встречах своего мужа с Эрнестиной Дернберг, что явилось причиной ее нервной болезни и попытки самоубийства весной 1836 г. В 1837 г. она с мужем и дочерьми приехала в Россию. На обратном пути (она возвращалась

без мужа) ночью 19 мая 1838 г. на пароходе «Николай I» случился пожар. Мужественная женщина спасла детей, но это стоило ей окончательной потери здоровья. Она скончалась в Турине 27 августа/9 сентября 1838 г.

Тютчев мучительно переживал ее кончину, стих. «Еще томлюсь тоской желаний...» свидетельствует о сохраняющемся в поэте светлом чувстве любви к покойной жене. Ей же посвящено стих. «В часы, когда бывает...» (1858). Горе от утраты жены Тютчев выразил и в письме В.А. Жуковскому 6/18 октября 1838 г. (*Г.Ч.*).

«UN CIEL LOURD QUE LA NUIT BIEN AVANT L'HEURE ASSIÈGE...»

(с. 202)

Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой*. С. 13. Вместо названия — дата на фр.: «6 novembre 1848. St. Peterburg» (6 ноября 1848 г. С.-Петербург).

Первая публикация — *Изд. 1900*. С. 445.

Печатается по автографу.

Особенности пунктуации: длинные многоточия в конце 4, 6, 8-й строк, тире — в конце 2-й строки.

Датируется 1848 г. согласно указанию в автографе.

Зимний Петербург вызывал в Тютчеве поэтические настроения (см. «Глядел я, стоя над Невой...». С. 193), но психологической загадкой остается замысел и его осуществление — о русской зиме рассказать на французском языке. Видимо, это содействовало еще большему отчуждению поэта, любящего тепло Юга, от холодного Севера.

В *Лирике II* (с. 415) помещены переводы В.Я. Брюсова и М.П. Кудинова.

«НЕОХОТНО И НЕСМЕЛО...»

(с. 203)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Ч. I. Л. 183–183 об.; *Альбом Тютч.-Бирилевой*. С. 11.

Первая публикация — *Киевлянин*. 1850. Кн. III. С. 192. Затем — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 33; *Изд. 1854*. С. 67; *Изд. 1868*. С. 109–110 (в *Изд. СПб., 1886*, отсутствует); *Изд. 1900*. С. 149–150.

Печатается по второму автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 255.

Автографы имеют название «Гроза дорогой». В автографе

РГАЛИ в скобках дата «6 июня 1849». В 13-й строке — «Гуще капли дождевые». Следующее стих. — «Вновь твои я вижу очи». В альбомном автографе в 13-й строке — «Чаще капли дождевые». Название («Гроза дорогой») заключено в скобки. В альбоме стихотворение находится в таком контексте: ему предшествует «Русской женщине», после него идет «Святая ночь на небосклон взошла...».

Все названные публикации имеют название «Гроза дорогой», в *Киевлянине* — «Гроза». Однако, как справедливо полагает Г.И. Чулков, название во втором автографе заключено в скобки, поэтом сделана как бы помета для памяти, и стихотворение нельзя считать озаглавленным (*Чулков. I.* С. 307).

Разночтения в печатных изданиях: в *Киевлянине* 20-я строка — «Вся смущенная земля», в *Изд. 1900* 11-я строка — «Пламень беглый и летучий». Возможно, здесь допущены опечатки.

Датируется 6 июня 1849 г. на основании даты в автографе; было написано по дороге из Москвы в Овстуг.

С.С. Дудышкин увидел в стихотворении «искусную руку мастера» и полностью процитировал, сопроводив таким комментарием: «Тут нет ни «ветреной Гебы», ни ее «громокипящего кубка», пролитого на землю среди веселого смеха; но зато есть своя чарующая прелесть в этой «смятенной земле», которая потонула в сиянии лучей солнца, проглянувшего из-за туч. Это значит изображать одною чертою то, что в другом искусстве потребовало бы множество красок. Заметим опять тот же верный глаз, уменье подмечать в явлении самые тонкие оттенки и находить им соответствующие звуки в речи (рецензент указал в особенности на третий куплет. — *В.К.*). <...> Все это опять напоминает ту эпоху творчества в языке, когда каждое явление в природе так легко покорялось художественному слову» (*Отеч. зап.* С. 64). Рецензенту из *Пантеона* (с. 6) не понравились образы: «*принахмурилась* земля», «*смятенная* земля». В рецензии на *Изд. 1900* Е. Поселянин (Московские ведомости. 1899, 13 дек. № 343) давая высокую оценку стихотворению, полностью процитировал его в короткой рецензии и заметил, что стих. «Гроза дорогой» должно быть поставлено «в ряду удачнейших картин природы, нарисованных Тютчевым, столь выдающимся в поэзии пейзажистом».

«ИТАК, ОПЯТЬ УВИДЕЛСЯ Я С ВАМИ...»

(с. 204)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Ч. I. Л. 185–185 об.; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 13).

Первая публикация — *Москв.* 1850. № 8 Кн. 2. С. 288, под общим

заголовком «Осемь стихотворений, обещанных в 7 книге «Москвитянина», вместо подписи — «***». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 26; *Изд. 1854.* С. 51; *Изд. 1868.* С. 90; *Изд. СПб., 1886.* С. 131–132; *Изд. 1900.* С. 141.

Печатается по автографу из *Альбома Тютч.-Бирилевой.* См. «Другие редакции и варианты». С. 256.

В первом автографе перед текстом — дата (на фр.): «13 juin 1849» (13 июня 1849) и помета «Овстуг»; 2-я строка — «Места немилые, хоть и родные...», 8-я строка — «Давно минувшего, былого счастья!», 10-я — «Гляжу я на тебя, мой гость минутный!», 15-я — «Не здесь расцвел, не здесь был величаем», 18-я — «Все, чем я жил — и чем я дорожил».

Во втором — дата, поставленная рукой Э.Ф. Тютчевой, — «1846 сентябрь»; 8-я строка в новом варианте — «Забытого, загадочного счастья!» и 10-я — «Смотрю я на тебя, мой гость минутный». В 8-й строке поэт выделил мотив «загадочности счастья», сделав свою мысль более выразительной и соответствующей его романтическому представлению о бытии и движении времени как «таинственных», «загадочных».

Печатные тексты несколько различаются. В *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* принята дата альбомного автографа — «сент. 1846». 2-я строка, совпадающая в *Москв.* с автографом («Места немилые, хоть и родные»), в следующих трех изданиях приобрела иной вид: «Места печальные, хоть и родные». Видимо, оксиморонные эпитеты («немилые, хоть и родные») в глазах издателей плохо сочетались с известным патриотическим настроем поэта, незадолго до создания стихотворения вернувшегося в Россию. К.В. Пигарев высказал предположение о принадлежности правки «немилые» на «печальные» И.С. Тургеневу (см. *Лирика I.* С. 248). В *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* приведен вариант автографов — «места немилые». 18-я строка, данная в *Москв.* в варианте автографов («Все, чем я жил и чем я дорожил»), в *Изд. 1854* и в следующих приобрела вид: «То, чем я жил и чем я дорожил». Правка имеет тот же смысл, что и во 2-й строке: смягчается универсальность негативного обобщения — слово «все» заменяется на «то».

Различия в датировке, которые берут начало в автографах, перешли и в издания XX в. Г.И. Чулков связывал стихотворение с письмом Тютчева к Эрнестине Федоровне от 31 августа 1846 г. из Овстуга (отсюда — и поставленная ею дата в альбомном автографе); в этом письме поэт передавал свои впечатления, близкие тем, которые выразил в стихотворении: «Милая моя кисанька, мне кажется, словно я пишу тебе с противоположного конца земли, и наивной представляется мысль, будто клочок бумаги, лежащий у меня под

рукою, когда-нибудь до тебя дойдет — до такой степени я чувствую себя как бы на самом дне бездны...

А между тем я окружен вещами, которые являются для меня самыми старыми знакомыми в этом мире, к счастью, значительно более давними, чем ты... Так вот, быть может, именно эта их давность сравнительно с тобою и вызывает во мне не особенно благожелательное отношение к ним <...>. Перед глазами у меня старая реликвия — дом, в котором мы некогда жили и от которого остался один лишь остов, благоговейно сохраненный отцом, для того чтобы со временем, по возвращении моем на родину, я мог бы найти хоть малый след, малый обломок нашей былой жизни... И правда, в первые мгновенья по приезде мне очень ярко вспомнился и как бы открылся зачарованный мир детства, так давно распавшийся и сгинувший. Старинный садик, 4 больших липы, хорошо известных в округе, довольно хилая аллея шагов во сто длиною и казавшаяся мне неизмеримой, весь прекрасный мир моего детства, столь населенный и столь многообразный, — все это помещается на участке в несколько квадратных сажен... Словом, я испытал в течение нескольких мгновений то, что тысячи подобных мне испытывали при таких же обстоятельствах <...>. Но ты сама понимаешь, что обаяние не замедлило исчезнуть и волнение быстро потонуло в чувстве полнейшей и окончательной скуки...» (*Изд. 1984*. С. 119–120). Однако Пигарев датирует стихотворение 1849 г., опираясь на дату, выставленную самим Тютчевым в другом автографе (РГАЛИ). Конечно, поэт мог вспомнить свои прежние, 1846 г., впечатления и отразить их в стихотворении, хотя близость письма того года и поэтического произведения в непосредственных чувствах и их словесном выражении настолько значительна, что дата «1849» вызывает сомнение (ведь Тютчев славился своей рассеянностью, мог и сам допустить ошибку).

С.С. Дудышкин выделил «задушевный мотив» поэтических воспоминаний, рассмотрев его как характерный для поэзии пушкинского периода: «Надобно быть очень юным, чтоб не узнать этого «бедного призрака» первого детства и его забытого, загадочного счастья; надобно быть большим новичком в литературе, чтоб не обрадоваться этим «печальным, хотя и родным местам», где вы мыслили и чувствовали впервые, как давнишним милым знакомцам. Мотив так свеж, что никто не сочтет его заимствованным, и последний оборот его так своеобразен, что никому и в голову не придет искать в нем подражания. Тайна этого поразительного согласия и почти созвучия между старым и новым опять заключается не столько в сходстве отдельных звуков, сколько в общем настроении, которое принадлежало только одному времени, одной минувшей эпохе в ли-

тературе и которую составляло как бы исключительную собственность только известного поколения» (*Отеч. зап.* С. 60). Литературно-генетический комментарий, предложенный Дудышкиным, был дополнен И.С. Аксаковым (*Биогр.* С. 52–54), который выдвинул биографически-психологические объяснения стихотворения: «Вспомним, наконец, что там, за границею, он женился, стал отцом семейства, овдовел, снова женился, оба раза на иностранках; там, на чужбине, прошла лучшая пора его жизни, со всем, чем дорога человеку его молодость, как он сам о том свидетельствует в следующих стихах, написанных им уже в 1846 году, когда, после смерти отца, он посетил свое родное село Овстуг, где родился и провел детские годы» (там же. С. 52). Затем Аксаков полностью привел стихотворение, выделив 13–16-ю строки, говорящие об отрешенности поэта от родного края. Он усмотрел парадоксальность натуры Тютчева в том, что при всей оторванности от России он сумел быть Русским поэтом, мастерски владел русским словом, сохранял «самобытность духовной природы» (там же. С. 53) как мыслитель и «не угасло в нем русское чувство, а разгорелось в широкий, упорный пламень, — но еще, кроме того, сложился и выработался целый твердый философский строй национальных воззрений» (там же. С. 53–54).

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквами «Т.К.Ч.!» (Тютчев, Красота. Чувство) и отчеркнул две первых строфы (*ТЕ.* С. 146). В.С. Соловьев (*Соловьев. Поэзия.* С. 477–478) развивает мысль о том, что «для Тютчева Россия была не столько предметом любви, сколько веры — «в Россию можно только верить», и говоря о том, что личные чувства поэта к родине были сложны и многоцветны, было и «отчуждение», и, с другой стороны, «благоговение к религиозному характеру народа», цитирует стихотворение «Итак, опять увиделся я с вами...» (первые три строки и затем последнюю строфу). При этом он утверждает: «Тютчев не любил Россию тою любовью, которую Лермонтов называет почему-то «странною». К русской природе он скорее чувствовал антипатию. «Север роковой» был для него «сновиденьем безобразным»; родные места он прямо называет *немилыми* <...>. Значит, его вера в Россию не основывалась на непосредственном органическом чувстве, а была делом сознательно выработанного убеждения». Соловьев говорил о высокопоэтическом выражении этой веры у поэта еще в молодости. Д.С. Мережковский увидел в стихотворении нелюбовь поэта к родине. Тютчев сделался, по его мнению, «почти иностранцем», так что, «когда вернулся на родину, она показалась ему чужбиною: «Ах, нет, не здесь, не этот край безлюдный / Был для души моей родимым краем», и автор пришел к несправедливому мнению о том, что Тютчев якобы «от родины отрекается» (*Мережковский.* С. 70–71).

Осуждая Мережковского за изображение Тютчева как отреченца от всего святого — от родины, родного языка, веры отцов, от поэзии, В. Я. Брюсов писал: «Все это опять сплошная ошибка, Тютчев ни от чего родного не отрекался, напротив, оставался «самым русским из русских» (*Разг.* С. 17). Объясняя смысл образа «места немилые, хоть и родные», следует учитывать и сугубо лично-интимную мотивацию образа, раскрывающуюся в письме к жене, к тому же поэт имел в виду Овстуг, место его детства, а не Россию вообще.

Как брат меньшой, умерший в пеленах... — Младший брат поэта Сергей (1805–1806) действительно умер в младенчестве (см. *Летопись.* С. 18).

Ах, и не в эту землю я сложил / Все, чем я жил и чем я дорожил... — К.В. Пигарев полагает, что поэт вспоминает о первой жене, умершей в Турине и там похороненной (*Лирика I.* С. 381).

«ТИХОЙ НОЧЬЮ, ПОЗДНИМ ЛЕТОМ...»
(с. 205)

Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой.* С. 8.

Первая публикация — *Москв.* 1850. № 8. Кн. 2. С. 290, под общим названием «Осемь стихотворений...». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 32; в *Изд. 1854.* С. 66; *Изд. 1868.* С. 108; *Изд. СПб., 1886.* С. 147; *Изд. 1900.* С. 148.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 256.

В автографе перед текстом в скобках дата: «23 июля 1849». В 4-й строке — исправление «[Жатвы] дремлющие зреют...». Вместо зачеркнутого слова рядом написана строка — «Нивы дремлющие зреют...», найдено более поэтическое слово. Особенность синтаксиса — отсутствие восклицательных знаков; но поставлены длинные многоточия в конце 4-й строки (четыре точки) и в конце стихотворения (девять точек). Поэт фиксирует состояние умиротворения и разливающихся дремоты, тишины. В *Москв.* 5-я строка — «Усыпительно, безмолвно», но в последующих изданиях — «Усыпительно-безмолвны». В прижизненных и двух последующих изданиях подчеркивается эмоциональная экспрессия с помощью знаков препинания: в конце 4-й строки поставлен восклицательный знак и многоточие, в 8-й строке — тоже восклицательный знак (их нет в автографе).

В печатных текстах год написания — «1849» — сохраняется в *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900*, в последнем указан и день — «23 июля».

С.С. Дудышкин полностью привел стихотворение и прокомментировал: «...у поэта готовы уже новые краски, и несколько штрихов

дают почувствовать прелесть новой картины <...> Нам нравится выразительная краткость поэта: она свидетельствует о неподдельности чувства. Как оно сказалось в нем, так выразилось. Если чувство мимолетно, и самый образ его недолго задержит внимание читателя» (*Отеч. зап.* С. 63). Критик из *Пантеона* (с. 6) осудил тютчевский образ «звезды с сумрачным светом». Вяч. Иванов (По звездам. СПб., 1909. С. 283) в статье «Две стихии в символизме» ссылается на это стихотворение, говоря о «реалистическом символизме» Тютчева: «Характерен для Тютчева, именно как представителя реалистического символизма, легкий налет поэтического изумления, родственного «философскому удивлению», как бы испытываемого поэтом при взгляде на простые вещи окружающей действительности и, конечно, передающегося читателю вместе со смутным сознанием какой-то новой загадки или предчувствием какого-то нового постижения (ср., напр., стих. «Тихой ночью поздним летом, как на небе звезды рдеют...»)».

«КОГДА В КРУГУ УБИЙСТВЕННЫХ ЗАБОТ...»

(с. 206)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Ч. II. Л. 194; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 7).

Первая публикация — *Москв.* 1850. № 8. Кн. 2. С. 289, под общим названием «Осемь стихотворений...», вместо подписи — «***». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 28; *Изд. 1854.* С. 55; *Изд. 1868.* С. 95; *Изд. СПб., 1886.* С. 249; *Изд. 1900.* С. 164.

Печатается по автографу из *Альбома Тютч.-Бирилевой.* См. «Другие редакции и варианты». С. 256.

В первом автографе перед текстом дата — «22 октября 1849». 5-я и 6-я строки — «Минувшим нас обвеет и обымет / И страшный груз минутно приподымет»; 10-я — «Вдруг ветр повеет, теплый и сырой». В альбомном автографе 5-я и 6-я строки — «Минувшим нас обвеет и обнимет / И страшный груз минутно приподнимет»; 10-я строка — «Вдруг ветр подует, теплый и сырой». Если в 5–6-й строках поэт усиливал обработку стихов соответственно литературным нормам языка, то в 10-й строке он ввел живописно реалистическую деталь: ветер «подует», а не сентиментально-романтически «повеет».

Первая публикация страдает рядом погрешностей, искажающих смысл стихотворения и образы, оттенки мысли и чувства: в 1-й строке вместо слова «забот» напечатано «работ» (оборот, чуждый Тютчеву), в 10-й строке — «Вдруг ветр подует теплый и сухой», а ведь речь идет в стихотворении о пасмурной осени, в 12-й строке —

«И душу вам обдаст как бы весною» («нам» заменено на «вам»), хотя уже начиная со 2-й строки поэт четыре раза повторял местоимение «нам», «нас», «нам», «нас», говоря о себе и о многих. В 11-й строке — «Опавший лист погонит пред собой» (вместо «пред собою»). В следующих изданиях эти погрешности, опечатки были исправлены.

В *Москв.* напечатано с разделением на строфы, но в следующих указанных изданиях строфы не выделены, они вновь появились лишь в *Изд. 1900.* В *Изд. СПб., 1886* в конце стихотворения есть явно ошибочная помета — «1862» (первая публикация 1850 г.!).

Датируется на основании указания в автографе — 22 октября 1849 г.

«ПО РАВНИНЕ ВОД ЛАЗУРНОЙ...»

(с. 207)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Ч. I. Л. 189–189 об.; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 57).

Первая публикация — *Москв.* 1850. № 7. Кн. 1. С. 164. Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 29–30; *Изд. 1854.* С. 59; *Изд. 1868.* С. 100–101; *Изд. СПб., 1886.* С. 187; *Изд. 1900.* С. 152–153.

Печатается по автографу из *Альбома Тютч.-Бирилевой.* См. «Другие редакции и варианты». С. 257.

В первом автографе есть исправления: 7-я строка — «И дождем соленой пыли» — исправлена на «И метелью влажной пыли»; 17-я строка — «Сны летают на просторе» — исправлено на «Сны играют на просторе». Тютчев усиливал образную выразительность стихов. 1-я строка автографа — «По равнине вод лазурной». Особенности синтаксиса — обилие тире, поэт и раньше в стихотворениях о волнах, о движении воды заканчивал стихотворные строки этим знаком, возможно, и здесь тире было знаком появления у поэта определенного типа ассоциаций. В альбомном автографе сверху проставлена дата — «29 ноября / 11 декабря», но год не указан. Стихотворение следует за «Гр. А.Д. Блудовой в ответ на книгу...» с датой «1-ое марта 1867 г.», а после стих. «По равнине вод лазурной...» следует «Дым», тоже с датой «26 апр. 1867 г.», но и предшествующее и последующее — списки, а не автографы. Альбом заполнялся не по порядку, страница за страницей, а выборочно; до сих пор сохраняются свободные листы или страницы в разных местах альбома. Возможно, на одном из таких свободных листов поэт и записал свое стихотворение. Синтаксис сохраняет те особенности, которые были и в первом автографе.

В первом издании стихотворение имело заглавие «Плавание», оно повторено во всех указанных изданиях. В *Москв.* 1-я строка — «На равнине вод лазурной»: в автографе — предлог «по», более указывающий на движение. Прижизненные публикации воспроизводили излюбленные Тютчевым многоточия, заменяя ими многие тире, стоящие в автографе. В нашем издании сохранены по возможности тире, а в конце строф они заменены многоточиями, которые больше соответствуют современным грамматическим нормам и в то же время сохраняют впечатление незавершенности, протяженности изображаемого движения.

Датируется 1849 г. на основании даты в *Москв.* — 29 ноября (11 декабря) этого года.

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквой «К» (Красота) (*ТЕ.* С. 146).

«ВНОВЬ ТВОИ Я ВИЖУ ОЧИ...»

(с. 208)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Ч. I. Л. 183 об.; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 6).

Первая публикация — *Москв.* 1850. № 8. Кн. 2. С. 289, под общим заголовком «Осемь стихотворений...», вместо подписи — «***». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 35–36; *Изд. 1854.* С. 71; *Изд. 1868.* С. 138; *Изд. СПб., 1886.* С. 142; *Изд. 1900.* С. 161.

Печатается по автографу из *Альбома Тютч.-Бирилевой* с учетом первой публикации. См. «Другие редакции и варианты». С. 257.

Автограф РГАЛИ — с названием «Воспоминание»; 6-я строка — «Край родной, волшебный край»; 9-я — «Стройных лавров колыханье»; 11-я — «Моря влажное дыханье». В этом автографе отсутствует строфа «Сновиденьем безобразным», она не уместилась на листе, а следующий — отсутствует.

В альбомном автографе названные строки даны в другом варианте: 6-я строка — «Край иной — родимый край», «родной» заменено синонимичным «родимый»; исчез эпитет «волшебный», это слово появилось в строке «Край волшебный узнаю». Повтор слова был устранен. Слово «иной» в 6-й строке соответствовало биографически-психологическим обстоятельствам, в которых поэт оказался. В строке — «Лавров стройных колыханье» на первое место выдвинут сам действующий предмет; целый ряд и других строк стихотворения тоже построен по этому принципу: «Моря тихое дыханье», «Сводом легким и прекрасным», «Свет живительный я пью», «Край волшебный узнаю»; хореические строчки, начинающиеся с семан-

19 Зак. 6873

тически значимого существительного, усиливают энергию стихов. В строке «Моря тихое дыханье» спорно превосходство этого варианта по сравнению с «Моря влажное дыханье»; видно, поэту захотелось ввести в нарисованную им картину мотив тишины, который был для него привлекателен — см. «Как тихо веет над долиной...» («Вечер»), «И тени их, средь общей тишины» («Могила Наполеона»), затем «тишина» переливается в стихах поэта в мотив «молчания», прежде всего природы. Строфа «Сновиденьем безобразным» написана у левого края, сбоку альбомного листа, и значком помечено ее место в середине между строф. Однако в печать была отдана другая композиция, повторенная во всех прижизненных и следующих изданиях.

Печатные издания дают варианты строк: 4-я строка в *Москв.* — «Вдруг рассеял сонный хлад», но в следующих изданиях — «Вдруг развеял сонный хлад»; в результате получился почти повтор слова («развеял» — «провевает»), но в *Изд. 1900* — возврат к автографу и *Москв.* 13-я строка в первом издании — «Целый день на солнце зреет», но в *Совр.* и последующих изданиях — «Целый день там солнце греет», но в *Изд. 1900* — возврат к варианту *Москв.* Есть отличия и в синтаксическом оформлении; ближе всего к автографам первое издание.

Датируется предположительно 1849 г. (см. *Лирика I.* С. 382).

А.В. Дружинин (Собр. соч. СПб., 1865. Т. 7. С. 371–372) отозвался о стихотворении и о журнале, напечатавшем его, с иронией: «Осмеявши на своих страницах людей, не в меру преданных поездкам за границу, «Москвитянин» в той же самой книжке представляет стихотворение неизвестного поэта, воспевающего южные ночи, лавры и кипарисы, чужие моря, — и поэта, весьма не расположенного к северному климату и «киммерийской грустной ночи». Конечно, у всякого свой вкус: можно на одной странице писать против путешествий, а на другой воспевать сладости, испытываемые туристами, — журнал нисколько не отвечает за личные мнения своих сотрудников». Процитировав две строфы, критик продолжил: «...тут мы останавливаемся, потому что две предыдущие рифмы своим неблагозвучием отбивают всю охоту читать далее. «Москвитянин», по-видимому, очень дорожит этим стихотворением, несколько книжек тому назад он дал заметить своим читателям, что оно написано весьма известным поэтом. Но разве известный поэт не может написать плохого стихотворения, точно так же как плохой рифмоплет всегда может сочинить стишки весьма недурные? Стихотворения поэта, подписавшегося в «Москвитянине» тремя звездочками, ни хороши, ни дурны, они довольно звучны, и то не всегда: тому пример мы сейчас видели».

Л.Н. Толстой обратил внимание на это стихотворение и подчеркнул в нем 15-ю и 16-ю строки (*ТЕ*. С. 146).

Адресат не установлен.

Киммерийской грустной ночи... — есть свидетельства, говорящие, что киммерийцы в VII веке до н. э. жили в Армении (Урарту). К. В. Пигарев возводит этот образ к зарисовке в «Одиссее» Гомера, песнь XI, с. 14–19: описывается местность Киммерия, где солнце не показывается, где всегда «влажный туман и мгла облаков»; здесь возможны ассоциации с Петербургом.

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

(с. 209)

Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 10).

Первая публикация — *Киевлянин*. 1850. Кн. 3. С. 191, под заглавием «Моей землячке». Без заглавия напечатано в *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 28; в *Изд. 1854*. С. 56; *Изд. 1868*. С. 96; *Изд. СПб., 1886*. С. 149; *Изд. 1900*. С. 165.

Печатается по автографу.

В автографе озаглавлено «Русской женщине», выделены две строфы, каждая из которых заканчивается длинными многоточиями, тире стоят в конце 3-й строки и в первой и во второй строфе. Этому стихотворению предшествуют «Слезы людские, о слезы людские...», а после него записано «(Гроза дорогой)» — «Неохотно и несмело...». В списке *Муран. альбома* (с. 33–34) и текст и контекст стихотворения такой же, как в автографе.

Датируется 1848–1849 гг., поскольку записано в альбомах среди стихотворений этих лет.

Печатные издания воспроизводят автограф, но многозначительные, как всегда у Тютчева, многоточия в конце строф не сохраняются в изданиях. В *Изд. СПб., 1886* есть дата — «1849», в других изданиях она отсутствует.

Н.А. Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день?» (*Совр.* 1860. № 3. Отд. III) привел полностью стихотворение Тютчева, противопоставив мысль поэта о женской доле судьбе Елены Стаховой, героини романа Тургенева «Накануне»: «И мы рады, что она избегла нашей жизни и не оправдала на себе эти безнадежно-печальные, раздирающие душу предвещания поэта, так постоянно и беспощадно оправдывающиеся над самыми лучшими, избранными натурами в России» (*Добролюбов*. Т. 3. С. 117). Он расширил социальную направленность стихотворения, адресовал его не только

русской женщине, а вообще современному поколению людей, притом лучшим его представителям. К.В. Пигарев считал (см. *Лирика I.* С. 385), что название стихотворения в первом издании «Моей землячке» призвано было смягчить его социальную остроту, заключенную в широком обобщении, выраженном в названии «Русской женщине».

«КАК ДЫМНЫЙ СТОЛП СВЕТЛЕЕТ В ВЫШИНЕ!..»

(с. 210)

Автограф — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 14).

Первая публикация — *Москв.* 1850. № 8. Кн. 2. С. 290, под общим названием «Осемь стихотворений...» вместо подписи «***». Затем — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 28–29; *Изд. 1854.* С. 57; *Изд. 1868.* С. 97; *Изд. СПб., 1886.* С. 148; *Изд. 1900.* С. 163.

Печатается по автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 258.

В автографе 2-я строка — «Как тень внизу скользит неуловима!..». В синтаксисе выражены интонации восклицания и недоговоренности. В альбоме это пятистишие помещено среди стих. 1848–1849 гг.

Печатные издания отличаются разным пониманием тютчевских интонаций, а также написанием третьего слова 1-й строки. В первой публикации было — «столп», в остальных указанных — «столб». В первом издании художественные эмоции несколько приглушены: восклицательным знаком заканчивалась лишь 2-я строка, в конце остальных — запятые, а в конце 5-й — лишь точка. Но в остальных прижизненных публикациях и в *Изд. СПб., 1886,* передана эмоцион-альная приподнятость и три строчки из пяти (1, 2, 5-я) заканчивались восклицаниями. В *Изд. 1900* — возврат к первому изданию. 2-я строка везде имеет вариант: «Как тень внизу скользит неуловимо!», то есть последнее слово соотнесено с глаголом и характеризует действие — «скользит неуловимо», однако в автографе эпитет относится к существительному «тень», поэт определил само явление — «тень» «неуловима»; в этих связях раскрывается главная идея стихотворения: жизнь-тень-неуловимая.

Датируется 1849 г.

«СЛЕЗЫ ЛЮДСКИЕ, О СЛЕЗЫ ЛЮДСКИЕ...»

(с. 211)

Автографы (2) — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 195; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 9). Второй автограф воспроизведен — см.: Тютчев Н.И. и Лобанов С.И. Выставка в память пятидесятилетия со дня

смерти поэта Федора Ивановича Тютчева (1873–1923). Иллюстрированный каталог. Изд. *Мураново*, 1925 (на вклейке между С. 14 и 15).

Первая публикация – *Москв.* 1850. № 8. Кн. 2. С. 290. Затем — в *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 29; *Изд. 1854.* С. 58; *Изд. 1868.* С. 134; *Изд. СПб., 1886.* С. 163; *Изд. 1900.* С. 166.

Печатается по автографу *Альбома Тютч.-Бирилевой.* См. «Другие редакции и варианты». С. 258.

Первый автограф тщательно написан чернилами. Своеобразие синтаксического оформления — тире в конце 2-й и 4-й строк. В конце стихотворения – также черта. Последняя строка в автографе – «В осень глухую порою ночной». В альбомном автографе в конце 2-й строки — многоточие (семь точек), а в конце 4-й — тире.

В прижизненных изданиях, кроме *Москв.*, стихотворение имело название «Слезы», но в *Изд. СПб., 1886., Изд. 1900* печатается без названия. В *Москв.* 7-я строка — «В осень глухую ночною порой», во всех следующих изданиях — «В осень глухую порою ночной». Таким образом, был устранен повтор слов в рифме («порой – порой», стало «порой – ночной»). В синтаксическом оформлении заметны колебания: в конце второй строки стоит многоточие (в *Москв.*), запятая и тире (в *Совр. Изд. 1854, Изд. 1868, Изд. СПб., 1886*), только запятая (в *Изд. 1900*); в конце 4-й строки во всех указанных изданиях, за исключением *Изд. 1900*, стоят запятая и тире, а в последнем издании – только запятая. В результате был упрощен эмоциональный рисунок стихотворения. В *Изд. СПб., 1886* появилась в конце стихотворения пометка — «1850», в других изданиях ее не было.

Датировать, видимо, возможно осенью 1849 г.: в автографе РГАЛИ на одном листе с «Когда в кругу убийственных забот...».

И.С. Аксаков (*Биогр.* С. 84) рассказал: «...однажды, в осенний дождливый вечер, возвратясь домой на извозчичьих дрожках, почти весь промокший, он сказал встретившей его дочери: «J'ai fait quelques rimes» («Я сочинил несколько стихов» — *фр.*), и, пока его раздевали, продиктовал ей следующее прелестное стих.: «Слезы людские, о слезы людские...».

«КАК ОН ЛЮБИЛ РОДНЫЕ ЕЛИ...»

(с. 212)

Автограф – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 1.

Первая публикация – *Изд. 1886.* С. 149, под названием «О Ламартине», с датой в конце — «1848»; так же (с незначительными изменениями в пунктуации) напечатано с *Изд. 1900.* С. 146.

Печатается по автографу.

Автограф — на маленьком листке бумаги, название отсутствует.

Исправление в датировку, принятую в названных изданиях («1848»), внесла Н.В. Королева, указавшая на то, что стихотворение написано под впечатлением книги А. Ламартина «Les confidences» («Признания»), где есть аналогичные стихотворению строки: «Ветер так же мелодически шумит в ветвях трех елей, посаженных моей матерью... когда мне случается забыться там на минуту, меня пробуждают только шаги старого виноградаря, который служил у нас прежде садовником и который приходит иногда навестить свои растения, как я мои воспоминания и мечты» (Кн. IV. Разд. 5). Книга Ламартина вышла в свет в 1849 г. (см. Тютчев Ф. Стихотворения. М.; Л., 1962. С. 398–399).

Ламартин Альфонс родился в 1790 (или 1792) г. в Савойе, умер в 1869 г. В 1821–1822 гг. Тютчев перевел его стих. «L'isolement» («Уединение»), этому же поэту посвящено четверостишие на фр. «Lamartine», написанное приблизительно в то же время, что и «Как он любил родные ели...». См. о влиянии этого поэта на Тютчева статью Н. Суриной «Тютчев и Ламартин» (В *кн.*: Поэтика. Л., 1927. С. 148–167). Г.И. Чулков объясняет симпатии Тютчева к Ламартину в конце 1840-х гг. тем, что политические предложения Ламартина были по душе Тютчеву (передать Константинополь России, Египет — Англии, Сирию — Франции, так разрешив турецкий вопрос) (*Чулков II*. С. 293–294).

LAMARTINE

(с. 213)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 178 об.

Впервые опубликовано в изд. *Чулков II*. С. 283.

Печатается по автографу.

Записан чернилами, без поправок, слова «Dieux», «Eole», «Parole» — с прописной буквы. На том же листе — стих. «Наполеон». Отсюда и датируется — 1849 г. В этом же году Тютчев написал и на русском языке небольшое стих. «Как он любил родные ели...» (см. *коммент*. С. 501), в начале 1820-х гг. перевел стихотворение этого поэта «L'isolement», назвав его «Одиночество» («Как часто, бросив взор с утесистой вершины...»). Об отношении Тютчева к Ламартину см. статью Н. Суриной «Тютчев и Ламартин» (Поэтика. Л., 1927. С. 148–167), см. также мнение Г.И. Чулкова (*Чулков II*. С. 293).

В *Лирике II* (с. 415) помещен подстрочный перевод К.В. Пигарева.

ПОЧТЕННЕЙШЕМУ ИМЕНИННИКУ ФИЛИППУ ФИЛИППОВИЧУ ВИГЕЛЮ

(с. 214)

Автограф неизвестен.

Список — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2899. Л. 23 (письмо Эрн. Ф. Тютчевой к П.А. Вяземскому от 24–29 ноября 1849 г.).

Первая публикация — *Изд. 1957.* С. 263.

Печатается по списку.

Адресовано и послано Филиппу Филипповичу Вигелю (1786–1856), писателю-мемуаристу, коллекционеру гравированных портретов. К стихотворению был приложен портрет П.Я. Чаадаева. Обстоятельства, вызвавшие написание стихотворения, раскрываются в письме Э.Ф. Тютчевой П.А. Вяземскому. Она сообщала ему, что им (ей и мужу) поручили распространить десять экземпляров литографии Чаадаева: «Кому их предложить? К счастью, я не знаю, кто из нас двоих вспомнил, что завтра день Св. Филиппа. Знакомый нам Филипп жаждал поздравления. Тотчас же мы свернули одну из 10 литографий, сделали из нее красивый пакет и на внешней стороне я под диктовку мужа написала: «Почтеннейшему имениннику Филиппу Филипповичу Вигелю...». Далее шли поздравительные стихи. Из письма видно, что стихотворение было написано не в день именин, а накануне, 13 ноября. По-видимому, Тютчевы мало что знали о прошлых «накаленных» отношениях Вигеля с Чаадаевым, на которого первый совершил донос после опубликования «Философического письма». Вигель, получив стихотворное послание вместе с портретом Чаадаева, ответил письмом: «Милостивый государь Петр Яковлевич. Часу в девятом утра 14 ноября, когда еще был я в постеле, прислали мне, неизвестно от кого, свиток бумаги: это был первый подарок старому, многими уже забытому имениннику. Развернув свиток, как в изображении, так и в деликатности поступка узнал я истинного христианина, кроткого сердцем, незлобивого, и человека, высокою своею светскою образованностью, ныне уже столь редкою, украшающего московское общество. Стихи, которые нашел я на обертке, весьма правильны и милы: но чьи они, вероятно, того же человека, которому стоило хорошенько заняться русским языком, чтобы и на нем показать совершенство слога...». Возмущенный Чаадаев, ничего не знавший о шутке Тютчевых, послал ответ Вигелю через В.Ф. Одоевского: «М. г. Филипп Филиппович. Портрета своего я вам не посылал и стихов не пишу, но благодарен своему неизвестному приятелю, доставившему мне случай получить ваше милое письмо. Этот неизвестный приятель, сколько могу

судить по словам вашим, выражает собственные мои чувства. Я всегда умел ценить прекрасные свойства души вашей, приятный ум ваш, многолюбивое ваше сердце. Теплую любовь к нашему славному отечеству я чтил всегда и во всех, но особенно в тех лицах, которых, как вас, общий голос называет достойными его сынами. Одним словом, я всегда думал, что вы составляете прекрасное исключение из числа тех самозванцев русского имени, которых притязание нас оскорбляет или смешит. Из этого можете заключить, что долг христианина в отношении к вам мне бы нетрудно было исполнить. Сочинитель стихов, вероятно, это знал и передал вам мои мысли, не знаю, впрочем, с какою целью; но все-таки не могу присвоить себе, что вы пишете, тем более, что о содержании стихов могу только догадываться из слов ваших...

В заключение не могу не выразить надежды, что русский склад этих строк, написанных родовым русским, вас не удивит и что вы пожелаете еще более сродниться с благородным русским племенем, чтобы и себе усвоить этот склад...» (Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. В 2 т. М., 1991. Т 2. С. 232). Неприязнь между двумя литераторами так и не прошла. Сочинитель же имевшего столь драматические последствия экспромта-поздравления посчитал благоразумным остаться неизвестным (*Г.Ч.*).

«СВЯТАЯ НОЧЬ НА НЕБОСКЛОН ВЗОШЛА...»

(с. 215)

Автографы (2) — *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 12); *Мураново*. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1; второй автограф воспроизведен в альманахе *Северные цветы* на 1903 г. (с. 185) и во всех изданиях А.Ф. Маркса.

Первая публикация — *Москв*. 1850. № 8. Кн. 2. С. 290, под общим заголовком «Осемь стихотворений...», вместо подписи — «***». Затем — *Совр*. 1854. Т. XLIV. С. 49; *Изд. 1854*. С. 100; *Изд. 1868*. С. 133; *Изд. СПб., 1886*. С. 183; *Изд. 1900*. С. 167.

Печатается по автографу *Мураново*. См. «Другие редакции и варианты». С. 259.

Автограф в *Альбоме Тютч.-Бирилевой* представляет собой неполный текст, отсутствуют строки 9–12-я; вторая строфа начинается: «И чудится давно минувшим сном». Кроме того, иной вариант имели строки 3–4-я («Как золотой ковер она свила / Ковер, накинутый над бездной»), 8-я («Лицом к лицу пред этой бездной темной...»), 14-я («Теперь ему все светлое, живое»). Особенности синтаксиса: повтор тире в конце 1, 2, 4, 6, 14-й строк, обильные

многоточия (по семь, шесть, пять точек) в конце 5-й, 8-й и в последней строках. 2-я и 4-я строки отодвинуты вправо, первая строфа отчеркнута. Название, дата отсутствуют.

Автограф *Мураново* подвергся значительной авторской правке: в 3-й и 4-й строках слово «ковер» (более живописно-бытовое) заменено на более архаически-возвышенное и философски обобщенное — «покров», поэт как бы подтвердил свою ассоциацию, возникшую уже в стихотворении «День и ночь» («Покров наброшен златотканный», «День — сей блистательный покров», «Ткань благодатную покрова / Сорвав, отбрасывает прочь»). Поэт устранил повтор слова «бездна» в первой строфе (тем более это было важно, что оно появилось во второй), заменив его в 8-й строке словом «пропастию», он написал его поверх зачеркнутого. Появились четыре первых строки 2-й строфы, очень важные в смысловом отношении, характеризующие самосознание человека, его душевное состояние; таким образом, мысль о человеческом сиротстве получила развитие. В 14-й строке снова, как нередко у поэта, выдвинут на первое место тот, кто действует или, как в данном случае, чувствует («Ему теперь», а не «Теперь ему»). Первоначально имело название «Самосознание», поэт зачеркнул его, так как в стихотворении представлено не только и даже не столько самосознание, сколько картина мира.

Издания 1850-х гг., а также следующие воспроизвели вариант первого автографа, хотя в первой публикации — полный состав стихотворения, напечатано и четырехстишие «На самого себя покинут он...». Первая редакция была создана в конце 1840-х гг.; вторая послана М.П. Погодину не позднее марта 1850 г. Тютчев сопроводил ее запиской: «В числе сообщенных вам пьес была одна с пропуском четырех стихов. Вот вам она сполна...» (Новый путь. 1903, ноябрь. С. 15). К.В. Пигарев обратил внимание на то, что на обратной стороне второго автографа записано стих. «Поэзия», напечатанное в *Москв*. № 7, цензурное разрешение которого от 31 марта 1850 г. (см. *Лирика I*. С. 388).

Датируется концом 1840-х гг. или самым началом 1850-х гг..

Л.Н. Толстой отметил стихотворение буквами «Т.Г.!!» (Тютчев. Глубина) (*ТЕ*. С. 146).

«ЕЩЕ ШУМЕЛ ВЕСЕЛЫЙ ДЕНЬ...»

(с. 216)

Автограф — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 7 и 8.

Первая публикация — *Москв*. 1851. № 11. Кн. 1. С. 237, вместе со стих. «Смотри, как на речном просторе...», «Море и утес в 1848 г.», с

общей подписью Т-въ. Затем — *Совр. 1854*. Т. XLIV. С. 16–17; *Изд. 1854*. С. 31–32; *Изд. 1868*. С. 36–37; *Изд. СПб., 1886*. С. 62–63; *Изд. 1900*. С. 61–62.

Печатается по автографу (третья редакция). См. «Другие редакции и варианты» и *коммент.* к стих. «Пробуждение». С. 230, 321.

Третья редакция стихотворения не имеет названия в отличие от первых двух, озаглавленных — «Пробуждение». Действительно, поэт сосредоточен не на моменте пробуждения, а на ночных впечатлениях, которые оказываются контрастными впечатлениям от дневной жизни, в этом отношении стихотворение подобно более раннему — «День и ночь». В рассматриваемой, третьей, редакции поэт усилил этот контраст, введя новую вторую строфу («И доносилися порой...»), посвященную «благодатному» дню, полному оживления. Появилась также новая, четвертая строфа («Затих повсюду шум и гам...»), в которой усилен мотив молчания («И воцарилося молчанье», было — «И ночи зыбкое молчанье»); 2-я строка поддержала идею-настроение 1-й (тишины), а 4-я — дополнила эти же ночные впечатления указанием на особое состояние человека — «полусонное мерцанье» (романтическое выражение, имеющее импрессионистическую тенденцию: мерцающее сознание как бы отождествляется с мерцающим ночным светом — звезд или луны). Строфа запечатлела новую черту в романтизме Тютчева. Подверглась изменению последняя строфа: в нее вошел повтор слов предыдущей строфы — «И мне казалось», чего не было в ранних редакциях. Поэт продолжает усиливать идею «кажущегося», идею «странностей» ночного мира, слияния субъективного с объективным, их нерасчленения: человеческое «я» «увлечено», уведено в иное бытие, сливается с ночью, с «царством теней». Дважды использовав однокоренные слова — «воцарилося», «царством», поэт усилил философскую идею господства ночи, но без того отрицательного аспекта, который есть в стих. «День и ночь», «О чем ты воешь, ветр ночной...», а отчасти и «Видение», «Как океан объемлет шар земной...». Только в рассматриваемой третьей редакции «Гений ночи» получил положительный эпитет — «миротворный», в первых двух поэт ограничился словами «какой-то гений». Именно в этой редакции запечатлено двойственное субъективное состояние человека: для него и дневная жизнь «благодатная», «пышно-золотая», день «веселый», дает «блеск» и «свет» всему, но и ночь при всех странностях «миротворна», поэтично-успокаивающа и не страшна, не мрачна, а освещена лунным светом и ночными мерцаниями. Стихотворение не включается в художественные создания Тютчева о хаосе (это слово здесь отсутствует), хотя примыкает к ним, дополняя их поэтическими созерцаниями ночного бытия. Во все прижизненные издания и первые посмертные вошел текст третьей редакции. Везде название «Пробуждение» отсутствует.

В *Москв.* стихотворение разделено на две части: первая — рисует ситуацию до пробуждения, и она обозначена арабской цифрой «1», вторая, под цифрой «2» — ночное состояние человека; «день» и «ночь» графически отделены. Звездочками отделены друг от друга и строфы. В 8-й строке — «Стозвучный, шумный и невнятный», в 24-й — «Увлек, незримый, в царство теней» — варианты автографа. В изданиях, подготовленных И.С. Тургеневым, внесены поправки в эти строки: 8-я — «Строй звучный, шумный и невнятный» (получился неудачный повтор слова «строй»: он внес в строку неуместную определенность — «строй звучный»; слово «шумный» оказалось ненужным синонимом, а «строй... невнятный» — это уже скорее отрицание строя). У Тютчева образ более сложно романтический: у него строй «стозвучный», слово «сто» может подразумевать многозначность, различие и диссонансы, нечто «невнятное». Также неудачна правка последней строки: «Увлек незримо в царство теней». У Тютчева «гений... незримый», «какой-то», в печатном варианте уменьшены романтические краски, но «увлек незримо» — образ и в реальном отношении неточен (засыпающего человека можно видеть), тютчевский автограф более точен и поэтичен. Однако тургеневские варианты этих строк приняты и в *Изд. 1868*, *СПб.*, *1886*, но в *Изд. 1900* только 8-я строка — в тургеневском варианте, а 24-я — в варианте автографа. Во всех указанных изданиях стихотворение печатается в контексте поэзии 1830-х гг.

Датируется концом 1840-х гг. на основании первой публикации в *Москв.* в 1851 г.

«COMME EN AIMANT LE COEUR DEVIENT PUSILLANIME...»

(с. 217)

Автограф неизвестен.

Список Д.Ф. Тютчевой — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 60–60 об.

В прижизненные издания не входило.

Первая публикация — *Звенья*. 1933. Т. II. С. 270.

Печатается по списку.

В списке помещено среди произведений конца 1840-х гг., посвященных женщинам, любви, страданиям, — «Еще томлюсь тоской желаний...», «Слезы людские, о слезы людские...», «Я очи знал, — о, эти очи!..». Мотивом трагического единения любви, печали, ужаса, предчувствия угасания стихотворение близко предыдущему французскому — «Un rêve» (см. *коммент.* С. 483), а также «денисьевскому циклу».

Датируется концом 1840-х — началом 1850-х гг.

К.В. Пигарев (см. Новооткрытые тексты Тютчева / *Звенья*. 1933.

Т. II. С. 270–273), указав на то, что стихотворение было записано Д.Ф. Тютчевой, в тщательном текстологическом анализе доказал принадлежность произведения Федору Ивановичу.

В *Лирике II* (с. 416) помещены переводы С.М. Соловьева и М.П. Кудинова.

РАССВЕТ

(с. 218)

Автографы (3) — РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 192 об.; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 73); *Муран. альбом.* С. 81–83. Список с поправками Ф.И. Тютчева.

Первая публикация — *Совр.* 1854. Т. XLIV. С. 57–58 (цензурное разрешение — 28 февраля 1853 г.). Затем — сб. «С нами Бог! Вперед!.. Ура!.. Собр. стихотворений на нынешнюю войну, изд. В. Дементьевым». М., 1854. С. 45–46 (цензурное разрешение — 29 марта 1854 г.); *Изд. 1854.* С. 138–139 (цензурное разрешение — 30 мая 1854 г.); сб. «Братьям-славянам». М., май, 1867. С. 49–50; *Изд. 1868.* С. 125–126; *Изд. СПб., 1886.* С. 150–151; *Изд. 1900.* С. 154–155.

Печатается по авторизованному списку в *Муран. альбоме.* См. «Другие редакции и варианты». С. 259.

В первом автографе перед текстом в скобках — «(Посвящено Фуад-Эфенди)». В этом автографе 2-я строка — «Кричит он бодро, живо, смело». Вторая строфа («Еще молчат колокола») в этом варианте отсутствует, сразу после окончания первой строфы следует: «Вставай, о Русь — уж близок час...» и т. д.

В автографе из *Альбома Тютч.-Бирилевой* есть название — «Рассвет» и в скобках помета — «(ноябрь 1849)». Вторая строка — «Кричит он бодро, живо, смело», мотив бодрости в обоих автографах выдвинут на первое место. 15-я строка — «О Русь, к тебе взывает он».

В списке *Муран. альбома* Тютчевым исправлены описки, а также некоторые выражения и знаки препинания в конце строк. В 12-й строке был пропущен предлог «в» перед словом «колокол», предлог был вставлен. В 14-й строке — правка в слове «огласился», зачеркнуто второе «л», получилось слово «огласися». В конце этой строки поэт поставил восклицательный знак и многоточие (пять точек), первоначально здесь не было никакого знака. В 15-й строке зачеркнуто «О Русь, к тебе взывает» и сверху написано — «Тебя зовет и будит». Г.И. Чулков (*Чулков II.* С. 303–304) справедливо полагал: правка вызвана тем, что в стихотворении трижды использовано обращение «О Русь». В конце этой (15-й) строки поставлено тире (раньше здесь был восклицательный знак), в конце 16-й строки поставлена запятая вместо восклицательного знака. В конце 18-й

строки к восклицательному знаку, стоящему здесь, дописано многоточие. Правка сделана синими чернилами, а другие стихотворения в этом альбоме написаны черными чернилами, поэтому поправки резко выделяются. Синтаксическая правка снова свидетельствует о том, что поэт придавал значение интонационному рисунку и для него были важны многоточия, тире, восклицательные знаки.

В *Муран. альбоме* сразу после пятой строфы была переписана строфа «Не гул молвы прошел в народе». Тютчев отделил эту строфу синей чертой от предыдущей, а сбоку написал название нового стих. — «Пророчество».

Первая публикация отличается от автографов 2-й строкой — «Кричит он живо, бодро, смело» (в автографах — «бодро, живо»). В следующих изданиях принят вариант первого. Издания не имеют текстовых отличий, во всех название «Рассвет», но в *Изд. 1854* и в *Изд. 1868* есть подзаголовок — «(писано в 1850 году)», в последующих — подзаголовок снят, а в *Изд. СПб., 1886* в конце указан год — «1849», в *Изд. 1900* и его нет. В сб. стихотворение подписано — «Ф. Тютчев». Во всех указанных изданиях поправки Тютчева, касающиеся синтаксического оформления, не учтены. Обилие прижизненных переизданий стихотворения, особенно в 1854 г., во время Крымской войны, свидетельствовало о его актуальности. В первый сб. кроме стих. Тютчева вошли патриотические стихотворения П.А. Вяземского, Ф.Н. Глинки, А. Н. Майкова, А.П. Ознобишина, Н.П. Огарева, С.Е. Раича, Е.П. Ростопчиной, С.П. Шевырева и других; во второй — близкие по теме стих. К.С. Аксакова, Ф.Н. Берга, П.А. Вяземского и А.С. Хомякова. Так вырисовывается общий социальный и литературный контекст стихотворения Тютчева.

Датируется на основании указания в автографе — 1849 г.

В.Я. Брюсов (см. *Изд. Маркса*. С. XXXII) по поводу этого стихотворения, а также «Море и утес», «Смотри, как запад разгорелся», «Ужасный сон отяготел над нами», отметив их символическую основу, подчеркнул, что стихотворения «говорят даже больше, чем хотел сказать сам поэт». Р.Ф. Брандт (*Материалы*. С. 48) привел отзыв о стихотворении «Рассвет» П.И. Капниста, сделанный в 1865 г.: «Основной смысл этой пьесы не утратил своего значения, и она совершенно свежа теперь, спустя 15 лет, тогда как столько стихов, навеянных другим поэтам тою же крымскою кампанией, теперь уже — анахронизмы...» Таково свидетельство связи стихотворения в глазах современников с событиями Крымской войны, хотя оно было создано в 1849 г. Такого рода стихотворения и давали основания говорить о «пророчествах» Тютчева.

Магомед Фуад-паша (1814—1869) — турецкий государственный деятель, поэт и публицист. К.В. Пигарев замечает (*Лирика II*. С. 360), что посвящение ему стихотворения вызвано неясными причинами.

НАПОЛЕОН

(с. 219)

Автографы (5) – РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 3; Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Ч. 1. Л. 177–178; Ч. II. Л. 191–191 об.; РГБ. Ф. 308. Кар. 1. Ед. хр. 10. Л. 19 об.; *Альбом Тютч.-Бирилевой* (с. 70–72). Кроме того, есть список в *Сушк. тетради* (с. 35–37) и *Муран. альбоме* (с. 41–43).

Первая публикация – *Москв.* 1850. № 7. Кн. 1. С. 162–164 (цензурная помета — 31 марта 1850 г.), без подписи, но в *коммент.* сказано: «Мы получили все эти стихотворения (вместе с десятью, которые будут помещены в последующем нумере) от поэта, слишком известного всем любителям русской словесности. Пусть читатели порадуются вместе с нами этим звукам и отгадают имя. – *Ред.*)». Затем, уже с подписью, напечатано в общей подборке тютчевских стихотворений – *Совр. 1854.* Т. XLIV. С. 43–44; *Изд. 1854.* С. 86–87; *Изд. 1868.* С. 113–114; *Изд. СПб., 1886.* С. 125–127; *Изд. 1900.* С. 133–134.

Печатается по списку *Сушк. тетради* с уточнениями по альбомному автографу. См. «Другие редакции и варианты». С. 259.

Второй автограф (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Ч. 1. Л. 177–178), по-видимому, более ранний, в нем есть существенные отличия. 2-я строка — «Отважно в бой вступил — и не успел в борьбе», 5-я строка — «Ты всю ее, как яд, носил в самом себе». Пятистишие было отчеркнуто и таким образом отделено от следующей части. Под римской цифрой «II» написаны два восьмистишия, отделенные друг от друга чертой («Два демона ему служили...» и «Но освящающая сила...»). 3-я и 4-я строки оформлены следующим образом: «В главе его — Орлы парили, / В груди его — Змии вились —». Под римской цифрой «III» — «И ты стоял — перед тобой Россия —»; снова две отчеркнутых строфы, два восьмистишия. 7-я строка — «Но новою задачею в изгнанье», 14-я — «Порою встав, он смотрит на Восток», 15-я — «И вдруг, смутясь, бежит, как бы почуя». В автографе много прописных букв, они стоят в словах «Революции», «Матерью», «Гений», «Самовластный», «Силы», «Главе», «Орлы», «Груди», «Змеи», «Души», «Веры», «Волхв», «Ее», «Судьбы», «Дух», «Сон», «Ветерок», «Восток» (впоследствии, в списках, эти слова написаны со строчных букв). Тютчев как бы отдал дань старинной традиции создания аллегорических образов, мифологизации понятий.

Третий автограф (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Ч. II. Л. 191–191 об.) имеет название «Нерешенный вопрос»; включает лишь две последних строфы — «И ты стоял — перед тобой Россия —». И здесь

7-я строка — «Но новою задачею в изгнанье», 14-я — «Выходит он и смотрит на Восток», 15-я — «И вдруг, смутясь, бежит — как бы почуя».

Тютчев в начале мая 1836 г. отправил ранний фрагмент («Два демона ему служили...») вместе с другими стихотворениями И.С. Гагарину с целью опубликования. А.С. Пушкин собирался это сделать, но цензура запретила печатание «за неясностью мысли автора, которая может вести к толкам весьма неопределенным» (см. письмо А.Л. Крылова к Пушкину от 28 июля 1836 г. — В *кн.*: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1950. Т. 16. С. 144; также — «Временник Пушкинского Дома». Пг., 1914. С. 15). Цензору мог показаться сомнительным романтизированный образ Наполеона, осмысленный в качестве порождения французской революции.

Печатные издания воспроизвели полный текст. Разночтения незначительны. В *Москв.* 4-я строка — «Бой невозможный, бой напрасный», но в последующих указанных изданиях — «Бой невозможный, труд напрасный» (с восклицательным знаком или двоеточием в конце строки). Таким образом, был устранен повтор слова «бой», а мысль была углублена и расширена: речь теперь идет о «труде» вообще, усилия осмыслены как «напрасные». 11-я строка (II) в первом издании — «Души его не озарила», но в последующих изданиях — «Его души не озарила»; однако в *Изд. 1900* — возврат к первому изданию. Вариант «его души» больше свойственен манере художественного мышления поэта: на первое место в строке выдвигается субъект действующий или чувствующий. 6-я строка (III) в *Москв.* — «Судьбы откликнулись на голос твой», но в следующих изданиях — «Судьба откликнулась...»; 14-я и 15-я строки — «Порою встав, он смотрит на Восток, / И вдруг, смутясь, бежит, как бы почуя»; во всех следующих изданиях сохраняется второе лицо обращения: «Порою встав, ты смотришь на Восток / И вдруг, смутясь, бежишь...» В *Изд. М., 1886.* С. 145–150, довольно произвольно составлен целый цикл стихотворений о Наполеоне, напечатанных под номерами: 1. «Сын революции! Ты с матерью ужасной», 2. «Два демона ему служили», 3. «Проезжая через Ковно» («Ты ль это, Неман величавый?»), 4. «И ты стоял, перед тобой Россия!», 5. «Из Мандзони» («Высокого предчувствия»). Но сам Тютчев таким путем не объединял эти стихотворения, написанные в разное время. «Из Мандзони» — в конце 1820-х гг., «Ты ль это, Неман величавый?» — в 1853 г. Также и в списках *Сушк. тетради* и *Муран. альбома* эти стихотворения не объединены. В этом же *Изд. М., 1886* выделены в стихотворениях (во 2-й, 3-й, 4-й частях «цикла») четырехстишия. В изданиях менялось и синтаксическое оформление. В *Изд. 1854* и *Изд. 1868* была усилена эмоциональная экспрессия. Но в *Изд. СПб., 1886* и *Изд. 1900* этот эмоциональный накал несколько приглушен. В

первых изданиях воспроизведены тютчевские обильные многоточия (по четыре точки в конце строк) и тире в середине строк. В *Изд. СПб., 1886* точками обозначен интервал перед строкой «Года прошли, и вот из ссылки тесной», в других изданиях этого нет. В *Изд. СПб., 1886* в конце обозначен год — «1844», что также отсутствует в других изданиях.

Определением датировки цикла из трех стихотворений о Наполеоне занимался К.В. Пигарев (*Лирика I.* С. 385–386). Первым оказался фрагмент II («Два демона ему служили...» — восьмистишие), датируемый 1832 г., поскольку книга Гейне («Französische Zustände») («Французские порядки». — *нем.*), под впечатлением которой Тютчев написал свое восьмистишие, вышла в свет в этом году. В 1849 г. был создан фрагмент III — «Он сам на рубеже России», включенный в публицистический труд поэта «Россия и Запад», в связи с его размышлениями о Наполеоне. В переработанном и дополненном последним восьмистишнем виде фрагмент вошел в стих. «Нерешенный вопрос», по мнению И.С. Аксакова, написанное в 1840 г., в чем сомневается Пигарев. Последний полагает, что окончательное оформление цикла произошло не позднее начала 1850 г., так как в феврале–марте рукопись была отправлена в редакцию *Москв.*

Пигарев (*Лирика I.* С. 386–387) обнаружил в характеристике Наполеона отголоски того, что писал о нем Шатобриан: «Детище нашей революции, он поразительно похож на свою мать»; «рожденный главным образом для того, чтобы разрушать, Буонапарте несет зло в самом себе» («De Buonaparte, des Bourbons et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe» Paris. 1814. («О Буонапарте, о Бурбонах и о необходимости сплотиться вокруг наших законных государей для благоденствия Франции и Европы». Париж, 1814 — *фр.*). Развитием этой же мысли служат и следующие заметки Тютчева, относящиеся к «России и Западу»: «Риторика по поводу Наполеона <...> заслонила историческую действительность, смысла которой не поняла и поэзия. Это центавр, который одною половиною своего тела — Революция»; Пигарев сослался на труд И.С. Аксакова (*Биогр.* С. 220).

Да сбудутся ее судьбы! — Тютчев использовал слова Наполеона из приказа по армии при переходе через Неман 22 июня 1812 г.: «Россия увлекаема роком: да свершатся ее судьбы».

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Альбом — Альбом 1820-х гг. (Санкт-Петербург). Список Тютчева был помещен в Альбоме среди стихотворений А.С. Пушкина, А.А. Дельвига, А.Д. Илличевского, С.Е. Раича, П.А. Вяземского и др. Описан Б.В. Томашевским и Ю.Н. Тыняновым (см. Молодой Тютчев // *Тютч. сб.* С. 40–47).

Альбом Тютчевой — Альбом Эрн.Ф. Тютчевой. РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 55.

Альбом Тютч.-Бирилевой — Собрание К.В. Пигарева. М., Альбом М.Ф. Тютчевой-Бирилевой.

Атеней — журнал наук, искусств и изящной словесности. Изд. М.Г. Павловым. М., 1829–1830.

Бальмонт — Бальмонт К.Д. Элементарные слова о символической поэзии. Горные вершины. Сб. статей. М., 1904.

Биогр. — Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886.

БЛ — Брюсов В.Я. Тютчев Ф.И. Летопись его жизни // *РА*. 1903. № 11.

Блок — Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962.

Брюсов — Тютчев Ф.И. Стихотворения. Собраны под ред. и с объясн. Валерия Брюсова. М., 1919 («Народная библиотека»).

Галатея — журнал литературы, новостей и мод, изд. С.Е. Раичем. М., 1829–1830; 1839–1840.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

Голос минувшего — журнал истории и истории литературы, изд. С. Мельгуновым и В. Семевским. М., 1913–1923.

Дарский — Дарский Д.С. Чудесные вымыслы. О космическом сознании в лирике Тютчева. М., 1914 (на титуле — 1913).

Денница — альманах, изд. М.А. Максимовичем. М., 1830, 1831, 1834.

Добролюбов — Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987.

Звенья — сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли России XIX века. М.: Academia, 1932–1936. Т. I–VI; М.: Госкультпросветиздат, 1950–1951. Т. VIII–IX.

Изд. 1854 — Стихотворения Ф. Тютчева / Под ред. И.С. Тургенева. СПб., 1854.

Изд. 1868 — Стихотворения Ф. Тютчева / Подгот. И.Ф. Тютчев и И.С. Аксаков. М., 1868.

Изд. СПб., 1886 — Сочинения Ф.И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи / Подгот. Эрн.Ф. Тютчева, наблюдение за печатью А.Н. Майков. СПб., 1886.

Изд. М., 1886 — Стихотворения Федора Ивановича Тютчева / Предисловие П.И. Бартенева. М., 1886.

Изд. 1899 — Стихотворения Ф.И. Тютчева / Предисловие П.И. Бартенева. М.: Русский архив, 1899.

Изд. 1900 — Сочинения Ф.И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи / Подгот. Эрн.Ф. Тютчева, А.А. Флоридов; предисловие И.Ф. и Д.Ф. Тютчевых. СПб., 1900.

Изд. 1957 — Тютчев Ф.И. Полн. собр. стих. Л., 1957 (Б-ка поэта. Большая серия).

Изд. 1984 — Тютчев Ф.И. Сочинения: В 2 т. / Подгот. текста, составление, коммент. К.В. Пигарева. М., 1984.

Изд. 1987 — Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. Л., 1987 (Библиотека поэта. Большая серия).

Изд. Маркса — Полное собрание сочинений Ф.И. Тютчева, с критико-биографическим очерком В.Я. Брюсова, библиографическим указателем, примечаниями, вариантами, факсимиле и портретом. Изд. 8-е / Под ред. П.В. Быкова.: Изд. т-ва А.Ф. Маркса. СПб. [1913].

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

Искусство — журнал, изд. М., с 1933 — н/в.

Красный архив — научно-исторический журнал, изд. М., 1922–1941.

Летопись — Чулков Георгий. Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. М.; Л., 1934.

Летопись 1999 — Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. 1803–1844. М., 1999. Кн. 1.

Лирика I–II — Тютчев Ф.И. Лирика / Подгот. К.В. Пигарев: В 2-х т. М., 1965; (Лит. памятники).

Лит. прибавл. — Литературные прибавления к газете «Русский инвалид», газ., изд. СПб., 1831–1839.

ЛН — Литературное наследство.

ЛН-1, ЛН-2 — Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. М., 1988; Кн. II. М., 1989.

ЛТ — Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928–1958.

Материалы — Брандт Р.Ф. Материалы для исследования «Федор Иванович Тютчев и его поэзия». СПб., 1912.

Мережковский — Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев. Пг., 1915.

Молва — «Молва». Приложение к ж. «Телескоп», изд. Н.И. Надеждиным. М., 1831–1836.

Москв. — ж. «Москвитянин», изд. М.П. Погодиным. М., 1841–1856.

Московский телеграф — ж. «Московский телеграф», изд. Н.А. Полевым. М., 1825–1834.

Мураново — Государственный музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева.

Муран. альбом — РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 57.

Некрасов — Некрасов Н.А. Русские второстепенные поэты // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. М., 1980. Т. 9.

ННС — Новонайденные стихотворения Ф.И. Тютчева / Предисловие И.С. Аксакова. М., 1879.

НС — Тютчев Ф.И. Новые стихотворения / Ред. и прим. Г.И. Чулкова. М.; Л.: Круг, 1926.

Общ. — Общество любителей российской словесности при имп. Московском университете.

Отеч. зап. — ж. «Отечественные записки». 1854. Т. 95. Кн. 8, август. Отд. IV. Статья С.С. Дудышкина, напечатанная анонимно.

Пантеон — ж. «Пантеон». Изд. Ф. Кони. 1854. Т. XVI. Кн. 8, август.

Пигарев — Пигарев К.В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962.

Разг. — Брюсов В.Я. Разгадка или ошибка? Несколько замечаний по поводу статьи Д.С. Мережковского о Тютчеве // Русская мысль. 1914. № 3.

Раут — «Раут». Литературный сборник, в пользу Александринского детского приюта. Изд. Н.В. Сушков. М., 1854.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.

РГБ — Российская государственная библиотека. Москва.

РНБ — Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург.

РА — ж. «Русский архив», изд. П.И. Бартеневым. М., 1863–1917.

РБ — ж. «Русская беседа», изд. А.И. Кошелевым, Т.И. Филипповым, негласно с 1859 г. И.С. Аксаковым. М., 1856–1868.

РББ — ж. «Русский библиофил» — историко-лит. и библиогр. иллюстр. журнал, издававшийся в Петербурге в 1911–1916 гг. Ред.-издатель Н.В. Соловьев.

РВ — ж. «Русский вестник», изд. Н.И. Гречем. СПб., 1841–1844.

РЗ — ж. «Русский зритель» — журнал истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов. Изд. Д.П. Ознобишиным, К.Ф. Калайдовичем. М., 1828–1830.

РИ — военная газ. «Русский инвалид», изд. СПб., 1813–1917.

Роза граций — «Роза граций, или Собрание стихотворений для прекрасного пола». М., 1830.

РС — ежемесячное историческое издание «Русская старина». Изд. М. И. Семевским и др. СПб., 1870–1918.

Северная лира — «Северная лира», альманах на 1827 год. Изд. С.Е. Раич, Д. П. Ознобишин. М., 1827.

Северные цветы — «Северные цветы», альманах, изд. 1) СПб., 1825–1831. Ред.-составитель А. А. Дельвиг; 2) М., 1901–1905, 1911.

Сиротка — «Сиротка», литературный альманах, изд. в пользу заведения призрений бедных сирот. М., 1831.

Собр. Пигарева — Собрание К.В. Пигарева. Москва.

Совр. — журнал «Современник», изд. А.С. Пушкиным, СПб., 1836; П.А. Вяземским, В.А. Жуковским, П.А. Плетневым в 1837; П.А. Плетневым в 1838–1846; Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым в 1847–1866.

Соловьев. Красота — Соловьев В.С. Красота в природе // Философия искусства и литературная критика. М., 1991.

Соловьев. Поэзия — Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Философия искусства и литературная критика. М., 1991.

Сушк. тетрадь — Сушковская тетрадь. РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 54.

ТЕ — Толстовский ежегодник. М., 1912.

Телескоп — «Телескоп», литературно-общественный журнал, изд. Н.И. Надеждиным. М., 1831–1836.

Тетрадь — Тетрадь, заполняемая Эрн.Ф. Тютчевой и И.С. Аксаковым. РГАЛИ. Ф 505. Оп. 1. Ед. хр. 56.

Толстой в восп.— Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955.

Труды Общ. — Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете.

Тургенев — Тургенев И.С. Полн. собр. соч. В 28 т. Письма. В 13 т. М; Л., 1960–1968.

Тютч. сб. — Тютчевский сборник. 1873–1923. Пг., 1923.

Урания — «Урания». Тютчевский альманах. 1803–1928. Ред. Е.П. Казанович. Л., 1928.

Феникс — «Феникс», сборник. 1922. Кн. 1.

Франк — Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Русская мысль. 1913. Кн. XI.

ЦИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы.

Чулков I–II — Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений: В 2 т. / Ред. и комментарии Г.И. Чулкова; вступит. статья Д.Д. Благого: Academia, М.; Л., 1933—1934 (Рус. писатели XIX в.).

Чулков 1935 — Тютчев Ф.И. Стихотворения / Прим. Г.И. Чулкова. М., 1935.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Генрих Гейне. 1868. *Литография с оригинала худ. А. Рорбах.*

Элеонора Федоровна Тютчева. Около 1827 г. *Худ. И. Шёлер. Бумага, акварель, белила.*

Федор Иванович Тютчев. 1838. *Худ. И. Рехберг. Бумага, смешанная техника.*

Эрнестина Федоровна Тютчева. Мюнхен. 1840. *Худ. Ф. Дюрк. Холст, масло.*

Автографы стихотворений *(сверху вниз)*: «Еще томлюсь тоской желаний...»; С чужой стороны (Из Гейне); 1-ое декабря 1837.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти
Т 98 томах. Т. 1./ Сост. В.Н. Касаткина. — М.: Издательский Центр «Классика», 2002 — 528 с.: 16 с. ил.

В первый том Полного собрания сочинений Ф.И. Тютчева включены стихотворения 1813–1849 гг., другие редакции и варианты, а также комментарии к ним. Ответственный редактор тома Л.Д. Громова-Опульская.

Международный Пушкинский Фонд «Классика»
благодарит ОАО Нефтяная Компания «ЛУКОЙЛ»,
ее президента Вагита Юсуфовича Алекперова
за активную поддержку классического искусства
и литературы.

Федор Иванович
ТЮТЧЕВ

Полное собрание сочинений
Том 1

Редакторы *В.Н. Кузин, С.В. Чумаков*
Художник *В.А. Белкин*
Корректоры *Е.А. Самолетова, Н.Н. Цыркова*
Компьютерная верстка *О.В. Агеева, О.Н. Блажкова*

Издательский Центр «Классика»,
103030, Москва, ул. Долгоруковская, д. 38, стр. 1.
Лицензия ЛР № 071632 от 24.04.1998 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.07.02.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Петербург».
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 27,72. Уч.-изд. л. 28,9.
Тираж 10 000. Заказ № 6873.

Отпечатано в Федеральном государственном унитарном издательско-полиграфическом предприятии «Янтарный сказ».
236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18.

